

Роберт Э. Свобода

АГХОРА Ш:

ЗАКОН КАРМЫ

Перевод: И Лёвушкин.

Редакция: А. Журавлёв, Е. Полянская.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	2
1 СТОНИ.....	40
2 ЭЛАН	74
3 ЗАВОДИЛЫ И ЖЕРЕБЦЫ.....	98
4 ТИМИР.....	132
5 АЛЫЙ РУБИН.....	159
6 ГОРОД ОБМАНОВ.....	192
7 РЕПЕЙ.....	220
8 РЕДСТОУН.....	252
9 СИДДХИ ПРАКРИТИ.....	302
ЭПИЛОГ	335

ВВЕДЕНИЕ

Всегда лучше жить с реальностью, ибо в противном случае она сама неизбежно явится вам и начнёт жить с вами.

Агхори Вималананда

Если быть религиозным означает жаждать воды из могучей реки истинной реальности, то следование духовному пути есть нацеленность на её неистощимый родник. Организованные формы религии, стоящие лагерями вниз по течению потока, предлагают искателю приблизительные карты местности, на каждой из которых изображён какой-то один путь к истоку. Карту, проливающую свет на всё многообразие троп, ведущих сквозь пустыни и джунгли существования к духовности, можно получить только в одном не признающем никаких догм духовном «туристическом» агентстве мира: в агхоре. Агхора учит фокусировать и многократно усиливать своё стремление к реальности, чтобы выйти за пределы того, что волнует и отравляет (*гхора*) жизнь. И тогда уже никакие внутренние и внешние толчки, обычно являющиеся причиной «волнений», не смогут отвлечь от упоения нектаром чистого бытия.

Сориентироваться относительно реальности мне помог мой учитель — агхори Вималананда, проявлявший к организованным формам религии лишь самый незначительный интерес.

«Я никогда не верил в религию. Все религии ограничены, потому что сосредоточиваются лишь на каком-то одном аспекте истины. Они постоянно враждуют между собой, потому что каждая из них считает только себя единственной обладательницей истины. Но я утверждаю, что знание беспредельно, и бесполезно ограничивать его каким-то одним писанием, одной книгой или чьим-то одним переживанием истины. Поэтому когда меня спрашивают, какой религии я придерживаюсь, я обычно отвечаю: «Я не верю в *сампрадаю* (сектантство), я верю в *сампрадаху* (сжигание без остатка). Сожгите дотла всё, что мешает воспринимать истину». («Агхора. Полевую руку Бога» стр. 175)

Агхори, готовые на всё, чтобы встать лицом к лицу с реальностью, не полагаясь ни на какие утешительные учения и догматы, стараются всегда поступать именно так, как нужно поступить в данном месте и в данный момент. Они получают необходимые знания, находясь на *смашане*

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

(кремационном кладбище), боготворя смерть, которая уничтожает их ограничения, позволяя переродиться к восприятию истины. Они с любовью принимают всё, что встречается им на пути, зная, что чем бы реальность ни угостила их — это в конечном счёте та самая пища, которую их собственные кармы уготовили для них.

Закон кармы, одна из самых глубинных и невообразимо запутанных аксиом реальности, есть закон причины и следствия, закон «что посеешь, то и пожнешь». Упанишады выражают эту мысль так: «Воистину, становишься хорошим хорошими действиями и плохим — плохими.» («Брихадараньяка», Ш. ч. 13.) Большинству из нас этот закон известен как третий закон Ньютона: каждой действие вызывает равное и противоположно направленное действие. Несмотря на предельную краткость формулировки, этот закон регулирует всё (потенциально бесконечные) последствия каждого шага каждого действующего лица в проявленной Вселенной, будь то метеор или микроорганизм. Всеохватывающему закону кармы подчиняются все, независимо от того, признают ли они его реальным. Незнание закона не освобождает от ответственности перед судом причины и следствия. Как говорит Кришна в «Шримад Бхагавате»: «Карма — это гуру, карма — это сам Господь».

Всякое физическое или умственное действие, с делателем которого субъект отождествляет себя, становится его кармой и влечёт последствия, с которыми рано или поздно он столкнётся. Будь вы агхори, или атеист, или кто-то ещё, в каждый момент жизни вы пожинаете ту долю своего кармического урожая, которая наконец созрела. Совершая при этом прямые или ответные действия, вы, считая их своими, сеете семена дальнейших реакций. Всякое индивидуальное существование есть кармическая чертёжная доска грядущих притяжений и отталкиваний. Несмотря на то что все мы находимся в одном физическом мире, наша индивидуальная причинная предрасположенность создаёт для каждого из нас совершенно неповторимый мир индивидуального бытия. Таким образом, число миров бытия равно числу существ, причём каждое из них оказывается в тех обстоятельствах — войны или мира, нищеты или благоденствия, прозябания или славы, — какие требуются для проявления его личной кармы. Поскольку пространственно-временные ограничения нашего мира не позволяют всем событиям случаться одновременно, закон кармы действует таким образом, что каждое событие происходит в строго отведённое для него время, как в космическом, так и в микрокосмическом масштабе. Всякое взаимодействие между двумя различными мирами субъективного опыта порождает карму, которая начинает распространять собственные следствия. И чем сильнее человек отождествляет себя со своей кармой,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

тем очевиднее события его жизни будут отражать то, что продиктовано кармой.

Несмотря на то что лишь очень немногие совершают переход от привычных форм религии к настоящей агхоре, никому не запрещено пользоваться теми истинами, которые агхори всего мира высосали из материнской груди реальности. Возможно, наиболее фундаментальной из них является то, что жить с реальностью, в сущности, означает последовательно предаваться тому, что есть. Сотворив свою собственную вселенную со своими кармаами, вы вынуждены жить в ней. Всякий, посеявший ветер, в конце концов пожнет ураган. Но люди пытаются спастись от своих кармических штормов, прячась за психологические стены. Однако на всякое строение найдётся свой ураган, землетрясение, наводнение или пожар и практически каждому рано или поздно приходится переживать состояние экзистенциальной бездомности. Религии играют роль хороших придорожных гостиниц: в них можно укрыться на любой выбранный вами срок — по крайней мере до тех пор, пока не грянет буря, которая разнесёт укрытие на куски.

Хороший агхори убеждён в изначальной непрочности всех теоретических построек. Он понимает, что в этой жизни ни на что нельзя положиться, кроме как на тот факт, что все мы когда-нибудь умрём. Многие агхори, не дожидаясь этого грядущего разрушения, отправляются на смашан, и живут, не имея над своей головой ничего, кроме неба.

Вималананда, философ необычайной глубины (когда на него находило настроение), никогда не смешивал философию и реальность. Снова и снова в течение всех восьми лет, пока мы были вместе, его вера в конечную доброжелательность Природы раскрывала передо мной подлинный смысл препоручения себя тому, что есть. Я удивлялся вновь и вновь, видя, как его подчинение реальности разрешало его проблемы. Именно это и вдохновило меня на написание этой книги.

Закон кармы, невообразимая сложность которого пугала даже поистине выдающиеся умы, выглядит менее устрашающим, если рассматривать его через призму подобного подчинения. Решившись на подчинение и с каждым новым шагом упрочиваясь в нём, вы сводите свою роль в мировом спектакле к последовательному разрешению более простого вопроса: что, где и когда подлежит сдаче. Это облегчает отработку кармы, однако ни в коей мере не устраняет способность Закона кармы мистифицировать и наводить ужас. И логика кармы не становится сколько-нибудь более очевидной, как показывает следующая история о могольском императоре Акбаре, относящаяся, по-видимому, к

апокрифам.

Что бы ни делал Бог — всё к лучшему

Император Акбар страдал от хронического неизлечимого нарыва на мизинце левой руки. Когда боль сделалась невыносимой, врачи, посоветовавшись, решили, что нет другого пути, как только ампутировать весь палец. Мысль о потере части своего тела так огорчила императора, что в надежде услышать иное мнение он призвал к себе своего лучшего друга и советника Раджа Бирбала. Но Бирбал сказал своему господину: «Раз врачи сказали отрезать, значит, нужно отрезать».

Акбар сказал Бирбалу: «Но послушай, я — религиозный человек, всегда в точный срок совершал все необходимые подношения, и всё-таки Бог отнимает у меня часть моего тела. Что я делал не так?»

Бирбал ответил: «Ваше величество, всё, что ни делает Бог, — к лучшему».

Это замечание разозлило Акбара до крайности. Стиснув зубы, он согласился на операцию, но в то же время решил преподнести Бирбалу урок. Удобный случай представился несколько недель спустя, когда, возвращаясь с небольшим отрядом с охоты, они проезжали мимо высохшего колодца. Неожиданно Акбар приказал своим людям поместить удивлённого Бирбала в колодец. Когда император подъехал взглянуть на своего заключённого и перегнулся через край колодца, Бирбал ему крикнул: «Зачем вы это делаете?» Тогда Акбар закричал в глубину колодца: «Бирбал, всё, что ни делает Бог, — к лучшему!»

Затем, оставив Бирбала немного помучиться, он в одиночестве ускакал в лес, думая: «Посмотрим, что ему там Бог сделает». Бирбал тем временем сидел в колодце, кляня судьбу и ожидая, что будет.

Откуда ни возьмись появилась разбойничья банда и окружила Акбара. Эти бандиты нападали только на богатых и сперва грабили их, а затем приносили в жертву. Разбойники содрали с Акбара все его одежды и драгоценные украшения. Главарь скомандовал: «А теперь приготовься к смерти!»

Видя приближение своего конца, Акбар горько пожалел, что с ним не было Бирбала. Потому что Бирбал всегда приходил на помощь Акбару в самых безвыходных ситуациях. Главарь тем временем деловито обследовал Акбара, что он проделывал со всеми своими жертвами, чтобы убедиться, что на них нет никаких неподходящих знаков. И когда он дошёл до недостающего пальца, он в испуге воскликнул: «Боже мой! Да ты же не целый! Ты не годишься в подарок моей Богине!» Разочарованный, бандит велел Акбару побыстрее забирать свои шмотки

и убираться вон.

Слова о том, что он не годится в жертву, страшно уязвили царское самолюбие Акбара. Однако он сохранил присутствие духа и, одеваясь, думал про себя: «Бирбал оказался прав: не потеряй я своего мизинца, сегодня я был бы мертв». Он вскочил в седло, поскакал прямо к сухому колодцу и немедленно велел слугам вытащить Бирбала, который снова был удивлён, на этот раз быстрой переменой, произошедшей в Акбаре. Принеся свои извинения Бирбалу, Акбар сказал: «Я так на тебя рассердился, что в самом деле решил уморить тебя в этом колодце, но какой я получил урок!» И император рассказал потрясённым слушателям всё, что с ним приключилось.

И тут Акбар наморщил лоб и обратился к своему другу: «Но ответь мне теперь, Бирбал: если «всё, что ни делает Бог, — к лучшему», то какая польза была тебе сидеть в этом колодце?»

Бирбал сказал: «Разве это не очевидно, мой повелитель? Ведь если б я не сидел в колодце, то нас бы схватили обоих, и, не воспользовавшись вами, бандит бы принёс в жертву меня. У меня ведь все части тела на месте!»

«Чудны пути Господа», — задумчиво повторял Акбар, поглаживая свою бороду по дороге в царский дворец.

Уроки простоты

Эта фраза «всё, что ни делает Бог, — к лучшему» стала для Вималананды своеобразным лейтмотивом во многих его приключениях. Ибо ещё в ранние годы реальность показала ему, как показала она Акбару и Бирбалу, насколько мудр тот, кто не противится течению событий. Вималананда очень редко применял силу по отношению к миру, а когда всё же делал это, то потом, как правило, долго жалел. Он не делал тайны из своих горьких опытов — наоборот, своим примером он предостерегал других. Замечая в других недостатки, сходные с теми, от которых он пострадал сам, он без колебаний указывал на них, если чувствовал, что это может пойти на пользу. Преподание уроков было одним из главных интересов его жизни. Он был так озабочен тем, чтобы его слушатели верно истолковали его слова, что нередко сводил свои выражения к наиболее доступному для слушателей общему знаменателю. Он часто замечал, что «несущественные детали опутывают людей *майей*. Ум любит учиться. На санскрите ум называется *манас*, то есть то, что измеряет и сравнивает. А сила, при помощи которой он измеряет, есть не что иное, как *майя*». По его мнению, если чересчур вникать в детали, как бы прищипливая их булавками, то в конце концов прищипленным окажется не сам предмет, но лишь его тень, то есть иллюзия, *майя*.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Из-за склонности Вималананды обнажать прежде всего фундаментальные вещи некоторые люди высказывали недовольство, что он сводит тончайший механизм кармы к сравнительно несложной теории грубого воздаяния. Если, конечно, не ограничивать закон кармы простейшими формулировками типа: «В прошлый раз ты убил Майкла, в следующий раз Майкл убьёт тебя», подобная критика мне кажется неоправданной. Хотя Вималананда и не тратил время на обсуждение теоретических тонкостей, он был с ними прекрасно знаком и готов был вдаваться в технические подробности, если слушающие способны были это оценить. Как бы то ни было, он не рассчитывал на то, что большинство людей правильно поймёт кармические закономерности. Не могу сказать, что он был не прав. Печальная правда состоит в том, что закон кармы, столетиями игравший главную роль на сцене индийской философской мысли, скатился до точки надира в современном постиндустриальном мире. Мы, люди конца XX века, превратили его просто в модное словечко, в универсальное оправдание. Современные люди бойко рассуждают о тех, с кем им приходится «иметь карму», и о том, что продвижение по службе или покупка очередной безделушки — это и есть «их карма». Наши философски подкованные молодцы даже умудрились поставить её на службу проводимой в Калифорнии кампании, агитирующей за покупку подержанных автомобилей!

К сожалению, многие индийские мыслители и школы тоже повинны в извращении основных представлений о карме, не говоря уже о невежестве наших гедонистических «лотосоедов» на Западе. Реальность в Индии постоянно попадаете вам на глаза, заглядывает в лицо, не забывает слегка постучать по голове, как только вы пробуете от неё отвернуться. Эта неумолимость индийской реальности не оставляла бесчисленным мыслителям и искателям ничего другого, как только посвятить свою жизнь созерцанию её великой опоры — закона кармы. Со времён глубокой античности индийские мыслители разработали сложнейшие теории кармы, вдохновясь открытиями, которые сделали индийские риши путём погружения в себя и выполнения мощных садхан. В то время как некоторые из этих древних теорий до сих пор сохраняют силу, другие утратили свою значимость, превратившись усилиями кабинетных учёных в безжизненные догмы. Некоторые индийские авторы даже обращаются к самой беспардонной, самовосхваляющей софистике, чтобы «доказать» истинность тех или иных теорий закона кармы, претендующих на объяснение всего.

Теория кармы

Искушение упростить закон кармы возникает из столкновения извечного человеческого стремления охватить своим умом взаимосвязь

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

причины и следствия с крайним нежеланием самой кармы разглашать людям свои секреты. *Гахана кармано гатих* («Карма уходит в неопишную глубину»). Простой закон причины и следствия имеет дело с таким огромным количеством разветвлений причин и следствий всякого волевого акта в прошлом, настоящем и будущем, что нет никакой возможности дать полное описание кармических связей даже одного живого существа. Если же мы хотим вникнуть в хитросплетения карм всех живых существ, нам никак не обойтись без помощи обобщений, даваемых теоретическими моделями.

Есть много взаимодополняющих объяснений причинности, ибо любое разумное объяснение связи причины и следствия, включая те, что дают физика, химия, биология, может служить теорией кармы. Некоторый свет на теорию кармы может пролить психология, которая изучает то, как определённые события в прошлом влияют на настоящее состояние человека и могут отразиться на его будущем. Однако научные понятия причинности однобоки в силу своего материализма, который ограничивает сферу наблюдений причинно-следственных связей физическими взаимодействиями — результатами только физической активности. Не менее ущербны и психологические теории, поскольку они не выходят за пределы ограниченной области психических явлений. Полноценная модель кармы должна представлять собой единую систему причинно-следственных отношений, приложимую ко всем мыслимым формам существования, ко всему, что только имеет название.

Из-за крайней запутанности кармы более или менее стоящую теорию кармы также трудно проверить объективными методами, как, скажем, основы квантовой механики. При проверке обеих этих теорий мы сталкиваемся с одной и той же трудностью — с тем, что характер связи причины и следствия лишь в очень редких случаях бывает линейным. Бывает, что одна причина производит одно следствие, но в общем и гораздо более распространённом случае необходим целый ряд взаимодополняющих причин для того, чтобы произвести одно определённое следствие. А каждая отдельная причина тут же превращается в целый каскад взаимосвязанных следствий.

Более того, теории подобного рода не только принципиально недоказуемы, но и не поддаются объективному наблюдению с точки зрения независимого наблюдателя, как того требует современная материалистическая наука. И теория кармы, и квантовая механика не признают тот постулат, согласно которому наблюдатель и наблюдаемая система могут существовать независимо друг от друга. Духовная наука давно перешагнула эту границу, и внутренний мир наблюдателя, состояния этого мира превратились в поле исследований и

экспериментов. Ибо именно здесь порождается и пребывает карма. К счастью, в этой книге я не ставил себе целью что-то опровергать или доказывать. Я только хотел рассказать о том, что мой учитель, агхори Вималананда, обладал собственным уникальным взглядом на закон кармы и как он всегда старался придерживаться этого взгляда, направляя в соответствие с ним свои поступки. Несмотря на то что многое из того, чем занимался Вималананда, проповедуется различными «официальными» направлениями агхоры, Вималананда никогда не причислял себя к ним. Вместо этого он примерял на себя различные гипотезы, пока не находил те, которые согласовывались с его личным опытом, и носил их до тех пор, пока они не начинали противоречить его опыту. Со временем он, образно говоря, сшил себе философский костюм, который он носил на протяжении нашего знакомства, костюм, скроенный, вообще говоря, по тантрическим образцам. Поэтому *даршана* (философское учение), лежащая в основе тантры, является неплохим введением в мировоззрение Вималананды.

Тантра

Вималананда разделял следующие общие положения тантры:

- Единая Реальность творит, лежит в основе и сплетает воедино всё многообразие существующих вещей (само слово «тантра» происходит от глагола «плести»);
- единство и цельность этой Реальности ясно воспринимается только тогда, когда устранены все многочисленные препятствия и помехи личного характера;
- эти препятствия можно устранить, прибегнув к помощи того самого материала, из которого они созданы;
- никем и ничем нельзя заменить Учителя, который указывает путь, одаривая частицей своего знания. (Без гуру нет тантры.)

«Материя», из которой состоим мы и наши препятствия, включает в себя плотное физическое вещество, образующее наши тела, и мысли, отношения и ощущения, из которых состоит ум. Тантрическая практика — это кармическая инженерия в области форм и имён, манипуляция действиями и материалами ради достижения нужного результата. Сначала вы направляете новые причины против старых следствий, чтобы скомпенсировать нежелательные влияния, которые они оказывают на ваше осознание, а следующими своими действиями предотвращаете эффект этих новых, сделавших своё дело причин.

Хотя все виды тантры — буддийская, джайнистская, ведически-ориентированная (как и большинство «индусов»), Вималананда терпеть не

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

мог слова «индусская») — сходятся в том, что текущую карму надо направлять против предшествующей, различные школы тантры спорят о том, как связаны между собой причина и следствие. Если буддисты, а также некоторые ведантисты, как, например, школа мимансы, полагают, что причина и следствие отделены друг от друга, другие школы считают, что причина и следствие составляют одно неделимое целое, хотя они и не могут существовать одновременно в нашем ограниченном мире. Согласно этому последнему, эволюционному взгляду, следствие есть просто иное состояние причины. Семя (причина) превращается в дерево (следствие), которое, в свою очередь, производит новые семена, из которых вырастает ещё больше деревьев. Полное «дерево» есть сумма всех его состояний, каждое из которых также реально, как и все остальные. Вималананда придерживался второй интерпретации кармической теории, которая на санскрите называется *саткарьявада*, выражая её суть в следующих словах: «Причина есть скрытое следствие, следствие есть раскрытая причина».

В саткарьяваде есть два направления: школа **санкхья** считает, что причина действительно превращается в следствие (*паринама*), а школа Шанкарачарьи и его адвайта-веданта (в которой существует пять основных течений) утверждает, что причина лишь проявляет себя как следствие (*виварта*). Санкхья служит философским основанием аюрведы (индийской медицины) и **джотиша** (индийской астрологии), а также большинства пуран (сборников духовных традиций) и тантры. Вималананда следовал учению санкхья, когда утверждал, что мир двойственности, в котором существует карма, так же реален, как и состояние абсолютной недвойственности, Высшая Абсолютная Реальность, причём одно имплицитно присутствует в другом: Всё в Одном и Одно во всём.

Санкхья

Санкхья рассматривает мир как непрерывную эволюцию, последовавшую в результате Большого Взрыва, когда внутри изначальной Целостности, представлявшей собой Единую Реальность в непроявленной форме, впервые возникло чувство обособления. Та часть Единого, которая считает себя обособленной, называется *Пракрити* (Природа), а другая часть, носящая память о единстве всего сущего и объединяющая всё сущее, носит название Пуруши. Закон кармы начинает действовать в тот самый момент, когда Пракрити отделяет себя от Пуруши — таково первое действие, за которым следуют все остальные. Считается, что мотивацией этого акта послужило спонтанно возникшее желание Пуруши произвести на свет индивидуумов, которые могли бы воспринимать и познавать Его. В каждом атоме Вселенной присутствует

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

частица этого единого Космического Сознания, которое стремится к познанию. Сознание эволюционирует, проектируя себя в физические тела. Будучи минимальным в «инертной» материи и достигая своего максимума в человеческих существах, сознание — и, как следствие, некий «намек» на самосознание — проявляется даже в самом грубом веществе. Человеческая деятельность имеет значимость в санхье лишь в контексте того, насколько она приближает к пониманию этого недифференцированного Сознания.

Пракрити образует формы, устанавливает границы, кладёт начало и конец. Выделившись из изначального Единства, Она на первом шаге эволюции превращается в нерасчлененный трансцендентный Разум (*Махат*), который затем распадается на множество индивидуальных сознаний, называемых *ахамкара*. Ахамкара — это сила, которая в каждом организме проявляется в виде его «я». Ахамкара (буквально означающая «создатель я»), дающая всем живым существам чувство индивидуального бытия, без которого невозможна была бы дальнейшая дифференциация, обладает тремя *гунами*, или качествами: *саттва* (равновесие), *раджас* (деятельность) и *тамас* (инерция).

Саттва есть интернализация «я», субъективное самосознание, которое, пребывая внутри каждого существа, открывает для себя окружающий мир. От саттвы, основы ума, происходят десять чувств¹: пять органов восприятия — слух, осязание, зрение, обоняние и вкус, посредством которых мы вбираем в себя явления окружающего мира, и пять органов движения, с помощью которых мы даём миру ответ: речь (включающая в себя все возможные формы общения), руки (конструктивная деятельность), ноги (передвижение), гениталии (воспроизводство) и анус (выделение отходов).

Из трёх свойств ахамкары саттва — наиболее сознательная. Раджас есть экстернализация «я», активное «я», находящееся в непрерывном движении, в вечном поиске объекта для самоотождествления. Тамас есть объективация «я», проявление бессознательной индивидуализации, которая скрывает сознание по мере того, как оно всё больше и больше вовлекается в пять объектов чувств: звук, вещество, образ, запах и вкус. Они, в свою очередь, порождают пять великих элементов (*панча махабхута*): Пространство, Воздух, Огонь, Воду и Землю, которые являются строительным материалом всего существующего в проявленной Вселенной, включая физические тела живых существ.

¹ Чувства здесь понимаются в расширенном смысле, как каналы, связывающие индивидуума с окружающим миром (*Прим. ред*)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Согласно философии санкхьи, воплощённая жизнь есть совместное функционирование в данном месте и в данное время пяти великих элементов, десяти чувств, мышления (*ахамкары*), интеллекта (*буддхи*) и индивидуальной души, которая является отражением космического Пуруши в материальном мире и оживляющим началом. Из всего этого набора только Пуруша находится вне пределов досягаемости закона кармы. Всё остальное, существующее внутри совокупности всех мыслимых миров, есть только та или иная форма материи, и поэтому подчиняется законам действия и противодействия. Пуруша — это чистое, пассивное, всегда присутствующее сознание, которое не более взаимодействует с воспринимаемыми явлениями, чем киноэкран с проецируемым на него фильмом. Всякие Действия, включая умственную активность, суть материальные возмущения в причинно-следственной системе, которой является Праkritи. Все вторичные различия (мужское-женское, тело-разум, рациональное-интуитивное) имеют значение только внутри этой области и не оказывают ни малейшего влияния на Пурушу.

Санкхья — это в некотором смысле материалистическая философия, ибо она учит, что тончайшее мысленное движение столь же материально, как и дверной гвоздь, и всякая мысль, какой бы бестолковой и непродуманной она ни была, является действием, на которое должен последовать ответ. Даже процесс познания является действием, создающим карму, если ахамкара, сила самоотождествления, отождествляет себя с ним. Искажённое восприятие запутывает узы, тогда как правильное восприятие способствует освобождению.

Создавая индивидуальность, ахамкара одновременно присваивает прошлые кармы и текущие действия этой индивидуальности. Все ранее предпринятые действия, с которыми эго отождествило себя, становятся семенами кармических реакций, каждая из которых ждёт только своего времени, чтобы созреть и принести плоды. Ахамкара выращивает свои семена в эфирной теплице, известной под названием *карана шарира* (причинное тело). Накопленные причинным телом кармические семена спокойно лежат до той поры, пока не придёт время давать всходы. Когда они начинают прорасти, предопределение вступает в силу. Созревая, они дают плоды, которые проникают в астральное тело (*сукима шарира*). Каждая карма побуждает астральное тело (которое состоит из сознательного, подсознательного и бессознательного ума) побуждать физическое тело (*стула шарира*) насладиться в соответствующем месте и времени приятными и неприятными результатами своей прошлой деятельности. Обобщая, можно сказать, что физическое тело — это отражение вашего прошлого или просто ваше прошлое, астральное тело — ваше настоящее, а причинное тело — будущее.

Четыре кармические категории

Хотя причинно-следственные отношения составляют нераздельное целое, для облегчения понимания их можно условно разделить на четыре категории: *санчита*, *праарабдха*, *криямана* и *агама*.

Санчита карма («сваленная в кучу») — это сумма всех действий в прошлом, не важно, помнит о них человек или нет, которые присутствуют в теплице причинного тела. Именно санчита карму имели в виду некоторые индийские мудрецы, когда утверждали, что пути кармы неисповедимы. Действия, о которых нет воспоминаний, включают и действия в прошлых жизнях. Праарабдха карма («движущаяся») — это та часть санчита кармы, которая готова проявиться в данной жизни индивидуума, созревшие плоды, ждущие, чтобы их вкусили.

В известном смысле санчита и праарабдха кармы имеют неизбежный характер, поскольку обусловлены предыдущей деятельностью. Они неизбежны в том смысле, что на них не влияет криямана карма (создаваемая в данный момент) или агама карма («грядущая», «наступающая»). Агама карма — это планирование будущих действий, а криямана карма — это то, что мы творим в каждый данный момент посредством воли и творческой способности. Вы не можете уничтожить своё прошлое, но можете не позволять ему обращаться с собой как с куклой, поскольку можете менять своё будущее действиями в настоящем. Агама карму можно включить в криямана карму, и вместе их обозначить термином *вартамана* карма («текущая», «живая»). Если провести аналогию между этой классификацией карм и обычным рисом, то санчита карма будет соответствовать собранному урожаю, поступившему в зернохранилище. Праарабдха карма — это часть запаса, изъятая из хранилища для еды. Криямана карма — это засеваемый сейчас рис, который даст новый урожай.

Три степени интенсивности кармы

Хотя в некоторых санскритских текстах между словами *карма* и *дайва* (судьба) существует известная взаимозаменяемость, карма и судьба — не синонимы. Обстоятельства человеческой жизни всегда слагаются из динамического взаимодействия судьбы и свободной воли и никогда не определяются полностью лишь одной из них. Никто не следует только судьбе, как полагают некоторые индийцы, и никто не может направлять свою жизнь исключительно по своей воле, как утверждают некоторые сторонники нью-эйдж. Каких усилий агама и криямана потребуются приложить, чтобы изменить судьбу, зависит оттого, насколько сильна праарабдха в данном месте вашей жизни и (в меньшей степени) жизни окружающих вас людей, с которыми вам приходится делить

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

коллективную карму: родных и близких, друзей, соседей, населения вашего города, страны и всего человечества.

Традиционно насчитывается три степени интенсивности прарабдха кармы: *дридха*, *дридха-адридха* и *адридха*. Дридха карма (зафиксированная) настолько интенсивна, что изменить её невозможно. Она и порождает те «фатальные» события, желательные или нежелательные, избежать которых не удаётся никакими средствами либо на осуществление которых не хватает человеческих сил. Добро или зло, навлекаемое дридха-адридха кармой (зафиксированная-незафиксированная), может изменить всякий, кто сумеет в достаточной мере сконцентрировать свою волю для достижения этого. При отсутствии волевого целенаправленного усилия появится запрограммированный результат. Адридха карма (незафиксированная) настолько податлива, что с ней вы можете проделывать (в разумных, конечно, пределах) практически всё что угодно.

В сущности, вся наша жизнь — это попытка переплыть реку прарабдха кармы. Если течение в ней — дридха, то скорее всего оно унесёт вас прочь, каким бы хорошим пловцом вы ни были. Если течение примерно вам по силам, то вы сталкиваетесь с ситуацией дридха-адридха и в конце концов, наверное, достигнете другого берега, если будете грести изо всех сил. Слабое течение означает адридха карму, и переплыть реку не составит вам никакого труда, даже если вы едва умеете плавать. И здесь, как и везде, решения на каждом шаге принимает ваша свободная воля: где и когда вступить в воду, с какой скоростью плыть, каким стилем и так далее. Каждый акт свободной воли вносит что-то от себя в определение вашей окончательной судьбы. Если вы слишком рано истратите запас своих волевых сил — а может случиться так, что силы начнут покидать вас, как раз когда вы подплывёте к порогам, — вы обнаружите, что в решающий момент, когда нужно во что бы то ни стало напрячь все оставшиеся силы, чтобы «обмануть» судьбу, вы как назло остались без сил.

В финансовом мире капитальные вложения окупаются и приносят постоянный доход только по истечении определённого срока и никак не ранее. До тех пор пока деньги не вложены, они свободны и подвижны, как воля, но когда вы совершили вложение, вы привязали себя к результату, который отныне становится «судьбой». Лопнут ли банки, обновятся ли технологии, подскочит ли процент, исчезнут ли рынки сбыта — ваш капитал связан, и получать с него проценты или же расплачиваться по долгам вам рано или поздно придётся. Результат, таким образом, однозначно предопределён, если только вы снова не воспользуетесь свободной волей, чтобы что-то изменить в условиях

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

вложений и займов до наступления срока. Повлиять на свою финансовую судьбу можно, продав инвестиции или создав. Можно рассчитаться с банком за всю ссуду сразу, а не платить в рассрочку, что обойдётся дороже. Сумеете ли вы воспользоваться подобными возможностями, будет зависеть от реальной ценности ваших капиталовложений, тяжести ваших долгов, рыночной и общеэкономической ситуации и сопутствующих факторов. Насколько возможен тот или иной поворот событий, то есть насколько зафиксирована ваша финансовая судьба, зависит от интенсивности вашей денежной кармы.

Классификация кармы по трём степеням интенсивности приложима к любой сфере вашего существования. В сфере здоровья, к примеру, адриджа карма вызывает болезни, которые приходят и уходят сами собой (если, конечно, вы не совершаете свободно-волевых поступков, которые вынуждают их превращаться в проблему). Дриджа-адриджа карма может повлечь хронические заболевания, которые в принципе поддаются лечению, но которые лучше не запускать. И наконец, дриджа карма в области медицины может вызвать такие состояния, что любое, даже самое радикальное, лечение будет бесполезным.

Самосознание, по-видимому, является решающим фактором в определении интенсивности кармы, поскольку это та сила, которая даёт вам возможность отождествлять себя со своими действиями. Чем мощнее ваше самосознание, тем сильнее вы как личность. Люди, у которых самосознание развито лучше, чем у других жизненных форм, успешнее отождествляют себя со своими поступками, причём делают это сознательно, преднамеренно и даже страстно. И поэтому мы можем посеять и пожать больше, чем остальные, менее разумные существа.

Перевоплощение

Кармы, которые мы создаём в умопомрачительном количестве — только подумайте о всех тех вещах, которые вы успеваете проделать на протяжении даже одного часа, — созревают с конечной скоростью, и в результате целой жизни не хватает на то, чтобы пережить все порождённые ими следствия (если только вы не бессмертны). Поэтому теория кармы постулирует, что существа умирают и рождаются вновь, чтобы продолжить отработку ждущих своей очереди карм. То, что переходит из жизни в жизнь, есть, конечно, Пракрити и сущности, производные от неё. Вечно свободный Пуруша не привязан к телу и, следовательно, не высвобождается из него. Он проводит всё своё время в молчаливом созерцании того, как накопленные в причинном теле кармы бросают нас из одной жизни в другую, давая нам возможность ещё раз встретиться и провзаимодействовать с теми, с чьей помощью мы

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

создавали себе нынешнее кармическое ложе. И каждый раз, когда нас ожидает перерождение, наша прарабдха карма находит для нас новое тело и новый ум, а также окружение, в котором им предстоит работать. В каждой жизни часть нашей кармы способствует нашему духовному росту, а часть — препятствует. В конце каждой жизни является финальная карма, которая ставит смертельную точку. То, о чём мы думаем в момент смерти — мысль, которая может отражать либо некоторые кармы, созданные за жизнь, либо состояние на смертном одре, либо наши привычки, одним словом, любое действие, которое созрело для того, чтобы встать в хвост нашей кармической очереди, — становится определяющим фактором в нашем следующем появлении на свет.

Идея реинкарнации настолько продуктивна, что веками она служила неотъемлемой частью практически всех систем индийской философской мысли. Подразумеваемая ещё в Ведах, впервые она была явно сформулирована в «Брихадараньяке», «Чандогье» и «Светашватаре» упанишадах. Ко времени «Бхагавадгиты» реинкарнация стала одним из фундаментальных принципов индийского мировоззрения. Сказки Джатаки, например, есть нечто иное, как рассказы о предыдущих жизнях Гаутамы Будды, которые он использовал в качестве учебного материала для своих учеников.

В аюрведе с помощью реинкарнации объясняются такие вещи, как неизлечимые болезни, врождённые недостатки и другие пороки (физического, экономического или социального свойства). Аюрведа обычно стремится утвердить таких пациентов в оптимистическом отношении к жизни. Им советуют (а всякий совет — карма) не падать духом и приступать, используя свободную волю, к исправлению здоровья сейчас, закладывая основы для лучшего телесного материала в будущем. Властолюбивые жрецы древней Индии использовали ту же доктрину кармы в своих интересах, построив модель социального устройства, в котором массы простых людей обязаны беспрекословно следовать своему подчинённому социальному статусу. Жрецы учили крестьян, что условия жизни можно улучшить в будущем, если не раскачивать кармическую лодку в настоящем, и обещали низшим кастам более счастливое будущее, если те будут исправно платить за выполнение очистительных обрядов от их имени.

Продажные священнослужители и их гнусные спекуляции на понятии кармы были одной из причин того, почему Вималананда ненавидел организованные формы религии. Они дошли до того, что стали смешивать понятие кармы и понятие греха. Если грех — это нарушение правил вашего общества, религиозной или какой-либо другой общины, то

есть относится к социуму, то карма — это неотъемлемое свойство Вселенной. Если ваша религия предписывает вам, скажем, убивать неверных, то отказ поступать так будет кармой (отказ от действия есть также действие), которая будет для вас грехом. С другой стороны, действуя по предписанию, вы избежите греха и даже накопите некоторую хорошую карму за следование правилам своего социума, но вместе с тем вы навлечёте на себя карму за лишение человека жизни. Веды и тантра, считающие занятие чёрной магией опасным, неразумным и порождающим дурную карму, всё же не запрещают прибегать к ней, если нет другого выхода, чтобы спасти себя или тех, за кого вы отвечаете. Использование свободной воли и слепое следование правилам социума — это разные вещи; неразличение между грехом и кармой приводит к ещё большему запутыванию в сетях кармы.

Дхарма

Плохая карма плоха тем, что делает вас сегодня таким, что завтра вы сделаете то, о чём потом придётся пожалеть. По выражению одной тамильской женщины, карма означает, что «нас наказывают не за наши действия, а нашими действиями» (O'Flaherty, p. 37). Хищники в одном рождении становятся жертвой в другом, чтобы овладеть, таким образом, обеими необходимыми сторонами жизненного опыта. Но плохая карма — это ещё не грех, до тех пор, пока законодатели не назовут её грехом. До сих пор это была только *адхарма* («против дхармы») — состояние, которое охватывает все действия, препятствующие и замутняющие поток вашего существования. Дхарма, переводимая то как «долг», то как «религия», то как «призвание», на самом деле означает «делание того, что вы рождены сделать». «Следование своей дхарме» означает тот путь в жизни и тот образ действий, который лучше всего согласуется с вашей индивидуальностью в контексте того окружения, в котором вы существуете. Дхарма — это универсальный закон, благодаря которому вещи таковы, каковы они есть. Дхарма луны — светить по ночам, дхарма вулканов — извергаться, дхарма корабля — плыть, дхарма гиены — выть. Лошади скачут, ржут и трясут гривами, потому что такова их дхарма, а вовсе не потому, что чувствуют в этом некий моральный долг. Адхарма — не «зло» и не «грех», это просто «несоответствие» природе вещей, нарушение гармонии.

Растения, животные и минералы обладают довольно однозначными дхармами, если они не соприкасаются с человеческим обществом. Человеческая дхарма менее прямолинейна. Личная прарабдха карма должна быть вписана в коллективную карму общества, в котором личность появляется на свет. Чтобы успешно следовать своей дхарме, человек должен понять, насколько он обязан соответствовать

требованиям, предъявляемым к нему обществом. Между двумя полюсами человеческой адхармы — полным отрицанием каких бы то ни было форм социального общежития (социопатия) и фанатической приверженностью интересам группы — лежит извилистая тропа дхармы, окружённая трясинной адхармических диссонансов. Один шаг в сторону с этой тонкой, как лезвие бритвы, тропы — и вы погружаетесь в зловонную пучину адхармы, либо поступаясь своими внутренними принципами, либо преступая «закон», установленный кем-то другим.

У каждого свой путь к реальности, и то, что является дхармой для одного, является адхармой для другого. Дхарма предопределяет карму, ибо действия, соответствующие дхарме, обычно создают благоприятную карму, а действия, обратные дхарме, — неблагоприятную. Люди суть общественные животные: дхарма большинства из них лежит в обществе. Однако есть и такие, чья дхарма — жить отдельно от общества. Дхарма этих немногочисленных «отшельников» — быть мёртвыми по отношению к миру. Всякий «отшельник», играющий в политику (были в Индии и такие), совершает преступление против дхармы. Хотя жизнь на смашане явно противоречит дхарме большинства людей, для агхори это не только нормально, но даже приятно, потому что такова его дхарма. Настоящий агхори всегда фанатически предан только своей собственной дхарме и в своих действиях сообразуется только с ней.

Идея «естественной» дхармы господствовала в Индии вплоть до того времени, когда общественные законодатели постановили приравнять понятие дхармы к понятию религии. Отныне природа дхармы трактовалась не как внутренняя, врождённая, постигаемая интроспективно, но как внешняя, моралистическая, социально ориентированная конструкция, регулируемая законодательно. Возможно, что сначала это была просто попытка установить некоторые общие правила, помогающие следовать своей дхарме. Но правила превратились в догму, и нарушение этих правил стало называться грехом.

Законы Ману в знаменитой «Дхармашастре» (трактат по индийскому религиозному законодательству как воплощению дхармы) хотя и рассматривают перерождение как важнейшее следствие законов кармы, возникающее из необходимости пожинания плодов своих действий, всё же говорят преимущественно о грехе и наказаниях. Так в тексте перечисляется несколько видов перерождений, в зависимости от характера преступления или образа жизни, в соответствии с пятью системами кармической расплаты и целым рядом разномастных правил. Воры, к примеру, перерождаются в различных животных, а те, кто нарушил кастовые порядки, спускаются ещё ниже — в утробы голодных духов(претов). Кража у брахмана (члена жреческой касты) наказывается

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

многолетним пребыванием в страшных адах, после чего появляется шанс получить наконец весьма неблагоприятное воплощение. Неверная жена превращается в шакала (о наказании для неверных мужей не упоминается вовсе).

Хотя современные люди в большинстве своём пребывают в блаженной уверенности, что, раз достигнув человеческого состояния, мы всегда будем возвращаться на землю людьми, многие древние авторитеты считали, что всё же вполне возможно спуститься вниз по эволюционной тропе, прежде чем начать вновь восхождение вверх. Сам Будда приводил такую грустную аналогию: слепая черепаха, живущая на дне океана, раз в сто лет всплывает на поверхность. На поверхности плавает деревянное колечко, с которым играют океанские волны. Вероятность переродиться человеком равна вероятности попасть головой в кольцо при следующем подъёме со дна.

Механизм кармы

Углубившись в систему наказаний, «Дхармашастра» почти не уделяет внимания действительно важному вопросу: каков механизм, благодаря которому сохраняется карма и происходят перерождения? Согласно йоге Патанджали, всякий сознательный акт порождает кармический остаток (*кармашая*). Каждый остаток содержит *самскар*ы (следы), которые влекут за собой различного рода последствия, включая два типа *васан* (остаточных впечатлений). Васаны первого типа сохраняют воспоминание о совершенном действии, второго — создают *клеши* (склонности). Васаны обычно склоняют людей ещё больше запутываться в сетях кармы, понуждая их создавать всё новые и новые кармические остатки. Воспоминания о прошлой жизни ещё больше запутывают вас в сетях кармы, если вы не можете их переварить. Вот почему Природа не позволяет людям помнить о своих прежних жизнях, пока существует опасность захлебнуться в этих воспоминаниях.

После смерти человека его *джива* (совокупность незадействованных кармических остатков с их самскарами и васанами, собранные воедино в поле сознания индивида) готовится к перерождению. Остатки определяют *джати* (будущее тело), *аюс* (продолжительность жизни) и *бхогу* (удовольствия или страдания), которые будут иметь место на протяжении последующей жизни по мере того, как каждый остаток будет созревать (*випака*) и приносить плоды. Характер этих плодов зависит главным образом от того, как мы используем ахамкару для отождествления с действиями, что, в свою очередь, зависит от соотношения трёх гун, составляющих индивидуальность.

До тех пор пока человек не научится полностью отождествлять себя с

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Абсолютным Пурушей, его обыденное сознание само является некой субстанцией, формой материи, которая обладает природой гун. Эта материя, взаимодействуя с другими формами материи, либо ещё глубже погружает чистое сознание в пучину искажённого восприятия, либо содействует его высвобождению, так что оно начинает просвечивать всё более ярко по мере сбрасывания кармических пут. Если в человеке преобладает саттва, он не привязывается к результатам своих действий. В людях, действующих из-за страсти, в ослеплении желанием, преобладает раджас. В тех, кто действует бездумно, преобладает тамас. И только те, чей ум полностью сосредоточен на Абсолюте, остаются незатронутыми круговращением трёх гун. По словам самой выдающейся из пуран, «Шримад Бхагаваты», «шастра (писание), которую ты изучаешь, вода, которую ты пьёшь, люди, с которыми ты общаешься, место, где ты живёшь, время дня, которое ты любишь, карма, которую ты творишь, причащение, которое ты получаешь, предмет, который ты созерцаешь, мантра, в которую ты посвящён, очищение, которое ты проводишь, — всё это подвержено влиянию гун».

Образы, среди которых протекает наше существование, образуются путём умножения заданного некоторой гуной образца на порождённые васаной воспоминания и связанные с ними представления, не важно, ошибочные или нет. Образы могут быть сильными или слабыми, духовными или приземлёнными, альтруистичными или эгоистичными, созидательными или разрушительными, интеллектуальными и эмоциональными, целомудренными или развратными. Каждый из нас непрерывно источает из себя мыслеформы и, одновременно, привлекает мыслеформы других. Сходные образы, резонируя друг с другом, взаимно усиливаются в соответствии с всеобщим законом стремления подобного к подобному. Взаимное усиление нарастает до того момента, пока мощность образа не оказывается столь велика, что ум больше не в состоянии сдерживать его давление. Он начинает проецировать данный образ во внешний мир, и таким образом человек создаёт окружающую его реальность. Люди могут пребывать в плену своих собственных образов, семейных образов (усиленных к тому же общими генами с родственниками), образов, создающих психологическую реальность на уровне семьи, города, государства, а также под воздействием различных сочетаний всего вышеперечисленного. Образы могут достигать такой силы, что начинают передаваться из поколения в поколение. Это можно видеть, например, в нынешних жителях Балкан или Ближнего Востока.

Раз созданный образ не уничтожается. Разрушается его физический представитель, энергия может покинуть его, но его имя и форма будут существовать до самого конца Вселенной. Хотя большинство

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

современных людей считают материальные вещи реальными, даже несмотря на то, что разрушить их не составляет труда, именно воображение, память и прочие порождения ума действительно реальны. Всё, что когда-либо было помыслено, воображено, сделано, оставляет в космосе свой отпечаток и может быть вновь возвращено к осознанию каждым, кто знает, как осуществить это. Можно вызвать и свои предыдущие воплощения, однако нет никаких гарантий, что то, что вы таким образом вспомните, будет действительно тем, что «на самом деле» случилось с вами. «Вспомненные» воплощения равным образом могут быть плодами воображения, вашего или чьего-то ещё, например «картинками из жизни» архетипических существ или опытом перевоплощений ваших предков.

Превосходный пример таинственной взаимосвязи между самоотождествлением и воплощением приведён в труде, известном под названием «Йога Васиштха». Некий духовный подвижник с помощью медитации настолько очистил свой ум, что обрёл способность материализовать свои мысли. Однажды, утомлённый медитацией, он вообразил себя простым безграмотным типом, каковым тут же и стал. Этот «человек-призрак», решивший, что его зовут Дживата, проводил жизнь в мечтаниях, пока однажды не уснул, сильно напившись. Во сне Дживате приснилось, что он — Брахман, которому снится, что он — царь, которому снится, что он — император, который мечтает превратиться в прекрасную небесную танцовщицу (*ансарас*), которая мечтает превратиться в оленя, который мечтает стать вьюнком, который представляет себя пчелой, севшей испить нектар из чашечки его цветка. Пчела увидела слона и погрузилась в его созерцание, становясь тем самым слоном, а слона поймал царь. Увидев пчелиный рой, слон вспомнил свою прошлую жизнь и стал пчелой, которая стала вьюнком, который превратился в лебедя. Медитируя на лебедя, наш подвижник скончался, и его сознание перешло в тело лебедя. Заметив *Рудру* (Бога смерти и преобразования), лебедь подумал: «Я — Рудра», и стал Рудрой, и в этот момент осознал, что произошло.

После этого Рудра разыскал тело подвижника и оживил его, и в момент оживления тот увидел, что фактически он и есть Рудра, и вспомнил всё, что с ним приключилось. Тогда они вдвоём оживили Дживату, и вдруг поняли, что все трое являются одним. Они разбудили Брахмана, царя, лебедя и всех остальных, и осознали все вместе ту истину, что все они — одно, и все они — Рудра. И тогда Рудра, который обладал полным знанием того, что он Рудра, отправил всю остальную компанию назад в мир доигрывать свои роли в великом спектакле Майи — до тех пор, пока все они не вернуться к нему в конце своих кажущихся

обособленными существованиями.

Рнанубандхана

Один из самых трудных вопросов в плане реинкарнации такой: «Каким именно образом *джива* попадает в тело растения, животного или человека, в котором он перерождается?» По-видимому, древнейшим чётко сформулированным объяснением этого перехода является «учение о пяти огнях» (*панчагневидья*), сформулированное ещё в ведический период. Согласно этой схеме, после надлежащим образом выполненного обряда души покойников переходят в сферу луны, где по истечении некоторого времени они становятся *сомой* (лунным нектаром). Потом они выпадают на землю в виде дождя, который даёт жизнь растениям, которые, становясь пищей, в конечном итоге дают жизнь новому человеческому существу. Но на основании этой схемы трудно понять, как плохие и хорошие поступки влияют на процесс перерождения и каким образом *джива* распознаёт именно ту дождевую каплю, которая достанется тому самому растению, которое затем поступит в подходящего для неё родителя. Скорее всего здесь должна быть какая-то связь со всеобщим законом притяжения.

Вималананда, весьма прохладно относившийся к тому, какая капля на него упадёт во время земных скитаний, считал, что *дживы* находят родителей по закону притяжения. Кармы создаются не в вакууме, действие всегда имеет объект, как бы трудно ни было его порой отыскать. Любой вид энергии (*шакти*) приходит в движение только тогда, когда есть куда течь, — так, электрический ток появляется только при замыкании цепи. Действие вступает в связь со своим объектом, будь он тонкой или материальной природы. Даже, казалось бы, такая неуловимая вещь, как мысль, может служить объектом действия. Связь такого типа Вималананда называл *рнанубандханой* («связующий кармический долг»). Энергетический импульс, которому дают толчок ваши действия, порождает долг («*рна*»), который вы должны взыскать, если вы посылаете энергию объекту, и который взыскивается с вас, если вы что-либо извлекаете из объекта. Каждое действие налагает свои «узы», создаёт свои счёты, которые вновь и вновь притягивают вас к объекту, чтобы вы могли пожать созревшее сальдо.

Благословения и проклятия привязывают вас к тому, что вы благословляете или проклинаете, причём если они достаточно сильны, они начнут жить своей собственной жизнью, преследуя вас. Мысленные *рнанубандханы* не менее прилипчивы, они вызывают навязчивые состояния. На протяжении всей вашей жизни вас будет тянуть к людям, местам и предметам, с которыми вы находитесь в *рнанубандхане*, и в

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

момент перерождения вас «автоматически», как это было уже не раз, притянет к тем родителям, с которыми вы находитесь в некотором кармическом родстве, с которыми у вас накоплено достаточное количество рна-нитей.

Если бы карма имела измерение, выразимое одним числом, жизнь была бы лёгкой и предсказуемой. Мы бы просто подытоживали кармический плюс и минус и в соответствии с остатком либо оплачивали счёт, либо получали по счёту — все за один раз. Но это невозможно, так как каждый остаток среди астрономического числа приводимых в движение и быстро забываемых карм должен считаться отдельно. Созданная сочетанием рнанубандхан судьба будет снова и снова вовлекать вас в те ситуации, в которых возможна отработка кармических остатков, и дело вашей свободной воли видоизменить или скомпенсировать создаваемые ими васаны. Это взаимодействие будет проходить постоянно, от рождения к рождению, пока наконец не будет полностью исчерпан кармический запас причинного тела.

Перевод кармы

Хотя теоретически ёмкость для запаса карм безгранична и человек может отождествлять себя со всё новыми и новыми веществами, действиями и ситуациями, вопрос о возможности перевода уже сформированных кармических остатков от одного существа к другому гораздо менее ясен. Некоторые источники отрицают, что один человек может наследовать результаты действий другого, некоторые утверждают, что такое возможно. По мнению Вималананды, бывает и то и другое. Поскольку невозможно настолько влиться в окружение, чтобы полностью забыть себя, и невозможно быть полностью независимым от окружения, пока есть необходимость получать продукты из него, то невозможно полностью отделить индивидуальную карму от коллективной. Таким образом, человек существует в континууме, ограниченном двумя противоположными полюсами:

общественное благо — индивидуальная выгода

деловая жизнь — философское созерцание

этот мир — тот свет

домовладелец — отшельник

творение — растворение

правритти — нивритти

дхарма — мокша

Веды уделяли огромную роль происхождению и социуму, полагая однозначно, что члены семьи или рода делят друг с другом как кармы, созданные в индивидуальном порядке, так и наработанные коллективно. Однако согласно более поздним текстам, индивидуальная карма обособлена и неделима, и отсюда — невозможность перевода кармы: «Человек пожинает это в том возрасте — будь то детство, молодость или старость, — в котором он это посеял в предыдущем рождении... Человек получает от жизни то, что ему суждено получить, и даже боги бессильны гут что либо изменить» (Garuda Purana, p. 68).

Ранний буддизм исповедовал индивидуалистический подход: «Каждый — сам себе остров, заботящийся о своём спасении... Истинно благое дело — это сокровище, которым «не поделиться с другими» (McDermott, p. 190). Буддизм Махаяны, однако, вновь возвращается к социально ориентированному понятию кармы, выдвигая идеал бодхисаттвы. Бодхисаттва принимает на себя бремя всех страждущих и жертвует во имя других запасом своих заслуг. Тот, кто может, вырабатывает добрую карму сам и делится ею, а кто не может — получает её от них и ею пользуется. Поздние индуистские традиции, особенно проповедующие *бхакти* (любовь к Богу), также вновь обратились от жёсткого кармического индивидуализма к коллективно переживаемой карме.

В мире есть место и для отшельников, и для обычных людей. Первые не могут обойтись без вторых, ибо им нужен кто-то, кто бы давал им еду, одежду и кров. Однако, если бы цивилизация строилась исключительно на мирянах, она бы, безусловно, скатилась бы в пропасть самого примитивного и малопривлекательного материализма. Так, переходя от одного к другому и назад, словно раскачиваясь на качелях, индийские философы открывали для себя преимущества и недостатки разделения чужой кармы. Жизнь в сообществе требует от вас согласования с его дхармой, равно как и со своей собственной; она требует взаимодействия с другими членами сообщества, в которых вы подвергаетесь действию их кармических остатков, и наоборот. Пища и секс — вот два важнейших пути, посредством которых происходит деление кармой. Законы Ману замечают, что даже *дживанмухта* (тот, кто ещё при жизни получил освобождение от дальнейших рождений) может быть «окутан паутиной *самсары* (проявленного мира)», если примет пищу из нечистых рук. Считается, что сексуальная чистота жены может компенсировать огрехи мужа, но в то же время похоть жены может нанести ему огромный вред.

Значение кровных уз трудно переоценить. Один из принципов в

джотише гласит, что ребёнок до семи лет переживает главным образом последствия материнской кармы, а в промежутке между семью и четырнадцатью годами — отцовской. Только после четырнадцати лет (и полового созревания) человек начинает жить своей собственной кармической жизнью. Перевод кармических заслуг внутри семейства своим предкам известен по многим ведическим обрядам, включая жертвоприношение *пинда*, которое нацелено на то, чтобы умиротворить потенциально опасных и злых предков. Но передавать карму можно и в обратном направлении: в «Каушитаки»упанишаде есть рассказ о том, как **сын** перекладывает на себя карму умирающего отца.

Правритти и нивритти

Подобные обмены упрочивают *правритти* (дальнейшее вовлечение в мирские дела и связанные с ними перевоплощения), если участники обменов отождествляют себя с обменами. Сокращение кармических обменов или отказ от отождествления с ними упрочивают *нивритти* (выход из мира действий). Вималананда предпочитал нивритти, однако не за счёт пренебрежения выплатами остаточной рнанубандханы. Несмотря на существующее мнение, будто индийцы — люди не от мира сего (этот взгляд ныне навязчиво культивируется в некоторых индийских кругах), это не совсем так. Пренебрежение миром материальных явлений, столь характерное для последователей безличной Веданты Шанкарачарьи, явно уступает убеждению, что поклонение живому, личному Богу, который помогает нам здесь и не оставит после смерти, более способствует достижению цели.

И правритти, и нивритти берут своё начало в Ведах, которые предписывали всевозможные жертвоприношения для получения всевозможных результатов как в этом, так и в ином мире. Столетиями, однако, сторонники нивритти, вершиной которой **служит мокша** (освобождение от необходимости родиться вновь), старались покинуть общество и не участвовать в кармических взаимодействиях, которые неотделимы от жизни в обществе. Эти люди отказывались от мира и становились саньяси. Саньяс буквально означает «кома», так что саньяси пребывает (или должен пребывать) в «коматозном» по отношению к миру состоянии. Саньяси сводят до минимума свои физические и ментальные функции по мере того, как они слагают с себя свои мирские обязанности. Однако до тех пор, пока не достигнуто просветление, «коматозные духом» по-прежнему сохраняют свои индивидуальные причинные тела и свои кармический дневник. Более того, они по-прежнему делят общую карму с членами своей общины, в том смысле, что они усваивают духовную энергию и аскетическую мощь гуру и пользуются помощью и поддержкой со стороны других учеников.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Горечь и отвращение ожидают того человека, который сумеет непредвзято взглянуть на то, во что он оказывается замешан теми кармаами, которые мы создаём с целью самосохранения, включая наше хищническое отношение к Природе. Мы разрушаем естественные ландшафты и дикая природа становится редкостью, мы поступаем нечестно по отношению к культурным растениям и домашним животным, заставляя их работать на нас в тяжелейших условиях и за рабское вознаграждение. Мы выводим новые и новые сорта и виды, только чтобы поскорее проглотить их, почти без пользы для них самих и для их Матери-Природы. В свою очередь, эти кармы приучают нас бесстыдно мошенничать друг с другом: «Обман лежит в самой основе нашей современной земледельческой и животноводческой индустрии. Обмен приобрёл у людей форму взаимного надувательства, начало которому положила купля-продажа. Отсюда, основа торговли — мошенничество, надувательство и обман... Без обмана нет прибыли. Честно совершенный обмен оставляет вас с нулевой прибылью» (Engler and Hayashi, p. 124-125).

Однако бегство от лицемерного общества — не всегда наилучший путь. Истинное отречение от общества происходит автоматически — когда истощаются кармы, удерживающие вас в миру. Как не уставал повторять Вималананда: «Если приходится думать об отречении от мира, значит, ты ещё не готов к этому. Но когда твой интерес к миру проходит сам собой, ты автоматически встаёшь на путь нивритти, и только тогда возможно успешное продвижение по нему. А до того — никакого конца карме в этой жизни не будет».

Человеческие жертвоприношения

Доскональное изучение природы причинно-следственных отношений дало возможность авторам Вед, прекрасно осознававшим необходимость действий в практической жизни, разработать методы, посредством которых они могли достичь определённого результата путём преднамеренного создания определённых карм. Эти методы, называемые на санскрите *яга* и *яджна* и обычно переводимые как «жертвоприношения», питают и насыщают богов и других эфирных существ праной (жизненной силой), поступающей к ним с дымом священных костров, на которых сжигаются подносимые в жертву растения или животные. Жертвоприношение — это неотъемлемая черта многих древних религий, включая иудаизм, и оно до сих пор практикуется в Индии. (Хотя почти все нынешние жертвенные обряды упрощены по сравнению с оригинальными, поскольку жрецы уже не понимают, что делают.) В искренней жертве нет обмана, так как существа, которыми она приносится, тоже получают от неё некоторую

пользу. В правильно совершаемом ведическом обряде злая карма, которую жертвователю навлекает на себя убийством приводимых на заклание жертв, уравнивается и превосходится доброй кармой за те благоприятные последствия, которые даёт выполнение обряда.

Хотя в ведическом обряде жертвоприношения использовались и козлы, и лошади, и быки, и алкогольные напитки, и сок растения *сома*, архетипически первой жертвой был человек. В самом начале объяснения жертвоприношения *агничаяна* ведический источник, известный как «Шатапатха-брахмана», даёт ясно понять, что человеческая жертва предпочтительнее всех остальных. В другом тексте приводится специальная мантра, которую нужно использовать при одновременном принесении в жертву нескольких человеческих жизней. Сейчас трудно судить, насколько распространёнными были человеческие жертвоприношения в ведические времена (и были ли они вообще), но нет никакого сомнения, что в более отдалённые периоды индийской истории они действительно имели место. Мы находим тому подтверждение в книгах «Махабхараты», где рассказывается история царя Сомаки, который был так обеспокоен тем, что его единственный сын может погибнуть, что принёс его в жертву с той целью, чтобы все его сто жён смогли зачать. «Сказка Джатаки», которая называется «Болтливый язык», описывает человеческую жертву, которая приносится ради защиты городских ворот. В «Симхасана Дватримшате» полумифический царь Викрамадитья чудом спасается от принесения в жертву. Уже в историческое время секта *тугое* сделала человеческие жертвоприношения основой своей религии, а об отдельных случаях человеческих жертв в Индии мы время от времени узнаём даже сейчас.

Самопожертвование

Несмотря на то что человеческие жертвоприношения уже давно не практикуются в ортодоксальных ведических ритуалах, жертвенный символизм пронизывает собой всю индуистскую обрядность. Кокосовый орех, например — особенно благодатный плод, поскольку он великолепно представляет человеческую голову с её тремя глазами на твёрдой, как череп, скорлупе, внутри которой содержится уподобляемая мозговому веществу мякоть и некоторое количество влаги, которая представляет кровь, гормоны, спинномозговую жидкость и прочие «соки», содержащиеся в человеческой голове. Нынешние люди жертвуют кокосы вместо человеческих голов по таким поводам, как, например, августовское полнолуние, когда жители Бомбея спускаются со своими кокосами к морю, стараясь умиловить богов дождя и утихомирить ярость муссонов.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Голова с древнейших времён считалась в Индии самой важной частью тела. Именно в ней сосредоточена сила, являющаяся сущностью жизни и совершенством бытия. Голова есть местопребывание индивидуальности и, следовательно, кармы: до того, как тело начнёт совершать действия, голова должна направить его на эти действия. Именно с помощью головы мы постигаем тело. Сущность жертвы в её «голове» — в том средстве, благодаря которому создаётся карма, восстанавливающая гармонию внутреннего и внешнего мира. Чем более символична жертва, тем меньше кармы приходится создавать для достижения результата. В предельном случае можно взять лишь самый существенный, «главный» элемент и отбросить всё остальное. Наоборот, подчёркивание буквального смысла жертвы увеличивает её карму, что ограничивает её положительный эффект. Некоторые люди сейчас начинают убеждать других, что, вообще говоря, нет ничего плохого в том, чтобы поклоняться Богу или Богине при помощи секса, алкоголя и мяса, и что полезно выполнять кровавые жертвоприношения, так как они являются эффективным средством удовлетворения наших желаний. Хотя подобные обряды и в самом деле могут быть весьма эффективными, их применение обходится дорогой кармической ценой и гораздо чаще ведёт к отравлению организма и наркотической зависимости, чем к божественному престолу.

То, что агхори используют в своём поклонении секс, алкоголь, мясо, а иногда и человеческие жертвы, — это правда. Но делают они это исключительно с целью выработки своих оставшихся рнанубандхан, а не с целью создания новых. Они поступают так в полном сознании того, что с ними может произойти в случае самоотжествления с этими действиями. Если и можно на какое-то время выскочить из-под колпака закона кармы, то не считаться с ним совсем — также наивно, какие обращать внимания на закон всемирного тяготения. Самолёт летит наперекор закону всемирного тяготения, но только до тех пор, пока его мотор продолжает работать. Агхори, успешно выполняющие свои полёты, быстро перелетают из одного места в другое, отрабатывая изрядное количество рнанубандхан, но если в воздухе у них внезапно откажет мотор — падение неизбежно. И если произойдёт катастрофа, они знают, что винить им нужно только самих себя.

Агхори считает, что лучшая кровь для жертвы — его собственная. Он спрашивает себя: «Если моему Господу нужна прана, то почему не моя?» И в этом они следуют самим Ведам. Один из немногих оставшихся в наши дни знатоков Вед — Агнихотрам Рамануджан Татачарья — поистине непревзойдённый мастер во всём, что касается обрядов и текстов Вед. Во время нашей последней встречи он сообщил мне, что в

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Тайттирия Самхите Яджурведы есть место, в котором говорится о том, что первоначально всё жертвы совершались с плотью и кровью самого жертвователя. В те далёкие времена жертвователи даже не рассматривали других существ в контексте собственной выгоды. И только с постепенной утратой мужества стали появляться суррогаты. Но хороший агхори идо сегодня отвергает всякие суррогаты.

Кровь распределяет прану в организме, и поэтому приношение крови божеству есть, по сути, приношение праны. Вималананда, всегда ценивший изящество выше грубости, предпочитал методы более тонкие и менее прямолинейные, чем буквальное пролитие крови. Это такой вид служения, который имеют в виду тантристы, когда говорят об *антарьяге* («внутренних жертвенных ритуалах»).

«Каушитаки» упанишада приводит пример антарьяги, описывая «внутреннюю *агнихотру*». Агнихотра обычно относится к поклонению внешнему жертвенному огню, однако внутренняя агнихотра состоит из принесения в жертву дыхания (также переносчика праны) в речь, если вы произносите речь, и из принесения в жертву речи вдохание, если вы храните молчание. Следуя этим путём, вы можете творить жертвоприношения непрерывно, пока не перестанете дышать, — используя тело в качестве священного алтаря, а саму жизнь — как обряд жертвования.

Хороший агхори овладевает искусством самопожертвования. Он страстно отдаётся этому внутреннему процессу и не желает прекращать его ни на мгновение. Его смашан всегда при нём, где бы он ни находился, и даже наблюдая за скачками на ипподроме, ему нет никакой нужды прерывать свою незаметную для других жертву. Да и в конце концов, что есть наш мир, как не большой смашан, в котором все мы дышим и сгораем? Для искреннего агхори в том, что жизнь есть «внутренний смашан», нет никакой метафоры, он делает это реальностью для себя. Эта субъективная, внутренняя реальность, гораздо более реальна для него, чем майя, господствующая снаружи. Агхори знает, что всё, что не есть чистое, беспримесное сознание, — грязь. И поскольку он не интересуется отличиями одного вида грязи от другого, он не видит причин для того, чтобы делать разницу между грейпфрутами и дерьмом. Он стремится только к одному: вновь и вновь доводить себя до точки плавления, при необходимости добровольно потребляя свою собственную грязь, которая становится амброзией, перегорая в печи его страстной устремлённости.

Эмоциональные нечистоты, которые, как правило, гораздо хуже физических, заслуживают беспощадного принесения в жертву. В 19-м

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

стихе «Карпуради Стотры», в гимне богине Кали, говорится, что эта богиня приходит в настоящий восторг, получая в качестве жертвенных подношений мясо козла, буйвола, кошки, овцы, верблюда и человека. Хотя охотники до мясного подчёркивают это и другие места, чтобы оправдать убийство животных, для истинного духовного подвижника это прежде всего указание расстаться со своей похотью (козел), злостью (буйвол), жадностью (кошка), тупостью и невежеством (овца), завистью (верблюд) и гордостью и очарованием земными благами (человек). Мы должны разорвать эти толстые канаты, привязывающие нас к миру, если хотим достичь истинной независимости (*сва-тантры*). Пока эти ограничения не принесены в жертву, сам ищущий ничуть не лучше животного — вот почему в тантре таких людей называют *пашу*, то есть животные.

Голову долой!

Со своими эмоциональными привязанностями вы можете покончить раз и навсегда, если решитесь расстаться со своей головой, которая служит скорее выгребной ямой для токсинов, а не обителью совершенного бытия, до тех пор пока её загрязняют многочисленные личностные ограничения. Отрубание головы позволяет сбросить с себя привязанность к своему ограниченному «я», так как в момент создания кармы этой самоотдачи вы жертвуете некоторую долю своего воображаемого руководства жизнью и жертвуете часть своей праны божеству. Это позволяет божеству войти в вас. «Жертвование» означает «делание священным». Махараштрийский поэт и святой Тукарам выразил это так:

Если мы хотим познать Бога, мы должны сорвать свою голову с плеч и взять её в руки.

Жертвуя тело Богу, мы доводим поклонение до конца.

(Тукаараама Гаатхаа 3414, 3171)

Тукарам здесь имеет в виду освобождение сознания (головы) от всех искажений, которые накладываются всякого рода физическими, умственными и прочими материальными ограничениями (телом). Хотя в идеале пожертвование головы устраняет все ограничения сразу, для большинства из нас единого акта приношения недостаточно. Большинство из нас настолько прочно срослись со своими ограничениями, что отрубать голову и приносить её Богу нужно изо Дня в день — разумеется, в своём внутреннем мире. Сила

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

самоотождествления называется ахамкарой до тех пор, пока она отождествляется с умом и телом. Это самоотождествление оттягивает огромное количество энергии. Когда ахамкара начинает освобождаться от самоотождествления с временной ограниченной личностью, та часть энергии, которая выходит на свободу, называется *Кундалини*. Единственной разницей между ахамкарой и Кундалини является объект самоотождествления. До полного пробуждения Кундалини ахамкара в значительной мере продолжает действовать так, как будто она и есть истинное «я» человека, и что бы вы ни делали, вы по-прежнему в своих поступках исходите из чувства собственной значимости и привязанности к тому чувству обособленности, которое противопоставляет вас всему остальному миру. Вырывая прану и сознание из объятий ахамкары, вы открываете им простор для отождествления с чем-то другим.

Действие — это использование свободной воли; реакция — это следование своей судьбе, задаваемой кармой. Если вы стремитесь к подлинному преобразованию, вы должны контролировать свои реакции и учиться, как, где и когда действовать. Свободная воля — это способность выбрать помнить, что мы сами отправили свой поезд кармы и что с помощью упорного повторного действия мы можем изменить направление его движения. Текущую карму можно полностью перебороть в любой момент, но только при условии, что сила намерения будет не меньше силы, затраченной в прошлом на создание этой кармы. Ключом к созданию и закреплению новых самскар, которые будут перебарывать старые, является настойчивое повторение новых действий с такой частотой и силой, чтобы преодолеть всё, что стоит у них на пути.

Всякое бескорыстное, не запятнанное эгоизмом действие создаёт тенденцию движения в сторону нивритти, и, наоборот, любое действие, созданное с надеждой на результат, ещё глубже вовлекает вас в правритти. Отказ от участия в мирских делах не даст реального преимущества до тех пор, пока вы не будете готовы прекратить самоотождествление со своими действиями. Пока ахамкара не превратится в Кундалини, вы будете творить новые рнанубандханы, куда бы вы ни шли. Даже исправление кармических ошибок может быть чревато гибелью, так как борьба с кармическими остатками обычно создаёт ещё больше остатков, а сознательные усилия по выплате всех ваших *рна* могут вогнать вас в дикое бешенство. Если мысль о перерождении кажется вам тошнотворной, то вам стоит учиться действовать в состоянии *кармасамьи* («активного равновесия») в соответствии со своей дхармой и отказаться от отождествления себя с выполнением своего долга. Отдавая себе отчёт в преходящести существования, можно жить в семье и в обществе, не будучи окованным

их кандалами, подобно случайному гостю, и отбросить привязанность к чувственным объектам, из которых состоит ваш мир. Все узы рассеиваются в прах, как только вы перестаёте прилагать к вещам понятие «моё»: «Пойми, что запах и вкус нужно выбросить вон! Они лишь устойчивый поток наших хотений и желаний! Разве, будучи свободен от них, ты смог бы испытывать отвращение к зловонию в рыбной лавке?» (Kohn, p. 241).

Тьяга

Все ведические обряды содержат три основных элемента: *дравья*, то, что приносится в жертву; *девата*, божество, которому жертвуют, и *тьяга*, отречение от результатов обряда в пользу божества. В тьяге заключена сущность жертвы. В формулировке Вималананды: «*Марма* (ядро или суть) дхармы есть тьяга». В «Бхагавадгите» Кришна определяет тьягу как отказ от плодов всех своих действий, как высшую жизненную цель. Он советует Арджуне отречься от своих привязанностей ко всем возможным результатам каждой своей кармы и сосредоточиться на Нём и только на Нём: «Оставь все свои обязанности и только у меня ищи защиты. Ни о чём не сожалей, ибо я дам тебе освобождение от всех грехов» («Бхагавадгита», XVIII.66). Хотя избежать кармы в этом мире нельзя, можно освободиться от будущих карм, преподнося плоды всех своих действий Ему. Действия, посвящённые Богу, сказываются благоприятно на всех областях жизни, как поливка корней растения питает каждую его ветвь. Жертва создаёт рна, которая придаёт Ему сил прийти к вам на помощь, облагодетельствовать вас в ответ своей милостью. Как говорил Вималананда, «честный обмен — не грабёж».

Ежедневное пожертвование собственной значимости даёт ежедневную пищу божеству, которое, «отстирав» ваши васаны, возвращает их вам с процентами. Единственным ритуалом становится жажда видеть Его во всех живых существах и служить Ему во всех обстоятельствах жизни (включая скачки, если ваша карма приводит вас к ^{III}м) каждым содроганием тела, каждым движением ума, каждым сказанным словом. Иисус говорит следовать тем же путём. Он сам превратил себя в жертвенного агнца, в жертвуемый «первый плод» нового урожая, чтобы каждый, кто открывается Ему, мог освободиться от бремени своих карм. Когда вы отдаёте всего себя Иисусу, Кришне или иному божеству, или же своему гуру, единственная опасность, которая подстерегает вас, — это несовершенство вашего дара. Одна-единственная оставленная при себе карма способна покрыть ваш причинный заповедник целым лесом новых карм и выковать новую цепь рождений. Впрочем, эту напасть можно избежать, если в своём поклонении руководствоваться той

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

мыслью, которую защищал дзэн-буддийский монах Харада Секкей Роши, когда советовал своим ученикам «жаждать дхармы, как жаждет воды вытщенная на берег рыба, и действовать так, будто ваши волосы горят» (Roshi, p. 77).

Именно такую степень преданности выказывали *гопи* («молочницы») Кришне. Кришна сказал им: «Они хотят Меня всей силой своего разума, они считают Меня жизнью своей жизни, во имя Меня они отрекаются от голоса своей плоти. И Я позабочусь и помогу тем, кто жертвует ради меня всеми радостями этого и грядущего мира» («Шримад Бхагавата», X:46:3). Со временем настойчивое и самоотверженное поклонение Кришне совершенно уничтожило васаны *гопи*, и они достигли Кришны и получили свободу.

Подобным образом Кришна спас царя Парикшита. «Шримад Бхагавата» — это рассказ о том, как Парикшит выпутывался из связывавших его васан и самскар. Интенсивность его намерения стимулировалась проклятием, согласно которому он должен был умереть в течение семи дней. Первая половина книги повествует о генеалогиях и линиях передачи, что позволило Парикшиту пробудить и высвободить свою Кундалини из плена древних, архетипических и передающихся по наследству воспоминаний. Вторая половина дала ему новые объекты отождествления для Кундалини, которыми стали аватары Вишну. В Десятой книге, рассказывающей о развлечениях Кришны, Парикшит уже был готов слушать и повиноваться.

Тот, кто целиком посвящает себя созерцанию Кришны, в конце концов сливается с Ним. Но хотя он и является Воплощённым Совершенством (*Пурнатмака Пурушоттама*), он — лишь одна из фигур бесконечного ряда богов-образов, которым можно подчинить себя. Вималананда часто говорил о подчинении Кришне, когда речь заходила о самоотречении, из-за своей любви к Кришне и «Шримад Бхагавате». Тантрические садханы также ведут к единству с божеством, но тексты по тантре редко выделяют бхакти как таковую (Вималананда объяснял это тем, что писали их в основном честолюбивые, несовершенные ученики). Если тантрические тексты озабочены прежде всего кармическими взаимодействиями и достижением результата, кришнаитские тексты, и в особенности «Шримад Бхагавата», ставят своей целью незнающую границ бхакту. Тот, кто может своими силами привести свою карму в равновесие, пусть действует сам, а тот, кто не может, должен дать возможность Кришне, Шиве, Ма или другому божественному объекту своей любви сделать это за него.

Вималананда, всегда шедший наперекор то одному, то другому, любил

и тантру и бхакту за их отказ равняться на затвердевшие социальные нормы. Для тантриста отрицание всякой догматики — это средство вырваться за пределы социальной обусловленности, тогда как у поклонника Кришны просто нет повода думать об ортодоксальности: «Посвятить действие Мне значит очистить его. Верное при некоторых обстоятельствах становится ложным, ложное может стать верным. Законы, определяющие, что правильно, что ложно, показывают лишь, что это разграничение не основано на подлинном различии. Что отбрасывает человек, от того он и свободен. Соблюдение этого закона кладёт конец печалям, страхам и заблуждениям и освобождает человека от пут» («Шримад Бхагавата», X1:21, 14-18).

Вималананда

Для Вималананды, стремившегося прежде всего покончить с какими бы то ни было путами и ограничениями, худшим видом рабства было попадание в закоснелый идеологический круг теоретической духовности. Ортодоксальный индуизм на протяжении всей своей истории старался подавить возможное неповиновение, обезвреживая возмутителей общественного спокойствия. И часто, слишком часто это оборачивалось для Индии потерей её святых. После того как святой замолкал навеки, его всезнающие ученики узурпировали его имя и подгоняли его образ и учение под своё понимание того, что он пытался сказать. Большинство учеников Рамакришны Парамахамсы пошли именно этим путём. Завладев воспоминаниями о нём, они сшили ему костюм по меркам викторианской Бенгалии, всячески подчёркивая ведантистские аспекты его учения и затушевывая тантрические.

Вималананда, обожавший свою свободу, прилагал немало усилий, чтобы не попасться в руки ни новоиспечённым пуританам, ни новоявленным эпикурейцам. Время от времени он учинял дикие беспорядки, хотя и обычная его повседневная жизнь не отличалась особым благообразием. Я уверен, что эта книга даст людям на Западе, уже обвинившим его в использовании чёрной магии («Остерегайтесь тёмных сторон!»), новые поводы для оскорбления памяти о нём («Скачки! Азартные игры! Это возмутительно!»).

Но что ещё можно ожидать от этих педантов и ворчунов, которые, в конце концов, просто безвольно следуют своей карме? Что делать человеку, помешанному на внешнем благочестии и чистоплотности, с тем, для кого внешнее — всего лишь деталь? «Тот, кто ложится на землю, не может упасть», — говорит «Шримад Бхагавата» (X1:21:17), а из всех участков земли наинижайший — смашан. Каждое действие Вималананды было хорошо продуманным поводом, уловкой,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

рассчитанной на то, чтобы поставить себя в такую позицию, в которой он мог бы расквитаться с той или иной рнанубандханой. Быть может, его вдохновлял пример Кришны, которого бхактические тексты иногда именуют «сладким разбойником», ибо Он дурачил людей, не иначе как заставляя их делать то, что от них требовали их кармические долги. Вималананда никогда не стеснялся опускаться до плутовства, если оно ускоряло расчёты по какой-нибудь рна. Так что он отлично вписывался в бега, где все — махинаторы. На скачках нельзя выкладывать душу всем и каждому, если надеешься выиграть. Отсюда — ловкость рук, которая, как известно, ещё не мошенничество.

Жизнь на скачках — это мудрое иносказание жизни в целом. На беговой дорожке, дома ли, в офисе — лучший приём, который может быть оказан дождавшимся своего часа кармам, основан на *кала* (ловкости и сноровке), а не на *бала* (грубой силе). Не надо пытаться форсировать события, лучше продвигаться терпеливо, перетекая и скользя к выпутыванию из рна. Вималананда, в силу своего характера предпочитавший тактичность принуждению в управлении кораблем своей жизни в открытом море своего мира, однажды пояснил этот принцип следующим рассказом.

У одного человека были такие старые сандалии, что на них давно не осталось живого места, на котором бы ещё не стояло заплат. Тогда он решил, что настало время от них избавиться, и, отправившись на поклонение, он оставил их на пороге храма. Выходя из храма после богослужения, он нарочно не забрал их, мысленно рассудив, что какой-нибудь бедняк будет проходить мимо и подберёт их. Но какой-то чудак догнал его, вручил сандалии и сказал: «Ты забыл свои сандалии! Совсем, что ли, из ума выжил?»

Человек вернулся домой и решил, что лучше всего будет просто выбросить эти сандалии и пусть кто хочет, тот и подберёт их. Он подошёл к окну и бросил их вниз, но случилось так, что они упали прямо на мальчика, который как раз в то время проходил под окном. Мальчик и его мать завопили так громко, что собралась толпа. Разобравшись в том, что случилось, люди рассердились на то, что мужчина обидел такого милого, незащитного ребёнка, и мамаша изрядно поколотила его его же собственными сандалиями.

Когда волнение улеглось, человек сел и задумался. Он рассуждал так: «Я хотел только избавиться от этих старых сандалий, а в результате получил сперва оскорбление, а затем хорошую взбучку. Что же теперь делать?»

И вдруг сандалии заговорили. «К чему вся эта суета? — сказали они.

— Мы знаем, что мы все в заплатах, ну и что? Всего-то надо оторвать старые заплаты и наложить кусок добротной кожи, а потом притачать новый каблук, и мы будем как новенькие!» Так человек и сделал.

Мир мифов и сказок

Вималананда, чинивший и латавший свою личность всякий раз, когда хотел стать «как новенький», всю свою жизнь превратил в одну поучительную сказку. Его гиперболы не знали границ, мухи легко превращались в слонов, а самого себя он иногда называл *Бандал-э-афтаб* («солнце среди мастеров преувеличивать»). Его известное нерасположение к деятелям вроде Шанкарачарьи и Махатмы Ганди отнюдь не подразумевало принижение их реальных достоинств. Оно предполагало осознание их несовершенств, усиленное ответственностью за то, чтобы я не ошибся, беря у них уроки. Иногда, преследуя подобные цели, он заходил даже чересчур далеко, и когда в этой книге вы дойдёте до его объяснений подобного сомнительного поведения, подумайте о том, к каким хитроумных методам самооправдания прибегает каждый из нас, чтобы обернуть всё в свою пользу. Человеческий мозг подобен адвокату, который, вне зависимости от правоты, может встать на защиту любой стороны и который защищает тех, кто его нанял. Как только Вималананда предугадывал ход событий, составить рациональное объяснение было для него детской игрушкой.

Хотя я и не мог принять некоторых его наиболее необычных взглядов, я всё же старался вникнуть в них. Это упрощало общение в той же мере, в какой излишняя привередливость с моей стороны могла бы его затруднить, хотя большинство суждений Вималананды не вызывало у меня возражений. По-видимому, главной причиной, по которой я всё же допускал возможность некоторых диких вещей, была его абсолютная искренность. Исходи они от кого-нибудь другого, я бы немедленно выбросил их из головы. В агхоре черствость опасна, и Вималананда в душе всегда оставался нежным ребёнком, до последнего своего дня. Его любовь ко всем окружающим была такой по-детски искренней, что многие злоупотребляли ею, так что мало-помалу он сделался более осторожным с людьми, прибегая к помощи различных внешних трюков, чтобы обезопасить себя от них.

Для себя я решил воспринимать его рассказы такими, каковы они есть, и позволить сердцу черпать из них их суть. Хорошая история — это великая вещь, ибо даже если она ни о чём не говорит вам в первый момент, она может вызреть внутри вашего сознания в определённую форму, которая однажды начнёт разговор с вами. Как и большинство индийских учителей, Вималананда любил учить притчами, некоторые из

которых обращались к самым глубинным слоям человеческого сознания. Временами Вималананда начинал объяснять мне что-нибудь совершенно эзотерическое: например, взаимосвязь причинного тела, хромосомного набора и *джнянедри-кармендри ньяи* («принципа органов действия и органов восприятия»), с особым упором на то, как джнянедриа-кармендриа ньяя регулирует оплодотворение и зачатие — такие вещи, которые были далеко за пределами моих возможностей. И вдруг он неожиданно переходил к рассказу. Хотя в момент повествования иногда казалось, что рассказ не имеет никакого отношения к теме разговора, связь начинала обнаруживаться позднее, постепенно всплывая во мне.

Но не все мифологически обрамлённые повествования со временем полностью открывали себя, невзирая даже на усиленную проработку. Например, когда в первой главе вы будете читать историю Притхвираджа Чаухана, помните, пожалуйста, что речь идёт о тех временах, когда в Индии всякое строительство начиналось с того, что гвоздь или кол заколачивался в голову *Шеша Нага*, гигантского змея, держащего мир. Краеугольный камень располагали над змеиной головой, помещая его таким образом в точный центр мира. Мирче Элиаде возводит эту традицию к «изначальному жесту» Индры, когда тот «поразил змея в его логове» (Ригведа, IV. 17:9), сверкающей молнией «отрубив ему голову» (Ригведа, 1:52:10). Пригвоздить или обезглавить змея — это значит перейти от аморфного и неопределённого к законченному и оформленному, конкретизировать причинный поток потенциальных карм во времени и пространстве. Правильно устремлённые кармы дают надёжный положительный эффект.

«Шеша» означает на санскрите «то, что остаётся», не в смысле того, что кто-то уходит, но скорее в смысле фона или основания, без которого картина никогда не бывает полной. Роя колодец на своём участке, вы можете, конечно, ценить колодец за воду, которую он даёт, но в действительности ценность колодца будет определяться свойствами оставшейся, не занятой под колодец земли. Колодец извлекает воду из шеша вашего участка — измените окружение, и изменится колодец. Подобно хорошо спланированному колодцу, история с вбиванием гвоздя в голову Шеша вбивает гвоздь в своего шешу — неистощимые воды живых мифов, которые будут продолжать течь, пока этот гвоздь остаётся на своём месте.

Истории, которые не нравились бы Вималананде, попадались редко, поскольку он всегда мог легко приспособить большинство из них для своих целей. В этом он следовал традиции, ибо возвращение в обиход древних мифов — давняя и признанная в Индии практика. Как говорил Вималананда, только та история хороша, которая содержит в себе не

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

менее семи смысловых слоёв, и он так излагал историю, чтобы в ней проявлялись все семь. Для сравнения вы можете взять рассказ о Судаме в изложении Вималананды и канонический текст «Шримад Бхагаваты» (книга X, главы 80-81). В санскритском тексте, называемом Панчатантра, вы найдёте варианты по крайней мере двух историй, которые Вималананда приписывал циклу об Акбаре и Бирбале (сказка о невезучем одноглазом прачечнике и сказка о человеке, который утверждал, что способен подниматься на небо, сжигая своё «старое» тело). Вималананда, имевший степень магистра по истории моголов, особенно любил сказки об Акбаре и Бирбале, многие из которых до сих пор рассказываются по всей северной Индии ради развлечения или денег. Его репертуар частично состоял из этих всем известных сказок, а частично — из таких, которые, казалось, были известны только ему одному. Быть может, он черпал их из каких-то неведомых устных традиций, а может быть, сочинял сам. В последнем случае он был не первым, кто поступал так.

Эта книга, которую я писал с тем же тщанием, с каким готовят к гонке хорошего скакуна, — всего лишь эпизод из длинной жизненной саги агхори Вималананды. Во введении я постарался дать намек на шесту этой книги. Приступая к повествованию, я очень прошу вас не акцентироваться на буквальном значении слов. Лучше откройтесь повествованию, дайте ему свободно проникнуть в вас, и оно без сомнения донесёт до вас свой внутренний смысл.

БИБЛИОГРАФИЯ

Dutt, Manmatha ed. *The Garuda Parana*. Calcutta: Society for the Resuscitation of Indian Literature, 1908, in *The Pocket World Bible*, ed. Robert O. Ballou, London: Routledge and Kegan Paul, Ltd. 1948.

Engler, Robert and Hayashi, Yuriko *The Way of No Thinking: The Prophecies of Japan's Kunihiro Yamate*. Tulsa: Council Oak Books, 1995.

Kohn, Livia ed. *The Taoist Experience: An Anthology*. Albany: SUNY Press, 1993.

McDermott, James P. «Karma and Rebirth in Early Buddhism», in *Karma and Rebirth in Classical Indian Traditions*, ed. Wendy Doniger O'Flaherty. Delhi: Motilal Banarsidas, 1983.

O'Flaherty, Wendy Doniger «Karma and Rebirth in the Vedas and Puranas», in *Karma and Rebirth in Classical Indian Traditions*, ed. Wendy Doniger O'Flaherty. Delhi: Motilal Banarsidas, 1983.

Svoboda, Robert E. *Aghora, At the Left Hand of God*. Albuquerque: Brotherhood of Life, 1986.

Everyday Mind: Dharma Talks by Harada Sekkei Roshi. Bangalor: Buddha Vachana Trust, 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ

Помимо исторических лиц, таких как Акбар, генерал Слиман, Сетх Сагал Шах, следующие лица упоминаются под собственными именами: Робби (автор), Рошни, Рану, Фарам, Чоту, вайдья Б. П. Нанал, д-р Васант Лад, д-р Шантилал Мехта, д-р Гомес, д-р Дурандар, Р. Д. Шах, Динкар, Дамле, Чаббу Ранбуке, Бегум Ахтар, Чандрамохан, Тат Махарадж, Севадасджи и Чунилал, Балам Бхат, Мадхавбаба Патил, Шанкаргириджи Махарадж, Хамбир Баба, Баба Чандал Дас, К. Нараяна Баба, Дада Махарадж, Дас Бапа, Чайтаньянанда, Джордж МакГрат, сэр Лестер Пиггот, г-н Вильяме, сэр Кусроу Н. Вадья, адмирал Эрик Шиптон, лидер джатов, и махараджи Биканера, Гвалиора и Мудхола. Лизу — это сокращённый вариант полного имени собаки Леди Елизавета. «Блэк дог» — название известного шотландского виски. Керсасп Колах действительно выпускает приправу «Острые пикули из моркови». Лошади Потооооооо, Вакси, Эклипс, Кинсем и Эверест действительно выступали под этими именами.

Все остальные имена людей и животных в книге изменены в качестве меры предосторожности против возможных последствий публикации данной книги. Фотография Стони и Вималананды, висевшая у него на стене, была сделана после победы в другом состязании, нежели Кубок материнской жилы. Редстоун одержал победу не в Кубке имени полковника Пратапа Сингха, но в Кубке имени другого значительного исторического лица.

Все события книги, в которых я лично оказался участником, действительно имели место — в той мере, в какой события вообще имеют место в этом физическом мире.

СТОНИ

— Как ты думаешь, почему я вообще держу лошадей и хожу на скачки?

Это был март 1977 года, и мы с Вималанандой сидели на его обычном месте в первом ярусе бомбейского ипподрома. Мы пришли задолго до начала, и ждали появления его друзей, с которыми он любил заключать пари, а при случае — пошуметь и поспорить. Неожиданно он озадачил меня этим вопросом.

— Я знаю, что тебя это удивляет, — продолжал он, — потому что твои правоверные друзья в Пуне учили тебя, что хороший индус играть не станет. Так как же по-твоему — почему я сюда хожу?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Ни малейшего. Он был прав, эта азартная игра подвергалась анафеме среди всех моих знакомых индийцев в Пуне — городе в ста милях от Бомбея, где я учился в аюрведическом колледже, постигая древнюю систему индийской медицины.

— Иногда я прихожу, чтобы сделать ставку, — продолжал Вималананда, — а иногда просто чтобы посмотреть на скачки. Но каковы бы ни были причины, я всегда наблюдаю кармы людей, оказавшихся рядом.

— Наблюдаешь кармы?

— Ну да. Знаешь третий закон Ньютона?

— В общем, да: каждое действие вызывает равное по силе и обратное по направлению ответное действие.

— Молодец. Третий закон Ньютона — это и есть закон кармы. Ещё можно называть его законом причины и следствия, законом «что посеешь, то и пожнешь». Всякое твоё самоотождествление с действием (то есть всякий раз, когда ты действуешь и при этом отождествляешься с деятелем, совершающим это действие) превращается для тебя в карму. И все такие действия, плохие или хорошие, действуют как причины, которые когда-нибудь проявят свои следствия, плохие или хорошие, и тебе придётся иметь с ними дело. Конные состязания — это отличное место поупражняться в понимании кармических счетов.

— Ты имеешь в виду понимание того, кто, сколько и кому кармически

должен?

— Именно. Мы называем это рнанубандхана, путы кармических долгов. Давай возьмём маленький пример, и ты увидишь яснее, что я имею в виду. Допустим, ты хочешь предсказать результаты скачек, ну, например, тех, в которых сегодня участвует Стони. — Стони было уменьшительным именем его любимой кобылы Стоун Айс. Сегодняшние скачки должны были стать последними в её карьере.

— Чтобы узнать, кто выиграет скачку, нужно знать судьбу, то есть совокупность карм и рнанубандхан, многих участников. Во-первых, лошади. Это самое важное. Суждено ли ей выиграть? Затем конюха (*сиса*) и старшего конюха (*джемадара*): суждено ли им получить премии от хозяина, которые он выплачивает в случае победы лошади? Далее, тренера: суждено ли ему получить свой куш за подготовку победителя? Потом жокея: суждено ли ему получить куш и награду от хозяина за победу? Что касается хозяина: должны ли ему лошадь и клуб деньги, причитающиеся ему за победу его лошади? Призвана ли лошадь укрепить его славу своей победой или уронить его престиж своим поражением? Следующий по счёту — букмекер: суждено ли ему кармой обогатить или обобрать вас? И только теперь мы наконец подходим к тебе, игроку: суждено ли тебе выиграть на этой лошади или проиграть?

— Теперь я вижу, что всё это не так просто.

— Надо думать! Если бы всё было так просто, любой дурак научился бы отгадывать победителя и богатеть у всех на глазах. Но не всё потеряно. Публика — вот кто упрощает всё дело! Большинство здешней публики — должники: кто должен букмекеру, кто клубу. Они как дойные коровы через систему ставок снабжают деньгами тех немногих, перед кем лошади в долгу, кому только и суждено выиграть деньги на этих лошадях. Сведение этих кармических счетов происходит в дни состязаний, когда публика приходит поболеть за своих любимцев. Лошади работают, должники платят, тот, кто должен получить, выигрывает и получает. Сами лошади, в основном, должники: люди делают деньги на их тяжёлом труде. В лучшем случае, в случае победы, они получают чуть больше морковки и ласки. В худшем случае, если они проигрывают одну скачку за другой, ...ну, о худшем лучше не вспоминать...

— Я хожу на скачки, чтобы разделаться с большим количеством рнанубандханы. Я всегда веду своих лошадей к победе. Разве можно действовать по-другому, зная о законе кармы столько, сколько знаю я? Я не хочу умирать с кучей кармических долгов на своём счету. Каждый раз, когда выигрывает моя лошадь, я погашаю сотни моих долгов тем, кто

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

поставил на неё. Конечно, это лошадь должна им деньги, но поскольку я её хозяин и я подготовил её к победе, то таким способом и я расплачиваюсь с ними. Неплохо, да?

— Но ты — это ты, — откликнулся я. — А как же все остальные? Неужели каждый, кто держит лошадей, автоматически платит их рнанубандхану?

— Платит, если только не создаёт новых карм в процессе выплачивания старых.

— Вот как...

— Что-то не ясно?

— Да как сказать...

— Взгляни с другого угла: когда хозяин честно приводит лошадь к победе, не вмешиваясь в то, как она пробегает дистанцию, главный итог скачки — выплачивание существующих рнанубандхан. Здесь всё в порядке. Но так происходит не всегда. Иногда хозяин, сговорившись с тренером или жокеем, старается устроить так, что его лошадь заведомо выиграет или проиграет. Это — карма, которая либо создаёт новую рнанубандхану, либо сильнее запутывает уже существующие.

— Понятно, что не только действия хозяина могут вызывать такие последствия. Иногда на сговор идут жокей и тренер, оставляя хозяина в неведении. Иногда букмекер подговаривает жокеев в тайне от всех остальных. Такого рода вещи не ведут ник чему хорошему, хотя и случаются на каждом шагу. Искушение для многих слишком велико, и жадность берёт своё.

Букмекеры нередко подкупают жокеев. Известный заранее результат — это огромные деньги. Если проигрывает фаворит, если удаётся такое устроить, все поставленные на него деньги проглатывает букмекер.

Как и в Англии, в Индии на скачках легально работали лишь получившие разрешение властей букмекеры.

— Проглотить-то он проглотит, но сумеет ли как следует переварить? — язвительно заметил я.

— О чём я и говорю! — с жаром подхватил он. — Вот оно — создание новой кармы: лошадь, стремясь к победе, хочет рассчитаться со своим долгом, но жокей или букмекер прикарманивают деньги за счёт того, что мешают ей выиграть. Публика, которой лошадь должна, не получает своего и отныне жокей и букмекер становятся её должниками. Происходит перерасчёт долгов. Жокей и букмекер радуются, что сделали деньги из ничего, а на самом деле они просто получили займы, и,

разумеется, рано или поздно им придётся отдавать, да ещё с процентами. Я скажу тебе даже больше: жокеев ждут такие перерождения, что лошади, которых они ныне загоняют до смерти, получают свой шанс отплатить им тем же. Если бы эти люди понимали, сколько миллионов жизней займёт вся эта отдача долгов, они бы никогда не стали жульничать. Но они не понимают и жульничают. И сейчас нам с тобой предстоит увидеть наглядный пример подобного рода обмана. Наглядное представление...

Лошадей выводили из загона, и, мотая головами, они подходили к стартовым воротам.

— Слышал ты, что этот горе-наездник Дженду Кумар заявил мне вчера в конюшне?

— Нет. — Дженду Кумар был сегодняшним жокеем Стони. И вдруг внезапно я понял, что Вималананда абсолютно уверен в сегодняшнем поражении Стони. Поражённый этой мыслью, я обернулся, чтобы посмотреть на неё и на других лошадей. Они — кто шагом, кто лёгкой рысцой — удалялись от нас, возбуждённые предстоящей скачкой.

— Когда я сказал ему, что для Стони эта скачка — последняя и она её обязательно выиграет, он мне ответил: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

— Значит, он не так уверен, как ты.

— Да, но почему? Я видел, как работала Стони, и, можешь мне поверить, она — в лучшей своей форме. Дженду Кумар сам тренировал её последние несколько недель, и раньше он не раз выигрывал на ней скачки. Поэтому он должен знать, что сегодня ей нет равных — она на голову выше всех остальных лошадей, участвующих в скачке. Естественно, после его слов я кое-что заподозрил.

— Ты заподозрил его?

— Его намерения очень подозрительны. Я мог бы счесть его слова предзнаменованием, но это не вяжется с состоянием Стони, с её послужным списком и с откровенно слабыми соперниками. К тому же, важно не только то, что он сказал, но и то, *как* он это сказал, — а сказал он так, будто похвалялся своими словами, как если бы только он один знал, что будет. Добавь к этому его прошлые грешки (одно время он был замешан в махинациях с лошадьми) и его нынешнее неустойчивое финансовое положение — разве это не наводит на мысль, что сегодня он может попридержать её?

— Придержать... Ты имеешь в виду — не дать выиграть?

— Конечно.

— Но ведь все заметят, что он не даёт ей бежать...

— У кого на голове глаза, а не самосы¹, может быть, и заметит. — Я едва не рассмеялся, представив себе Дженду Кумара с самосами вместо глаз. — Есть столько способов придержать лошадь так, что внешне это выглядит как обычное невезение, что сам президент клуба, даже если он и подозревает грязную игру, ничего не сможет поделать.

— Но ведь есть же телекамера с повтором...

— Видишь ли, лошади — не машины. Никогда нельзя точно сказать, что выводит их из себя. Иногда лошади не по душе темп скачки, иногда — то, как жокей обращается с ней: некоторые лошади любят, когда на них надевают шоры, а некоторые предпочитают свет. Выступая на незнакомом стадионе, лошадь может заскучать по дому. Или вдруг ей не понравится вкус еды или воды. Всякое может быть...

Мне вспомнилась Кинсем, знаменитая венгерская кобылица, которая на соревнования всегда брала с собой любимого кота.

— Но всё это понятно и законно. Другое дело — придержать лошадь. Во-первых, жокей может на какую-то долю секунды промедлить со стартом, лишая тем самым лошадь возможности начать скачку наравне с другими. Во-вторых, если он пристраивается в конце группы, он может сделать так, что его прижмут к ограждению на повороте, загородят путь, и он придёт к финишу, сильно отстав от лидера. Или жокей может сперва пустить лошадь вскачь, а затем резко осадить её, резким движением кисти натянув один повод и одновременно нанеся ей резкий удар ногой по ребрам с другой стороны. Или жокей, точно знающий, что лошади для победы нужен хлыст, может «случайно» выронить его. Жокей, отчаянно борющийся за поражение, может даже выпасть из седла в разгаре скачки. Но тут уже нужно мужество, не каждый на это рискнёт, ибо дело может кончиться худо.

— У тренера больше шансов устроить провал. Он может «накачать» лошадь, подсунув ей накануне вечером или в день скачек вместо нормальной предскаковой еды (обычно это сено с отрубями) полноценной зерновой пищи. Ты никогда не бегал на полный желудок? Или можно пересолить пищу, а затем дать лошади вволю напиться, что на некоторое время увеличит её вес. Можно измучить лошадь тренировками, заставляя скакать галопом слишком часто, так что к моменту соревнований пик формы у неё пройдёт. Один тренер по

¹ Обжаренные в масле пирожки с начинкой из овощей или фруктов (*Прим. ред.*)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

прозвищу Уджит связывал лошадь в стойле так, что она не могла ни шевельнуться, ни отдохнуть — как раз накануне скачки. Разумеется, лошадь не могла бежать как следует на следующий день, но ты только посуди, какая изощрённая жестокость! Да, Уджит был жесток. — Он помолчал немного. — Итак, принимая во внимание слова жокея и странный знак, который я заметил по дороге сюда, я поставил на Стони не так уж много, хотя и твёрдо убеждён, что она — лучшая из сегодняшних лошадей.

— Какой знак?

Он молчал. Я сменил тактику.

— Если ты уверен, что она проиграет, зачем вообще на неё что-то ставить?

— Это дело чести, ставка хозяина. Выражение доверия лошади. Это примерно то же, что сказать: «Я всё равно люблю тебя, и даже если этот мерзавец будет мешать тебе, я всё-таки поставлю на тебя, потому что знаю, что ты победила бы, если бы тебе не мешали». А потом, вдруг она выиграет, кто знает? Сфабрикованные скачки иногда протекают честно.

— То есть как это?

— А что, если хозяева решат, что победить должна одна лошадь, а жокеи сговорятся, что другая? Такое бывало. Жокеи-заговорщики выбирают какого-нибудь аутсайдера, лошадь, на которую принимаются самые низкие ставки, поскольку никто не ждёт от неё победы. Это лошадь, на которой скачет либо какой-нибудь ученик жокея, либо какой-нибудь вечный неудачник, не входящий в их компанию. Жокеи велют своим сообщникам поставить всё, что есть, на эту лошадь перед самым стартом, в самый последний момент. Тогда уже никто не может вмешаться и что-либо изменить. И как только начинается скачка, заговорщики пристраиваются к этому ученику, окружают его кольцом и ведут с собой. И в самый решительный момент они вдруг выпускают его вперёд. Они неистово хлещут своих коней, всем своим видом стараясь показать, что напрягают последние силы, чтобы догнать его. *Voila!* Малыш мнит себя чемпионом, сумевшим выиграть на ничего не обещавшей лошади, а жулики, это дело состряпавшие, радостно потирают руки. По идее, всё это можно устроить так, что никто ничего не заметит.

Это звучало убедительно.

— Но если ты несколько не сомневаешься насчёт Дженду Кумара, то почему просто не заменишь его? Мог же ты это сделать вчера?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Мог, но что бы это дало? Против него у меня нет доказательств. Если я выдвину необоснованные претензии, я наврежу только себе. Остальные жокеи, чтобы проучить меня, могут договориться придерживать моих лошадей. Жокеи есть жокеи, у них своя солидарность. Да и вообще, стоит ли беспокоиться? То, что должна мне Стони, она всё равно каким-нибудь образом вернёт мне потом, может быть, жеребятами, если Дженду Кумар не помешает ей в этом. По-моему, можно позволить себе расслабиться и просто понаблюдать, что будет. А для неё самое лучшее — выйти на старт с настроем на победу. Если б ты знал, какая это лошадь! Она заслуживает победы, чтобы в последний раз насладиться безумством толпы.

«Лошади у стартовых ворот», — раздался голос диктора. Мы достали бинокли. Лошади стартовали чисто, и я быстро разглядел в общей группе цвета Вималананды — розовую куртку с красными шевронами. Стони хорошо начала скачку, не задержалась в воротах и удачно вписалась в поворот. Но как она ни старалась, ей не удалось достать лошадь, которая из аутсайдеров вдруг мощно рванулась вперёд и финишировала первой, на секунду опередив Стони. Хоть я и был тогда новичком в этом деле, но даже мне показалось, что Дженду Кумар не особенно старался, чтобы привести Стони первой. Бить лошадь хлыстом ему было строго-настроено запрещено, но ничто не мешало ему действовать руками и ногами или только показать ей слоновую кость (из неё была сделана рукоять хлыста). Но он не предпринял ничего. Он только демонстративно дергал поводья то вверх, то вниз, что не давало никакого эффекта. Видимо, таким образом этот наглец рассчитывал произвести на нас какое-то впечатление, но когда, опустив бинокль, я мельком взглянул на Вималананду, я понял, что он тоже заметил нечистую игру Дженду.

Весь оставшийся день Вималананда избегал в разговорах этой темы, и только под вечер, когда мы вернулись домой, он налил себе стакан шотландского виски и, держа его в правой руке, заговорил. Голос его был ровным и твёрдым.

— С тех пор как два года назад умерла моя мать, жизнь перестала меня сильно интересовать. Я многое сделал в жизни, гораздо больше, чем большинство других людей. Я побывал на вершинах блаженства и в пучинах горя. Я много выигрывал и много проигрывал, но благодаря моей незабвенной Смашан Таре я достиг почти всего, чего намеревался достичь.

Смашан Тара («Спасительница Кладбищ», «Доставляющая На Другую Сторону Бытия») — это второе по счёту тантрическое божество из Десяти Махавидий.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— В мире осталось совсем немного вещей, которые ещё способны привлечь моё внимание. Я люблю своих духовных «детей», свою собаку Лизу, — услышав своё имя, собака приподняла голову от пола и выжидательно посмотрела на хозяина, — и лошадей.

— Скачки, по-моему, чудесный спорт, — продолжал он. — Всегда есть что-то непостижимое в процессе подготовки лошади к старту. Вот почему я нанимаю для своих лошадей малоизвестных тренеров. Знаменитости вроде Ардешира Рустомжи, которые, вполне возможно, делают свою работу лучше, чем какая-нибудь мелкая сошка, не разрешают вмешиваться в их планы и ход подготовки. Высказывая им своё мнение, вы всегда рискуете получить в ответ «Не суйся!», ибо они уверены, что разбираются в лошадях лучше вас. А маленькому, скромному тренеру не остаётся ничего другого, как подчиниться, потому что он боится потерять работу и оказаться не у дел, и ему приходится ладить с такими капризными собственниками, как я, которые вечно хотят до всего докопаться сами.

— Начинаешь с того, что выясняешь до мельчайших подробностей родословную жеребят, поступающих на аукцион, находишь наконец одного, который, по твоему мнению, может выиграть, и начинаешь торговаться. Если тебе посчастливится купить его, ты разрабатываешь всю программу его подготовки, вплоть до вывода на стадион. В то же время ты вчитываешься в календарь соревнований, чтобы найти подходящие скачки, в которых он мог бы выиграть. Все эти месяцы ты регулярно навещаешь своего скакуна и следишь за его ростом, утром присутствуя на тренировках, а вечером просто заходя в стойла. Волнуешься, если он заболит. Ухаживаешь за ним как за собственным ребёнком, если не больше, достаёшь для него пищевые добавки, улучшающие здоровье и укрепляющие силы, которые необходимы для победы.

— И наконец, выводишь его на ипподром. По опубликованному списку участников изучаешь всех конкурентов, их плюсы и минусы. И вот тогда наступает момент, когда ты начинаешь остро чувствовать: да, время пришло, всё указывает на удачу, вот именно в этой скачке твоя лошадка может сделать их всех! Она победит! И ты идёшь и ставишь всё, что у тебя есть, потом она выходит и летит во весь дух и — побеждает! Ты выскакиваешь на траву, бежишь к ней, к финишной черте, и ведёшь её в стойло среди восторженных криков толпы!.. Нет, это бесподобно, уверяю тебя, потрясающее чувство!

— Но что, если после всех затрат времени и сил, которые ты вложил в свою лошадь, она имеет все шансы выиграть последнюю в своей жизни

скачку, и тут является какой-то ублюдок, и в самый последний момент всё портит. Каково? Не слишком весело, правда? — Он пригубил виски, вид его был строг. — Пойми меня правильно: я рад, что ей пора на отдых. Пусть расслабится и как следует поест, позанимается любовью с каким-нибудь крепко сложенным жеребцом и узнает, что такое быть матерью. Нет, я не жалею, что она уходит со сцены, совсем не жалею. Я жалею о том, как она ушла.

— Судя по твоим словам, — вмешался я, — раз Стони суждено было выиграть, то и сису и джемадару было суждено получить от тебя свои премии, тренеру Лафанжу было суждено разделить с тобой выигрыш, а тебе была суждена слава победителя и денежный приз. А Дженду Кумар, которому полагался лишь его личный выигрыш и твои чаевые, предпочёл вместо этого сговор с букмекером, у которого перед тобой кармический долг. Букмекер забрал твои деньги и деньги других должников Стони, предназначавшиеся тебе, и передал некоторую их часть Дженду Кумару. Значит, эти двое стали новыми должниками всех остальных.

— Совершенно верно.

— А как быть с должниками клуба и букмекера?

— Они должны были проиграть, и проиграли. Их долги зачтены.

— Что же выдвинуло Дженду Кумара на столь почётное место? Твоя карма? Или карма Стони?

— И моя, и её, но в гораздо большей степени на появление этого прохвоста повлияла карма Мамрабахен. — (Мамрабахен была женщиной, которой Вималананда долгое время заменял отца.) — Она снова затащила меня на скачки после почти тридцатилетнего перерыва. Мне это было совершенно не надо, но она думала, что это надо ей. Ей хотелось покрасоваться на ипподроме в своём любимом сари и похвастаться своей причастностью к моим лошадям. И каков результат? Это «богатство» вскружило ей голову, и она ведёт себя так, будто она сама владелица лошадей, а все кругом думают, что она моя любовница. Она же тем временем носится со своими жокеями, флиртуя со всеми подряд и творя ещё бог знает что, только чтобы стричь купоны с лошадей, которые должны победить.

— Связавшись с Мамрабахен и её расчётами, я поставил себя в зависимость от её карм, большинство из которых весьма скверные. Будь они хорошие — с ней бы не стряслось ничего плохого.

— Но если они такие плохие, зачем же ты подставил себя под их влияние?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Тут дело сложное. С одной стороны, я — часть её жизни с самого её детства. Как можно бросить своё дитя? С другой стороны, она — член моей кармической семьи, то есть круга людей, с которыми я связан определёнными обязательствами на протяжении всей этой жизни, хочу я того или нет.

— Но если ты с ней кармически связан, то почему твоё влияние, столь благотворное, как я заметил, для других, не может пересилить её плохое влияние и вообще её наклонности, так чтобы и она как-то продвигалась вперёд?

— Не так-то просто это объяснить, Робби. Тут дело касается причинного тела. Ты помнишь разницу между причинным и астральным телом?

— Причинное тело хранит память обо всех рнанубандханах. Созревшие и готовые к проявлению кармы проецируются из причинного в тонкое, или астральное, тело, то есть в ум, где они побуждают нас действовать в соответствии с кармами, которые нам суждено испытать в этой жизни.

— Верно. Беда в том, что в причинном теле Мамрабахен столько отрицательных карм, что практически невозможно избавиться от них всех за такой короткий срок, как человеческая жизнь.

— То есть если бы её причинное тело было рубашкой, то она была бы так перепачкана грязью её зловредных карм, что сколько бы ты ни стирал и не отбеливал её, она бы так и осталась чёрной как сажа?

— Да, — ответил Вималананда. Он был холоден и трезв и продолжал отпивать из своего стакана. — Принцип тот же. У неё такие плохие кармы, что она катится и катится вниз по наклонной к собственной гибели, несмотря на все мои попытки хоть как-то изменить её путь. Я десятки раз спасал её из самых отчаянных положений. Однажды её продали в рабство и собирались послать в Персидский залив. Я столкнулся с ней накануне её отправки и с огромным трудом распутался с этим делом.

— Я заставил её окончить магистратуру, я нашёл для неё работу, я искал для неё мужа. Я истратил на неё тысячи рупий, но оценила ли она что-нибудь, что я для неё сделал? Ничего! Она мне говорит: «А что ты вообще для меня сделал?» Это злобное и неблагодарное создание, и всё-таки я продолжаю спасать её. Почему? Потому, что такова моя карма. Видишь ли, однажды я приказал её убить.

— Ты приказал её убить?! — воскликнул я, не веря своим ушам.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Да, в прошлой жизни, как результат произнесённого ещё до того проклятия. Большая часть того, что мы называем кармой, состоит из результатов проклятий и благословений. Я даже берусь утверждать, что 75%, а может, и все 90%, нашей кармы — это либо *абхишана* (проклятия), либо *аширвада* (благословения).

— Говоря «проклятия», я надеюсь, ты не имеешь в виду то, что мы в Техасе называем просто руганью? Ты, видимо, имеешь в виду заклатья, типа цыганских, а это выглядит так, будто вся карма происходит от людей, бросающихся друг в друга непонятными заклинаниями.

— Не совсем так. Немногие люди умеют сознательно пользоваться проклятиями и благословениями, очень, очень немногие. Большинство проклятий и благословений совершается неумышленно. Если ты по отношению к кому-то поступаешь действительно хорошо, если ты помогаешь ему, когда он действительно нуждается в помощи, то сердце его дрогнет, если он вообще способен на какие-то человеческие чувства, и волна благодарности изойдет от него к тебе. Это — благословение. Так же обстоит дело и с проклятием: если ты причиняешь кому-то страдание, то в некий момент — например в момент смерти — человек испустит отчаянный крик из глубины своего сердца. Этот крик и станет для тебя проклятием: его вибрации будут преследовать тебя повсюду и вмешиваться в твою жизнь. Садху (нищенствующий религиозный подвижник в Индии) может проклясть или благословить тебя, только когда он переполнен эмоциями, только тогда он создаёт поток полноценной *шакти* (энергии, силы). При этом, если его одолевает злоба — возникает проклятие, если радость — благословение.

— Когда-нибудь я дам тебе точное объяснение, как это происходит. Сейчас же постарайся понять, что то проклятие, которое связало меня с Мамрабахен, — проклятие настоящее, умышленное, наложенное одним очень могущественным человеком. Вот почему оно до сих пор оказывает на нас влияние. Сила настоящего проклятия распространяется на семь рождений, и мы ещё не исчерпали свои семь. Я уже убивал её шесть раз, и в нынешнем воплощении эта мучительница подводит меня к тому, чтобы я снова убил её. Впрочем, дело даже не в ней, а в том проклятии, которое действует через неё. И если она доведёт-таки меня до убийства, цепочка продолжится, ибо получится, что я убью её седьмой раз, и тогда она будет иметь право убить меня семь раз.

— Это правда?!!

— Друг мой, это просто закон кармы, третий закон Ньютона, который ты так хорошо знаешь, закон причины и следствия: если я убиваю её, то в ответ она убивает меня.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— И что — это весь закон?

— В принципе, да. Неужели это для тебя пустой звук? Закон кармы можно выразить очень просто, но охватить умом все его разветвления — это поистине адский труд. Был один ученик, который жаловался на то, что гуру ничему его не учит. Ученики — они все таковы, это часть божественной *лилы*, космической игры. Человеческие игры называются *крива*, то есть бессознательные. Мы не можем диктовать правила в них. Только игра богов и наших древних *риши* (провидцев) есть лила: игра космического масштаба, всегда находящаяся под контролем.

— В общем, этот ученик так долго донимал гуру своим непониманием, что тому это в конце концов надоело, и он решил повернуть дело так, чтобы до мальчишки хоть что-нибудь дошло. На следующий день во время прогулки они увидели кобру, которую поедали тысячи муравьев. Как ни вертелась и ни извивалась бедняжка, она не могла избежать мучительного конца. «Гуруджи, — обратился к учителю ученик, — в чём виновата эта кобра? За что она так страдает?» — «Тише! — ответил гуру. — Идём!»

Дорога привела их в рыбацкий посёлок. Один рыбак только что вернулся на берег с богатым уловом. Он отдыхал, весьма довольный собой, и покуривал хорошую трубку.

«Ты понял?» — спросил учитель.

«Что?» — откликнулся ученик.

«Что та кобра, которая попалась нам по дороге, станет рыбаком, а муравьи — рыбами. А этот рыбак когда-то был коброй, которую съели муравьи, и теперь он, стало быть, имеет право терзать и гноить этих рыб, бывших ранее муравьями».

— Вот как, — произнёс я. — Значит, если ты опять прикончишь Мамрабахен, она так или иначе когда-нибудь прикончит тебя.

— Да, но если я разобью эту цепь сейчас, мне никогда уже больше не придётся убивать её снова, и у неё не будет права убить меня. Таким образом мы положим конец этой странной кармической чехарде, а это как раз то, чего я хочу. Время от времени проклятие настойчиво внушает её уму спровоцировать меня на убийство, а моему — свернуть ей шею, но... я успокаиваюсь и снова возвращаюсь к своему плану.

— И это будет продолжаться, пока не иссякнет сила проклятия?

— Да, именно столько и ни мгновением дольше. Но кто знает, сколько ещё энергии сохранилось в проклятии? Временных ограничений нет. Трудно судить о таких вещах, но пока я не заметил никаких перемен в её

поведении. Значит, мне предстоит ещё долгий путь, прежде чем я рассчитаюсь с этой конкретной *рна* (кармической задолженностью). Как только *рна* утрачена, *рнанубандхана* кончается. В то же время я стараюсь смягчить проклятие, участвуя в её кармах. А поскольку ей суждено страдание, оно достаётся и мне, и я действительно пострадал из-за неё, и неоднократно. Некоторые её злые кармы, после того как я с ней связался, стали воздействовать на меня: мой недавний инфаркт — это частично результат того бешенства, в которое она меня вгоняет, а частично того, что я сам беру на себя некоторые её кармы, о чём мне не хочется сейчас говорить. Некоторые её злые кармы воздействуют на меня через других. Сейчас, например, часть её кармы воздействует на меня через личность Дженду Кумара. У неё навязчивая идея насчёт него, что если они сговорятся с букмекером и будут придерживать лошадей, то смогут быстро разбогатеть. Она только и думает о том, как быстро разбогатеть. О «долгосрочном планировании» она слыхом не слыхивала.

— Но из того, что Дженду Кумар сумел воспользоваться выпавшим ему шансом придержать Стони, ещё не следует, что кто-то заставлял его это делать. Он был волен сказать «нет», выйти и победить. Если бы он выиграл, он получил бы меньше денег, непосредственно сейчас, но остался бы в добрых отношениях со мной. А это укрепило бы его репутацию. Но он погнался за сиюминутным выигрышем, за который ему придётся платить.

— Когда-нибудь...

— Когда-нибудь, но весьма скоро, потому что я больше не дам ему сесть в седло. И расскажу о нём своим друзьям, у которых тоже есть лошади, так что и они не предложат ему работу. Что с ним тогда будет? Предвидеть такой оборот несложно, но его собственные дурные кармы вкупе с бурдой, которую он пьёт, затуманили его разум. Чтобы отказаться от шальных денег, когда их подносят тебе на блюдечке, — тут нужна завидная твёрдость, и не многие жокеи могут ею похвастать. Кое-кто, конечно, имеет характер, но большинство из них ещё с малых лет обучаются жульничеству. А преподают им эту науку заправилы — букмекеры и тренеры.

— Отчасти я сам виноват в сегодняшнем провале. Один из моих прежних тренеров, старина Манекджи, предупреждал меня не давать лошадь более двух раз выигравшему на ней жокею. «Дай ему выиграть дважды, голова ты садовая, — повторял он, — а потом бери следующего. Первые две скачки он будет из кожи лезть, чтобы выиграть, а вот потом почувствует себя незаменимым, героем, которому всё дозволено, решит, что ты у него в долгу. Попомни мои слова, бесстыжая морда!» Манекджи

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

был настоящим персом — слова не мог сказать, чтобы не прибавить к нему чего-нибудь эдакого... Люблю персов за их цветистую речь, хотя и не только за это.

Предки современных персов переселились в Индию из Персии более 1300 лет назад. Персы, будучи огнепоклонниками, исповедуют религию Заратустры (Зороастра), который 2500 или более лет назад провозгласил дуалистическое учение о непрекращающейся битве добра и зла за овладение миром. Из ста тысяч зороастрийцев, насчитывающихся в современном мире, примерно половина живёт в Бомбее.

— Между прочим, когда я называю Дженду Кумара ублюдком, я не просто вымещаю свою злость. Он действительно ублюдок: никто не знает его родства. Он рос в приюте. Ты же знаешь, как важна родословная для лошадей, — думаешь, для людей по-другому? Ничего подобного! Это имеет огромное значение. Но ещё важнее ментальная наследственность — линия карм и самскар (личностных характеристик), которая тянется за тобой от рождения к рождению. Какой честности ждать от Дженду Кумара, если у него не заметно ни хороших наследственных самскар, ни добрых карм, наработанных в прошлых жизнях? Некоторые выходят из приюта и становятся порядочными людьми. Он не из их числа. Из приюта его выгнали за плохое поведение. Теперь он плохо ведёт себя со мной. Его судьба — быть обманщиком, и я тут ничего не могу поделать, если, конечно, сам не захочу пачкаться, вычищая дерьмо его карм. А зачем это мне? Мне надо рассчитаться с ним по рнанубандхане. Потом я пойду своим путём, а он может сколько угодно наслаждаться плодами своей кармы, это его судьба.

— Что такое вообще судьба, как не сумма прошлых карм? И что такое кармы, если не неоплаченные долги? Ты совершаешь поступок, и он ложится семенем будущих всходов, которые тебе придётся пожать, хочешь ты этого или нет. Нельзя отвратить кого-то от его судьбы. Люди все спорят и спорят: судьба или свобода воли, но как же они глупы! Каждый обладает свободой воли. Каждый волен решать: прожить ли ему свою жизнь в сотрудничестве с Природой или начать выдумывать что-то от себя. Но что бы ты ни выдумывал, тебе всё равно в конце концов придётся идти путём, уготованным Природой. Природа — это и есть закон кармы. Если обратиться к Природе с самого начала, можно сэкономить силы и время и меньше бед натворить. Не разумнее ли идти путём наименьшего сопротивления, наименее болезненным путём? Всегда лучше жить с реальностью, Робби, ибо иначе она сама, будь уверен, явится к тебе и начнёт жить с тобой.

— Значит, можно не сомневаться, что реальность в конце концов,

явится к Дженду Кумару и начнёт жить с ним?

— Это такой же факт, как то, что мы с тобой сейчас сидим и беседуем здесь. Жернова Природы вращаются медленно, но мелют тщательно, и никто от них не спрячется. Ты знаешь, кто такой Видхата?

— Нет.

— *Видхата* — это олицетворение Судьбы, эфирная сущность, занимающаяся превращением прошлых карм в нынешние результаты. Видхата влияет на нас через своих представителей — эфирных существ, которые и создают обстоятельства нашей жизни. В *джотише* (индийской астрологии) насчитывается девять таких представителей, которых мы называем девятью планетами. Каждая планета воздействует на определённый аспект человеческой жизни. Солнце, к примеру, представляет душу. Луна представляет ум, особенно его интуитивный и эмоциональный аспекты. Поэтому по положению Луны в гороскопе опытный астролог может точно сказать, как сформированы эмоции индивида на момент рождения и как они будут изменяться при прохождении планет по небосводу в течение жизни.

— Из девяти планет самой важной является Сатурн, планета, ответственная за жизненный опыт (*анубхава*). В *джотише* Сатурн называют «сыном Солнца», ибо обретение жизненного опыта возможно только в присутствии души — подлинного «субъекта опыта» всякого живого существа. Именно Сатурн отвечает за Судьбу, заставляя нас отрабатывать наши кармы, хотим мы того или нет.

— Хорошие кармы и плохие.

— Хорошие и плохие. Сатурн вызывает огромные перемены в жизни, как хорошие, так и плохие. Сатурн может вознести тебя на вершины богатства и славы, а может утопить в нищете — всё зависит от плюсов и минусов твоего кармического счёта. Некоторым людям везёт от природы, удача ожидает их повсюду, и никто её не подсчитывает, за исключением закона кармы. В одной и той же семье один может пахать весь день ради корки хлеба, а, скажем, на его брата деньги могут словно с неба сыпаться, позволяя ему вести роскошную и беззаботную жизнь. «Невезение» — это такое состояние, когда твой кармический счёт состоит в основном из плохих карм, и Сатурн преподносит тебе главным образом беды и унижения, через которые ты должен пройти. «Везение» означает изобилие добрых карм, проходить через которые приятно. Положительный кармический баланс означает, что тебе должны больше рнанубандханы, чем должен ты сам, то есть что тебе многое предстоит получить от людей. А человек с отрицательным балансом должен многое отдать другим, он — должник по большему числу рнанубандхан.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Сатурн причиняет горе и радости путём влияния на создание твоей врождённой натуры («свабхавы», «пракрита»), которая играет решающую роль в определении твоего жизненного окружения. Некоторые люди сердиты и раздражительны по своей натуре, другие спокойны и уживчивы, третьи — трусливы и инертны. Эти и другие врождённые качества сидят в генах и хромосомах и управляют мироощущением. У Ма, Великой Богини, «пракрита» совпадает с Природой, с той силой, которая является причиной творения, существования и разрушения Вселенной.

— А разве среда ни на что не влияет? — Грубо говоря, *пракрита* есть корень, а *свабхава* — плод человеческого познания.

— Влияет на очень многое. Если ты ещё в раннем возрасте получишь должные самсары, ты можешь продвинуться очень далеко. Но все твои самсары всё же зависят от твоей кармы.

— В ограниченном человеческом смысле, твоя *пракрита* есть твоё «первое действие» (*пра* + *крити*), инстинктивный выбор характера действия, когда ты оказываешься в той или иной ситуации. За редчайшими исключениями, у животных этот выбор совершается чисто инстинктивно, поскольку их самосознание крайне ограничено. Даже на обученных и дрессированных животных нельзя долго полагаться. В некоторый момент искушение вернуться к естественному образу жизни оказывается слишком велико, несмотря на всю тренировку. В конечном счёте, природа Природы — это автоматическое и инстинктивное поведение. Люди, по идее, должны обладать более развитым сознанием, чем животные, но насколько более развитым? Человеческое сознание имеет множество ограничений, которые в критических ситуациях заставляют нас забывать обо всех хороших вещах, которым нас когда-то учили. Эти ограничения включают в себя пищу, воздух, социум, но важнейшим ограничителем сознания, безусловно, является наследственность, достающаяся нам от родителей и прошлых рождений.

— Пока ты не покоришь эту внутреннюю природу долгим тяжёлым подвижничеством либо страстным стремлением и любовью к своему божеству, Сатурн по-прежнему будет влиять на тебя. Руководимый Судьбой, Сатурн выискивает слабости твоей личности и выставляет их напоказ. В результате ты сталкиваешься со многими ограничениями своей *пракрита*. В жизни в конечном счёте всё определяет внутренний запас знаний, единственное, что уцелеет после крушения. Насколько успешно ты будешь пополнять этот запас, зависит от того, насколько сильное влияние оказывает Сатурн на твой ум. А это, в свою очередь, определяется ахамкарой. Когда ахамкара начинает пробуждаться от

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

дремы самообмана, она получает название Кундалини Шакти. А до того она создаёт и укрепляет личностные ограничения путём отождествления себя с физическими или ментальными характеристиками. До тех пор пока сознание остаётся в плену у тела, ты остаешься во власти Сатурна, поскольку неспособен подчинить себе свою праकрити. И только когда ты полностью превзойдёшь свой «природный уровень», Сатурн перестанет оказывать на тебя какое бы то ни было влияние.

— Вот откуда идёт санскритская поговорка: *«Свабхаво виджаяти ити шаурьям»*, то есть «подлинный героизм — в подчинении собственной природы». Не так это просто — постоянно бороться со своей собственной природой! По крайней мере, пока не достигнешь бессмертия. Судьба может влиять и на бессмертных, если только они добровольно вернутся к временным, пространственным и причинным ограничениям. Я подчёркиваю это только для того, чтобы ты знал, что всякий коренной сдвиг в твоей природе (а это значит — ив судьбе) возможен исключительно путём изменения химического состава мозга, который регулируется наследственным материалом.

— Значит, Дженду Кумар безнадёжен?

— Безнадёжных нет, все рано или поздно осознают Бога. Но для Дженду Кумара это «рано или поздно» превращается в «очень поздно». С теми кармами, с которыми он сюда явился и которые он тут натворил, вероятность какого-то благоприятного роста в этом рождении для него слишком мала. Переведи-ка мне с санскрита: *«Пурва даттешу видья, пурва даттешу бхарья, пурва даттешу дханам, пурва даттешу маранам»*.

— Мм... «прежде данное знание, прежде данная жена, прежде данные деньги, прежде данная смерть». Это всё?

— Всё. Это значит, что те знания, умения, супруги, благосостояние, собственность и смерть, с которыми ты имел дело в прошлых жизнях, ожидают тебя и в этой. Плохие и хорошие кармы, проклятия и благословения, все рнанубандханы переходят с тобой из жизни в жизнь в течение по крайней мере семи последовательных рождений. Сатурн, овладевая твоим умом, вводит тебя в такие ситуации, которые соответствуют условиям, отмеченным в «договорах» по кармическим долгам. Допустим, в силу твоих рнанубандхан тебе суждено взять в жёны некую девушку. Встретившись, вы, возможно, полюбите друг друга арья-любовью, которая заставит вас вступить в брак. Сцена, таким образом, работает на вас обоих, и ты, и она подравниваете свои кармические счёта.

— А что такое арья-любовь?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Это как малярия, только передаётся через романтические бредни, а не вредными насекомыми. Её жертва большую часть времени проводит как обычный, здоровый, рассудительный человек, но во время любовного приступа впадает в горячку. Как и малярия, арья-любовь, как правило, не смертельна, и, опять же как малярия, трудноизлечима.

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Но если человек в новом обличье получает в точности свою старую супругу, значит ли это, что и знания он получает в точности те, которые имел в прошлой жизни?

— Формы всех этих вещей изменяются, но сущность остаётся той же. Мясник может родиться хирургом, но и там, и там он режет плоть. Более того, если тебе встречается хороший хирург, как, например, мой сын, можешь быть уверен, что в прошлой жизни он был мясником. Иначе бы он так не любил эту работу. Мой сын иногда говорит мне: «Папа, входя в операционную, я просто дрожу!» Эта страсть резать характерна для разделывателей туш. Когда я слышу такое от собственного сына, я говорю себе: «Пурва даттешу видья!»

— Человек, хорошо играющий свою роль, играет её хорошо потому, что в прошлых жизнях выработал в себе черты, которые помогают ему теперь. Если я могу убедительно сыграть короля, то в одной из прошлых жизней я, по всей вероятности, был каким-нибудь правителем. Если я могу легко войти в образ торговца, злодея, проститутки, стало быть, я был торговцем, злодеем, проституткой в прошлом. И так далее.

— Значит ли это, что Акбару приятно навещать тебя, потому что ты хорошо входишь в роль царя, а это, в свою очередь, оттого, что в какой-то предыдущей жизни ты был правителем? — Вималананда любил предоставлять себя в распоряжение духов великих святых и богов, то, что на санскрите называется *авишкара*, и к нему частенько захаживал могольский император Мохаммед Джалал-уд-дин Акбар.

— Да, я был правителем, и не один раз, и своими скромными достижениями в этой жизни я обязан своей родословной, которая идёт как со стороны родителей, так и со стороны прежних жизней. Будь у Дженду Кумара какое-то основание, прочный фундамент, он бы ещё мог на что-то рассчитывать в этой жизни. Но никакого фундамента нет. Что он умеет делать? Да ничего! Никудышный жокей и мелкий жулик. Он — никто.

— Он неплохо готовит.

— Не выше среднего — или ты готов назвать его кулинаром?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Вовсе нет.

И даже с пищей, которую он готовит, он умудряется накладывать дальнейшие ограничения на себя.

— Как это?

— Готовя мясо. Если ты не тантрист и не агхори, мясоедение создаёт мощное отрицательное воздействие на ум, вынуждая эго самоотжествляться с поедаемыми животными. Обрати внимание, что большинство индийцев, которые употребляют мясо, едят преимущественно цыплят, рыбу и козлятину, — и ты, наверно, уже заметил цыплячью, рыбью и козлиную психологию этих людей. И эффект не ограничивается животными, которые идут в пищу. Из-за нынешней шумной кампании по уничтожению крыс, которая сейчас идёт у нас полным ходом, в людях всё чаще и чаще будут проявляться крысиные качества. Ты сам увидишь. Представляешь себе крысиный характер? Сначала отношения складываются как нельзя лучше, а потом, в один прекрасный день, тебя как следует цапнут! Он рассмеялся.

— Также, как Дженду Кумар цапнул тебя? Он снова рассмеялся.

— Точно. Любое животное, даже насекомое, которое убивает человек, получает тем самым право когда-нибудь родиться человеком. Когда я вижу, как стадо животных ведут на бойню, мне хочется крикнуть им: «Торопитесь! Спешите! Маленькая боль — и вы получаете билет на обратное возвращение в качестве людей!» Таково их право, и почему бы им не воспользоваться? Это закон кармы. То же право имеют и насекомые. Впрочем, к счастью для нас, насекомые и другие немлекопитающие не приспособлены жить в качестве млекопитающих. Они не могут преуспеть здесь, да и не видят в этом ничего хорошего. Они пробуют — всё-таки шанс! — но очень быстро умирают. Вот почему нет тараканьих, муравьиных, мушиных или комариных людей. Ты можешь себе представить, какой это был бы ужас — человек-клоп, человек-мухачеце?

— Да уж...

— Нам повезло, что насекомые и другие случайно убиваемые животные не пользуются этим правом. По сути, у них его нет, поскольку их убивают непреднамеренно, неумышленно. Они умирают из-за собственных карм. Но паразит, которого ты давишь уж никак не случайно, получает шанс стать человеком, хотя бы и ненадолго. Это оборачивается весьма плохо для тех, кто занимается выведением паразитов, так как с убитыми паразитами устанавливается рнанубандхана. Но это ещё не всё. Большая часть этих насекомых

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

становится людьми очень ненадолго. Именно поэтому число абортос растёт с ростом количества уничтоженных насекомых. И всё равно некоторые паразиты — прежде всего те, которые уже побывали млекопитающими в том или ином рождении, — могут дорасти до людей, пусть на очень короткий срок. Допустим, некий человек-паразит создаёт злые кармы во время своего человеческого существования. Ведь очевидно, что так оно и будет: это в природе паразитов. Итак, он создаёт кармы, но не отвечает ли тот, кто истреблял паразитов, хотя бы частично за него, коль скоро он своим насилием дал ему возможность стать человеком? Должен отвечать!

— Но если не убивать тараканов, крыс и прочих паразитов, как же с ними быть?

— Есть способы и получше. В Раджастане стоит знаменитый храм Карни Мати. В нём живут тысячи белых мышей. Если посидеть в храме некоторое время, они начнут ползать по твоему телу, и от этого становится жутко. Махарадж Биканера выделяет храму зерно для мышей. И во всей прилегающей области, на мили кругом, грызуны практически не трогают зерно на полях. Природа любит, когда мы действуем с ней заодно, и огорчается, когда мы поступаем иначе.

— Но паразиты по крайней мере не могут долго оставаться людьми. Однако большая часть высших млекопитающих, которых мы губим, могут весьма неплохо приспособиться к человеческому телу. Вы на Западе обожаете говядину и свинину, поэтому когда я оказался в ваших краях, я нисколько не удивился, встретив такое количество человеко-свиней и человеко-коров. А точнее, свиней и коров, на время ставших людьми. Они любят мясо, потому что их притягивает плоть тех животных, которыми они были, ведь это так знакомо для них. Но те, кто переродился из других животных, тоже не прочь отведать говядины и свинины. Почему? Ну хотя бы потому, что мясо тех, других животных люди не едят. Рассуждая с точки зрения пользы для здоровья, нужно сказать, что регулярное потребление говядины и свинины ослабляет способность организма сопротивляться таким опасным, я бы даже сказал дегенеративным заболеваниям, как артрит, ревматизм, подагра.

Но ещё хуже воздействие говядины и свинины на ум. На санскрите корова называется *го*¹, что также означает орган чувственного восприятия. Отсюда следует, что всякий, кто поедает коровье мясо, приобретает животные черты, становится более плотским, сильнее привязывается к миру чувств и их объектов. Любителям говядины очень

¹ Интересно сравнить это с древнерусским *говядо*, корова. Отсюда коровье мясо — *говядина* (Прим. пер.)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

трудно обуздать свои чувства и войти в астральные области, что просто необходимо для истинного духовного прогресса. А уж о свинине и говорить не приходится! Если хочешь узнать, что творит с человеком свинина, взгляни на свинью. Она отдаётся всем боровам без разбора, в любое время, даже во время беременности. А если она после родов проголодалась, то не задумываясь пожирает своих же собственных поросят.

Я действительно слышал, что это так.

— Если хорошенько вдуматься в эти проблемы, то нетрудно прийти к выводу, что чем большим насилием достаётся тебе пища, тем с большим насилием тебе приходится сталкиваться в жизни на каждом шагу. Пища, добытая насилием, вынуждает тебя притягивать к себе новое и новое насилие, и ты всё больше склоняешься к насильственным действиям по отношению к окружающим. К примеру, не что иное, как страсть мясоедов разделять мясо у себя на тарелке, рождает любовь к хирургическим методам лечения, которая в равной мере характерна и для врачей, и для их пациентов.

— Закон кармы: благословения и проклятия...

— Точно. Однажды все зарезанные козлы — и принесённые в жертву, и просто съеденные — собрались на совет. Сосчитав и оценив все страдания и несчастья, которые им достались от рук священников и забойщиков, они решили сами выполнить один обряд. Они устроили *махараджаджи видвешан прайогу* (великий обряд разжигания ненависти и вражды) и результат преподнесли человечеству. С тех пор люди убивают друг друга так же, как они убивают козлов.

— Если так, то козлы со своей прайогой постарались на славу.

— Но я скажу тебе больше: пока люди не перестанут есть мясо, кризис перенаселения во всём мире будет продолжаться, несмотря на все усилия правительств. Животные любят размножаться, а становясь людьми, они остаются под сильным впечатлением своего прежнего существования, особенно это касается секса. И никакие программы по ограничению рождаемости здесь не помогут. И аборт тоже не решает эту проблему. Иногда аборт неизбежен, и когда неизбежный аборт совершается в течение первых трёх месяцев беременности, то всё ещё не так плохо. До наступления четвёртого месяца *джива* (индивидуальная душа) ещё не так крепко связан с зародышем. В это время ребёнок ещё не начал двигаться. Но карма за аборт на более позднем этапе такая же, как за убийство.

— Гитлер был вегетарианцем.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Знаю. Мясоедение — это только одна из причин кровожадности, хотя и весьма существенная.

— Некоторые считают, что первые люди были охотниками и собирателями, и их пищей было почти исключительно мясо.

— У современных учёных есть серьёзные сомнения в том, что древнейшие люди были такими уж плотоядными. Лично я считаю, что первые люди в Индии никогда не употребляли мяса. Они ели листья, корни, плоды, а когда осознали, что они делают, стали питаться одним воздухом. А в большинстве других стран люди, по-моему, скатывались всё ниже и ниже, и вместо очищения себя стали убивать и поедать животных.

— Только не надо думать, что мои убеждения превратили меня в плаксивого пацифиста. Я убивал людей, когда служил в армии. Я любил охоту, до тех пор пока однажды не пошёл охотиться на пару с мистером Вильямсом из фирмы «Станвак» (теперь она называется «Эссо»). Я был не слишком высокого мнения об этом американце, обычно он уставал после нескольких миль ходьбы и возвращался в палатку пить пиво. В тот день я подстрелил *гаура* (индийского бизона). Я свалил его одним выстрелом и пошёл посмотреть, не надо ли его добить. Я взглянул в его глаза и замер как вкопанный. Его взгляд говорил мне: «Ты убил меня только за то, что я лучше тебя. Тебе досадно, что я сильнее и красивее тебя. У тебя, слабака, есть только один способ доказать себе, что ты сильнее, — застрелить меня из ружья». И это была правда. Я дёрнул себя за ухо и навсегда покончил с охотой.

Как и многие индийцы, Вималананда дергал себя за мочки ушей, когда считал себя неправым. Его искренность в этом вопросе не оставляла сомнений, но кое-что не давало мне покоя.

— Но ты сам до сих пор иногда ешь мясо.

— Да, но только тогда, когда я убеждён, что нет лучшего пути развязаться с какой-нибудь рнанубандханой. Кроме того, я знаю, как надо есть мясо, чтобы оно не загрязняло мои мозги. Я всегда помню о законе кармы, и забочусь о том, чтобы отдать долг животному, помогая ему обрести лучшее перерождение. Разве Дженду Кумар что-нибудь об этом знает? Да если бы и знал, стал бы он утруждать себя такими вещами? Каждый мясоед, не задумывающийся о животном, мясо которого он поедает, напрашивается на большие неприятности.

— И поэтому ты велел мне отказаться от мяса.

На самом деле я прекратил есть мясо года за полтора до того, как попал к Вималананде.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Совершенно верно. Если бы я разрешил тебе есть мясо, то либо мне пришлось бы брать на себя ответственность за судьбу животных, тела которых оказывались бы в твоём желудке, либо мне пришлось бы учить тебя, как возвращать животным долги, к чему я ещё не готов. Впрочем, время от времени я, возможно, и буду давать тебе специальные кусочки мяса, чтобы помочь тебе распутаться с какой-нибудь особой рнанубандханой. Ответственность за это буду нести я. Я отвечу и за себя, и за тебя, если твоё «ментальное пищеварение» ещё не настолько окрепнет, чтобы справиться с этим блюдом.

За все годы, проведённые вместе, Вималананда только три раза разрешал мне есть мясо.

— Именно потому, что убийство животного гораздо хуже простого поедания его мяса, у буддистов есть закон трёх рук. Они утверждают, что перед конечной подачей мяса на стол к нему должны приложить руки три человека: забойщик, мясник и повар. Каждый из них забирает часть кармы, оставляя на долю едока меньше кармы, чем если бы он сам убивал, разделявал и готовил. Вот почему своим «детям», которые едят мясо, я всегда говорю, что лучше не надо самим подыскивать животное и вмешиваться в действия забойщика и мясника. Ибо такой поступок (а точнее, установка «пусть это животное умрёт для меня») многократно усиливает отождествление с убийством животного. Лучше купить мороженого мяса, какое окажется в магазине. Если в магазине нет ничего подходящего — значит ваши рнанубандханы относятся к другим животным, не к тем, чьё мясо лежит в холодильнике, и с мясным блюдом вам пока лучше повременить. Ибо от мясника каждый получает мясо только тех животных, с которыми его связывают какие-нибудь рнанубандханы. Более того, каждый покупает только те части, которые это животное ему должно. Если же рнанубандхана не связывает его ни с одним животным, мясо которого есть на прилавке, он вообще не сумеет купить в этот день никакого мяса: либо кончатся деньги, либо появится какое-то срочное дело, либо просто передумает, да мало ли что может случиться.

— Мясником тоже правит рнанубандхана. В этой жизни он имеет право убивать животных, потому что его самого убивали много-много раз в предыдущих рождениях. Сколько раз убивали его, столько же раз убьёт он сам — ни больше ни меньше. Убив положенное число животных, он либо автоматически уйдёт на пенсию, либо сменит профессию, либо заработает артрит и не сможет более держать в руках нож, либо произойдёт что-нибудь подобное. Природа знает своё дело.

— Запомни: всякий раз, когда тебе предоставляется возможность

убить животное — и убить не случайно! — это означает только одно: животное возвращает тебе долг за то, что когда-то в прошлом оно убило тебя. Только по этой причине у тебя появляется шанс прикончить его сейчас. И если ты решишь сводить счёты, то это новое действие обеспечит животному ещё одну возможность преследовать и убить тебя в будущем — если ты не сумеешь воздержаться от убийства. Мясники тоже могли бы не использовать своё право на убийство. Тогда их личные кармические циклы, чередование судьбы жертвы и палача, прекратились бы, однако вес накопленных карм столь велик, что считанным мясникам такая мысль когда-либо приходила в голову.

— Одним из тех, кто смог бросить это дело, был бедняк, влачивший вместе со своей семьёй жалкое существование. Каждый день он закалывал и разделывал одного козла. Однажды под вечер, когда вся семья уже поужинала, к нему пришли гости. По закону гостеприимства их следовало накормить, но вся предназначенная для этого дня еда уже кончилась. Конечно, он мог зарезать козла в счёт следующего дня, но за ночь оставшееся мясо наверняка бы протухло, потому что в доме не было холодильника. Такая потеря разорила бы его.

Мясник пошёл в загон и угрюмо осмотрел козла. Это был здоровый зрелый самец. Внезапно его осенила идея: а что, если не убивать козла, а только его кастрировать! Мясца хватит как раз, чтобы накормить гостей! Козел останется жив, несмотря на мучения, а завтра его можно будет забить и отправить заказчиком.

— Очень довольный своей мыслью, мясник принялся точить нож, но тут до него стали доходить странные звуки со стороны козла. Он перестал точить и прислушался. И ему показалось, что козел одновременно плачет и смеётся. Более развитый человек удивился бы, что понимает козлиную речь, но мясник просто подошёл к нему и спросил: «Что ты делаешь?» Немного успокоившись, козел ответил: «Я плачу от мысли о муке, которую ты причинишь мне сейчас своим ножом. Но я радуюсь, потому что мучения продлятся только до утра. Утром я умру, и это будет концом моих несчастий, а потом рожусь снова. Вот тогда-то я поймаю тебя, и мы поквитаемся!»

— Мясник уронил нож и замер как вкопанный. А потом он, никому не говоря ни слова, бросил козла, бросил дом, семью и ушёл в лес. В конце концов он сделался святым.

— Ему повезло.

— Повезло, потому что таково было его предназначение. Его хорошие кармы созрели настолько, что он сумел услышать козла и понять, что тот говорит. Однако большинство живущих совершенно не понимают, что

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

творят, и остаются жёстко привязанными к колесу кармы. Однажды мертвая норка, с которой заживо сняли шкуру, доплакалась до того, что её услышал Бог. Он был так тронут, что обратился к ней: «Проси у меня чего хочешь!». Всклипывая, бедная норка сказала: «Боже, теперь у меня нет шкурки, чтобы согреться. Сделай мне пальтишко из человеческой кожи, чтобы мои мучители поняли, что это такое — сдирать кожу с живого существа». Бог ответил ласково, но твёрдо: «Если бы ты понимала закон кармы, ты бы знала, почему с тебя заживо сняли шкуру, и никогда бы не обратилась ко мне с такой просьбой».

— Но по закону кармы норка должна отомстить своему живодеру и снять шкуру с него. Разве не так?

— Так, но какой в этом смысл? Ведь всё опять начнётся сначала. Лучше забудь о мести, это дело Божье. В Ветхом Завете говорится: «И сказал Бог: «Отмщение Мне принадлежит». Иисус шёл ещё дальше, Он говорил: «Подставь другую щеку». Но у простого человека нет никакого терпения. Он хочет немедленной мести, когда с ним поступают плохо, на удар он всегда отвечает ударом Это не лучший путь. Этот путь ещё сильнее привяжет тебя к колесу действий и противодействий. Помни: *«кшамам вирасья бхушанам»* («выдержка — украшение героя»). Если ты потерпишь. Природа в конечном счёте так устроит твою жизнь, что ты получишь **всё**, чего желаешь. Усомниться можно только в быстроте получения желаемого результата.

— Это ты называешь сотрудничеством с Природой?

— Да. Когда приходишь до того, что можешь самостоятельно управлять своей кармой, или находишь кого-то, кто возьмёт это на себя, то можно, в некоторых пределах, осуществлять тонкую настройку своей судьбы. В противном случае судьба в форме твоих карм будет определять твой жизненный путь и тогда твоя задача — как можно аккуратнее идти этим путём. Месть крайне неаккуратное средство, так как очень непросто точно выяснить размер возмездия, на которое прошлые кармы уполномочивают тебя. Помнишь Шайлона из «Венецианского купца»? Ему полагался фунт мяса, но без единой кровинки внутри. Возмездие, хоть на йоту превышающее положенное, рождает новую рнанубандхану, новый кармический счёт, по которому рано или поздно наступит расплата.

— Более того, сущность рнанубандханы такова, что если я должен тебе деньгами, то я должен и платить деньгами, даже если мне удобнее рассчитаться натурой. И заплачу я ровно столько, сколько я должен, даже если мне этого совсем не хочется. Всё зависит от размера долга. Если я вижу нищего и хочу подать ему десятипайсовую монету, но из кармана

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

вынимаю 50, значит, я должен ему больше, чем я думал. Но что, если я подаю ему 10, а он злится и не берёт, говоря: «Что ты мне тут суешь?! Мне нужна рупия!». Если я не смог заплатить ему, значит, я вообще ему ничего не должен. Если ты знаешь о долге, ты должен знать, как его вернуть.

— Как всё это сложно, — только и сумел вымолвить я.

— Возьмём конкретный пример, — ответил Вималананда с возрастающим энтузиазмом, — и ты точно поймёшь, что я имею в виду. Мохаммед Джалал-уд-дин Акбар, величайший из Великих Моголов, был прирождённым властителем. И хотя он рос среди жестокостей Деспотизма и в некоторых вещах был сам достаточно суров, он никогда не отличался кровожадностью. В тринадцать лет он освободил империю от индийского узурпатора Хему. И когда его советник и наставник Байрам Хан доставил к нему поверженного Хему и сказал: «Перережь эту глотку своими руками, мой господин, и станешь *гази*» (так в исламе называется человек, убивший неверного), Акбар ответил: «Я не мясник, чтобы убивать безоружных пленных. Пусть этим займутся мои мясники». Обычно в таких случаях правители, лишённые истинного благородства, убивают сами, так поступают 99,9% из них. Редко кто имеет какое-то представление о сути происходящего. Акбар был настоящим царём, и образ жизни, который он вёл, называется *шахи* (царственный). Так как в том нежном возрасте Акбар ещё ничего не знал о законе кармы, то у него, по-видимому, было естественное представление о правильных и неправильных поступках.

— Истинная царственность всегда была редкостью среди владык, такова история, и ещё более такова современность. А теперь задай себе вопрос: откуда она в Акбаре? По семейной линии он, с одной стороны, происходил от Чингисхана, а с другой — от Тамерлана, двух крайне жестоких и кровожадных завоевателей. Почему же тогда, унаследовав от них полководческий талант и личный героизм, он не унаследовал варварских чёрт? Ответ весьма прост. В своей предыдущей жизни Акбар был Притхвираджем Чауханом, императором северо-западной Индии. Притхвирадж был *раджпутом*, воином из западной Индии, и унаследовал все благородные черты раджпутских правителей, царствовавших до него. Акбар унаследовал эти черты от своего предыдущего воплощения, и они перевесили ту злую природу, которой наделила его непосредственная родня.

— История Притхвираджа очень поучительна. Как и Акбар, он был могущественным царём, при его дворе было немало известных людей, и, несмотря на это, он проиграл войну, был ослеплён и вынужден

совершить самоубийство вместе со своим лучшим другом. Притхвираджд был бесстрашным воином, и границы его царства были хорошо защищены. Даже его слуги добивались успеха в поклонении Ма. Богиня Чамунда, один из ужасных, разрушительных образов Ма, каждый день являлась генералу Чамунда Раи, чтобы поддержать и наставить его. В другом своём образе Ма каждый день являлась Чанду Бароту, придворному музыканту Притхвираджда, и с помощью своей шакти постоянно укрепляла авторитет Притхвираджда. Казалось бы, имея такую мощную шакти в своём распоряжении, разве не был он застрахован от любых неудач? Как его можно было одолеть? Я скажу тебе как: Притхвираджд лишился трона, зрения и жизни из-за того, что украл женщину. Он выкрал свою будущую жену Саньюкту из отцовского дома. Конечно, он сделал это в силу сложившейся традиции, но всё-таки это была карма. В давние времена «Махабхараты» знаменитый герой Арджуна украл Субхадру, сестру Господа Кришны. Правда, Кришна сам подстрекал его к этому, но карма есть карма. И вот результат: враги Арджуны, сговорившись, во время сражения оттеснили от него Абхиманью (его сына от Субхадры) и убили на поле боя. Достать шакти не так уж сложно, удержать её бывает гораздо труднее.

— А как в точности всё это произошло?

Во время *сваямвары* (церемония «личного выбора») девушка выбирает себе супруга из множества достойных кандидатов.

— Отец Саньюкты ненавидел Притхвираджда. Устраивая сваямвару для своей дочери, он настоял на том, чтобы его не было в числе приглашённых. Чтобы ещё сильнее оскорбить Притхвираджда, отец Саньюкты приказал сделать его статую. Он поставил её у входа в дом и обращался ко всем гостям со словами: «Вот пожалуйста, это мой привратник Притхвираджд. Разве может он жениться на моей дочери?»

— А что, по писанным законам слуга не мог жениться на принцессе?

— Не мог. Но Притхвираджд был не из тех, от кого можно легко отделаться. Переодевшись до неузнаваемости, он всё равно пришёл на сваямвару с Чандом Баротом и небольшим отрядом. Саньюкта, которая была заранее обо всём предупреждена, разыгрывала представление с приехавшими принцами, делая вид, что выбирает лучшего из них, и вдруг посреди этой церемонии она подошла к статуе и надела ожерелье на неё! Вспыхнула ссора, которая переросла в драку. Тогда Притхвираджд со своими друзьями схватил Саньюкту и умчался с ней. Они благополучно добрались до его царства, где и поженились.

— Подожди, если Саньюкта добровольно бежала с Притхвирадждем какой же он вор?! Она же не отцовская собственность, как это было,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

например, у древних евреев в библейской истории, чтобы отец мог распоряжаться ею как хочет?

— Конечно, нет. Если бы дело было так, то ни о какой сваямваре не могло бы быть и речи. Но её отец *рассматривал* это как воровство и поступал соответственно.

— Постой, постой! Если я подберу что-нибудь валяющееся на дороге, неужели ты обвинишь меня в воровстве только потому, что *задумал* сам завладеть этой вещью?

— А почему бы и нет? Вспомни: почти вся карма — это проклятия и благословения. И нет такого закона, который требовал бы от человека обосновывать свои проклятия и благословения, доказывать их правильность. Если бы люди действительно обладали чистотой восприятия, они бы вообще никогда не проклинали друг друга! Даже незаслуженное проклятие или благословение может быть весьма действенным, если заключает в себе достаточно силы. Я мог бы привести тебе массу примеров из индийской истории, но давай возьмём один, с которым ты наверняка знаком. Ты ещё не забыл Библию? Помнишь, как Иаков покрыл себя мехом, чтобы перехитрить своего отца Исаака и получить благословение, которое в действительности предназначалось его брату Исаву? Задуманное Исааком не исполнилось, случилось то, что случилось, и когда позже пришёл Исав, Исаак признался ему: «Мне очень жаль, но твой брат хитростью завладел тем, что по праву твоё». Впоследствии Иакову пришлось платить за обман — он на долгие годы лишился любимого сына Иосифа — а от благословения он не выиграл ровным счётом ничего. И это лишь один пример незаслуженного благословения (или же проклятия) в Библии. А сколько их там! Перечитай и найдёшь.

Я знал, что на этом история Иакова не заканчивается, но не хотел мешать Вималананде закончить его мысль.

— Не забывай, что сила проклятия или благословения определяет размах последствий. Слова Исаака имели особую силу, поскольку он был патриархом и преданным поклонником Господа. Его благословение обладало чрезвычайной силой ещё и потому, что произносилось на смертном одре. В критические моменты жизни даже обычные люди могут вкладывать мощную шакти в свои слова. Если я обладаю шакти, ты почувствуешь на себе силу моего проклятия независимо от моей правоты, даже если я прокляну тебя за то, что ты взял нечто такое, о чём я только думал, что оно принадлежит мне. Разумеется, я сам потом пострадаю за это проклятие, но сначала пострадаешь ты. Таков закон кармы.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Я правильно понял? Побег Саньюкты и Притхвираджа не был кражей, но Притхвираджу всё-таки пришлось пострадать, поскольку отец Саньюкты действовал так, как если бы это была настоящая кража?

— Да. Проклятие получило силу, потому что её отец страшно возненавидел Притхвираджа за похищение дочери. А отец её был царём, человеком могущественным в подлунном мире, и оттого сила проклятия возросла. С сильными мира сего нужно вести себя осторожно. У нас на хинди есть поговорка: *Раджа йоги агни джал, кабхи на киджийе прит, Аре прит кийе то нибайие Парашу-рамджи, кионки ун ке утла рит.* Дататрея учит своего ученика Парашураму словами: «О, Парашурама, никогда не заводи дружбу с царём, йогом, огнём и водой, но если всё-таки заводишь, будь осторожнее, ибо очень они капризны». Царь может даровать богатство и землю, но не успеешь моргнуть и он приговорит тебя к смерти. Огонь может приготовить тебе еду, а может сжечь тебя. Вода и моет, и топит. А садху? Если он доволен тобой, он готов для тебя на всё, одно небо ему предел. Но если ты рассердишь его — тебе конец, ты в могиле.

— Проклятие, которое отец Саньюкты наложил на Притхвираджа, состояло в том, что он отправил послание афганскому тирану Мохаммеду Гхори, предлагая тому вторгнуться в Индию и покорить Притхвираджа. Он раскрыл Гхори секреты обороны его царства. Дело оборачивалось совсем плохо. И всё же у Притхвираджа сохранялись все преимущества, о которых я тебе только что рассказал, и он легко мог бы отразить нападение, если бы не совершил одну роковую ошибку.

— Что за ошибку?

— Вскоре после свадьбы на зов Притхвираджа явился его гуру, оказавшийся агхори. Гуру сказал царю: «Я возьму гвоздь и вобью его в голову Шеши Нага (огромный тысячеголовый змей, на котором стоит Земля). Тогда индийская империя получит прочное основание и будет неколебима в веках». С сияющими лицами люди наблюдали за тем, как гуру торжественно вбивал железный гвоздь в землю. Но жена Притхвираджа Саньюкта сказала мужу: «Как смеет этот голяк тебя чему-то учить? «Вбить гвоздь в голову Шеши Нага?» Бред! Вели ему доказать, что гвоздь действительно вошёл в голову змея». Оскорблять агхори и требовать от него доказательств всегда было большой глупостью, но особенно винить Саньюкту нельзя, ибо кое-что другое вешало её устами.

— Что-то — это проклятие отца?

— Отчасти оно. Но, видимо, и другие кармы влияли на её ум. Однако что бы там ни было, Притхвирадж целиком попал под это влияние из-за

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

своих собственных карм. «Великий царь, — сказал ему агхори, — не слушай её!» Но Притхвираджд настоял, чтобы гуру выполнил приказ царицы. Печально посмотрел гуру на своего «блудного сына». «Слова женщины сбили тебя с пути», — вздохнул он и вытащил гвоздь. Гвоздь был в крови! Все оцепенели. Притхвираджд умолял гуру вернуть гвоздь в голову змея, но гуру ответил: «Теперь уже поздно. Момент упущен. Ты был слеп от любви, теперь ослепнешь по-настоящему. Деваться тебе некуда».

— И что же? Десять раз Мохаммед Гхори вторгался в Индию, и десять раз его разбивал и брал в плен Притхвираджд. И каждый раз, представая перед лицом Притхвираджда, Гхори говорил: «Я твоя корова. Кшатрий должен защищать своих коров. Да сбудется воля твоя». И каждый раз, слыша такое, Притхвираджд отпускал его — *киамам вирасья бхушанам*.

— Десять раз Притхвираджд отводит от себя возмездие. На одиннадцатый раз везения — хороших карм — ему не хватило, и Мохаммед Гхори взял его в плен. После чего Гхори продемонстрировал ему своё понимание сочувствия и благодарности: он велел немедленно выколоть Притхвираджду глаза, исполнив тем самым пророчество агхори. Как низко может пасть человек! Только последний изувер может сделать зло человеку, который простил его и спас от смерти не однажды, а десять раз! Но Гхори оказался именно таким извергом: грязным и пошлым вандалом, дрянью человеческой. Он увёз Притхвираджда в Афганистан, чтобы потешить им свой народ. Повозив его по стране, он затем поселил Притхвираджда и его друга Чанда Барота в своём царском дворце. Притхвираджд много времени проводил в размышлении над словами своего гуру, он осознал всю глупость своего поведения. В голове его созрело ужасное, но непоколебимое решение: такой негодяй, как Гхори, не должен больше жить на земле. И они с Чандом задумали план.

— На следующий день Притхвираджд пришёл к Гхори и начал хвастаться: «Ты мнишь себя великим завоевателем, но ты всего лишь вандал. А вот я — настоящий воин. Я и без глаз могу поразить стрелой «яблочко», если только мне немножко поможет Чанд Барот. Тебе такое и не снилось!»

— Это уязвило самолюбие Гхори, и он решил, что Притхвираджд должен ответить за своё хвастовство. Он собрал жителей города, чтобы Притхвираджд осрамился у всех на глазах. Но когда Притхвираджд получил лук и стал прицеливаться, Чанд навел его оружие не на мишень, а на Гхори, который сидел неподалёку на троне и наблюдал ход событий. Чанд был бардом, и своё указание вложил в куплет:

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

«Четыре бханджи, 24 газа, 8 ангул —

Вот где сидит султан, Чохан, не промахнись»¹.

— Указание было настолько точным, что стрела Притхвираджа вошла прямо в грудь Гхори и пронзила его сердце. А Чанд и Притхвираджд, чтобы избежать новых унижений и пыток, в тот же момент закололи друг друга.

— Вот это да!..

— Гхори был зверем, а Притхвираджд — героем. Смерть лишила его возможности царствовать, и в награду за свои страдания он родился Акбаром и стал затем славнейшим и достойнейшим из императоров. Чанд родился Бирбалом, его ближайшим соратником и зачинателем многих полезных государственных дел. Видишь, как действует карма! Притхвираджд был кшатрием, а Чанд — бардом из низшей касты. Акбар, хотя и не был индусом по рождению, стал императором Индии, тогда как Бирбал родился брахманом. Многие черты характера Акбар перенял у Притхвираджда. Получив шанс лично убить Хему, он не свёл себя до уровня какого-нибудь дикаря типа Гхори.

— Да, но всё-таки он приказал его казнить.

— Это так, но в те времена оставлять соперника в живых с большой вероятностью означало, что в один прекрасный день получишь удар кинжалом между лопаток. Акбар по крайней мере приказал казнить Хему быстро и без мучений. Это, конечно, не спасло Акбара от кармы за убийство, но всё-таки это было проявлением сочувствия — в той его форме, какая отвечала ситуации. Пытки в то время применялись повсеместно, и не кто иной, как сын самого Акбара любил наблюдать, как с приговорённых заживо сдирали кожу. Акбару, чтобы выжить в обстановке интриг и убийств и не превратиться в кровожадного маньяка, требовалось поистине выдающееся великодушие.

— Это великодушие Акбар не мог приобрести в течение одной жизни, оно взращивалось многими и многими жизнями. Акбар «наследовал» от Притхвираджда множество характерных черт. Из-за того, что Притхвираджд был индусом, советники Акбара тоже были индусами, и его любимая жена Джодха Бай была родом из Индии. Он любил её безумно, но поскольку Притхвираджд из-за ошибки Саньюкты лишился зрения,

¹ *Ангула* примерно равна 3/4 дюйма, *газ* — 25 дюймов, о *бхандже* точных сведений нет

Акбар никогда не руководствовался исключительно советами жены. И поскольку мусульмане предали и ослепили его, он всегда держался осторожно с мусульманами. Большинство раджпутских вождей понимали это и искали с ним союза, чтобы объединиться в империю. Ман Сингх из Джайпура, главнокомандующий Акбара, был кшатрием, а его сестра Джодха Бай стала императрицей и родила Акбару сына Салима, который наследовал ему под именем императора Джехангира.

Меня учили, что Джодха Бай, дочь Удан Сингха из Марвара, на самом деле была женой Джехангира и матерью императора Шахджехана. Мать же Джехангира, которая была дочерью Бхара Мала из Амбера и сестрой Мана Сингха, звали Харкха.

— Несмотря на своё мусульманское происхождение, Акбар носил ведическую священную нить, поклонялся Солнцу и запретил убивать коров на всей территории империи. Коренная власть в Индии не могла покончить с избиением коров, а мусульманский император Акбар смог! Что ты на это скажешь?

— Образец сострадания к коровам.

— Ну да. Но что ещё более удивительно, так это то, что Акбар даже положил начало своей собственной религии, которая называлась *дин-э-илахи* («религия Бога»). Своя собственная религия — куда уж дальше?! Кто из мусульман осмеливался на такое? Мусульмане считают ислам единственно верной религией и режут тех, кто хоть немного от него отклоняется, как это было с Мансуром и Шамс-и-Табризи. И вдруг является мусульманин и заявляет: «Нет, нам нужна религия Бога!»

— А правда, что Акбар испытал глубокое мистическое откровение в юности? Не отсюда ли его интерес к религии?

— Трудно точно сказать. Акбар хотел, чтобы Дин-э-илахи стала синтезом всех религий, как его империя стала объединением всех индийских государств. Он хотел, чтобы люди поняли, что все поклоняются одному и тому же Богу и что каждый продвигается к Богу своим путём и со своей скоростью. Тоже говорю и я: у каждого должна быть своя ниша. Акбар собирался прекратить жестокие жертвоприношения и прочие бессмысленные обряды. Он хотел показать народу, что путь к Господу лежит внутри, что важна не внешняя обрядность. Это привело к тому, что церковники всех религий возненавидели его, но поскольку он был императором, они ничего не могли поделать. Никто не смел даже шевельнуть языком, дабы этот язык с корнем не выдрал придворный палач Акбара Миан Камруддин. Акбар был очень строг во всём, что касалось порядка и дисциплины.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Сама Природа предназначила Акбару быть императором. Он сумел подчинить себе всю Индию, ибо в этом было его призвание. Немцы и англичане исповедуют принцип «разделяй и властвуй», а Акбар, по моему, был выше этого. Его принципом было «объединяй и правь», и он неизменно придерживался его. В современной Индии героем считается Рана Пратап Сингх из Удаипура, поскольку он был единственным царём раджпутской династии, кто оказал сопротивление Акбару. Фанатики индуизма утверждают, что тем самым он противодействовал тирании. Но к чему это в конечном счёте привело? Тысячи раджпутских женщин совершили массовое жертвенное самоубийство из-за того, что их мужья пали на поле битвы, вот и всё. Когда Акбар уговаривал Рана Пратапа мирно вступить в союз, тот заносчиво и демонстративно отказывался: «Нет, никогда!» Разве так надо вести себя с тем, кто неизмеримо сильнее, чем ты? Настоящий кшатрий сочувствует своим подчинённым и их жёнам и думает об их участи, а не начинает бессмысленную войну.

— Ты знаешь, что я защитил диплом по истории моголов, и я знаю, что говорю, когда утверждаю, что Акбар был величайшим правителем всех времён. Он основал поистине могучую державу. Будучи необразованным афганцем, он поощрял науки и искусства, приглашал к своему двору выдающихся музыкантов, поэтов, людей с организаторскими способностями. Он выстроил новую столицу Фатехпур Сикри буквально на пустом месте — мы до сих пор наслаждаемся её бесподобной и удивительной архитектурой. Правление Акбара стало кульминацией целой эпохи. В мире были и другие современные ему царства, но никто не мог соперничать с ним по великолепию, мощи и славе. Он был и по сей день остаётся непревзойдённым и единственным в своём роде. Никто из его наследников не мог сравниться с ним, и после него Индии всерьёз начала угрожать утрата независимости. Но даже несмотря на то, что недавно Индия вновь обрела независимость, мы сейчас пребываем в таком глубоком упадке, что за высшую мудрость у нас почитается *кшамам вирасья душанам*: не бхушанам (украшение), а душанам (заблуждение).

— «Выдержка — заблуждение война»?

— Да. Детей учат сегодня: «Бей первым, не жди, пока ударят тебя». Им говорят, что только тупица медлит с ответом. После поражения Стони мне так хотелось самому взять нагайку и пройтись ею по спине Дженду Кумара, но зачем? Я могу хоть сейчас изувечить или убить его, заплатив несколько рупий какому-нибудь бандиту или умилившись притворными слезами кого-нибудь из моих эфирных друзей. Но это обяжет меня перед ними, и за всё придётся расплачиваться сполна. Благодарствую! Я лучше подожду, пусть Природа сама разберётся с

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Дженду Кумаром, так чтобы мне не пришлось пачкать руки. Я хочу жить в гармонии с Природой, всегда и во всём, а это и есть путь наименьшего сопротивления. Когда я рассматриваю ситуацию в перспективе, я думаю о том, куда направляюсь и какой крюк мне придётся дать, прими я этот вызов. Обидно переплыть в маленькой лодке бушующий океан и утонуть у самого берега.

— Значит всё, что от нас требуется, это терпение?

— А ты думаешь, это легко? В этом мире нет ничего более трудного, чем дождаться своего часа.

ЭЛАН

Я в первый раз увидел Вималананду в сентябре 1975 года. В этот день Элан — одна из лучших его лошадей — впервые выиграла скачки. А в день, когда Стони проиграла свой последний старт, я впервые сопровождал Вималананду на скачки.

Скачки начали проводиться в Бомбее в начале XIX века. Беговое поле располагалось на территории нынешнего района Бикулла, населённого преимущественно христианами. Когда встал вопрос о строительстве стадиона, Королевский Западно-Индийский Конный Клуб (КЗИКК, для краткости) выбрал низину неподалёку от известного бомбейского храма Махалакшми, богини благополучия и процветания.

Местные любители скачек ошибочно полагают, что ипподром Махалакшми — одно из самых замечательных сооружений подобного рода в мире — построили англичане. Но на самом деле не кто иной, как индийский магнат сэра Кусроу Н. Вадья, перс по происхождению, владелец текстильного гиганта «Бомбейские красильни» взял на себя общее руководство всё процессом строительства, от разработки проекта до воплощения его в жизнь. Он предоставил клубу беспроцентный заём в размере 4 млн. рупий (более 10 миллионов долларов) и сам ездил в Мельбурн за технической документацией. Благодаря его дальновидности все скачки на дистанцию в одну милю (1600 метров) имеют только один поворот.

Обычно скачки прекращаются в апреле, когда из-за жары грунт становится слишком твёрдым и опасным для бега. Лошади, которых не отправляют в Хайдерабад, Бангалор или ещё куда-нибудь на муссонные скачки, перевозятся в Пуну, в специально оборудованные конюшни, принадлежащие КЗИКК. Здесь они отдыхают всё лето и часть сезона дождей, когда мутные потоки наводняют конюшни в Бомбее. Стадион в Пуне расположен на возвышенности, которая арендуется у командования Южно-Индийского военного округа. Этот небольшой симпатичный прямоугольник занимает юго-восточный угол обширной военной зоны, известной под общим названием Военный городок Пуны. Пребывание в Пуне, как правило, длится чуть менее трёх месяцев, затем лошадей вновь особыми составами доставляют в Бомбей, где в конце ноября или начале декабря возобновляются скачки, после того как глина в конюшнях окончательно просохнет.

Пришедших на скачки зрителей ожидают три яруса той грандиозной

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

конструкции, которая зовётся бомбейским ипподромом. В членском ярусе сидит знать скакового мира: тренеры и хозяева лошадей, стюарды, члены клуба и их гости. Членство в клубе — это привилегия немногих. Желаящему вступить в клуб иногда приходится десятилетиями кочевать из одного списка в другой, дожидаясь своей очереди. Многие члены клуба сами держат лошадей. В остальном клуб состоит из разбогатевших промышленников, потомков прежних раджей, высокопоставленных чиновников и прочих доблестных кавалеров и их жён. Все эти гранды посещают скачки главным образом для того, чтобы покрасоваться перед публикой, сидя в своих комфортабельных креслах, лениво потягивая коктейль, и ставя пустячные суммы по своему капризу или по нашептыванию знатоков, сообщавших им имена фаворитов. Каждый год кто-нибудь из этих зазнаек кончает тем, что проигрывает всё своё состояние. Иногда я наводил бинокль на очередную предполагаемую жертву и наблюдал, как галантный джентльмен прогуливается у финишной черты, погружаясь с каждым шагом всё глубже в зыбучий песок экономического краха.

Второй ярус принадлежит завсегдашам — мелким лавочникам, бедным чиновникам и безработным бездельникам, которые, ставя всего лишь по несколько рупий, напряжённо вчитываются в программы и злобой или восторгом приветствуют тех, кто рискует тысячами. Эти люди, не имеющие доступа к неофициальной информации, которая решительно необходима во всяком серьёзном пари, приходят для того, чтобы, немного проиграв, пощекотать себе нервы. Среди них были эксперты (чаще всего самоучки), статистики, копатели родословных, гадалки и тому подобный народ, мужчины и женщины, постоянно удивляющие себя и других самыми невероятными открытиями.

Между членским и вторым ярусом располагается первый, и там, на деревянных скамейках, были наши места. Само его срединное положение как бы предназначает этот ярус для посетителей среднего класса, которые, неким образом вступая в контакте непосредственными участниками, могут рассчитывать на что-то «дельное». Если бы только это «дельное» гарантировало победу!.. Вималананда, хотя и был хозяином лошадей, тем не менее ненавидел официозную атмосферу членского яруса и предпочитал ему раскрепощённую обстановку первого. Там он сидел со своими друзьями, в большинстве своём персами, среди которых были высокопоставленный чиновник Кама и широкоплечий управляющий местной компании по производству безалкогольных напитков Фироз Годредж, который обычно брал с собой своего маленького сына Ношира.

Неделю спустя после поражения Стоун Айс я снова сопровождал

Вималананду на бомбейские скачки в его фирменном «Остин Кембридж», охранять который мы за несколько рупий поручили пареньку, который слонялся в ожидании клиентуры. У входа на ипподром мы, как обычно, столкнулись со спекулянтами, пьяницами и отчаянными игроками, рыщущими в поисках надёжной информации. Сразу за входом по кругу располагаются кабинки букмекеров, получивших лицензии клуба. Вокруг этого «кольца» собираются завсегдатаи, люди с бешеными глазами, которых интересует только одно — цифры, выводимые мелом на дощечках букмекера. Если у одной из кабин цифры неожиданно меняются в лучшую сторону, эти маньяки, расталкивая всех локтями, лезут вперёд и, перебивая друг друга, выкрикивают свои ставки. Вималананда, занимавшийся некогда борьбой, легко прокладывал дорогу сквозь всю эту гущу, а когда наступал момент передавать деньги в руки клерка, то тут нас выручал мой высокий рост. Кроме того, поскольку в то время мне было легче, чем ему, спуститься и подняться по лестнице, я часто получал задание сделать ставку на лошадей от его имени.

Те, кому не хватало денег или мужества ставить на «кольце», могли обратиться непосредственно к клубному букмекеру, где минимальная ставка составляла всего 5 рупий (около 70 центов по тем временам). Между «кольцом» и клубным букмекером кипело и бурлило скаковое общество, волнами жадности встречая приближение своей капризной судьбы. Поначалу, пока я не вполне освоился с этим миром, я чувствовал себя здесь не совсем уютно.

Мы прошли мимо астрологов, обсуждавших новейшую теорию предсказаний; мимо человека, поддавшегося на сомнительное предложение своей соблазнительной спутницы поставить на аутсайдера. Клерк в кабинке рассчитывал доходы и выплаты; позади меня скаковая публика быстро обменивалась загадочными замечаниями. Я пробирался через эту толпу с осторожностью человека, окунувшегося в кишашую пираниями реку.

Друзья встречали Вималананду с неизменным восторгом, завидев, как он поднимается по ступеням к своему обычному месту. Он всегда старался подсказать им хотя бы одну надёжную лошадь из множества забегов, которые и составляли послеполуденные скачки. С наших мест направо к востоку нам открывался вид на трубы множества текстильных фабрик, усеявших Бомбей. К северу был виден планетарий, а слева был пустой горизонт, сбегавший к невидимому отсюда морю. Кама в тот день уже занял привычное место, Фироз и Ношир вскоре присоединились к нам, но Вималананда, казалось, был слишком поглощён своими размышлениями, чтобы разделить всеобщее оживление. Он объявил, что

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

пришёл просто посмотреть на скачки, не делая никаких ставок, и наши друзья быстро вернулись к своим расчётам. И тут я поймал на себе многозначительный взгляд Вималананды. Он словно подмигивал мне, и заглянув в программку, я обнаружил, что в ней ногтем отмечено по одной лошади в каждом заезде.

Тогда я впервые увидел картину, которую впоследствии наблюдал неоднократно и всегда с одинаковым результатом: отмеченные лошади выигрывали, но он никогда на них не ставил. В конце концов я к этому привык, но в этот первый раз я был совершенно сбит с толку: как может человек угадать всех восьмерых победителей подряди ничего на них не поставить, и даже не поделиться своим секретом с друзьями? Поразительно было и то, что хотя Элан участвовала в скачке, она не была отмечена.

— Ты же мне говорил, что всегда ведёшь своих лошадей к победе!

— Да, это правда, — ответил он, — если им действительно нужно поработать. Когда они работают, все знают, что они работают, и могут поставить и выиграть вместе со мной. Всегда лучше делиться прибылью с порядочными людьми. Разделяя карму с другими, можно заметно облегчить собственное бремя. Только лучшие лошади выигрывают все скачки, и хотя я очень люблю Элан, я не могу считать её непобедимой. Я не могу требовать от неё больше, чем она может. Я и так каждый раз получаю деньги от клуба за участие моей лошади в скачках. К тому же поражение в скачке задевает её самолюбие, и ей будет сильнее хотеться отыграться в следующий раз. Не беспокойся, когда ей нужно будет поработать, все об этом узнают.

Мы продолжали непринуждённо беседовать, но после четвёртого или пятого забега Вималананда тоном заговорщика вдруг заговорил о людях весьма несчастного вида, которых в тот день собралось особенно много. Он сказал, что такие черты, как непропорциональное сложение или кривые зубы, в джотише считаются показателями дурного влияния планет, которое мешает свободному течению *праны* (жизненной силы). Когда такие люди оказываются рядом в критический момент жизни, следует ожидать неприятностей, и поначалу я думал, что он не делал ставок в тот день именно из-за нежелания испытывать свою удачу.

На мои мысли он возразил вслух:

— Везение или невезение зависит от кармы. Моя удача — со мной, по крайней мере сегодня. Но у меня сейчас другое настроение. Мало кому удавалось прийти на ипподром и держать под контролем свой ум и кошелек от начала до конца. Я был заядлым игроком, совершенно неуправляемым, пока мой младший Гуру Махарадж не укротил меня.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Мои гуру стали моими целителями. Я и теперь играю, но теперь я владею собой, а не игра. И всё-таки участие в азартных играх — это серьёзная карма, это повреждает ум. Считается даже, что это одна из трёх вещей, которую, вообще говоря, нельзя испустить в течение жизни.

— А две другие?

— Изнасилование и убийство гуру.

— Неужели и игра столь же серьёзна?!

— Очень серьёзна, но я научился избегать её дурных последствий, так что это меня не слишком волнует. А что меня действительно волнует — так это злоупотребление своими способностями. Я всегда с радостью ставлю на своих любимцев, которых я прочу в победители на основании их родословных, достижений, тренировок и духа соперничества. Недопустим, что кто-то, некое эфирное существо, является ко мне и говорит: «К чему это всё? Вот победители завтрашних скачек. Иди и выигрывай!» Воспользовавшись таким советом, я бы мог в считанные дни заработать кучу денег, но как быть с кармой? С кармой за игру и с кармой за получение незаслуженных денег, но главное — с кармой, ставящей меня в зависимость от этого эфирного существа? Рано или поздно оно захочет, чтобы я что-нибудь для него сделал, а где гарантия, что это будет то, что мне нужно? А отказаться я не смогу, потому что я ему должен.

— Я зарабатывал на скачках, используя информацию из эфирного мира — просто чтобы проверить её, — а потом быстро избавлялся от выигрыша. Иногда отдавал долги за себя и за других, а иногда шёл на Кроуфордский рынок, скупал всех голубей, ожидавших там своей кончины, и отпускал их — просто чтобы посмотреть на их упоение свободой. Однако через некоторое время мои учителя обратили моё внимание на то, что я слишком втягиваюсь в это дело. Теперь мне нравится просто сидеть и наблюдать, и убеждаться в правоте моих эфирных друзей. Кроме того, если я заберу у этих лошадей всё причитающееся мне слишком быстро, то мне ничего не останется на потом. Тогда скачки утратят для меня привлекательность. И если вдруг не представится возможность куда-нибудь вложить деньги, то всё, что мне останется, — это проиграть их!

— Когда-то я держал молочную ферму в Боривали, на севере Бомбея. Все окрестные фермеры жаловались, что их коровы спустя девять месяцев после отела не давали ни капли молока, в то время как у моих молоко не исчезало и после четырнадцатого, и даже после пятнадцатого месяца. Я им объяснял: «Всё очень просто. Вы разбавляете молоко водой ради прибыли, я же не разбавляю никогда. Все мои коровы связаны со

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

мною личной рнанубандханой, определённым долгом, который должен принести мне определённую сумму денег. Меня устраивает получать выплаты по тому курсу, который природа сочла необходимым. А вам хочется получить деньги быстрее, но поскольку животные не могут отдать больше, чем должны, молоко у них кончается. Оно кончается именно тогда, когда животное полностью рассчиталось с вами по рнанубандхане».

— Значит, на твоей ферме могут оказаться лишь те живот которые должны тебе деньги?

— А как иначе они попали бы ко мне?

Он прервал ход своих мыслей, чтобы посмотреть на следующего победителя, пролетавшего мимо нашей трибуны. Затем кто-то втянул нас в спор о вероятном победителе на скачках Дерби. И только по окончании скачек, когда мы наконец отправились домой, он возобновил прерванную нить разговора. Солнце медленно опускалось за гробницей Хаджи Али, словно Создатель окунал хорошую самосу в посудину с небесно-голубым нектаром. Хаджи Али был благочестивым мусульманином, получившим свой титул («Хаджи») после того, как совершил *хадж* — паломничество в Мекку, которое является священной обязанностью каждого правоверного мусульманина. Когда он вернулся в Индию, его принимали едва ли не за святого, а после смерти началось поклонение его мощам. Его мавзолей, доступный только во время отлива, навещают многие мусульмане, ища его эфирной поддержки в земных делах, которые включают и отгадывание победителей на скачках. Проезжая мимо последнего пристанища Хаджи Али, врезающегося в Аравийское море узеньким полуостровом у самого въезда на ипподром, я ощутил голод. После тяжёлого дня на скачках я был благодарен Вималананде, когда увидел, что он сворачивает к нашему любимому кафе «пани-пури» около храма Бабулната. Мы вошли туда с последними лучами солнца, заходящего между окрашенными в пастельные тона домами, громоздящимися повсюду.

Пани-пури (называемые в северной Индии *гол гуппа*) — это небольшие кружочки из пшеничной муки, прожаренные таким образом, что превращаются в пустотелые шарики (*пури*). Эти шарики разрезают пополам и вкладывают внутрь стручки фасоли или бобы, добавляют чатни и заправляют по крайней мере двумя различными соусами (*пани*): одним острым из чили и другим кисло-сладким, изготовляемым, по-видимому, из тамаринда и фиников. Когда кладёшь такой шарик в рот и раскусываешь его, все вкусы смешиваются, и во рту начинается настоящий переполох. Независимо от исхода скачек, мы обычно

останавливались полакомиться пани-пури в конце дня.

За едой Вималананда сделался очень красноречив:

— Сколько существует способов заработать деньги, и как мало из них свободны от кармы! А как трудно подчас распознать карму! Я должен был сам работать и зарабатывать. У меня была своя каменоломня, было ткацкое дело, я держал молочную ферму. Я на себе испытал самые неожиданные последствия карм, создаваемых зарабатыванием денег. Я всегда верил в то, что с *Лакшми* (богиней благосостояния) нужно обращаться не как с женой, а как с любовницей. Я говорю Ей: «Приходи ко мне, если хочешь, но знай, что я женат на *Сарасвати* (богине познания), и я не хочу, чтобы меня обвинили в двоеженстве». Таким образом я не привязываю себя к ней.

— Но даже с таким отношением очень трудно заработать себе на жизнь, не создавая при этом целого букета карм. Начать с того, что некоторые вещи — такие как знания, пища и женщины — изначально не предназначены для торговли. Их нельзя выставлять на продажу, ибо они суть воплощения Матери, а кому придёт в голову продать свою мать? Но теперь это, кажется, мало кого волнует. Потирая руки от удовольствия, люди пускают в оборот и то, и другое, и третье, и пожиная чудовищные кармы в ответ!

Мы заплатили за еду и попрощались с хозяином. По дороге домой я спросил:

— А разве ты сам не торговал пищей, когда поставлял молоко со своей фермы?

— Разумеется, торговал, в том-то и дело! Я знаю, что говорю, потому что сам прошёл через это! Я на своём опыте убедился в справедливости этого принципа. Но это только один из множества фактов, над которыми тебе стоит поразмыслить. Даже продажа разрешённых к тому вещей даёт целый спектр карм различной тяжести. Например, торговля живыми животными лучше, чем торговля их трупами, и всё же ничего хорошего в ней нет. Представь, что у тебя магазин, и кто-то, купив у тебя животное, плохо с ним обращается. Кто виноват? Ты! И животное будет клясть тебя каждый день. Торговля зерном и овощами лучше торговли мясом. И растения клянут тебя за убийство, но их проклятие по крайней мере не такое суровое, как проклятие животных, потому что растения менее сознательны, чем животные. Продажа целого живого растения лучше, чем продажа его по кускам, но что, если ты продашь дерево кому-то, кто будет обижать его или повесится на нём? Даже выращивая дерево, можно навлечь на себя карму, если растить его неправильно.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Или если кто-нибудь срубит его и сделает из него виселицу.

— Именно. Продажа плодов и фруктов лучше продажи растений, а торговля молоком даже лучше торговли фруктами, при условии, что первыми напиваются телята. Тут нет никакого убийства. Но и с молоком можно хлебнуть лиха, особенно если ты или твои работники мучают животных или если ты сдаёшь старых коров на бойню. То же самое происходит, если ты разводишь животных и отлучаешь детенышей от матерей. Думаешь, матери ничего не чувствуют, если они животные? Чувствуют, и могут как следует проклясть тебя!

— Но какими бы плохими они ни были, эти кармы бледнеют перед кармаами людей, которые губят миллионы животных ежегодно, опробуя на них новые лекарства и косметику. Наши древние риши все лекарства испытывали на себе. Они никогда не просили животных сделать эту работу за них. И их медицина, аюрведа, надёжно служила миллионам больных на протяжении тысячелетий — безо всяких опытов на животных. Но в современном мире миллионы животных ложатся под нож задаром, не получая никакой благодарности за свои, принесённые на алтарь науки, жизни. Александр Флеминг был произведён в рыцари за открытие пенициллина, другие получили Нобелевские премии, но получила ли медаль или статуя в свою честь лабораторная обезьяна, собака, кошка, крыса или мышь? Нет! Ровным счётом ничего.

— Миллионы животных приносятся в жертву ради того, чтобы люди получили безопасные лекарства, но что происходит с насилием, посредством которого совершенствуются медикаменты? Закон кармы гласит, что оно никоим образом не исчезает, где-нибудь оно обязательно проявится снова. Однажды я понял, что все эти препараты должны содержать долю того мучения, которое испытывали животные. Какая-то часть ненависти и боли должна в них остаться, и она-то и выходит наружу в форме побочных эффектов, которые есть почти у всякого препарата. Приходилось ли тебе слышать от кого-нибудь подобные рассуждения?

— Никогда в жизни.

— А сельское хозяйство? Сегодня мы стараемся не дать насекомым, птицам и другим «вредителям» съесть положенную им долю Урожая. А почему с ними надо делиться? Потому что тогда они возьмут на себя часть кармы за взрезание сохой и плугом тела Матери-Земли, которое мы делаем ради собственного пропитания. У джайнов запрещено земледелие, равно как и молочная торговля,— по этой самой причине. Но этот запрет превратил многих джайнов в ростовщиков, что ещё хуже. Вместо того чтобы выкачивать жизнь из земли, заимодавец выкачивает

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

прану из тех, кому он даёт деньги. Кроме того, подумай только, что это значит — давать деньги под процент? Деньги есть воплощение Лакшми Шакти Если рассматривать все шакти в качестве матери, то каково это: отдать свою мать в чужой дом и заставить её работать? Да ещё требовать от неё заработанного за день! Ты бы смог так поступить? Думаю, нет.

— Иисус сказал: «Корыстолюбие — корень зла», и он был прав. Но он шёл ещё дальше и говорил, что деньги сами по себе мерзость. Это — Лакшми, но Лакшми в облике потаскухи, в том облике, в котором она переходит от одного к другому, и каждый вытворяет с ней всё, что захочет. Подумай обо всех кармах, которые тянутся всего лишь за одной монетой или банкнотой! Знаешь ли ты, что случилось с Крезом — царём, который изобрёл деньги? Ему залили расплавленным золотом рот! Можешь прикинуть размер проклятия, которым он одарил нас! Риши никогда не пользовались деньгами, а я лично стараюсь никогда не носить их с собой, за исключением крайних случаев. Мне противно держать их в руках, вот почему я всегда прошу об этом тебя или Рошни.

— Очень мило с твоей стороны...

Рошни была его приёмной дочерью. Мы испытывали друг к другу достаточно уважения, чтобы вместе действовать на благо Вималананды, несмотря на известное соперничество двух приёмных детей.

— Не беспокойся, это моя забота, чтобы проклятие не коснулось тебя. Если я прошу тебя покопаться в помоях, значит, я сам приму меры, чтобы отмыть тебя после этого. Но такое счастье выпадает не всякому. Не повезло — получай проклятия.

Мы свернули на нашу улицу и остановились. Рошни с напитками ждала нас наверху.

— Ты знаешь историю золота? Оно само мне однажды её рассказало: «Я мирно покоилось в утробе Матери-Земли, как вдруг пришли люди с лопатами, раскопали Её и выволокли меня из дома. Они стали мучить меня, плавить и жечь, и придавать мне различные формы. В ответ я изменило их ум так, что они не могут заставить меня работать на них при свете дня, у всех на виду. Им приходится держать меня в тёмных, сырых подвалах, где я чувствую себя почти как дома. Я прокляло их за муки, причинённые мне, и теперь они мучают друг друга ради обладания мной».

— Каждому веществу, украденному у земли, есть что рассказать. Железо, тоже подземный житель, стало оружием в руках людей. Как рудники вгрызаются в тело земли, точно так же железо и сталь вгрызаются в тела людей — пытками и шрапнелью, скальпелями и

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

иглами, бритвами и ножами. О многом могут поведать и уголь, и нефть. Нефть — это кровь земли; выкачивая нефть, мы пьём эту кровь. Разве в ответ она не имеет права испить нашей крови? И она пьёт, приспособив для этого медицину: каждое взятие крови шприцем — это выплата по долгам.

— Особенно если шприцы пластиковые: пластмассу получают из нефти.

— Как люди могут быть настолько слепыми, чтобы не отдавать дань уважения своей Матери-Земле, Богине Ма? Мы льём на Неё мочу, испражнения, ядовитые отходы, мы ходим по Ней и плюем на Неё, и Она никогда не говорит ни слова против. Мы рвём Её кожу, достаём сокровища — золото, серебро, драгоценные камни, — и Она отдаёт их нам. Даже когда мы качаем кровь из глубин Её тела, она всё-таки с нами. А когда мы умираем, Она принимает нас в своё лоно. Никто так не великодушен, как Ма. Но и Она не может спасти нас от закона кармы, потому что Она следит за всеми своими детьми — каждым камушком, растением или зверем — с одинаковой любовью. Поэтому мы должны расплачиваться за то, что делаем с Её детьми.

— Горакхнат говорит: «Если не просишь — получаешь молоко. Если просишь — получаешь воду. Если берёшь сам — получаешь кровь. Таково правило Горакха». Он имеет в виду, что если ты не просишь ничего у природы, Она сама даст тебе всё по своей воле, как мать даёт молоко своему ребёнку просто из чистой любви. Если ты просишь, Она даёт только то, о чём ты просишь. Поскольку ты не знаешь в точности, что тебе нужно, то лучше не просить, но если ты⁰ чем-нибудь просишь, то ты именно это и получишь. Хоть вода и не такая вкусная и питательная, как молоко, но умереть она тебе не Даст, по крайней мере — не сразу.

— Беря без спросу, получаешь кровь. Кража — всегда карма, так же как кража жизни у животного ради того, чтобы насладиться его мясом. А по закону кармы — кровь за кровь. Кровь трудна для пищеварения и может вызвать расстройства, если, конечно, ты не опытный кровопийца. Молоко прекрасно, это сладость; чистая вода приятна, а кровь хороша лишь для вампиров. Поэтому лучше не бери ничего, пребывай в лоне Матери, и пусть Она питает тебя своим неисчерпаемым млеком.

— Ну хорошо, с производителями всё ясно, а как насчёт других профессий?

— Другие профессии? А чем они лучше? Я бы никогда не пошёл в юристы. Их деньги запятнаны дурными кармами за те поступки, которые и приводят людей к адвокатам. Помножь затем эти кармы на ту ложь,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

которую тебе придётся произносить, если ты собираешься выиграть дело. У меня есть диплом юриста, но я никогда им не пользовался. Мой отец тоже учился на адвоката, и тоже отказался от этой профессии. В свой первый рабочий день он посоветовал своим клиентам договориться друг с другом и не доводить дело до суда. Его шеф, англичанин, отозвал его в сторону и сказал: «Молодой человек, если вы не откажетесь от подобных взглядов, вы никогда не преуспеете в этой профессии». Отец ответил: «Простите, но я не могу согласиться с тем, чего вы от меня хотите», и ушёл.

— Медицина, конечно, лучше, чем право, там по крайней мере не надо всё время врать. Но сам Рамакришна Парамахамса сказал, что деньги врача «всё в крови и гное». Принимая деньги за лечение, ты берёшь на себя часть кармы своего пациента, а порой и создаёшь новую карму. Можно даже взять на себя всю карму больного и затем самому разбираться с ней. Пациент при этом сейчас же выздоровеет. И вообще, что бы ты ни делал, ты только помогаешь Природе расставить всё на места. Что в этом геройского? Если кому-то и надо платить за выздоровление, так это Господу, ибо всё совершается Им. — Он помолчал. — Впрочем, врач, не требующий денег, очищает свою карму. В своё время я учился на аюрведического врача, но я никогда не просил денег за лечение и никогда не буду.

— А что делать мне? Я учусь в колледже аюрведической медицины.

— Что ты так беспокоишься о себе? Если я сказал тебе поступить туда, то это моя карма, моя ответственность. Если я скажу тебе заняться врачебной практикой, и ты послушаешься, то отвечать опять-таки буду я, если, конечно, ты будешь честно выполнять свои обязанности. Я поступаю так из любви к тебе и из-за моей рнанубандханы с тобой. А все остальные врачи в мире пусть сами разбираются со своими кармами и рнанубандханами, и если им повезёт, они найдут того, кто возьмёт ответственность на себя. А не повезёт — так это их проблемы.

— Ты имеешь в виду — их судьба...

— Их судьба. Если у них хватит ума, они могут попытаться её изменить. Пусть лечат бесплатно или за ту плату, что им дают. Или, если обстоятельства вынуждают их назначать плату, они могут часть заработанного искренне отдавать Богу, и Бог примет на себя некоторые их кармы.

— И священник тоже, если врач заказывает службу, чтобы преподнести часть заработанного Богу?

— Да, и священник, до некоторой степени.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Но ты не любишь священнослужителей.

— Если священник человек порядочный, то почему мне его не любить? Однако подавляющее большинство из них не таково, и я их действительно не люблю. Они занимаются своим делом не из любви к Богу, а только потому, что им нужны деньги. Эти жадные попы развалили все религии мира, обирая легковерных, но я уверен, что большинство из них не стали бы так нагло грабить народ, знай они в действительности закон кармы. Торговля духовным знанием — это ужасная карма. Даже если ты надеешься улизнуть от всех других карм, то от расплаты за обирание людей под видом наделения их духовным знанием не уйдёшь. Хотел бы я знать, многие ли из наших «свами» и «бхагаванов» слышали об этом?

— Из всех их грабежей самый отвратительный тот, который происходит у постели умирающего. Когда человек умирает, священник совершает обряд и произносит молитвы. Взяв с семьи почившего изрядную сумму денег, он объявляет, что душа достигла небес. Но откуда он это знает? Или это так просто — достичь небес? Чтобы достичь небес, куда как важнее стремиться к этому в момент смерти, так как от последней предсмертной мысли зависит то, куда ты попадешь после смерти; *анте матах са гатих*. После смерти людям хочется отгородиться от новой реальности. Им хочется оставаться там, где они привыкли находиться, это в природе людей. Люди должны хотеть перемен — только тогда что-то может перемениться.

— Но нынешние священники не имеют ни малейшего понятия о том, что случается после смерти. К чему тогда их уверения? Единственной причиной их утешительных заверений являются деньги, ибо им хочется и хорошо покушать, и весело пожить. Но, к несчастью для них, и деньги, и пища, которые они получают от этих обрядов, заражены плотскими желаниями умирающего. Нынешних священников никто не учит, как правильно принимать и усваивать пищу и деньги, а значит — эти желания будут загрязнять их, ещё более погружая в мир. Они будут бездумно наслаждаться жизнью, творить её по своему желанию. Чем не небеса? Когда настанет время умирать, у них не останется ни одной доброй кармы, и дорога в ад будет единственной открытой для них дорогой, где им и придётся насладиться всеми последствиями своих дурных карм. Разве это не ужасно?

— Кража у Бога даёт похожие результаты. Бывший опекун одного известного бомбейского храма был страстным любителем лошадей и игры на скачках. В его обязанности входил надзор за подсчётом ежедневной храмовой выручки, и когда ему не хватало денег, чтобы

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

сделать ставку на скачках, он начинал громко кричать и всячески оскорблять считающего: «Эй ты, дурак! А ну считай как следует!» Слыша этот условный сигнал, считающий как бы случайно ронял несколько монет на пол. Затем, когда являлся работник, подметающий пол, опекун точно также орал и на него, и тот, будучи в курсе дела, подбирал монеты и доставлял их опекуну.

— Грабить Господа — никуда не годится, но играть на его деньги — ещё хуже. Особенно когда от Него кормишься — этот опекун питался исключительно тем, что давал ему храм. Зная всё это, не стоит удивляться тому, какой смертью погиб этот тип. Он дошёл до того, что не мог ни есть, ни пить, даже простую воду. Жутко, но таков закон кармы.

— Знай, что закон кармы не щадит даже Самого Господа. Вспомни тот храм на юге, в который я часто хожу. В прошлом году золото, серебро и драгоценности стоимостью в сотни тысяч рупий, включая огромных размеров изумруд, преподнесённый храму Кришнадеварьей от империи Виджаянагарам, исчезли, став добычей грабителей. Всё справедливо недоумевали, за что терпит такие страдания этот древний и почтенный храм, в котором люди поклонялись Богу на протяжении многих веков. Разумеется, отчасти виноваты брахманы. Но надо смотреть глубже. Откуда у Кришнадеварьи этот изумруд? Он был царём, и скорее всего украл его у кого-нибудь. Разве это праведный поступок?

— И вообще, откуда у храма столько денег? В основном от людей, у которых денег куры не клюют. Но ведь именно они и крадут, и мошенничают, и лгут, и убивают ради того, чтобы разбогатеть. Когда они осознают, что натворили, они пытаются откупиться и отдают малую толику своего богатства какому-нибудь храму. Когда Бог подаёт эти кармически несъедобные грязные деньги, ему тоже нужна хорошая чистка, не так ли? Это урок для него и для тех, кто хочет хитрить с его помощью. Вспомни Бхай Каке из Бомбея — точно в день Гуру Пурнима, в день почитания гуру, он умер от сердечного приступа в уборной ашрама, который он сам выстроил специально для своего гуру. Это знак для всех без исключения!

— Значит, Богу приходится страдать из-за карм своих почитатели?

— Да, но это для него счастье, ведь он так сильно их любит! Да и трудна ли для него эта работа? А вот что такое для человека труд Бога? Намдев (знаменитый святой из штата Махараштра) однажды попробовал. Он взял на себя обязанности своего любимого божества *Витталы* («Вишну, стоящий на кирпиче») всего на один день, просто чтобы посмотреть, что это такое — принимать поклонение, и что это был за

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

денек! Ему пришлось стоять не шелохнувшись, чтобы никто не догадался о подмене; ему пришлось разбирать все жалобы, которые приносили почитатели и швыряли ему под ноги; и он не мог даже прикоснуться к тому восхитительному угощению, которым прихожане чувствовали его! Божества едят не ртом, а глазами, но Намдев-то этого не умел и весь день простоял голодный! К концу дня он был истощен и измучен. Вечером, когда Виттхала вернулся в храм, Намдев упал к его ногам и воскликнул: «О Господи, хватит! Прости меня! Избавь меня от твоей работы, она мне не по силам!»

— В денежных делах уж очень просто всё испоганить, так что с трудом верится, что кому-то вообще удаётся выжить после всех совершенных ошибок. Мне повезло, потому что когда я делал ошибки, всегда находился кто-то, кто поправлял меня. Помню, однажды мне страшно не хватало денег. Я был в отчаянии, не знал, что делать, и уже хотел удариться в крайности. Задумывая, обдумывая, передумывая, я наконец уснул, и мне приснился сон.

— В этом сне кто-то указывал мне на пузатого человека. Такое пузо часто бывает у преуспевающих бизнесменов. Мне назвали его имя и его состояние: «50 миллионов рупий». Затем я увидел другого человека, худого как спичка, вчетверо тоньше любого худого, какого ты когда-либо видел. Мне назвали и его имя, и сказали: «У этого человека — 100 миллионов рупий». И наконец мне показали третьего человека, он был весь покрыт какой-то проказой или экземой и буквально гнил, снедаемый болезнью. Я услышал его имя и слова: «500 миллионов рупий».

— И тут мне задали вопрос: «Так нужно тебе богатство?» — «Нет, — ответил я, — пожалуйста, забудьте об этом. Я хочу только, чтобы Природа заботилась обо мне, и всё, что она посчитает для меня нужным, я приму с великой благодарностью». С тех пор я оставил попытки разбогатеть. Богатство мне ни к чему: Некто заботится обо мне.

* * *

На следующий день я уехал в Пуну. Мои занятия в колледже продолжались. А две недели спустя я снова сел на поезд, отправляющийся в Бомбей. Из окна открывался видна прекраснейший уголок индийской природы — гористый кряж Западных Гат. Поезд «Деканская царица» прибыл на вокзал «Виктория» точно по расписанию в 10:35 утра, и выйдя в город, я за несколько минут дошёл привычным маршрутом до жилища Вималананды. Он с нетерпением дожидался меня.

— Поистине, диву даёшься, — начал он, — глядя, как, казалось бы, сведущие люди связываются с грязными заработками, суетятся из-за мелочей и сами навлекают на себя ужасные кармы. Подобные игры на

границ жизни и смерти грозят неисчислимыми бедствиями, которые и вообразить себе трудно. Не успел ты уехать, является ко мне некий садху и говорит: «Дай-ка мне по полфунта мяса чёрного козла и совы, и увидишь, какие я совершу чудеса». Я видел, что он хотел поработать на меня для того, чтобы связать меня обязательством впоследствии когда-нибудь поработать на него. Я ответил: «Знаю я эти совиные штучки, и ничего нового ты мне не откроешь. Такими делами я не занимаюсь, а потому, милейший, иди своей дорогой».

— Он обиделся?

— Кто его знает? Я не хочу даже думать о нём. Помнишь, я говорил, что богиня Лакшми ездит на сове?

— Да.

— Тогда я тебе сказал, что у богатых различительная способность ума притупляется, и только ночью или — в прямом и в переносном смысле — во мраке она ещё продолжает действовать. Но это только одно из толкований «мифа». Думаю, настала пора поближе познакомить тебя с совами. Этим знанием владеют единицы.

— Допустим, ты воспользовался глазной примочкой, надлежащим образом приготовленной из совы. Тогда, встретившись с первым богачом мира, ты можешь смело просить у него взаймы миллиард, и он даст не моргнув глазом. Более того, он будет преследовать тебя, как щенок своего хозяина, и влюбится в тебя до такой степени, что не сможет жить без тебя. Точно так же можно очаровать кинозвезду. Можно жениться на ней и нисколько не волноваться, что она убежит к другому. Куда она убежит, если она без ума от тебя? Далее, из совы можно приготовить состав, который сделает тебя невидимым, и не мне тебе рассказывать о тех преимуществах, которые можно из этого извлечь. Сова — не простая птица, надо только знать, как ею пользоваться.

— Работу с совой можно назвать *улука садхана*. *Улука* значит сова, *асадхана*, как ты знаешь, — некое духовное усилие, нацеленное на определённый результат. *Улука садхана* начинается с того, что ты приносишь сову на *смашан* (место кремации) и, выполняя специальный обряд, приглашаешь определённых духов войти в тело совы. Дух заговорит с тобой совиным голосом и расскажет, что можно сделать с каждой частью совиного тела.

— Тут-то и начинаются опасности. Ты должен не спускать с совы глаз и не упустить ни единого слова. Если тебе покажется, что она замолкает, ты должен ударить её изо всех сил палкой или кочергой. Если она недоскажет всего, что должна была сказать, то последними её словами

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

будут: «А теперь ты погиб!» В устах совы это такое мощное проклятие, что до конца своих дней ты останешься больным и нищим. А после смерти ты превратишься в самого жалкого и ничтожного духа на неисчислимые тысячелетия.

— Поэтому будь внимателен и беспощаден. Вызывай духа тем же способом несколько дней подряд, пока не убедишься, что собрал всю информацию, которую мог вытянуть из него безопасно. А потом, если хочешь спасти свою жизнь, в последний день и в тот самый момент, когда она кончит говорить, выхвати меч или широкий нож и одним ударом отруби ей голову. Малейшее промедление — и дух отвлечёт тебя ровно настолько, чтобы успеть втиснуть своё проклятие, и тогда ты обречён. На всей земле некому будет спасти тебя, и даже Бог не придёт на помощь.

— Но даже если ты успешно справишься с умерщвлением, это только начало. Во-первых, ты должен понимать, что по закону кармы её ждёт хорошее перерождение и что она получит возможность зарезать тебя в одной из твоих будущих жизней, если только ты сразу не примешь надлежащих мер. Кроме того, что почувствует летающая на сове богиня Лакшми, когда узнает, что ты убил её птицу? Трудно представить, что случится с твоим хозяйством и состоянием, если она рассердится. Не вздумай играть с такими вещами.

— И наконец, справедливо ли мучить сову ради получения мирских выгод? Однажды я выполнил эту садхану, просто потому, что явился эфирный дух и рассказал мне о ней, и мне захотелось проверить, так ли всё на самом деле. Всё оказалось именно так, но я никогда более к этому не возвращался, и я думаю, что лучше бы никто этим не занимался совсем.

— Однажды в молодости я на охоте убил сову. По-твоему, Лакшми всё ещё сердится на меня?

— Хотя ты и убил её преднамеренно, но ты мало что понимал в то время, так что, я думаю, Природа посмотрит на это сквозь пальцы. Хорошо ещё, что это была сова, а не лягушка. Убийство лягушки — это такая тяжёлая карма, что некоторые даже приравнивают его к убийству человека. Но, по-моему, и этого мало. Я бы сказал так: если по карме за убийство человека можно ещё расплатиться в той же жизни, то за умышленное убийство лягушки — нельзя. Убив лягушку, неминуемо родишься снова, чтобы быть убитым той самой лягушкой.

Я похолодел. Я не убивал лягушек даже в лаборатории, но несколько лет назад я участвовал в тантрическом ритуале, в котором использовалась лягушка. К счастью, она осталась жива. Я рассказал об

этом Вималананде.

— Благодарю Господа, что она не погибла! Это всё, что я могу сказать. Кроме того, не ты всё это затеял. Организаторы обряда и должны платить по его карме.

— А как быть с людьми, которые убивают лягушек в лабораториях, и с теми, кто их ест?

— Хотя «незнание закона не освобождает от ответственности», тяжесть кармы во многом зависит от намерения. В рамках науки карма минимальна для студента, которому преподаватель приказывает убить лягушку. Но если ты проводишь самостоятельное исследование, в ходе которого гибнут лягушки, то ты отвечаешь за их смерть. Те, кто их ест, тоже должны будучи ответить.

— Когда у меня была каменоломня на острове Шева, я много раз видел, как мои рабочие раскалывали породу и внутри неё оказывалась лягушка! Понятия не имею, как она туда попадала, но она — живая! — выскакивала оттуда, а рабочие хватали её и тут же съедали!

— Неужели они даже не удивлялись, как ей, замурованной в камне, удавалось жить?

— Нисколько. Ими руководили их кармы. Безграмотные и невежественные, эти люди не могут ничего другого, как следовать своим рнанубандханам. Однако ещё печальнее наблюдать образованных людей, которые при виде лягушки моментально вспоминают о лягушачьих ножках. Многие ли из них когда-нибудь задумывались о лягушачьей жизни, заглядывались на красоту этих изящных созданий, радостным кваканьем приветствующих жизнь? Лягушка — первый помощник земледельца: когда она начинает петь, тот знает, что дело к дождю. Лягушки поедают тысячи насекомых — это та же борьба с вредителями, но естественным путём. Наконец, где лягушки, там и змеи, ибо змеи питаются лягушками; жизнь за жизнь.

— Но вместо уважения лягушкам достаются муки. Им отрубают ножки, пока они ещё живы и в сознании, и туловище выбрасывают подыхать. А те, кто ежедневно уничтожает их сотнями, — сколько, Должно быть, сотен раз зверски убивали их самих, если теперь они имеют право так издеваться в свою очередь? И сколько ещё раз в тысячах будущих жизней их убьют те самые лягушки, которых они разделявают сейчас? Нелегко познать закон кармы.

Я задумался.

— Я слышал, что лягушки используются в ведической *яджне*

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

(жертвоприношении) для расчистки места, где совершается ритуал, и что есть какой-то ведический гимн для вызова дождя, в котором лягушка уподобляется Брахману. В современной науке лягушки были первыми животными, пригодными для клонирования. Словом, многое говорит о том, что лягушки должны иметь какую-то необычную шакти.

— И имеют. Например, лягушками можно «заколдовать» монету или банкноту. Не хочу вдаваться в подробности, но из двух лягушек ты должен одну похоронить живьём. Заколдовав монету, поставь на ней какой-нибудь отличительный знак — просто чтобы отличать её от подобных, и потратить на что-нибудь. Не пройдёт и нескольких часов, как она снова окажется в твоём кошельке, бог знает как. И так можно тратить и тратить её бесконечно. Но какой ценой? Дорого тебе это обойдётся.

— И платить надо, даже если животное посвящается Богу?

— Да, если не знаешь, как этого избежать. Некий правитель, преданный поклонник Ма, каждый день приносил ей в жертву определённое количество животных. После смерти он нашёл себя в окружении тысяч разъярённых животных и спросил Ма, что происходит. Она ответила: «Ты лишил их жизни. Разве не должны они теперь лишиться жизни тебя? Таков закон кармы». Правитель пришёл в отчаяние и взмолился: «Но, Ма! Я приносил их в жертву только из любви к тебе!» Ма улыбнулась и ответила: «Это не совсем так. Кроме любви ко мне у тебя были и другие чувства, ты хотел получить от меня выгоды для себя и своей семьи. Кроме того, разве я когда-нибудь просила об этих жертвах? Никогда. Если ты так хотел жертвовать, то почему же ты не отрезал тогда часть своего тела и не предложил мне своей собственной крови? Ведь это то, что по праву принадлежит тебе. Если ты действительно так меня любил, то почему не подарил мне самое ценное, что у тебя было, — свою жизнь?» Правитель понял, что дела его плохи. «Но не унывай, — продолжала Ма. — Я окажу тебе милость. Должна же я заботиться о тебе. Вместо тысяч рождений с тысячами кровавых финалов ты можешь отделаться только десятью. Но за эти десять тебе придётся испытать всё, что испытали твои жертвенные животные».

— А как много жертв в иудаизме — не в **агам** ли одна из причин, почему так долго страдают евреи? Убитые животные очень злы на них.

— Отчасти это так. Другой частью является то, что когда евреи вторглись в ханаанскую землю, они перебили всех, кто там жил.

Из курса воскресной школы я знал, что в ряде мест Ветхого Завета Иегова призывал евреев не оставить в живых ни одного ханаанца. Евреи вняли голосу неба, и началась резня, которая переросла в геноцид. Не было ли массовое уничтожение евреев в XX веке карми-ической реакцией

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

на то давнее преступление? Я хотел об этом спросить, но потом оставил эту мысль и задал другой вопрос:

— А что же ислам со всеми его жертвами — ему тоже не будет пощады?

— Мусульмане уже набросились друг на друга: Иран воюет с Ираком.

— Неужели *каждого*, кто совершает жертвенное приношение животных, ждёт такая же участь?

— Почти каждого. Убей — но только тогда, когда твоя рнанубандхана с необходимостью требует этого. Таковы твои кармические счёты с этим животным. Не ошибись при выборе животного, которое ты собираешься убить. В жертву годятся только те животные, на теле которых есть особые метки, указывающие, что они предназначены в жертву. Если ошибиться и взять животных без меток, карма будет гораздо хуже.

— Но даже если ты правильно выбрал жертву, ты должен обладать умением и силой вернуть умершее тело к жизни. Наши риши после жертвоприношений всегда оживляли убитых животных с помощью специальных мантр. Тогда карма не накладывала никакого отпечатка на них. Совсем другое дело — убить животное и не уметь воскресить его. Вот, например, ты убиваешь цыпленка, готовишь из него какое-то блюдо и преподносишь это блюдо Ма. Куриное мясо превращается в *прасад* (благословение), ты раздаёшь его кому следует, но хотя бы одну косточку ты должен оставить себе. По этой кости ты воссоздаёшь цыпленка и затем оживляешь его. Он возвращается к жизни, но приносить его в жертву второй раз уже нельзя. Ты должен либо отпустить его, либо кормить и ухаживать за ним. Но Даже если ты не можешь или не хочешь действовать этим путём, ты обязан вернуть животное к жизни как-нибудь иначе. Обеспечь ему немедленное благоприятное перерождение. Я делаю это всякий раз, когда съедаю кусок мяса. Жертва без воскрешения — это непростительная глупость. Обычно люди руководствуются исключительно кулинарными соображениями, и это создаёт карму. Они убивают и съедают, а потом убивают и съедают их самих. И так от рождения к рождению. Мудрец убивает только ради искупления.

— Пока мы касались только обычных жертвоприношений. Карма за человеческое жертвоприношение много тяжелее. Человеческая жертва — *нара бали* — наитруднейшая из всех. Убийство человека даёт ужасную карму, но преподнесение человеческой души Ма, с другой стороны, даёт неисчислимые выгоды — как жертвователю, так и самой душе. Нара бали — отличная вещь, но её безопасное выполнение возможно только тогда, когда ты совершенно точно знаешь, что делаешь. Именно поэтому нельзя

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

просто выйти на дорогу и зарубить первого встречного, как поступают *туги*. Даже несмотря на то, что нынешние люди в большинстве своём *пашу* (животные).

Туги («обманщики») — это индийцы, члены тайного общества, которые приносили ничего не подозревающих людей в жертву богине *Бхавани*. Говорят, что когда они были в силе, их жертвами пали более двух миллионов путников. Конец этому безобразию положил генерал Слиман и английские войска в середине прошлого века.

— В неумелых руках этот обряд оборачивается трагедией. В Гирнаре сейчас не осталось почти ни одного агхори, а всё потому, что когда-то несколько агхори украли маленького мальчишку, принесли его в жертву и съели. Когда обеспокоенная мать пришла к ним и спросила, не видели ли они её мальчика, они солгали, что нет. Тогда она пошла к Гуру Даттатрее, первому агхори мира, и он, воспользовавшись своими йогическими способностями, увидел, что произошло. Он страшно рассердился и выгнал из Гирнара всех агхори за исключением нескольких поистине достойных.

— Значит, правда то, что говорят об агхори и их человеческих жертвоприношениях? — Некогда Вималананда вёл жизнь нагого садху в горах Гирнара, вновь ставших местом паломничества, где и встретил своего старшего Гуру Махараджа.

— Агхори всегда уважали нара бали, но ни один настоящий агхори не станет убивать, не зная, как воскресить. Некоторые агхори совершают нара бали, если жители деревни, в которую они входят, не поприветствовали их должным образом. Эти агхори выполняют *хому* (поклонение огню) и просят таких богинь, как *Чанди* (богиня холеры) или *Шитала* (богиня оспы), покарать деревню. Хотя со стороны это может показаться бессмысленным, но на самом деле эти смерти служат нара бали, и Ма остаётся довольна агхори. В результате жертвы бывают облагодетельствованы, ибо Ма забирает их, и они будут спасены. А деревенские жители, оставшиеся в живых, получают наглядный урок хорошего воспитания. Таким образом, все стороны что-то приобретают, но сам процесс создаёт некоторую карму.

Всё это звучало несколько странно.

— Некоторую карму?! По-моему, тут всё объясняется эгоизмом, как в случае с теми агхори, которых Даттатрея вышвырнул из Гирнара. Ну хорошо, люди не встретили их как следует, но разве это достаточное основание для убийства? Не надо ли быть чуть-чуть повнимательнее к людям, если ты садху?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— А ты представь себе, что ты — агхори, поклоняющийся Чанди или Шитале, и что в своём служении ты дошёл до того, что твоя богиня пребывает с тобой двадцать четыре часа в сутки. Тогда эти деревенские обижают не столько тебя, сколько твою богиню. И это именно она выходит из себя, выполняет хому твоими руками и забирает жертвы. Представь, что к тебе приближается тигр, ты же понимаешь, что это может серьёзно кончиться, и будешь вести себя соответственно. Надо думать! Точно так же у тебя должно хватить мудрости с должным вниманием отнестись к могущественной богине, в какой бы форме она ни предстала перед тобой. Может быть, жители и не просили йогов прийти в их деревню, но раз уж они пришли, местные должны понимать, какими последствиями чревато плохое обращение с ними. Индия есть Индия. Таких историй здесь хоть пруд пруди. Помнишь: не бери себе в друзья царя, йога, огонь и воду, если не хочешь, чтобы эта дружба тебя угробила!

Он рассмеялся.

— Мой старший Гуру Махарадж, мой Бапу, и йог и царь одновременно, так что тебе надо быть с ним предельно осторожным. Однажды он привёл меня в место, где было закопано несметное сокровище. Одну за другой мы извлекали из земли золотые пластины, россыпи бриллиантов и прочие немислимые богатства, но мы продолжали рыть не останавливаясь. Нам нужен был амулет, один маленький амулет. Но чтобы достать его, нужно было принести в жертву маленького ребёнка. Бапу поручил это мне, но я отказался. Зачем марать руки? «Ладно, — ответил он. — Тогда сделаем так. Я явлюсь к тебе в каком-нибудь виде, не важно в каком. Будь начеку, и когда увидишь меня, постарайся меня поймать. Если сумеешь меня поймать — амулет твой». Это звучало заманчиво.

— А через несколько дней, уже в Бомбее, случилось вот что. Только я велел своему сыну Рану идти спать, как неожиданно неизвестно откуда появилась огромная чёрная кобра. Я стоял на одной стороне лестничного пролёта, а Рану и мой друг Динкар — на противоположной. Кобра подползла к мальчику и обвилась вокруг его ноги — мой старший Гуру Махарадж обожал моего сына. Рану не шелохнулся, как будто он всё понимал. Затем кобра двинулась ко мне.

— И тут этот болван Динкар заорал, как идиот: «Змея! Змея!» Он схватил трость и начал колотить её прежде, чем я успел ему помешать. Змея тут же исчезла, и меня охватила ярость: «Ну кто просил тебя трогать эту змею?!» Но он перебил меня: «Послушай, Пратап, ты ведь знаешь, эти змеи смертельно ядовиты. Она же могла укусить Рану». Вот

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

бестолковый! Если бы она хотела укусить Рану, она бы запросто могла это сделать, когда обвила его ногу! Ну что поделаешь с такими людьми?!

— Через несколько дней я снова увиделся с Гуру Махараджем. Он был в бешенстве: «Смотри, что ты наделал! На мне живого места нет!» — и показал мне свою избитую спину. «Но что я мог сделать? — воскликнул я. — Я не успел остановить его». Так мы и не достали тот амулет.

Мы улыбнулись столь печальной развязке, и разговор перешёл на другое.

На следующее утро Вималананда вновь заговорил о жертвах в самом, казалось бы, неподходящем для этого месте: в кафетерии на ипподроме. После наблюдения за утренней разминкой лошадей мы закусывали поджаренным хлебом с маслом и пили чай с молоком. Сидевший с нами тренер Лафанж убеждал нас в том, что весьма невразумительный бег, свидетелями которого мы только что были, на самом деле не такой уже невразумительный. Когда он ушёл, Вималананда скорчил гримасу, но в этот момент наша весёлая болтовня была прервана появлением двух представителей клуба. Они вошли в кафе, на ходу обсуждая жокеев-иностранцев: за кого в этом году будет выступать Джордж МакГрат и уедет ли вновь на Дерби жокей Её Величества сэра Лестера Пиггот.

— Я всегда считал, — вновь заговорил Вималананда, — что кармы нужно избегать, когда только это возможно. Чем больше ты стараешься сделать в своей жизни, тем больше создаёшь себе карму. Будь то человеческая жертва или конные состязания, всегда лучше действовать так, чтобы избежать кармы. В случае человеческой жертвы можно поступить так, как поступали наши риши, — оживить принесённого в жертву с помощью мантры. Но и без мантры можно пожертвовать сколько угодно людей и не запятнать себя кармой — если ты достаточно глубоко разбираешься в некоторых вопросах. Угадай, о чём я говорю?

— Наверняка это что-то связанное с праной...

— Правильно. Тела жертв Ма вовсе не интересуют. Она эфирное создание, и может впитать только дух, отделяющийся от тела в момент смерти, и прану как носителя этого духа. Зная это, сведущий человек может совершить совершенно безопасное жертвоприношение, извлекая дух и преподнося его Ма. Дух можно брать любой, даже дух убитого в сражении бойца. Каждый год их погибает так много. Можно совершать тысячи нара бали, надо только знать, как это делается.

— Прежде всего надо выбрать воюющую страну. Затем — обратиться к Ма: «Ма, я хочу преподнести тебе столько-то нара бали в течение двух дней, если ты позволишь». Если она позволит, можно приступать, если

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

нет — ни в коем случае! Ты собираешь духов всех погибших в этой войне, и солдат, и мирного населения, невинных жертв и виновников кровопролития, это не важно. Поскольку все они умерли насильственной смертью, они не знают, куда им идти дальше, и не видят пути к новому рождению. Собрав духов, ты приводишь их туда, где ты будешь просить Ма проглотить их. Затем ты выполняешь *стамбхану* («обездвиживание») и *килану* («прибивание гвоздями»), чтобы заключить их в круг, из которого они не смогут убежать. Это эфирный эквивалент стреноживания священных животных во время жертвоприношения, привязывания их за шею к жертвенному столбу. Затем ты вызываешь Ма. Появившись, она готова есть, но поскольку она эфирное существо, она ест не ртом. Она вдыхает духов — они ведь тоже эфирные, — забирая себе их прану дуновением ветра и наслаждаясь своим космическим опьянением. Ты видел, как собаки любят играть с палкой? Ты бросаешь палку, пес летит за ней, хватая зубами и несёт тебе, чтобы ты запустил её снова. Так же и здесь. Ма, давая рождение существам, бросает их в *самсару* (проявленное бытие), а ты приносишь их Ей, так что она может запустить их опять.

— И конечно, она не бросит их куда-нибудь в канаву. По милости своей, как и всякая мать, она даст им немедленное благоприятное перерождение. Ма — это мать каждого из нас, а какая мать не позаботится о ребёнке, пусть даже о самом непослушном? Поэтому духи должны быть довольны обрядом. Мать тоже довольна, и Она награждает жертвователя. Все удовлетворены, а прелесть в том, что всё это стоит весьма незначительной кармы.

— Здорово! Почему же люди этого не делают?

— Потому что трудно. К сожалению, это очень трудно. Вот почему люди прибегают к более лёгким нара бали. Ещё один способ состоит в том, что ты подыскиваешь человека или животное, с которым тебя связывает соответствующая рнанубандхана. Затем ты вводишь в него определённое божество или духа, который также имеет должную рнанубандхану с предполагаемой жертвой. Затем это божество располагается внутри жертвы и выпивает всю её кровь. Жертва постепенно худеет и превращается в скелет, так как прана уходит прочь. Лечение тут не поможет, смерть наступает по желанию Ма или когда дух выпивает всю назначенную ему кровь. В качестве такого божества можно выбрать, например, *Чиннамасту* — великую богиню, держащую в руке свою отрубленную голову и пьющую неиссякаемый ручей собственной крови. Эта богиня вызывает такие неизлечимые и изнурительные болезни, как лейкемия, когда количество красных кровяных телец падает, а белых — возрастает. Иногда больные лейкемией выживают, если Ма

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

решает забрать у них только часть праны. Но ни одна жертва не выживет в нара бали, если только ты не собьешься, выполняя обряд.

— Какую бы ты богиню ни избрал, она будет счастлива, ибо получит дух желаемого существа безо всяких трудностей и неприятностей, связанных с физическим жертвоприношением. Страдание заставляет жертв вспоминать о Боге, хотя само по себе — всего лишь результат карм, накопленных в миллионах прошлых рождений. Ма спасает их, умирающих. А ты, сидя в своём уголке как посторонний зритель, получаешь от Ма награду за приведённые к ней души, и никакая карма за убийство не коснётся тебя.

— Таким образом можно совершить тысячи нара бали. Результат будет огромен! Физическими жертвоприношениями ты никогда не достигнешь такого, вот почему я всегда говорю, что физические действия имеют ограниченное значение в духовной области. Но если ты вздумаешь играть в эти игры, не зная точно свою рнанубандхану с жертвой, тебя ожидают большие, очень большие неприятности.

— Так как же узнать эту рнанубандхану?

— Всему своё время, мой мальчик, — засмеялся он, — всему своё время.

ЗАВОДИЛЫ И ЖЕРЕБЦЫ

Лето в Бомбее обычно начинается в конце марта. Лето 1977 года принесло свои заботы: нам предстояло выбрать для Стони подходящего жениха. Вопросы генеалогии всегда живо интересовали Вималананду. Наблюдая ход событий на кортах Уимблдона, он вздыхал и говорил: «Если бы Джимми Коннорс женился на Крисси Эверт, что за чудо-ребёнок мог бы появиться на свет!» Теперь ему предстояло отобрать гены, чтобы смешать их с генами своей любимицы Стони. Он всё дольше и дольше засиживался над родословными, желая увериться, что потомство Стони принесёт ей заслуженную славу.

Я бы тоже охотно углубился в этот генеалогический лес, но моя учёба отнимала у меня всё свободное время. Я вёл двойную жизнь: регулярные занятия в колледже с их анатомией, симптомами и лекарствами, интерес к которым то пропадал, то появлялся снова, чередовались с погружениями в необыкновенный мир Вималананды. Всякий раз, оказываясь рядом с ним, я стремился впитать всё то знание, которое он решался мне приоткрыть, а потом я снова оставался один и увязал в трясине скучных и утомительных будней.

Вскоре после дня последнего старта Стони Вималананда неожиданно забрал меня из моего пунского чистилища, и мы поехали в один близлежащий конный завод. В окрестностях Пуны расположено около десятка таких заводов, перемежающихся полями с сахарным тростником, горохом, сорго, кольраби и кукурузой. Проезжая мимо самого крупного и недавно обновлённого завода, принадлежащего братьям Анклезария, Вималананда прищурил глаза и произнёс: «Анклезария прекрасно ведут дело и знают толк в лошадях. Даркус слегка грубоват, но Нариман — истинный джентльмен. Я бы не отказался купить двухгодовалого жеребца из их стада, но их цены для меня слишком высоки».

— Что мне у них не нравится, так это их заводы по выработке сыворотки из крови мулов и лошадей. Поскольку этот продукт используется в лечебных целях, им полагается за это кое-какая хорошая карма. Но что делать с плохой кармой? Убийство само по себе даёт очень тяжёлую карму, здесь же из них вытягивают жизнь постепенно, малопомалу высасывая из них прану, так чтобы они не могли сразу умереть. Им оставляют лишь столько жизни, чтобы продолжалось выкачивание крови.

— Как ростовщик даёт фермеру ровно столько, чтобы тот удержался

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

на плаву и продолжал тянуть свою лямку, выплачивая всё новые и новые проценты по ссуде.

— Именно так. И процент настолько высок, что фермер просто не в состоянии вернуть основной долг. Некоторые начинают с того, что занимают 500 рупий (около 65 долларов в то время), а заканчивают тем, что платят займодавцам тысячи и тысячи на протяжении десятилетий. Потом этот долг переходит к их детям. Такое вымогательство иначе как кровопийством не назовёшь. Но даже это едва ли сравнится с буквальным выжиманием из тебя крови капля за каплей.

— Когда ткани организма истощены из-за недостатка крови, и в теле чувство постоянного недомогания... О, это кошмар! С ужасной, должно быть, кармой рождаются животные, обречённые жить на этих заводах.

— С ужасной, с ужасной. Некоторые из них даже были ростовщиками в своих прежних жизнях!

Мы рассмеялись, подъезжая к месту назначения. Нас встретила хозяйка — пожилая чудаковатая персиянка, давно поджидавшая нас на веранде своего бунгало, которое, судя по его архитектуре, было построено для какого-нибудь британца лет шестьдесят назад.

— Сахибрао, — позвала она слугу на отрывистом маратхи, — принеси этим господам что-нибудь попить.

Закусив, мы спустились вниз к стойлам, где разгорячённая кобыла ожидала своего жеребца. Впервые оказавшись на конной ферме, я шепотом спросил Вималананду:

— А ты уверен, что этот мелкий пони, трущийся около неё, не настоящий жеребец?

— Ну разумеется, — тоже шепотом ответил Вималананда, так что со стороны это выглядело как совещание знатоков. — Он разогревающий. Он должен играть с кобылой до тех пор, пока она не войдёт в раж, и завести её так, чтобы она не могла больше терпеть. Когда она доходит до точки, ей подводят жеребца, а этого заводилу убирают подальше. Смотри!

Как по сигналу, возник жеребец, тряся гривой, как будто стряхивая узду, с огромным, вытянувшимся вдоль живота признаком своего пола. Двое работников поставили его в позицию, помогли взобраться и стояли, наблюдая за его движениями. Через 30 секунд всё было кончено, и удовлетворённых лошадей развели по своим стойлам.

Из всего нашего визита это зрелище произвело на меня наибольшее впечатление, и как только мы снова сели в машину, я выпалил то, что так

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

долго сдерживал внутри:

— Насколько разные кармы у жеребца и у заводилы! Оба — самцы, и обоих ценят за твёрдость пениса. Но один трахается целый день и за это получает лучший корм, кров и уход, а другого отпихивают в сторону, не оставляя ему никакой надежды на оргазм. Всё время на свадьбе, но никогда не жених! Каждый день — в состоянии и вечно — на расстоянии! Вот так жизнь! Вот и будь после этого мужчиной! Могли ли они дать ему покрыть хоть какую-нибудь кобылку, хоть какую-нибудь несчастную пони?

— С какой стати? Чтобы он почувствовал удовлетворение и насыщение? Но тогда он потеряет свой сексуальный пыл, который он должен передать кобыле. Кроме того, если он покроет пони, вдруг родится жеребёнок? А кому он нужен? Кто захочет его кормить?

— Из него можно вырастить другого заводилу, если это самец.

— Заводилы стоят гроши. И потом, что будет, если они послушают твоего совета, а затем отправят жеребёнка на сывороточный завод. По душе тебе такая ответственность?

— Боже упаси!

— «*Гаханах кармано гатих*»: поистине глубок океан кармы. Почему из одного камня выходит идол, которому все поклоняются, а из другого — добытого в той же каменоломне — отхожее место, которым все брезгуют? Всё зависит от прошлых карм. В Индии карма проявляется весьма своеобразно, потому что здесь переплетены самые необычные кармы. В Индии никогда невозможно предугадать, что случится в следующий момент. Если нет понимания того, что происходит, то лучше соблюдать предельную осторожность, иначе с тобой может случиться всё что угодно. Возьми, к примеру, практику *виша канья* («ядовитая дева»), которая была очень популярна в древности и, может быть, сохранилась где-нибудь и сейчас. Девочке, которой назначено стать виша каньей, начиная с нескольких месяцев от рождения дают постепенно увеличивающиеся дозы различных ядов. Ей дают не смертельные дозы, но ровно такие, чтобы выработать устойчивость к ядам. К подростковому возрасту она усваивает огромное количество ядов, которые пропитывают все ткани её организма, так что вывести их уже невозможно. Тогда настаёт пора испытания.

— Испытания?

— Муха, севшая на неё, должна мгновенно умереть.

— Ну и ну!

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Пройдя испытание, она готова для дела. Никаких ядов больше ей не дают. Если царю надо от кого-то избавиться, он приглашает этого человека на весёлый пир, а затем предлагает ему провести ночь с этой девушкой. За эту ночь гость выпитывает в себя столько яда, что в самом скором времени умирает, и никто кроме царя не понимает, в чём дело. Что, по-твоему, произошло с Александром Македонским? Частью дани, которую выплатил ему разбитый царь Порус, была и виша канья.

— Жуткая смерть.

— Да, но подумай о судьбе девушки! Может ли она выйти замуж? С первым поцелуем мужа она станет вдовой. Виша канья ядовита настолько, что одного поцелуя достаточно, чтобы отправиться в могилу. И ничто тебя не спасёт, хотя, может, ты умрёшь не сразу. Какие кармы имеет за собой эта девушка, если подвергается такому мучению? Можно гадать, но трудно сказать что-то наверняка. А что будет с тем, кто обрекает виша канью на непрерывную сексуальную и эмоциональную муку? Быть может, такой человек и кончает заводилой на конном заводе!

— Это кажется справедливым.

— А кстати, что, по-твоему, будет с хозяином завода, который использует таких заводил? Ничего хорошего. Поистине, в нашем двойственном мире нет конца действиям и противодействиям, особенно что касается любовных дел. Жуткая карма ждёт того, кто прерывает страстные объятия двух влюблённых. Даже риши не избегают наказания.

— Так говорится в текстах, — произнёс я. Индийские легенды полны примеров подобных карм. Риши Дурвасас был разделён со своей женой, потому что он разделил *Индру*, вождя небесных существ, называемых *дэвами*, с *апсарасой* (небесной танцовщицей) Рамбхой, когда они занимались любовью. Из-за того, что Юпитер помешал любви *Камадэвы* (бога чувственной любви) с апсарасой *Гхритачи*, Месяц похитил у Юпитера жену и одарил её ребёнком. Гаутама Муни помешал Луне и Рохини, в результате чего ему наставили рога и он на тысячелетия расстался с женой — в силу своего же проклятия. А когда царь Харисчандра (чьё имя образовано из двух слов: «правда» и «полнота») наказал пахаря за незаконную связь и послал его за тридевять земель, он потерял жену, сына, царский титул и попал в плен к риши Вишвамित्रе, который стал его пытаться.

— Мешать кому-то заниматься сексом, конечно, скверно, — продолжал Вималананда, — но кармические последствия собственно секса идут куда дальше. Давай поговорим о миллионах и миллиардах насекомых в мире, многие из которых живут всего несколько мгновений и затем умирают. Их огромное число объясняется в первую очередь тем,

как бездумно люди разбрасываются своим семенем. Каждый сперматозоид жив. Разве миллионы их, обрекаемые на смерть после каждого семяизвержения, не имеют права на перерождение и месть тем, кто их убивал безо всякой на то причины за исключением минутного удовольствия? У них есть на это все права. Сейчас время Кали-юги, и всё больше мужчин зря растрачивают своё семя, и всё больше насекомых появляется на свет из-за преобладания *асурических* (демонических) тенденций.

— По-английски я назвал бы это «романтической справедливостью». Кали-юга — четвёртая из четырёх юг, через которые снова и снова проходит мир. В Кали-юге, также известной под именем «Железный век» и длящейся, согласно преданию, 432000 лет, сохраняется только четверть нормального количества праведности, и поэтому многие люди очень легко поддаются соблазну.

— В Индии мы называем это «божественной справедливостью», иногда она бывает очень сурова. Это такой закон, перед которым все равны. У него нет любимых и нелюбимых. Даже пророкам и *аватарам* (воплощениям Бога) приходится страдать. Вспомни о печальной доле *Рамачандры*. Бог воплотился в нём, но он вынужден был оставить своё царство буквально в день вступления на престол. Четырнадцать лет он скитался в лесах, и почти на всю жизнь расстался со своей любимой женой Ситой. И это только один пример. Махавира умер, оттого что ему в ухо забили гвоздь. Будда умер, отравившись маленьким кусочком молочного поросенка. За что зарезали Заратустру? За что отравили Мохаммеда? Почему распяли Иисуса? Почему Кришна умер от стрелы, угодившей ему в пятку? Играя с Богом в открытую, надо быть готовым к любому блюду, которое Он тебе преподнесёт, и не важно при этом, за кого ты себя принимаешь.

— Никогда не требуй божественной справедливости. Если как следует вдуматься, то за каждым из нас числится столько непростых карм, что, рассуждая по справедливости, расплачиваться за них пришлось бы собственной кровью. Мы бы не смогли этого вынести. Как-то один садху, выполняя аскезу, двенадцать лет просидел на скале, ни разу не сойдя с места. Наконец Богу это понравилось. Явившись к нему, Бог спросил, какая ему нужна награда, и садху ответил: «Я желаю справедливости». Бог сказал: «Дуралей, ты ведь понятия не имеешь о том, что такое справедливость. Я пришёл помочь тебе. Ты уж, пожалуйста, послушай меня и попроси какой-нибудь дельной награды». Но садху стоял на своём: «Нет, справедливость и только справедливость». Бог снова попытался переубедить его, но тот так настаивал, что Богу в конце концов надоел этот бестолковый спор, и Он сказал: «Ну хорошо. Тебе

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

нужна справедливость? Ты её получишь. Ты сидел тут двенадцать лет? Так пусть же теперь скала посидит на твоей башке те же двенадцать лет. Разве это не справедливость? Ну так насладись ею!»

— Ух! — выдохнул я.

— В некоторых писаниях, посвящённых природе божественной справедливости, упоминаются наказания за неумение удержаться от определённых действий. В них говорится не о вине и воздаянии, но о кармической реакции. Поскольку тексты написаны ясновидцами, которые видели будущее вплоть до наших дней и знали, что должно свершиться, эти священные книги полны в высшей степени странных пророчеств. Однажды я со своим приятелем персом, человеком очень начитанным в области Вед и *пуран* (классические духовные тексты), обсуждал вопросы кармы, и он спросил у меня: «Почему в «Гаруда пуране» говорится, что человек, слишком увлекающийся сексом, в аду будет посажен на раскалённый железный кол?» Я ответил: «А ты посмотри на себя. Ты изрядно позанимался сексом и в результате получил венерическую болезнь. От неё тебя лечили горячим стальным прутком, который вводили в твою уретру. Как по-твоему, есть тут какая-нибудь связь?» Ему нечего было ответить.

— То есть ты утверждаешь, что в индуизме отсутствует понятие вины? — Для меня это было ново.

— Персидское слово «хинду» — это искажённое санскритское «Синдху», название реки Инд. Индию ещё называют Индустан, а людей соответственно индусами. А это значит, что никакой индуистской религии не существует. Есть только ведическая религия.

— А агхора?

— Агхору едва ли можно причислять к религиям, у неё ведь нет никакой жёсткой доктрины. А если ты скажешь, что агхора — это доведённая до крайности тантра, то что есть тантра, как не по-новому выраженная Веда?

— Гм-м.

— Так вот, в своём первоначальном виде Веды не содержали никаких запретов. В них не было понятий вины и греха. Они только трактовали карму, а закон кармы не имеет ничего общего с нравственностью, согласно этому закону, есть только причина и следствие. Закон кармы — это закон физики, и отменить его можно с тем же успехом, что и закон всемирного тяготения. На короткое время ты можешь вырваться из-под действия закона кармы, так же как и закона тяготения, но в конечном счёте он возьмёт своё. Подпрыгивая, ты на секунду вырываешься из

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

тисков гравитации. Самолёт растягивает это на несколько часов. Но потом всё равно придётся спуститься.

— А в космосе?

— Даже в космосе на тебя действует притяжение того или иного небесного тела. Но много ли у тебя шансов полететь в космос? Хватит ли на это твоей кармы? Сколько человек в мировой истории летали в космос?

— Считанные единицы.

— И все они, кто не погиб, возвращались на Землю через несколько дней или, в лучшем случае, недель — как бы далеко они ни залетали. Всё дело в шакти. Чтобы подпрыгнуть, нужно совсем немного шакти; чтобы взлететь на самолёте, требуется уже приличное количество шакти: нужны связи и деньги, чтобы достать билет, а деньги и связи — это тоже разновидности шакти. Но чтобы отправиться в космос, нужна колоссальная шакти, а чтобы, пребывая в физическом теле, постоянно удерживаться вне сферы земного притяжения, нужна такая шакти, какую и по сегодняшний день не сумел накопить никто из живущих. Царь Тришанку хотел подняться на небо в физическом теле, воспользовавшись аскетической силой риши Вишвамитры, и где он теперь? Висит, подвешенный вверх ногами, между небом и землей, и будет так висеть до окончания веков.

— А те, кто умеет выходить в космос в астральном теле?..

— На них накладывает ограничение астральное тяготение Земли. Полностью освободиться от Земли, в том числе от её астральной гравитации, доступно только величайшим риши.

Я задумчиво покачал головой.

— Закон кармы — это закон Вселенной, это основа божественной справедливости. Хочешь не хочешь — ты вынужден ему подчиняться. Нарушив закон, ты должен понести наказание, но это наказание есть только реакция на твоё нарушение; никакой вины, никакой мести здесь нет и в помине. Чем плоха дурная карма? Тем, что тебе приходится платить за её создание. Плохая карма приносит страдания и тебе, и окружающим. Уяснив этот принцип, ты начинаешь воздерживаться от созидания плохих карм, если ты нормальный, рационально мыслящий человек. Производя всё меньше плохих карм, ты постепенно уменьшаешь свои страдания и, стало быть, увеличиваешь свою радость. Это простая математика. Дважды за — четыре, а не три и не пять.

— Грех появляется, когда к плохой карме добавляют вину. Например,

когда людям говорят, что они злы и попадут в ад за создание дурных карм. Чувство вины культивируется многочисленными «свами» и «баба», только и толкующими о грехе. Но неужели же они такие знатоки кармы, что могут заранее сказать, кто пойдёт в ад, а кто отправится в рай? В разных религиях грех определяется по-разному, и одно определение противоречит другому. То, что считается грехом в одной религии, например убийство животных в джайнизме, может выступать как необходимое требование в другой — в нашем примере это иудаизм и ислам. Ведическая религия — единственная религия в мире, призывающая каждого человека создать свою собственную нишу. Именно поэтому она вечна. И если нашу страну населяют семьсот миллионов человек, то должно быть семьсот миллионов богов и семьсот миллионов религий.

— Иисус сказал: «Возненавидь грех, но не грешника». Но я спрашиваю: зачем вообще думать о каком-то грехе? Если ты полагаешь, что твои последователи будут грешить, то не сам ли ты их, тем самым, к этому толкаешь? Вот почему есть только одна совершенная религия: Веда. Вечная Дхарма — и никакого греха. Если ты найдёшь мне хоть одно упоминание о грехе в Ведах, я обещаю искупаться в твоей моче! В упанишадах, да, кое-что встречается. Упанишады написаны школьниками, а академиками были риши. Дети всегда делают ошибки. Но Вед это не касается. У риши было совершенно отличное от нашего видение мира. Когда встречались два риши, они не кричали друг другу: «Здорово, риши!» — «Здорово!», как поступают люди теперь. Они называли друг друга *Арьяпутра* (сын истины) или *Маханубхава* (великий познающий). Какой слог — обращаться друг к другу «Сын Истины»! Какая широта знаний для этого нужна! Но даже эта широта порождала проблемы. Когда люди не боятся греха, они, к несчастью, начинают проникаться убеждением, что можно как-то ускользнуть от закона кармы. Они ленятся соблюдать чистоту, что служит накоплению дурных карм. Возникает проблема: если постоянно твердить о грехе, как делают некоторые христиане, то это укрепляет его, если же не обращать на него внимания, то он растёт.

— И что же делать?

— Это огромная проблема для религиозных вождей. Но для нас с тобой важнее наши собственные дела, а обо всём остальном пусть заботится Бог.

Последовала пауза. Затем мы заговорили о Стони и её предполагаемом женихе. Доехав до места, в котором дорога огибала какой-то ашрам, Вималананда с шумом выпустил воздух из надутых щек, плюнул и с

отвращением сказал:

— Его только тут не хватало — ещё один *бхагаван* («Бог»). Ты ведь слышал, какой бред несёт этот тип? Этот «бхагаван» утверждает, что противоречит самому себе, потому что это отвечает природе Реальности, и что-то ещё в том же духе. Начать с того, что истинный бхагаван говорит только на *пара вани* — телепатической речи — а на пара вани невозможно противоречить самому себе. Невозможно потому, что пара вани есть *прасадика вани* — непосредственное выражение Реальности, не нуждающееся в словесных формах. Из слов этого «бхагавана» мы можем вывести только одно: что у него начисто отсутствует рациональное мышление!

— Он претендует на иррационализм, поскольку, по его мнению, Вселенная иррациональна.

— Если это так, то я замолкаю, потому что мне больше нечего сказать. Нет закона кармы, нет причин и следствий, и вообще всё бессмысленно. Но если есть только хаос, то как тогда сам «бхагаван» появился среди этого хаоса?

— Если Вселенная иррациональна...

— Довольно вздора! Это просто болван, который сам не знает, что говорит! Его болтовня — просто средство содрать побольше со своих учеников, так чтобы он мог есть, пить и веселиться со своими милыми ученицами. — Он помолчал и, успокоившись, продолжил: — Хватит о нём. Стоит ли забивать себе голову пустяками? Есть вещи получше, чем искать чужие ошибки. Природа Сама с ним разберётся. Если закон кармы существует, он преподаст урок этому типу ещё в этой жизни.

— Смотри, — сказал он, уперев в меня указательный палец, — когда я показываю на кого-то пальцем, я всегда помню, что три пальца обращены на меня и только один указывает на него. И тогда я понимаю, что осуждает человека *ахамкара*, моё эго, и это осуждение вводит меня в ловушку причины и следствия. И если вред, который я нанес ему, оценивается в один палец, то расплата будет в три раза большей. Так я сдерживаю в себе агрессивность.

— Хотя и не всегда, — заметил я.

— Если бы не это правило, я рубил бы людей направо и налево. Это очень просто, если ты накопил достаточно шакти. Поэтому многие садху бегут от людей. Чем больше у тебя шакти, тем осторожнее надо с ней обращаться, ибо кармические последствия всех твоих действий приобретают всё больший и больший вес. В мире ты чувствуешь себя как слон, на которого тьякают моськи. Слон понимает, что стоит ему

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

пошевелить мускулом — и одной моськой станет меньше. Но он не трогает бедолагу, потому что понимает, что та не осознаёт всей тяжести своих поступков. Но если ты рассердишь слона, берегись! Спасения нет. Когда Франклин Рузвельт узнал о нападении японцев на Перл-Харбор, он спросил только: «Понимает ли Микадо тяжесть своего поступка? « А адмирал Ямамото, который был против этой атаки, сказал: «Боюсь, мы разбудили спящего великана и наполнили решимостью его сердце». Все знают, что было дальше: Япония продержалась недолго. Но вот парадоксальное следствие закона кармы — сегодня Япония рвётся вперёд, и всё за счёт Соединённых Штатов.

— По-твоему, Штатам не стоило отвечать на провокацию в Перл-Харбор?

— Если бы они не ответили, ты сейчас говорил бы по-японски или по-немецки. Нет, Штатам нужно было ответить, чтобы положить конец тирании Гитлера, Муссолини и Тоджо. Но хоть они и поступили правильно, это всё-таки карма, а карма всегда карма. Каждое действие влечёт противодействие, это неизбежно. Но карма очень глубока, и не так-то просто понять, добро или зло ожидает тебя в конечном итоге из-за совершения определённой кармы.

— Я редко подаю нищим, а если подаю, то слепым. Глаза — это орган, который проецирует твой ум в окружающий мир. Это удел всех чувств, но в первую очередь зрения. Представь, что впереди тебя по улице идёт девушка с длинными прекрасными волосами. Ты начинаешь воображать себе её лицо. И вдруг она оборачивается, и ты видишь, что «она» — мальчик. Глаза создали неверную реальность! Слепому гораздо труднее, чем нам с тобой, проецировать сознание в мир. *Самсара*, постоянно меняющийся внешний мир, для него практически не существует. Слепые заслуживают милостыни, потому что им труднее создавать кармы.

— Но, допустим, я так сострадаю слепому, что после смерти оставляю ему свои глаза. Для слепого это поистине благо: до чего же чудесно снова увидеть свет после стольких лет темноты! Но чем это оборачивается для меня? Слепой, получивший мои глаза, увидит множество вещей, и все они будут для него новы, и каждая будет притягивать его к себе. Он захочет насладиться ими и станет отождествлять себя со своим наслаждением. Но каждое самоотождествление — это карма! А кто будет отвечать? Я! Почему? Потому что я дал ему зрение. Я дал простор его желаниям и воплощению желаний. Если бы не моё вмешательство, он бы никогда и в мыслях не имел хотеть такое огромное количество вещей и тем более не имел бы возможности сделать их частью своей жизни. Так что ответственность

лежит на мне, и я должен расплачиваться. Впрочем, если он хорошо себя ведёт, то плата не слишком велика. Но вдруг он увидит симпатичную девушку, в нём разыграется желание и он изнасилует её — виноват в изнасиловании буду я, потому что я спровоцировал это преступление! Это утверждение кажется несправедливым, но таков порядок вещей. Это касается пересадки любых органов: сердца, почек, печени и даже кожи, когда донор делится своей кожей. Будь очень осторожен в благотворительных делах — думай, для кого и как ты их совершаешь.

Вималананда объехал зазевавшегося прохожего и снова обратился ко мне:

— Ты когда-нибудь слышал на хинди выражение *анкхон ки тара*?

— Да, «зеница ока». Это что-то вроде английского «глазное яблоко»?

— Верно. Лучше бы эта фраза звучала *анкхон ко тара*.

— Что означало бы, гм-м, «спасённое око»?

— Точно. «Спасённое», оно становится невосприимчивым к желанию. Вот почему так важно овладение своими чувствами. Некогда жил царь, которого мучила бессонница. В этом не было ничего необычного, ибо царям приходится день и ночь думать о тысяче разных вещей. Даже сегодня многие видные политики стараются отвлечь себя отдел выпивкой, увеселениями, женщинами, чтобы избежать бессонницы. Но правители прошлого имели более утончённые методы наведения сна. Наш царь был ещё и поэт, и, мучимый бессонницей, он шагал взад-вперёд по балкону своего дворца и повторял про себя первую строку стихотворения, которое никак ему не давалось. «*Шете Сукхам Кае Ту?*» — повторял король. — «*Шете Сук-хам Кае Ту?*» — «Кому сладко спится?» Вдруг откуда-то снизу из темноты до него долетели слова: «*Самадхи ништах*» — «Тому, кто в самадхи». «Недурно, — подумал царь, — и вполне справедливо. Итак, *Шете Сукхам Кае Ту? Самадхи ништах*: хорошо спит тот, чьё сознание соединилось со вселенским сознанием. Поистине, это наилучший сон. Хорошо. Ну а теперь: *Ко шатрур ива? Ко шатрур ива?* Кто же вредитель?»

— Он имел в виду «кто вредитель сна»?

— Да, и в более общем смысле, Великий Враг. Он хотел подобрать слово, которое бы объединяло оба значения. Кому нужны стихи без мощных подтекстов? Итак, царь бормотал «*Ко шатрур ива?*», пока тот же голос не откликнулся вновь: «*Ниджиндрьяни*», то есть «органы чувств». Вот они, вредители сна. Влюбившись в женщину, сможешь ли ты без неё уснуть? Если ты одержим страстью к богатству, это будет будить тебя по ночам. Остальные чувства действуют так же. Они вредят

сну и они же вредят самадхи.

«Чудесно, — сказал царь. — *Ко шатрур ива? Ниджиндрьяни. А теперь, митрани кани? Кто друзья?» «Джитиндрьяни — покорённые чувства», — пришёл ответ, который и на этот раз был совершенно правильным. Не нужно разрушать свои чувства, как советуют некоторые йоги. Нужно поставить их под контроль и научить их работать на тебя. Услышав последний ответ, царь нагнулся и обратился к говорящему: «Прошу тебя, великий поэт, откройся — кто ты?» И каково же было его изумление, когда из темноты на свет выступил не кто иной, как его собственный стражник! «Я и не догадывался, насколько ты велик, — воскликнул царь. — Ты должен быть первым советником!»*

«Нет, ваше величество, — ответил тот. — Я хочу быть простым стражником, чтобы обращать на себя поменьше внимания. Я хочу, чтобы люди оставили меня в покое, и я мог бы спокойно заниматься своими делами. Я ответил вам только потому, что по долгу службы обязан о вас заботиться. Теперь я должен покинуть службу и искать нового места, где можно было бы жить в тишине и спокойствии». И он ушёл прочь, несмотря на все уговоры расстроенного царя.

— Прямо как ты. Ты тоже избегаешь людей, которые слишком много о тебе знают.

— Если хочешь сберечь своё одиночество, всегда будь готов уйти. Но ты не сможешь уйти, пока не развяжешь кармические узы с тем, кого благословил или проклял, потому что эти узы прочнее стального троса. Более того, твоё благословение, данное другому человеку, может обернуться проклятием для тебя самого. Вспомни оператора Акбара, не имевшего детей до тех пор, пока его не благословил мусульманский шейх, святой Салим Чишти. Но говорят, что даже получив это благословение, королева почувствовала себя беременной только после того, как умер годовалый сын шейха, Балпе Миян. Это даёт нам ключ к разгадке полученного Акбаром благоговения. Салим взял на себя некоторые кармы Акбара, не позволявшие тому иметь сына. Эти кармы помешали самому Салиму иметь ребёнка, и его сын умер. Получилось так, будто он передал своего сына Акбару.

— Но поскольку Салим допустил рождение ребёнка в семье Акбара, он нёс ответственность за часть дурных карм, которые создал этот юноша, когда стал коронованным принцем, и позже, когда он стал императором Джехангиром. И могу тебя уверить, Джехангир ответственен за в высшей степени отвратительные кармы. Не думаю, что эти кармы доставили большое удовольствие несчастному святому.

— Ты думаешь, он не понимал, какие последствия повлечёт его

благословение?

— Должен был понимать, но в тот момент им владели эмоции, когда он увидел, как сам император, явившись к нему босым, униженно просит его о рождении сына, он, должно быть, подумал: «Что бы там ни случилось завтра, а сегодня я осчастливию этого человека!» Только мусульманские святые способны на такое, индийским святым до этого далеко: они слишком осмотрительны, им обязательно нужно увериться, что человек сумеет правильно распорядиться благословением. Хорошо быть предусмотрительным, но в этом случае нет места человеческим чувствам.

— Из твоих слов можно сделать вывод, что мусульмане в некотором отношении выше...

— Разумеется! Я только не люблю фанатиков-мусульман. Впрочем, фанатики-индуисты ничем не лучше.

— А как же мог Салим поддаться эмоциям, если он святой? Разве святые не выше своих чувств?

— Святые поднимаются над тремя *гунами*, но только те из них, кто следует путём *джнаны*, превосходят свои эмоции. Следующий путём *бхакти* ощущает себя несчастным. Но это несчастье происходит от разлучения со своим божеством, а не от нищеты, ненависти или презрения. Человек чувствует себя настолько несчастным, что путь *бхакти* иногда именуется *асу на марг* («путь слёз»), а страдания, которые он переживает, — *маханида* («высшая горечь»). Когда божественное опьянение достигает такой силы, что слёзы в твоих глазах застилают собой весь мир, то ты начинаешь видеть Бога везде, куда только ни помотришь. И когда ты видишь, как Бог стоит перед тобой и просит о помощи, твоё сердце не выдерживает. Ты делаешь всё от тебя зависящее, чтобы выручить его из беды, чтобы принести ему счастье даже ценой своего собственного несчастья. Не слушай этих мнимых свами, которые приказывают человеку стать мертвенным и холодным, чтобы достичь духовных высот. Они говорят так просто потому, что давно забыли, что такое человеческое сердце.

Мы подъезжали к военному городку, и вскоре были на месте. Это был дом Шерназ, зороастрийки, которая к моменту моей первой встречи с ней входила в круг «детей» Вималананды и стаж её ученичества насчитывал уже без малого четверть века. Пока она сновала по дому, готовя нам чай, Вималананда смотрел из окна на дерево, с которым всегда был очень дружен, а потом рассмеялся и сказал: «Робби, всегда думай о том, что ты делаешь! Однажды я велел Шерназ кормить обезьян по субботам, десять суббот подряд, чтобы уменьшить влияние Сатурна в её гороскопе. Я

предупредил её, что кормить надо не всех обезьян, а только *лангуров*, к которым, как говорят, принадлежал *Анджаня*. Лангуры вегетарианцы. Они очень сильны, несмотря на свой маленький рост. К счастью для неё, стая лангуров жила неподалёку на кладбище, и по субботам они отправлялись в город в поисках угощений.

— Только по субботам?

— Да, они каким-то образом узнали, что в субботу легче всего раздобыть еды. Вожак — Боже мой, какой же он был здоровенный! — вёл за собой всю стаю. Когда кто-нибудь предлагал им пищу, он подходил первым и осматривался: всё ли в безопасности. Убедившись, что всё в порядке, он особым криком подзывал к себе остальных. Только после этого они приступали к еде. Десять раз повторялась эта церемония у дома Шерназ. Она кормила их специально приготовленной для них пищей. Ей это понравилось, и она решила, что если десять суббот пошли ей на пользу, то одиннадцать принесут ещё больше добра. И она покормила их ещё раз.

— Кормление животных — это доброе дело. И чем больше ты их кормишь, тем лучше. Разве это не так?

— Возможно, но для неё было бы лучше делать так, как ей было сказано. Она кормила их не из любви к ним. Она кормила их ради собственной выгоды, и когда она стала слишком жадной до этих выгод, Природа решила, что ей нужен хороший урок. И вот в одно прекрасное утро на следующей после одиннадцатой субботы неделе вожак лангуров залез в её дом через открытое окно. Он с важным видом побродил по дому, не скрывая своего злобного настроения, и ушёл. Все, кто был в доме, страшно перепугались: и Шерназ, и Арзу, и сын Шерназ Сохраб. Я зашёл к ним чуть позже, ничего не зная о случившемся. Пока они мне рассказывали, сильно преувеличивая его рост, злобу и всё остальное, он появился опять. Он и вправду был необыкновенно большим лангуром. Он снова стал деловито ходить по дому, ворча себе под нос, но ничего не касаясь.

— Когда он вошёл в комнату, мы сидели за обеденным столом. Он подошёл к столу и сел на него прямо передо мной. Он взял меня за правое запястье, не переставая рычать и показывать зубы, и слегка похлопал меня по голове. Затем спрыгнул со стола и выскочил в окно. Я долгое время жил в джунглях и привык к животным, но видел бы ты лица всех остальных! Я сказал моим дрожащим друзьям, что жить этому зверю осталось недолго и что им следует десять дней держать окна закрытыми, чтобы он не мог залезть опять. С того дня он стал беспокоить всех в округе. На десятый день, перепрыгивая с одной крыши на другую,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

он поскользнулся, схватился за провода и получил смертельный удар током. Местные жители, многие из которых считают лангуров воплощениями Ханумана, с большими почестями кремировали его тело. И ты представляешь, остальные лангуры присоединились к похоронной процессии! Это выглядело так, как будто они прекрасно понимают происходящее. Сначала они собрались над телом — и при этом даже малыши вели себя очень достойно — а когда процессия двинулась, они пошли вместе со всеми. И после этого люди говорят, что у животных нет ни ума, ни чувства! По-моему, как раз людям их и не хватает!

— Все получили хороший урок. Даже Шерназ поняла, что лучше не заигрывать с вещами, которые трудны для человеческого уразумения, как, например, связь между Сатурном и обезьянами.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — проговорил я, машинально почесывая голову, — что этот обезьяний Голиаф скончался подобным образом из-за того, что она его лишний раз покормила? Разве это не влечёт для Шерназ кармы, по крайней мере некоторой, за его смерть? Не говоря о карме за вмешательство в связь между Сатурном и обезьянами...

В это время Шерназ принесла чай, и Вималананда спросил её:

— Ты помнишь того лангура, Шерназ?

— Это был гигант, — с удовлетворённостью ответила она.

— Задабривая Сатурна, — продолжал Вималананда, — я хотел облегчить для Шерназ давление одной тяжёлой кармы, с которой ей предстояло столкнуться. Допустим, на твою голову должен свалиться кирпич. Если это целый кирпич, то он проломит тебе голову, но если это всего лишь осколок, то он отскочит от твоей головы. Точно так же и с кармой. Если никто не возьмёт твою карму на себя, ты не избежишь вызванного ею поворота судьбы. Однако можно смягчить плохие последствия и усилить хорошие умелым использованием садханы. Но если ты не слушаешься того, что тебе говорят, как было в случае с нашей дамой — я говорю это прямо в лицо, — сказал он, пристально глядя на Шерназ, — то тебе не миновать неприятностей, а все усилия пропадут даром. И такой опыт, кстати, тоже обусловлен Сатурном.

— Поклонение Анджане — лучший способ обуздать Сатурна?

— Да, и причин тут множество, но главное то, что Анджанея умел обращаться с законом кармы. Надеюсь, вы помните то место в «Рамаяне», где Анджанея летит через океан на Ланку, чтобы найти Ситу.

«Рамаяна», вторая великая эпическая поэма древней Индии, рассказ о жизни царя Рамачандры, или Рамы, седьмого воплощения *Вишну*. Во

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

время четырнадцатилетнего пребывания в джунглях, Рама лишился своей жены Ситы, которую украл Равана — *ракиас* (демоническое существо), правивший островом Ланка. С армией медведей и обезьян Рама вторгся на Ланку и после многих перипетий убил Равану в бою и вновь обрёл Ситу. Перед вторжением Рамачандра послал Ханумана на Ланку осмотреться на месте и найти Ситу.

— Анджанея взмыл в небо и быстро полетел к острову, но вдруг почувствовал, что слабеет. Он стал искать причину и вскоре понял, в чём дело: к нему приближалась гигантская демоница Симхика. «Я очень проголодалась, — сказала она, — и рада встрече с тобой, о сын ветра! Придётся тебе послужить мне хорошей пищей!» Анджанея обратился к своему причинному телу, пытаясь понять, правду ли она говорит, и к ужасу своему обнаружил, что ей действительно суждено было съесть его в этой жизни. Но если это случится, то как же он выполнит поручение своего любимого повелителя Рамачандры? О собственной жизни Анджанея не думал вовсе, он думал только о выполнении задания, так как он целиком посвятил себя Рама. Надо было срочно что-то предпринимать, потому что Симхика ухватила ;го тень и за неё тянула Анджанею всё ближе и ближе к себе.

— Как она это делала?!

— Твоя тень — это часть тебя, не правда ли? Если я могу схватить тебя за руку и тянуть к себе, то почему я не могу то же самое проделать с твоей тенью? Тень ведь тоже материальна, и хотя материя её чрезвычайно тонка, не так уж трудно тянуть кого-то за тень, гели ты знаешь, как за неё взяться.

— Анджанея быстро нашёлся, напряг свою *сиддхи махима* и увеличил своё тело до небывалых размеров. Видя, что её еда стала величиной с гору, Симхика так же широко раскрыла свою пасть. Тогда Анджанея, с помощью *сиддхи анимы*, снова уменьшил своё тело и со скоростью молнии влетел к ней в рот. Пронзив её тело и разодрав когтями её внутренности, он выскочил наружу, а она рухнула в океан, подняв миллионы брызг. Анджанея мог дальше продолжать полёт, он снова был на свободе. Таким образом, буква закона кармы была соблюдена, но нежелательные последствия не наступили.

— А Сатурн никак не влияет на Анджанею?

— Сатурн влияет на всех, без всякого исключения, и на Анджанею тоже, но тот знал, как поступать в этом случае. Скажу больше:

— Сатурн даже просил Анджанею помочь ему. «Ты же Маха Рудра, — говорил он, — как же мне оседлать тебя?»

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— *Рудрой* называют *Шиву* (бога смерти и преобразования), это понятно, но при чём тут *Маха* (великий)?

— Анджанея — это величайший Рудра, потому что он последний Рудра, заключительный из одиннадцати рудр, так же как *Маха Кала* («Великое время») — первая из них, или *Ад и Рудра*. Анджанея, воплощение Шивы, есть само совершенство Шивы. Рудры управляют жизнью и смертью путём овладения памятью. Ведь жизнь — это память, сладкие или горькие воспоминания, не более того.

— Ты хочешь сказать, что если я что-то не могу вспомнить из своей жизни, то это то же самое, как если бы я и не жил?¹

— И это тоже, но без памяти жизнь как таковая невозможна. Ты существуешь благодаря своей ахамкаре, этому воспроизводящему «я» устройству. Ахамкара постоянно самоотождествляется с каждой клеткой твоего тела и с каждой чертой твоей личности. Без ахамкары ты не существовал бы как индивид, так как именно ахамкара сводит все твои составляющие воедино и создаёт *тебя*. Махакала — рудра, который разлучает тебя с жизнью, — убивает тебя тем, что заставляет ахамкару вспомнить, что она есть Кундалини Шакти. Когда Кундалини видит Махакалу, она преисполняется такой любовью к нему, что все её мысли стремятся только к нему, и она не может более думать о никчёмной человеческой личности.

— Но со смертью тела ничто ещё не кончается; какой там, право, конец! Пока существует причинное тело, перерождение после смерти неизбежно, так что можно отождествить себя с новым телом и новой личностью. Только совершенно забыв своё «я» — когда уже не с чем отождествить себя, потому что кармический гардероб пуст после выплаты всех кармических долгов, — можно полностью прекратить существование. Только осознав себя в причинном теле, можно выйти за его пределы. И вот тогда можно сказать — свершилось! Ты превзошёл качества и различия и достиг *нирвикальпа самадхи* (чистое недвойственное состояние без крупицы эго).

— Но прежде надо выбраться из трясины...

— Пока причинное тело наполнено рнанубандханами, подлежащими отработке, человек всецело находится во власти Сатурна, следуя своей судьбе. Мысленные волны непрерывно проецируются в ум, то есть в

¹ Русский язык подтверждает слова Вималананды. Глагол *забыть*, с одной стороны, означает утрату воспоминаний, а с другой, будучи совершенным видом глагола *быть*, указывает своим буквальным значением на завершение бытия. (*Прим. пер*)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

астральное тело, исходя от карм, накопленных в причинном теле. Люди забывают о том, что эти мысли суть только временные явления. Они льнут к одним, отворачиваются от других, создавая тем самым ещё большую карму.

— Есть и другие пути избавления от причинного тела, кроме достижения нирвикальпа самадхи, но в большинстве своём они весьма трудны для осуществления. Видишь ли, даже здесь, в Индии, проживая одну жизнь за другой, ты натыкаешься на такие вещи, о которых никогда не подозревал. Такое и во сне не приснится, если только ты

создан для таких снов. В Индии, например, есть место, куда каждый день три или четыре специально подобранных человека приносят свежий труп. Они раздевают его, моют и делают другие необходимые приготовления. Затем они вручают его некоему сияющему великану с чёрными спутанными волосами и немигающим, остановившимся взглядом. Тот берёт голову трупа, разламывает её руками и съедает часть мозга. Иногда, в зависимости от своих намерений, он съедает и остальные части тела. Поедание мозга мертвеца буквально выкорчевывает причинное тело, что означает конец дальнейших перерождений. Этот великан ежедневно получал по трупу, но где он их брал — это покрыто тайной. Зрелище поистине ужасающее, но я наблюдал его — и выжил.

— Боже мой! Но не значит ли это, что каждый, кто поедает мозг, разрушает причинное тело трупа?

— Если бы это было так, то все людоеды Новой Гвинеи давно бы влились в Абсолют! Нет, не так-то просто разрушить причинное тело, а пока оно у тебя есть, ты подчиняешься судьбе и закону кармы. Покуда существуют кармы, существует память и опыт, на которые влияет Сатурн. Сатурн отвечает за жизненный опыт, положительный или отрицательный, а память — это совокупность накопленного опыта. Рудры навевают забвение — единственное, благодаря чему прекращается старая жизнь и начинается новая. Рудры умеют это делать, потому что они весьма слабо привязаны к своим собственным «телам». Махакала, например, не имеет определённой формы, он принимает ту форму, которая лучше отвечает выполняемой задаче. Анджанея может предстать *Махавирой* — «Величайшим из героев», а может — *Дасанудасой*, «Слугой слуг». Он настолько полно отождествляет себя с Рамой, что редко вспоминает о собственном теле. И из-за такого разъединения Сатурн не может вмешаться в его жизнь — вмешаться серьёзно. Когда для Сатурна настало время подействовать на Анджанею, он не мог сообразить, как это сделать. Поэтому он спросил Анджанею: «Как же

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

мне оседлать тебя?!» А Анджанея ответил: «Садись мне на хвост». Тот послушался, а Анджанея обвинил его хвостом, так что он не мог двинуться, и ему оставалось только наблюдать за действиями Анджанеи. Жезл Анджанеи правит всеми планетами за исключением Сатурна, которым правит его хвост.

— Но даже связанный, Сатурн всё-таки проявил своё влияние. Когда Анджанея прилетел на Ланку и попал в плен, Равана приказал поджечь его хвост — тот самый хвост, который удерживал Сатурна. После чего Анджанея сжег весь город дотла. Молитвы Ситы защитили его от огня, но кончик хвоста всё-таки слегка опалился.

— Более того, в пылу своего героизма, Анджанея на мгновение утратил самоконтроль. Воспарив в воздух, он был настолько переполнен шакти, что в какой-то момент часть этой шакти перешла в его пот. В следующее мгновение он опомнился и выпитал почти всю шакти обратно. Не уследил он только за одной крошечной капелькой пота. Она упала в рот самке крокодила, которая лежала внизу. Вскоре после этого у неё родился мудрец *Макарадхвадж* («Под знаменем крокодила»).

— Таким образом Анджанея, совершенный девственник, потерял свой *оджас* (тонкую сущность семени) — совсем немного, но достаточно, чтобы заиметь сына, как простой обыватель. Этот опыт стал результатом влияния Сатурна, планеты, отвечающей за жизненный опыт. В некоторых вещах Природа не щадит никого.

— Я никогда не встречал имени Анджанеи в ведических списках одиннадцати рудр.

— Анджанея не фигурирует в Ведах, ему там нечего делать. Он — сердце Рамы, и только. Ты знаешь историю его рождения?

— Не всю.

— История Анджанеи начинается с риши, которого звали *Ришья Шринга* («рог антилопы») за то, что на голове у него был рог. Царь Дашаратха очень хотел иметь ребёнка, но, несмотря на все усилия своего гуру Васиштхи, ему никак не удавалось стать отцом. Тогда Васиштха попросил Ришья Шрингу выполнить жертвоприношение *путра камешти яджна* с целью зачатия. После обряда Ришья Шринга раздал *прасад* (священное подношение) трём царским жёнам. Пока *Кайкейи*, третья жена царя, раздумывала, есть или не есть прасад, вдруг прилетел ястреб — или, по-нашему, коршун — и выхватил прасад из её рук. Коршун полетел прямо к лангурам и опустил свою добычу в руки обезьяны по имени Анджани. Анджани съела её и родила Анджанею.

— Но вернёмся к жертвоприношению. Оставшийся прасад нужно

было разделить так, чтобы Кайкейе тоже что-нибудь досталось. Три царицы съели прасад, и родился Рама и три его брата. Все четверо были божественны, но их божественность была ограничена из-за вторичного деления прасада. Только мать Анджанеи Анджани получила целый кусок, и поэтому мощь Анджанеи безгранична.

— Кроме того, Анджанея родился при участии двух риши: Анги-раса и Ришья Шринги, тогда как Раму и его братьев благословил только один из них. Благословения одного риши достаточно для рождения бога, но когда благословляют двое — это совсем другое дело! Вот одна из причин, почему я так люблю Анджанею.

— А кто такой Ангирас?

— До рождения обезьяной Анджани была небесной танцовщицей Индры. Как-то раз, созерцая её танец во дворце Индры, Ангирас ушёл в глубокую медитацию. Закончив танцевать, она принялась дразнить его словами: «Эй ты, старикашка, тебе что, не понравился мой танец? А если понравился, так что же ты молчишь?» — «Дорогая, — ответил Ангирас, — я восхищаюсь не твоим искусством, но искусством Того, Кто создал тебя и Кто вложил в тебя желание танцевать». Ей стало скучно от этих слов, и она сказала: «Ты ничего не понимаешь в танцах».

— До чего же глупо оскорблять риши! Ангирас ответил: «Да? Хочешь отведать моего искусства? Ну что ж: да будешь ты обезьяной!» Тут до неё дошло, что она наделала. Но было поздно: проклятие риши сбывается всегда. Ей оставалось только просить прощения. От её отчаянных просьб сердце Ангираса смягчилось, и он добавил: «Ты будешь матерью обезьяньего бога, который станет бессмертным и чья слава будет греметь, куда луна и солнце восходят на небе».

— Проклятие риши всегда есть замаскированное благословение. Оно изменяет тебя в лучшую сторону, тут двух мнений быть не может, как изменило оно Анджани. Без этого проклятия она никогда бы не стала матерью такого великого существа. Она родилась обезьяной, но с памятью о прошлом существовании- Перед тем как она спустилась на землю, Ангирас дал ей точные указания, как правильно поклоняться Шиве. Когда прилетел коршун и уронил ей в руки прасад от путра камешти яджны, она понятия не имела, что это и откуда, но восприняла это как прасад бога Шивы и съела. Вот что делает вера.

— Вера и точные наставления, — добавил я, посмотрев на Шерназ, и мы все трое рассмеялись.

Более послушной и более удачливой, чем Шерназ, была супружеская

чета из Бомбея, которая, переживая большие денежные затруднения, пригласила Вималананду к себе. Осматривая дом и двор, он говорил: «Колодец перед домом — это хорошо. Каждый день зажигайте благовония и ждите. Если я не ошибаюсь, скоро к вам должна прийти обезьяна. Дайте ей пшеничную *чапати* (лепёшку) и кусок *гуда* (неочищенного тростникового сахара). Если она съест и то, и другое, у вас всё будет в порядке». На четвёртый день после этого разговора действительно появилась обезьяна, откусила чапати и исчезла. В течение месяца супруги с фантастической прибылью продали часть своего имущества и вскоре, вдохновлённые этой удачей, довели своё состояние до миллиона рупий. Всё это произошло в самом центре Бомбея, где на мили в округе нет никаких обезьян.

Если бы Вималананда сам захотел воспользоваться одной из своих многочисленных «штучек», он давно бы превратился в миллионера. Однако он «делал» миллионерами других, но не себя. Самому ему вечно не хватало денег. Это накладывало жёсткое ограничение на выбор жеребца для Стони, поскольку кобыл надо было кормить и после окончания выступлений, да и услуги жеребцов стоили весьма недешёво. Вималананда держал на примете много конных ферм и многих жеребцов, как выращенных в Индии, так и привезённых из-за границы. Над обсуждением их беговых и племенных достоинств была выпита не одна чашка чая, и всё же решающим аргументом зачастую оказывалась цена, а отнюдь не совершенства кандидата.

Лучшее из того, что было доступно тогда, в 1977 году, предлагал репер Виту Карве, сын знаменитого жокея Раму Карве. Вималананда познакомился с ним лет тридцать назад, когда делал свои первые шаги в скаковом мире. Некоторое время назад Виту открыл небольшой конный завод, и теперь, нуждаясь в кобылах, почти не интересовался ценой. Решено было, что он оплачивает покрытие Стони и отдаёт Вималананде её первого жеребёнка, после чего Стони переходит к нему. Эта сделка походила на настоящую азартную игру: Вималананда делал ставку на то, что первый жеребёнок окажется чудом, а Виту рисковал в пользу того, что и из последующих жеребят выйдет какой-то толк. Вималананда без энтузиазма относился к сделке, поскольку от жеребца, которого предлагал Виту, жеребёнку доставались не слишком выдающиеся гены, но из-за отсутствия денег других альтернатив не было, кроме как просто продать Стони, о чём Вималананда не мог думать без отвращения.

В день отправления Стони на конный завод Вималананда, Рошни и я сидели за столом в Бомбее. Вималананда не спускал глаз со стены, на которой висела одна из его любимых фотографий: он и его тогдашний тренер Манекджи ведут под уздцы гарцующую Стони, только что

выигравшую кубок. На фотографии у Вималананды был необыкновенно счастливый вид.

Погруженные каждый в свои мысли, мы сидели и жевали *паан* — любимую в Индии жвачку, состоящую из ореха бетеля, листа бетеля, пасты *кхатта*, отжатого лимона и других компонентов. Вималананда любил хороший паан, и, не в последнюю очередь, из-за своих детских воспоминаний о том, как мать и тетушки угощали его пааном. Готовить паан меня научила Рошни, начавшая с недавних пор делать его для Вималананды. Это было настоящее ритуальное действие. Сначала надо отобрать листья, чтобы на них не было никаких пятен. Как говорил Вималананда: «Три вещи всегда должны вертеться без остановки: лист бетеля, роти и лошадь». Если не перекладывать бетель, он сгниет; если не подбрасывать на сковородке роти (вздутую хлебную лепёшку), она подгорит; лошадь, если не будет бегать или ходить, скорее всего умрёт от острого колита. Из хорошего листа надо удалить центральную жилу и положить на него лимон и кхатту. Эта смесь придаёт паану красный цвет, из-за которого любители паана сплевывают красным. Поверх этого кровавого месива кладутся остальные ингредиенты, а затем лист складывается в треугольник, конус или квадрат.

На этот раз Рошни добавила в паан немного табаку. Она не хотела делать этого, но Вималананда настоял и, выплевывая остатки табака, он заговорил о секрете успеха его призовой лошади:

— Как только Стони попала ко мне, я спросил сына: «Что ты хочешь ко дню рождения?» А этот хитрец мне отвечает: «Пообещай сначала, что выполнишь мою просьбу!» Я пообещал, и он произнёс: «Хочу, чтобы Стони победила на скачках». Меня как током ударило. А что, если ей не суждено выиграть или мне не суждено сделать на ней деньги? Но я пообещал, и надо было с этим считаться. Я выполнил *хому* от имени Стони, и, как следствие, она победила на скачках. Сыну же я сказал: «Никогда больше так со мной не поступай, а то я не посмотрю, что ты мой сын, и получишь как следует!»

— Стони за свою жизнь выиграла шесть скачек. Я знал, что ей суждено выигрывать, но мне хотелось увериться в этом окончательно. Поэтому однажды я отправился к младшему Гуру Махараджу за помощью. Я умолял, я ворчал, я злился. Чего я только ему не наговорил, а в придачу ещё обвинил его в том, что он нимало обо мне не заботится. Я намекал на его бессилие. В конце концов он рассердился и сказал: «Так, значит, это мне не по силам? Ну что ж, я покажу тебе, как это делается. Я сам выиграю на ней пять гонок специально для тебя. В первой — я вырвусь вперёд на финише, во второй — буду лидировать

всю дистанцию...» И старик описал в деталях, как он выиграет каждую скачку. Верь или не верь, всё произошло именно так, как он и предсказывал. Так ведь, Рошни? — Та кивнула. — Чтобы сделать по предсказанному, он должен был овладевать телами жокеев на время скачки и заставлять их выполнять его волю.

— Что делает его ответственным за вмешательство в ход событий, принёсших победу Стони.

— Естественно. Стал бы я беспокоить своего учителя по пустякам? Для него эти кармы — детские игрушки, и лучше, чтобы он имел с ними дело из милости ко мне, чем я сам бы пытался сотворить что-то. И это назначит, что я хотел получить от него что-то даром. Я тоже сделал кое-что ценное для него. В конце концов, честный обмен — не обман.

— Почему же он сначала отказывался удовлетворить твою просьбу?

— А зачем ему это? Мало ли какая просьба взбрёт мне в голову — не опускаться же ему до каждой из них! Кроме того, кармы, даже кажущиеся детскими игрушками, всё же остаются кармаами. Он должен был испачкать руки по моей просьбе. У Гуру Махараджа хватит силы на то, чтобы моя кобыла выиграла и сто, и тысячу раз подряд, если ему это нужно. Но каждое вмешательство в скачки окатывает его волной кармической грязи, которую ему приходится смывать. Стоит ли доставлять себе лишние хлопоты?

— Видишь ли, люди донимают святых просьбами о деньгах, о наказании врагов, о счастье детей и много ещё о чём, но до чего же это глупо! Как святой, отказавшийся от всего земного, может помочь тебе в решении земных дел? Я и сам был сперва таким же глупым. Младший Гуру Махарадж десять раз меня спрашивал, что бы я выбрал: деньги или поклонение Господу, и я всегда отвечал: деньги, так как считал, что, имея деньги, я куплю себе всё что надо.

— Однажды он снова задал мне тот же вопрос. Я ответил, как отвечал прежде, и это его так рассердило, что он дал мне хорошую оплеуху. И эта оплеуха как-то изменила образ моего мышления, и с тех пор на вопрос, что я хочу, я неизменно отвечаю: «Бхакти, ибо при правильном поклонении Бог даст мне всё что надо». Я открыл рот, чтобы задать вопрос, но он опередил меня.

— Я знаю, о чём ты думаешь, можешь не говорить. Ты думаешь: «Если тебе не нужно ничего, кроме бхакти, зачем же ты просил Гуру Махараджа о победе Стони?» Не беспокойся, я готов к этому вопросу. У меня для тебя несколько объяснений. Во-первых, моя рнанубандхана со Стони, которую я хочу завершить наилучшим возможным способом.

Нравится это кому-то или нет, но она скаковая лошадь, и скачки — её жребий в жизни. Чем больше она выигрывает, тем больше получает почёта и тем лучше с ней обращаются как на ипподроме, так и теперь в стойле. Во-вторых, между мной и Гуру Махараджем идёт нечто вроде соперничества: я смотрю, насколько он готов испачкать Руки ради меня, и он занимается тем же самым. В-третьих, рнанубандханы с моими бедными товарищами по ипподрому — как поступить с ними? Они выигрывают деньги, когда побеждает моя лошадь, и благословляют меня, а их благословения весьма существенны.

— Проклятия, я думаю, тоже.

— Боже мой! В проклятиях заключена огромная сила! Когда я говорю, что дни большинства жокеев и спекулянтов сочтены, я не шучу. Несколько лет назад была тут лошадь по кличке Эверест. Вот это была лошадь, Робби, — настоящая гора. Она выигрывала скачку за скачкой, и все игроки на трибунах ставили на неё безбоязненно.

— Близился день скачек Дерби, и Эверест сделался безусловным фаворитом. Ставки на него опустились до 1 к 10. Это значит, что поставив 10 рупий, ты получаешь назад 11: ставку 10 плюс выигрыш 1. Для большинства лошадей это чертовски мало, но не таков был Эверест. Все были уверены, что он победит, поэтому поставить на него было всё равно что положить деньги в банк, а через полчаса забрать их обратно с 10-процентной прибылью.

— Букмекеры тоже знали, что он победит, и решили кое-что предпринять, чтобы спастись от неминуемого разорения. Они пошли к жокеям и предложили им огромную сумму. Жокеи отказывались, сомневались, колебались и наконец согласились. Настал день Дерби, и каждый, кто хоть что-то имел, пошёл на ипподром, чтобы посмотреть, как Эверест одержит убедительную победу. И что же из этого вышло? Жокей Эвереста отчаянно пытался удержать его заранее подготовленными трюками. Но конь настолько превосходил своих соперников, что самое большее, чего сумел добиться жокей, это пересечь финишную черту одновременно с другой лошадью — голова к голове, как показал фотофиниш. Я тоже сидел на трибуне и вместе со всеми внимательно наблюдал за скачкой. Мы были уверены, что Эверест победил. Но букмекеры и к этому подготовились, и через мгновение разнёсся слух, что камера фотофиниша неисправна. Неисправна? Это был единственный раз в мировой истории, когда камера фотофиниша оказалась неисправна. Компании-производителю пришлось защищать свою репутацию, и проведённое позже расследование не выявило никаких недостатков. Но это было уже потом, а в день скачки

фотографии не было, а значит, не было и экспертизы, а значит, непобедимый Эверест покрыл себя позором.

— Бывает...

— Конечно, бывает. Непобедимых лошадей нет. Но верно и то, что победа по фотофинишу часто зависит от случая. Когда лошадь скачет галопом, она то отбрасывает голову назад, то выбрасывает её вперёд, и так на каждом скачке. Допустим, что две лошади на финише идут вровень, но у одной шея вытянута вперёд, а у другой голова чуть отстала. Тогда нос первой раньше пересечёт финишную черту, чем нос второй, даже если корпус второй опережает корпус первой. Получается, что этот нос и есть вся разница между 1 и 2-м местом.

— Но когда в скачке участвовал Эверест, никто не думал о фотофинише. Он должен был разгромить своих соперников, и когда этого не случилось, над стадионом повисла мертвая тишина — все были шокированы. Всем было понятно, что произошло, настолько всё было очевидно. Сам Эверест окончательно разоблачил мошенников, выиграв следующие скачки — Международный кубок КЗИКК, оставив всех преследователей далеко позади. Это Дерби вообще было единственным поражением в его жизни. Потом было и следствие, и всё что полагается, но доказать ничего не смогли, и жулики вышли сухими из переделки.

— Или так им казалось — до тех пор, пока наутро «Тайме оф Индия» не принесла трагическое известие о гибели целой семьи в водах Аравийского моря. Через несколько дней нашли записку, сообщающую о самоубийстве, и правда вышла на свет. Оказалось, что отец семейства регулярно воровал с работы деньги, чтобы питать таким образом свою игорную страсть. Но, как всякий заядлый игрок, он чаще проигрывал, чем выигрывал, и был уже на грани разоблачения. И тогда он в отчаянии решился на небывалую кражу и в пятницу вечером вынес из офиса огромную сумму. Замысел состоял том, чтобы поставить все эти деньги на Эвереста, выиграть, покрыть недостачу и вернуть деньги назад, так чтобы никто не заметил их исчезновения. Когда произошло немыслимое и Эверест проиграл скачку, игрок понял, что ему не миновать тюрьмы, а его жене и детям — голода, поскольку в семье он был единственным кормильцем. И он сделал то, что считал единственно достойным в его положении. По крайней мере они остались вместе.

— Ты представляешь себе его последнюю мысль — мысль человека, тонущего в толще воды? Как и все на стадионе, он понял, что с Эверестом поступили нечестно. Как же ему не думать о дельцах и жокеях — о тех, кто довёл его до самоубийства? А последние мысли близких? Проклятие, которое изо всех сил вкладывается в последний выдох

безнадёжно цепляющегося за жизнь человека, обладает поистине убийственной мощью. Не хотел бы я оказаться в шкуре того жокея, хоть ты меня золотом осыпь! Долго же он будет сокрушаться о содеянном.

— И букмекеры, конечно, тоже пожалеют.

— Конечно. Куда они денутся? Выхода у них нет.

— Если проклятия простых людей столь сильны, то как быть с проклятиями Мамрабахен, которые она постоянно извергает на меня? — Мамрабахен возненавидела меня раз и навсегда в тот момент, когда на вопрос, кого он больше любит — её или меня, Вималананда ответил, что меня, поскольку я не веду с ним двойной игры. С тех пор Мамрабахен не раз обещала убить меня или, в самом лучшем случае, прыснуть мне в лицо кислотой и развлекалась бесконечным злословием в мой адрес, отправляя меня в бесчисленные котлы неисчислимых миров ада.

— Я же говорил тебе: о её проклятиях не беспокойся. Во-первых, я здесь, чтобы защитить тебя. Во-вторых, все спрашивают о проклятиях и благословениях, но ещё никто не догадался спросить, на какой срок они рассчитаны. А ведь это очень важно. Если проклятие недолговечно, не стоит беспокоиться и стараться от него избавиться. Нужно просто спокойно подождать, пока истечёт срок его действия, — и ты свободен. Точно также, зная срок действия благословения, ты понимаешь, как долго можешь им пользоваться при движении вперёд.

— Чтобы узнать эти сроки, нужно прежде всего установить, в какую форму речи проклятия или благословения были облечены: *вайкхари* (голос), *мадхьяма* (ум), *пашьянти* (представление) или *пара вани* (телепатия). Устные проклятия практически бесполезны, ибо язык сжигает всё, что он произносит. Вот почему произнесение мантры вслух рассеивает её шакти. Даже произнесение имени разрушает его сладость и чистоту. Признание в любви, сказанное вслух, гораздо менее значимо и действенно, чем то же признание, сделанное в уме. Ещё лучше выразить это чувство взглядом, дав потоку любви свободно истечь из твоих глаз. И наконец, телепатия, самый совершенный метод. В прежние времена настоящие гуру благословляли своих «детей» на пара вани. Эти благословения шли точно по назначению и попадали в цель. Их действие длилось всю жизнь, и никаких поправок к ним уже не требовалось. Вот какова мощь пара вани.

— А проклятие того человека, что покончил с собой из-за поражения Эвереста, было выражено в высоком виде речи?

— Вполне возможно, хотя сам он скорее всего об этом не знал.

— А Мамрабахен — умеет ли она пользоваться высшей речью?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Откуда? Она пытается выполнять садхану, но в ней нет *ниямы* (внутренней дисциплины). Поэтому как только она добудет немного шакти, она тут же начинает на кого-нибудь сердиться, орать, сжигая языком всю свою шакти. Или она идёт к мужчине и спускает всю шакти через своё нижнее отверстие, или делает ещё что-нибудь такое, от чего теряется весь эффект. Опасаться надо тогда, когда тебя проклинает человек, хорошо выполняющий садхану, потому что он вкладывает в проклятие часть своей шакти.

— С благословениями дело обстоит так же. Подумай вот о чём: прося милостыню у нищего, ты получишь только мелочь, так как это всё, что он в состоянии тебе дать. Придя к купцу и сумев ему понравиться, ты получишь уже изрядно, но всё же он будет высчитывать, сколько тебе дать, исходя из своих возможностей. Но если ты угодил царю, то получишь такую гору подарков, которая упрётся в самое небо. Настоящие цари умеют одаривать. Это одна из причин того, что хороших садху называют *махараджами* (великими царями). Благословлять они умеют, а значит — и проклинать тоже. Садху или святой может действительно проклясть или облагодетельствовать тебя, только когда он охвачен гневом или любовью. Сила истекает из них, хотя они об этом даже не подозревают. То же можно сказать и о благословениях, произнесённых вслух. То же относится и к мысленному благословию.

— Можно многое узнать о самом святом по тому, какие следствия имело его благословение. Вспомни о Мукунда Бабу, который сначала работал преподавателем в школе. В детстве дед заставлял его учить наизусть «Рам чарит манас» (вариант «Рамаяны» в изложении Тулсидаса), и в конце концов мальчик запомнил всю поэму. Став взрослым, Мукунда Бабу читал «Рамаяну» в разных местах, когда у него было на это время, и тем подрабатывал. А потом случилось так, что садху, поклонявшийся Анджанее, благословил его, и теперь бывший школьный учитель выступает с лекциями перед огромными аудиториями. Люди готовы платить ему миллионы, но, к счастью для себя, он принимает деньги только раз в год. Ясно, что Тулсидас писал книгу о Раме не для того, чтобы другие делали на ней деньги. Не требуя денег за свои выступления, Мукунда Бабу меньше подвергает себя отрицательной карме за торговлю духовным знанием.

— Любое получаемое тобой благословение должно просочиться сквозь причинное и астральное тело и побудить определённые кармы спроецироваться во внешний мир, где становится возможной их отработка. Поскольку Мукунда Бабу получил благословение от хорошего садху, его ум прочен как скала, и он не стремится к имени, славе и прочим забавам. Его искушают, в согласии с законом кармы, но он не

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

поддаётся искушениям, против которых не могут устоять многие «свами». Если бы он поддался, мы бы поняли, что благословивший его садху на самом деле был ложным святым.

— А ты знаешь этого садху?

— Садху — это только предлог, посредник, через которого поступает благословение. В действительности, не кто иной, как сам Анджанея благословил Мукунда Бабу через этого садху.

Словно захваченный этой мыслью, Вималананда замолчал, и шум улицы, гудевшей двумя этажами ниже, наполнил комнату. Вималананда заговорил снова:

— Итак, я дал тебе хорошие примеры благословений, совершаемых святыми. А вот пример проклятия — насколько мощно оно в устах святого. Царь Кандагара Камран был братом Хумаюна, отца Акбара. Однажды на охоте Камран застрелил беременную самку оленя, которая, несмотря на свою смертельную рану, сумела пробиться к ногам Шри Чанд Джи и умереть, положив голову ему на колени.

— Дело в том, что Шри ЧандДжи не был простым смертным. Он был действительно великим святым, а кроме того, сыном гуру Нанака, известного сиддха. Шри ЧандДжи очень удивился, что это животное искало его, чтобы умереть у его ног. Он был столь восхищен и столь переполнен любовью к Природе и к оленихе, творению Природы, что он благословил несчастное животное из глубины своего сердца. Он всё ещё пребывал в состоянии всеохватной любви, когда Камран подошёл за своей добычей.

— Шри Чанд Джи попытался образумить его, говоря, что поскольку олениха пришла к нему и искала прибежища у его ног, он не может расстаться даже с её телом. Но Камран был человеком жестоким и капризным, и он настоял на своём.

— Тогда Шри ЧандДжи, до крайности раздосадованный судьбой несчастного зверя, преисполнился гневом, который вырвался из него в виде ужаснейшей клятвы: «Да ослепит тебя твой сын и пустит по миру, и умрёшь от руки его!» Так и произошло. Ему выпотрошили живот.

— Не надо было настаивать.

— Конечно, не надо. И ты никогда так не делай. Если тебя проклянёт настоящий святой, жди самого худшего.

— А если он благословит меня — ждать самого лучшего?

— Надо думать. Если обычный садху благословляет тебя, жди обычной благодати, которая длится недолго. Благословение великого

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

святого может оказывать своё действие месяцы, годы, а может быть, и целую жизнь. Сначала придёт процветание, во всём чего ни коснись. Потом, года через три или четыре — максимум семь — ты начнёшь себя спрашивать: «К чему мне всё это? Зачем? Не лучше ли оставить всё и уйти жить в джунгли?» Такты и сделаешь.

— А если благословляет риши?

— Благословение риши длится жизни и жизни. Иногда риши «ли другой *махануруша* (бессмертный) ниспосылает благословение: «Чираюр бхава!» («Живи бесконечно долго!»). Если бы это означало, что благословленный становится *чирандживи* — существом, живущим многие миллионы лет, — то весь мир был бы населён людьми, родившимися в древнейшие времена и здравствующими поныне. Для новых поколений не осталось бы места. Но мы видим, что это не так. Благословение риши на самом деле означает, что получившие его будут рождаться людьми в каждом цикле перевоплощения. Значит, у них есть шанс быстрее закончить свою работу, продолжая движение вперёд по дороге освобождения с каждым последующим рождением без откатов назад к растениям и животным.

— Проклятие риши — вещь уникальная, поскольку в конце концов оно всегда оборачивается благословением. Чума может унести множество твоих жизней подряд, но это так вычистит дурные кармы, что когда ты наконец избавишься от неё, ты почувствуешь себя совсем другим человеком. Проклятие выводит все дурные кармы, всю заразу раз и навсегда.

— А если проклясть Мамрабахен, выйдут ли из неё все дурные кармы?

— Именно это и происходит на наших глазах. Но чтобы такое проклятие изменило тебя, ты должен признать свои ошибки и прекратить создание дурных карм. Мамрабахен, наоборот, создаёт всё больше и больше злых карм, она не стремится к улучшению. Я пытаюсь улучшить её, но всё зря. Понимаешь, одно из величайших благословений, которое только можно получить, это иметь рядом кого-то, кто постоянно исправлял бы твои ошибки.

— Не потому ли Бирбал исправлял все ошибки Акбара, что он был очень благодарен Притхвираджу за то, что тот сделал для Чанда Барота? — Я задал этот вопрос, потому что история великого царя и его верного слуги, переродившихся в могущественного императора Акбара и его ближайшего поверенного, вдруг сама собой пришла мне на ум.

— Очень может быть.

— Я абсолютно уверен, что Мамрабахен способна и на хорошие

поступки.

— Ну конечно, она ведь совсем не глупа. Она разбирается в родословных, она может рассказать родословную почти каждой лошади, участвующей в скачках здесь, в Западной Индии. Кроме того, она знает, какое влияние оказывают те или иные матки и производители на своё потомство.

— Мы видим, к чему это привело: она связалась с жокеями.

— Да, то давнее заклятие мешает ей воспользоваться своим знанием. Как же тяжело уберечься от воздействия собственной кармы!

После небольшой паузы Вималананда продолжил:

— Вот история, которая произошла на самом деле: жил-был король, который, не имея детей от первого брака, усыновил мальчика. Потом, спустя какой-то срок, он женился на другой женщине, и она родила ему сына. Мать второго сына хотела, чтобы её ребёнок наследовал трон, и в конце концов кровь пересилила воду, и она убедила царя согласиться на её просьбу. Но как избавиться от приёмного сына?

— После некоторого размышления царь решил послать сына в соседнее царство к своему вассалу, который выполнял за него всю чёрную работу, включая убийства. Царь написал письмо, запечатал его и вручил приёмному сыну. В письме говорилось: «Дай *вишу* этому мальчику». Достигнув столицы соседнего царства, мальчик прилегал вздремнуть у реки. В это время царская дочь случайно спустилась к воде и, увидев на берегу прекрасного спящего юношу, тут же полюбила его. Заметив у него письмо, она распечатала его и прочла: «Дай *вишу* этому мальчику». Она посмотрела на него глазами, исполненными любви, и подумала: «Какой чудесный юноша! Разве кто-нибудь, и тем более его собственный отец, захочет его отравить? Наверное, царь просто пропустил одну букву — «я». Должно быть написано не «*виша*», а *Вишя* — так меня зовут! Значит, я должна выйти замуж за этого принца! Вот это да! Но сначала надо исправить опisku». Она вписала недостающую букву, положила письмо на место и разбудила юношу.

— Не скрывая своей радости, она проводила его к отцу, который, прочитав письмо, воскликнул: «Замечательно! Моя дочь станет царицей! Нужно сыграть свадьбу немедленно!» Что они и сделали. Затем молодожёны отправились назад к царю с кучей подарков — слонов, драгоценностей и многого другого — и с запиской от отца невесты: «Великий царь, ты оказал мне великую честь, женив своего сына на моей дочери и сделав её царицей. Прими же эти скромные ары в знак благодарности».

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Получив такое письмо, царь понял, что его план провалился, и с этим уже ничего не поделатъ. Если теперь он объявит царём своего родного сына, соседний царь страшно обидится и, возможно, порвёт с ним всякие союзнические отношения. Рассудив так, он отказался от своих лукавых намерений, и после его смерти приёмный сын, как и положено, стал царём.

— Значит, всё предопределено?

— Никоим образом. Есть такая вещь, как свобода воли. Однако го, насколько ты свободен в той или иной ситуации, зависит от того, сколько свободы ты уже использовал в прошлом. Применяя сегодня свободу воли, ты творишь завтрашнюю судьбу. Стараясь с помощью свободной воли перебороть судьбу, ты гребешь против течения, против Природы, и создаёшь новые кармы, последствия которых могут обнаружиться даже в далёком будущем.

— Далее, надо полагать, что чем больше людей задето твоим поступком, тем значительнее твоя карма, как в случае с жокеем, придерживавшим Эвереста. А это значит, что люди, подобные, скажем, Мао Цзедуну, учинившему культурную революцию в многолюдном и многострадальном Китае, будут отвечать за океаны карм. Тут нет и тени сомнения. Чем большей властью над людьми ты обладаешь, тем разумнее ты должен пользоваться этой властью.

— Лао Цзы сказал: «Управлять огромной империей — всё равно что готовить мелкую рыбу».

— И я с ним согласен. Правитель должен быть очень предусмотрительным, ибо то, что кажется пустяком, может со временем приобрести огромную важность, если взглянуть на этот пустяк с точки зрения подданных. Если они умирают с проклятиями на устах, правителю конец. Редко кто, как Акбар, может переносить роскошь придворной жизни, не попадая в её ловушки. Но даже он иногда оступался — в конце концов, он человек, а совершенных людей не бывает. По некоторым своим кармам он, может быть, расплачивается до сих пор.

— Его придворным музыкантом был Тансен, которого на самом деле звали Тансен Пандей. Отца его звали Макаранда Пандей. «Пандей» происходит от «панда» (священник), значит, это была семья брахмана. Макаранда Пандей мечтал сделаться отцом, но все попытки были безуспешны, пока наконец он не начал совершать службы для одного *факира* (нищенствующего мусульманина) по имени Мохаммед Гоус, жившего неподалёку. Однажды, будучи в особом расположении духа, факир вызвал к себе брахмана, сплюнул на ладонь и плевок вложил в

паан. Макаранде он сказал: «Съешь это и твоё дело будет сделано». Тот съел, и в результате появился Тансен.

— Другие брахманы, фанатики индуизма, что для них скорее не редкость, а правило, заявили Макаранде: «Ты проглотил плевок магометанина, и теперь ты сам стал магометанином». Макаранда ответил: «Ну и прекрасно, теперь я магометанин». И поэтому Тансен был воспитан мусульманином, хотя и вырос в брахманской семье. Что ты на это скажешь?

— Ничего, — ответил я, чувствуя комок в горле. — От брахманов мне пользы никакой, равно как и от остальных индусских фундаменталистов. У меня уже были столкновения с брахманами, не желавшими меня пускать в свои храмы, и с теми, кто считал, что нельзя открывать мне секреты аюрведы из-за моего белого цвета кожи. Бывают белые расисты, но, по-моему, здесь, в Индии, анти-белой дискриминации хоть отбавляй!

— Тебе повезло ещё, что ты явился сюда в семидесятые, — примирительно сказал Вималананда. — Лет двадцать или тридцать назад тебе бы вообще не позволили делать то, что ты делаешь сейчас. Так, поступив на службу к Акбару, Тансен сразу же был признан одним из девяти украшений двора. Он быстро прославился на всю империю, и Акбар бы им очень доволен. Однажды в приливе чувств Акбар обратился к Тансену: «Вах-вах, какой же ты превосходный музыкант!» Однако скромный ответ Тансена заметно охладил его пыл: «По сравнению с моим гуруджи, я совершенное ничто, о Спаситель мира. Да, я неплохо играю, но мой учитель Харидас Свами играет намного лучше меня. Я пою ради денег, славы и вашего удовольствия, а он поёт только ради Бога». Это возбудило любопытство Акбара. Он ценил мастерство, поэтому он сказал: «Ты должен попросить своего гуруджи прийти ко мне во дворец, чтобы я могу услышать его пение». Тансен ответил: «Ваше величество, он никогда сюда не войдёт. Ему не нужна мирская слава. Но если вы переоденетесь и последуете за мной, вам, может быть, повезёт, и вы услышите его пение». Тогда, переодетый до неузнаваемости и представленный гостем Тансена, Акбар пришёл послушать, как Харидас Свами пением славит Бога. Послушав Харидаса, Акбар был так захвачен его пением, что, не помня себя, воскликнул: «Субануллах!», что по-арабски означало: «Потрясающе! Чудо Аллаха!». Харидас тут же догадался, что его слушает мусульманин, и попросил Тансена назвать гостя. Тансен сказал: «Это — император, и ему очень по душе твоё пение». Харидас ответил: «Может, он и император, но я пою не для императоров». Тогда, чтобы выразить своё благоговение, Акбар преподнёс Харидасу бутылку бесценных персидских духов. Харидас взял её и вылил духи на землю прямо перед Акбаром. Акбар задохнулся от

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

возмущения и забыл свой благоговейный тон: «Если духи нужны тебе, надо было предложить их Кришне». Харидас ответил: «Пойди и посмотри». Акбар пошёл в соседний храм Кришны и увидел, что божий лик покрыт теми же самыми духами, которые только что были вылиты на землю. Тогда Акбар понял — отчасти — с кем имеет дело. Акбару повезло, ибо он всегда вёл себя как слуга Бога, и ставя Бога превыше всего, он с уважением относился к Его слугам. Это ещё один эффект преобладания доброй кармы. Добрая карма сводит тебя со святыми, которые оскорблением помогают тебе разобраться в ценностях. Такое с Акбаром случалось не однажды. А Тансен остался при дворе Акбара. Он был поистине великим музыкантом, хотя в других отношениях характер его оставлял желать много лучшего.

— В каких, например?

— Из низкой ревности он мог убить всякого, кто пусть даже в отдалённом будущем мог составить ему конкуренцию. Так он убил Гопала Наика.

Мне нечего было ответить, и Вималананда продолжал:

— Тансен сочинил две *раги* (индийский музыкальный жанр) специально для Акбара: «*Дарбари каннада*» и «*Мия ке малхар*». Если правильно исполнять дарбари, можно увидеть императора, восседающего на троне и вдыхающего аромат розы. Тансен особенно прославился своей способностью исполнять голосом рагу «*Дипака*» («зажигашую»). Он достиг такого совершенства в «Дипаке», что когда он пел её в сумерках, все лампы во дворце зажигались сами собой. Когда Харидас Свами покинул своё тело, кто-то из придворных предложил Тансену зажечь погребальный костер Свами пением «Дипаки». Тансена одолела гордыня, и он принял вызов. Он смог зажечь костер, но от напряжения сразу же заболел. Его охватила горячка. Ему казалось, что всё его тело пылает огнём.

— Не кармы ли за убийство Гопала Наика и других осложнили его болезнь?

— Похоже на то.

— По-моему, он получил по заслугам за свой эгоизм.

— Да, запомни это. Никто из придворных врачей не знал, как лечить такую болезнь. Шесть месяцев продолжалась агония. Охваченный внутренним огнём, он метался по стране в поисках спасения. Ему повезло — а везение означает не что иное, как вмешательство добрых карм, — только тогда, когда он достиг маленькой деревушки Ваднагар в Гуджарате. Он брёл по улице и вдруг услышал прекрасную музыку,

раздававшуюся в одном доме. Он узнал её. Это была рага «Мегха» (мелодия облаков), а чем, как не дождём, тушить пламя?! Пели две сестры, Тана и Рири, и Тансен попросил разрешения познакомиться с ними. Когда люди узнали, что сам великий Тансен объявился в их деревушке, они потребовали от Канчанрая, отца девушек, не пускать в дом этого придворного мусульманского шута. Они предупреждали, что сам он и его семья станут изгоями, если помогут Тансену. Несмотря на эти угрозы, Канчанрай пригласил Тансена в дом. Девушки так хорошо исполнили мегху, что он выздоровел. Тансен предложил им богатые подарки, но они вежливо отказались. Канчанрай и его семья не хотели иметь ничего общего с могольским двором. Тансен вернулся во дворец к Акбару и поразил императора своим рассказом.

— Настала пора для Канчанрая испытать на себе последствия своих карм. Придворные, надоумившие Тансена злоупотребить «Дипакой», нашептывали Акбару, что Канчанрай отказался от награды исключительно из-за презрения к трону. Дело касалось принципа, и Акбар пожелал, чтобы дочери и отец предстали перед императором. Узнав об этом, деревенские жители сказали Канчанраю: «Вот видишь, мы же тебе говорили. Теперь и ты станешь мусульманином. А император, может быть, изволит взять твоих девчонок в гарем». Чтобы защитить свою честь, честь семьи и деревни, Тана и Рири убежали из дома и совершили самоубийство. И конечно, в этот момент они не испытывали никаких тёплых чувств к Акбару.

— Пожалел ли Акбар о своём поступке?

— Пожалел, ещё как пожалел, но было поздно. Что за польза от такого сожаления? Две блестящие музыкантши, умевшие, как и Тансен, через пение управлять праной, были потеряны для мира. А почему? Просто потому, что Акбару так захотелось. Захотелось настоять на своём. Вспоминай об этом, когда тебе будет хотеться настоять на своём.

ТИМИР

В начале 1978 года я познакомился с новой лошастью Вималананды — красивым, небольшого роста жеребцом по кличке Тимир. Я присутствовал при его первой победе в скачках. Для меня это тоже было достопамятным событием: я впервые увидел, как лошадь Вималананды выиграла. Чувство победы оказалось необыкновенно будоражащим и электризирующим, как и предсказывал Вималананда, и я впервые в жизни ощутил, что значит искушение этого чувства, и понял, что для таких азартных натур, как Вималананда, каждая победа столь же дорога, как первая.

Но ещё большую дрожь азарта ощутили мы несколько недель спустя, когда Тимир с жокеем Хемантом Паваром выиграла заезд на колесницах, этот заезд был тысячным в карьере жокея. Когда Тимир стремительно вылетел за финишную черту, окружавшая нас ипподромная братия взорвалась криками восторга и восхищения, славя на все лады и лошадь, и хозяина, и наездника. Кама и юный Годредж трясли руку Вималананды, Фироз хлопал его по спине. Я сопровождал сияющего хозяина Тимира вниз по ступеням к воротам, из которых вот-вот должен был появиться его «ребёнок». Освободив Тимира от упряжи, задыхающийся Хемант вывел его вперёд, и Вималананда взялся с одной стороны за повод. Тренер Лафанж схватил другой повод, и втроём они триумфально провели победителя в его стойло.

Хотя я и раньше бывал на конюшнях бомбейского ипподрома, в тот день я словно заново открыл их для себя: впервые я помогал Вималананде раздавать награды конюхам после победы. Первым, конечно, получил свою награду морковью и люцерной герой дня Тимир, внимательно глядевший на нас по мере **нашего** приближения. Лошади любят смотреть на людей, и головы их инстинктивно обращаются к посетителям, проходящим мимо их стойла. Тимир был из юроды лошадей, которые телепатически чувствуют заранее, что к конюшне подходит друг. Казалось, он всегда ожидал нас увидеть — когда бы мы ни появлялись. После того как все получили свою долю, я опустился в складное кресло и стал разглядывать компанию, в которой мне предстояло провести следующие семь лет. Конюх подал Пригубив, я подумал: «А ведь, пожалуй, я мог бы легко ко всему этому привыкнуть».

Хотя никакое другое удовольствие не может сравниться с церемонией полуденного чая в кулуарах бомбейского ипподрома, я вскоре понял, что

её видимое изящество и благородство, как и всё в мире скачек, зиждётся на честолюбии и ревности, заговорах и паранойе, изменах и отчаянии, но прежде всего на алчности. Опытные игроки своём горьком опыте постигают, что «стремя — деньги», и что слухами и подтасовками можно так подорвать репутацию хозяина, что его лошадь, усилиями всего бегового братства, больше никогда не придёт первой. К правде на ипподроме относятся как к явлению занимательному и интересному, но видимость правды здесь ценится куда выше. Однако в тот день я был больше поражён тем, насколько казались конюшни оторванными от Бомбея — окружавшего нас города. Словно охранники у ворот этого зеленеющего уголка природы были уполномочены некой властью немедленно пресекать все посягательства вечно кишачего и бурлящего мегаполиса, расположенного снаружи. Здесь пахло сеном и навозом, стояла то и дело оглашались вороньим карканьем, лёгким ржанием лошадей, спрашивающих пищи, и добродушным ворчанием конюхов. Где-то здесь наверняка был и Бог. Кто, как не Он, следил за порядком в этом раю? Прикосновение чьей-то руки вывело меня из дремоты. Я поднялся из кресла, и Вималананда представил меня доктору Кулкарни, ветеринару, следившему за лошадьми Лафанжа. Смеясь, доктор обратился к Вималананде:

— Ого! За тебя играет американец! Теперь ты сможешь давать своим скакунам такие американские «средства», какие не засечёт ни один контроль!

— Ну и шутник ты, Сахиб, — с улыбкой ответил Вималананда. Всем было известно, что Вималананда давал лошадям разнообразные допустимые аюрведой аптечные и собственные препараты и использовал некоторые лекарства из арабской медицины унани. Никому, кроме меня и Рошни, он не раскрывал состава этих средств. Результаты же были налицо. Быть может, доктор Кулкарни полагал, что, стремясь к победе, Вималананда иногда пользовался и запрещёнными веществами, но он не мог знать, как знал я, что Вималананда никогда не позволял себе попасть в плен к какому бы то ни было интоксиканту.

Поговорив ещё немного о лошадях, мы разошлись по домам. Только через день или два, когда мы отправились на машине к вырубленному в скале двухтысячелетнему храму Мандапешвар на севере Бомбея, мне представилась возможность задать Вималананде вопрос, который никак не давал мне покоя:

— Знал ли ты до того, как купить Тимира, что он связан с Хемантом Паваром такой рнанубандханой?

— Узнать все рнанубандханы всех живых существ — это дьявольский

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

труд. Да, я знал ещё до того, как купил его на аукционе в 1977 году, что у Тимира есть шанс заблестать. У него солидная родословная и на эту жизнь заготовлены неплохие кармы. Я знал, опираясь на его данные, чего от него ожидать, а ещё я знал, как хотелось Хеманту выиграть свой тысячный заезд. Это ведь не я попросил Хеманта взять мою лошадь, он сам пришёл и предложил это мне. Я знаком с ним со времён его ученичества, а это было ужасно давно, и я знаю, что у него наметанный глаз. Он бы не стал просить, если бы не был уверен в победе. Поэтому я сразу же согласился. Я чувствовал, что поступаю правильно, так оно и вышло.

— Благодаря рнанубандхане между тобой, ним и Тимиром?

— А что ещё нужно? Весь мир — это одна сплошная рнанубандхана. Она создаётся и разрушается в соответствии с законом кармы. Ради Бога, не думай, что кто-то сможет улизнуть от закона кармы. Сам Бог, спускаясь на землю, подчиняется закону кармы — что уж говорить о нас с тобой? Закон не щадит даже риши. Риши Дурвасас, бывший сыном риши Атри и бесподобной Анасуи, приходил в ярость из-за любого пустяка. Он унаследовал эту невероятную гневливость по благословению Шивы, который — если его рассердить! — есть само воплощение гнева. Именно Дурвасас проклял Шакунталу, девушку, которая отказалась служить ему, когда он об этом просил. Её единственной виной было то, что она настолько сильно любила своего мужа, что могла думать и помнить только о нём. А это проклятие на долгие годы разлучило её с мужем. В конечном итоге она поняла, что всё это было ей на пользу, но какой тяжёлый урок выпал на её долю!

— Но и Дурвасас встретил своё кармическое Ватерлоо. Царь Амбариша и его жена безмерно любили Кришну, и Кришна сам ежедневно являлся вкусить подношений, которые они оставляли у маленькой статуи *Бала Гопала*, младенца Кришны. Однажды Дурвасас с тысячами своих учеников пришёл во дворец Амбариши на обед. Дурвасас уже пользовался дурной славой, и где бы он ни появлялся, люди начинали дрожать от страха.

— Амбариша с женой как раз угощали Кришну, когда явился Дурвасас со свитой. Царица вежливо сказала ему: «Пожалуйста, махарадж, потерпи, пока мы уложим Гопалу в постель. Потом мы к твоим услугам». Дурвасас, пришедший испытать Амбаришу, разозлился. Тогда Амбариша сказал: «Махарадж, ты так высоко ценишь Бога, что тебе, право, не к лицу сердиться на нас». Дурвасас зарычал на него: «Какой ещё там у вас Бог?!» Он не услышал Амбаришу. Он явился к Амбарише, и *бала* (могущество) раздувала его эго. Бала и *кала* (тонкость обращения,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

изящество) редко совмещаются в одном человеке. Амбариша не мог состязаться с Дурвасасом в мощи, но он был полон изящества. Именно оно обычно и побеждает.

— От маленькой статуи Кришны неожиданно отделилось божественное оружие Вишну — *Сударшина Чакра*. Она полетела прямо на Дурвасаса, который пустился бежать. *Чакра* (диск) гналась за ним по горам и долинам, по лесам и пустыням всех трёх миров. Когда уже некуда было бежать, Дурвасас спрятался в озере. Чакра кружилась над его головой и угрожающе жужжала.

— Дурвасас осознал своё поражение, и обратился к Вишну: «Я был не прав, Господи. Прости меня, пожалуйста. Каким будет моё наказание?» Вишну ответил: «Ты должен лишиться плодов своей десяти тысячелетней аскезы». И это свершилось. Десять тысячелетий для Дурвасаса не так уж много, так как его аскеза длилась гораздо дольше. Признать свою ошибку — вот что было для него самым мучительным.

— Дорого обошлось Дурвасасу оскорбление Амбариши. Но ведь он и сам поклонялся Кришне. Как же он мог оскорбить Его или другого Его почитателя? Ответ прост: виновато влияние Сатурна. Когда Сатурн пристально вглядывается в кого-то, человек начинает переживать трудные времена и иногда совершает такие поступки, которых никогда бы не совершил в нормальном состоянии. Из-за Сатурна риши Васиштха потерял всех своих сыновей. Из-за Сатурна риши Вишвамित्रа дважды терял плоды своей многотысячелетней аскезы, поразвлекавшись с Менакой. Одним из результатов этого развлечения была та самая Шакунтала, которую проклял Дурвасас, наказав её разлукой с мужем. Игры риши поистине бесподобны.

— По-моему, ты говорил, что если полностью подчинить себе «приходящее из естества», то Сатурн не сможет оказывать никакого влияния, и что риши действительно могут подчинить себе своё естество.

— Это чистая правда, но правда и то, что малейшая привязанность Кундалини к телу помешает тебе подчинить себе своё естество. До тех пор пока риши остаётся воплощённым, он должен быть, по крайней мере самую малость, привязан к своей плоти, а Сатурн накладывает свои чары на все без исключения воплощённые существа. Все мы в этом мире иногда спотыкаемся. Даже повелители Вселенной послушны закону кармы. Судьба может поразить любое бессмертное существо, которое оказывается в подчинении у времени, пространства и причинности нашего мира, вне зависимости от того, как долго продолжалось это подчинение.

— Знать карму — значит знать судьбу. Но судьбу узнать не так-то

просто, — повторил он, обращаясь как будто к самому себе. — Я сомневаюсь, что кто-нибудь на самом деле знает всю судьбу целиком. Даже боги не в силах измерить всю её глубину. Ты знаешь легенду об Индре и его попугае?

— Нет.

— У Индры был ручной попугай. Однажды Индра подумал: «А ведь когда-нибудь мой милый попугайчик умрёт. Но когда придёт этот день?» Этот вопрос так терзал его ум, что в конце концов Индра не выдержал, взял попугая и отправился к Брахме, Творцу Вселенной. Он спросил у Брахмы: «Господь великий, скажи: когда умрёт мой любимый попугай?» Брахма ответил: «Извини, Индра, но я Создатель. Такие вещи, как смерть, меня не касаются, и я о них ничего не знаю. Однако ты разбудил моё любопытство. Пойдём же к Вишну и спросим его об этом». Индра, попугай и Брахма направились к Вишну, Хранителю мира, с тем же вопросом. Но Вишну ответил: «Я — Хранитель, я ничего не знаю о разрушении. Нам нужно пойти к Шиве». Вчетвером они явились к Шиве и задали ему свой вопрос. Но Шива сказал: «Хоть я и вправду Разрушитель, но я ничего не делаю по своей воле. Я только исполняю судьбу. Когда истекает срок, назначенный кому-то судьбой, я иду и забираю — человека ли, попугая. Но если мы хотим узнать этот срок, мы должны спросить Видхату». Итак, Индра, попугай, Брахма, Вишну и Шива двинулись к жилищу Видхаты — олицетворения Судьбы. Войдя в его покои, они обратились к нему с вопросом, но Видхата сказал только: «Взгляните на попугая». Они посмотрели и увидели, что мёртвый попугайчик лежит на спинке, задрав ножки вверх. В ужасе четыре бога попросили объяснений. Видхата сказал: «Этой птице суждено было умереть только тогда, когда Индра, Брахма, Вишну и Шива, собравшись вместе, встретятся со мной. Только в этом случае могли осуществиться все необходимые предпосылки её смерти. Именно потому, что срок жизни попугая истекал, тебе, Индра, пришёл в голову твой вопрос. Но если бы ты оставил его без внимания, попугаю незачем было бы умирать».

— Неужели это правда? Индра без попугая и Троица разошлись по домам, получив хороший урок?

— Ну да.

— Вот это да... И что, озадачивать себя вопросами — это в природе Индры?

— Да. В макрокосме Индра — царь дэвов, но в микрокосме, то есть в человеческом теле, он представляет собой *индриш*, то есть органы чувственного восприятия. Эти органы только тем и занимается, что

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

задают вопросы. Они всё время выглядывают наружу — понюхать, послушать, посмотреть, что происходит кругом, попробовать, потрогать. Для органов чувств эти действия суть не что иное, как «приходящее из естества». Если бы Индра подчинил себе своё естество, он бы спросил себя, почему он задаёт эти вопросы. Тогда бы он по сей день не расстался с попугаем. Не забывай: покорённые чувства — твои друзья; а непокорённые, которым ты позволяешь делать то, что для них естественно, — враги.

— Я понимаю. Но правильно ли будет сказать, что точно так же, как попугаю было суждено умереть в присутствии Трёх Владык, Хеманту было суждено выиграть свой тысячный заезд на Тимире, а мне — присутствовать при этом и видеть твоё торжество!

— А ведь кажется, что так оно и есть, правда? Конечно, свобода воли существует, но иногда карма становится такой плотной, что для свободной воли почти не остаётся места, и ей негде развернуться. А иначе как бы астрологи предсказывали будущее? Мы ведь знаем, что они умеют это делать, и ты испытал это на себе.

— Испытал.

— Если в какой-то области пространства-времени происходит сильное сгущение кармы, то никакие усилия не спасут тебя от Сатурна, и как бы ты ни старался, ты не сумеешь перехитрить судьбу. — Он слегка рассмеялся. — Мой старый друг Р. Д. Шах любит поколдовать с цифрами и занимается хиромантией, причём кое-каким тонкостям этого искусства он обучился у меня. В нём есть что-то от классического «витающего в облаках» профессора. Если он увлечён какой-то проблемой, то в грозу он забывает плащ и смотрит на льющиеся с неба потоки, недоумевая, что бы это могло быть.

— Однажды он пришёл ко мне в таком возбуждении, что едва мог говорить. Мне пришлось терпеливо ждать, пока он поуспокоится, и наконец он выговорил: «Я только что видел потрясающую ладонь, ты сам должен взглянуть на неё и сказать, правильно ли я её прочёл». Он привёл меня к человеку, которому он читал по руке, и, увидев его ладонь снова, он вдруг посмотрел на него и сказал: «Через четыре дня вы убьёте человека. Но чтобы этого не случилось, будьте добры, придите ко мне, и я прослежу, чтобы всё было в порядке».

— Никто, кроме меня, не поверил этому предсказанию. А я действительно заметил, что ладонь свидетельствует об убийстве. Лучший друг будущего убийцы, сидевший рядом с ним, возразил: «Я долгие годы знаю этого человека, и могу вас уверить, что он не способен кого-либо убить».

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Тогда Р. Д. Шах попросил разрешения взглянуть на руку друга, и, взглянув, остолбенел: «Жертвой должны стать вы! Боже мой, прошу вас, немедленно уезжайте из города!» Но те и слушать не хотели. Скорее всего они подумали, что он просто сошёл с ума. Но я так не думал, потому что заметил на руке те же знаки, какие заметил ах, и вынужден был признать, что он расшифровал их верно.

— Шах пошёл к жене друга, но и она не стала слушать его. Прошло три дня, и на четвёртый тот, кому суждено было стать жертвой, принёс тому, кому суждено было стать убийцей, большую сумму денег. Из-за них и произошло убийство. Когда Шах узнал об этом, он прибежал ко мне весь в слезах. На него жалко было смотреть. Он рыдал безутешно: «Я же знал и хотел помочь, но что я мог сделать!..»

— Шах пошёл в тюрьму, чтобы ещё раз взглянуть на ладонь преступника. Осмотрев ладонь, он сказал: «Вас осудят и приговорят к повешению. Подайте на апелляцию, ваше дело пересмотрят и приговор отменят». И всё случилось именно так, как он предсказал. После освобождения убийца пришёл к Шаху, чтобы в третий раз показать свою ладонь. Каково было заключение? «Вы станете *яти*, джайнистским садху». Так и произошло.

— И все эти подробности были написаны на ладони?

— Нет, на ладони можно прочесть только основные линии событий. За подробностями надо обращаться ещё куда-нибудь, например к интуиции хироманта. Хиромантия — это в конечном счёте разновидность астрологии, а в астрологии, в любом её разделе, вероятность правильного предсказания никогда не превышает 85%, если опираться только на вычисления. Остальные 15% определяются интуицией. Шах хорошо владеет искусством хиромантии, он умеет пользоваться интуицией, и она ему помогает. Несмотря на все мольбы и предостережения, убийство произошло точно по предсказанному.

— Можно ли было предотвратить его силой?

— Видимо, да, если бы у кого-нибудь нашлось достаточно силы. Благословляя человека, ты облегчаешь тяжесть его карм. Кто-нибудь мог благословить жертву на долгую жизнь. Если идти этим путём, то тогда мы должны были искать человека, обладающего достаточной силой для такого благословения и, кроме того, желающего это благословение дать. Но даже если бы мы нашли кого-нибудь подходящего, где гарантии, что предполагаемая жертва сумеет переварить это благословение?

— Переварить благословение?

— Я поясню на примере. Агхори Севадас был неплохим садху, но он

был настолько тяжёл, что даже не мог подмыть себе задницу после того, как испражнится. У него был преданный ученик по имени Чунилал, который делал это за него. Когда Севадасу пришло время умирать, он позвал к себе Чунилала, дал ему камень и сказал: «Каждый день зажигай благовония этому камню, и тебе всегда будет хватать денег на пропитание». Чунилал ответил: «Но, махарадж, мне нужно больше». Севадас сказал: «Иметь больше — это не твоя судьба». Однако Чунилал настаивал, и Севадас подумал о том, какую грязную работу день заднем выполнял для него Чунилал. И тогда он, воспользовавшись своей силой, сотворил сто тысяч рупий и вручил их Чунилалу. После этого Чунилал отпросился у Севадаса, но не успел он пройти и двух миль в сторону ближайшего города Бароды, как его ограбили. Пришлось ему вернуться к Севадасу и принять камень, который тот ему предлагал с самого начала.

Мы подъехали к пещерам, где нас приветствовала небольшая группа духовных «детей» Вималананды. Всем вместе нам предстояло совершить поклонение.

— Дают ли гуру знания так, как Севадас выдал деньги? — спросил я, пока мы шагали к храму.

— Есть только два пути, посредством которых можно получить знания от гуру. — Вималананда заговорил выразительно, чтобы «дети» могли его слышать. — Один путь — через рнанубандхану. Если у гуру есть перед тобой долг в знаниях, перенесённый из прошлой жизни, если ты его кредитор, тогда он должен его вернуть. Куда он денется? Другой путь — тот, которым Арджуна получил знание «Бхагавадгиты» от Кришны: *мат прасадат*, божья милость. Третьего пути нет.

— Смотри, как я легко переступаю этот ручей на полу, — сказал он, когда мы входили в пещеру. — Так же легко переступить океан самсары с физического берега на духовный, имея *крипу* (милость) гуру. Без крипы можно поскользнуться и замочить ноги или пуститься в плавание и разбиться. Гуру даёт крипу ученику произвольно, сам не понимая того, что делает. Кришна был тронут чистотой любви, которую питал к нему Арджуна. Увидев, что Арджуне тяжело даётся понимание того, что Он говорит, Кришна сказал такие слова: «*Дивьям Задами те чаксу*» («Божественный даю тебе глаз»). Это и была крипа, стихийное откровение сердца. Как результат крины, ученика становится непоколебимым. До получения крипы ум мечется от одного предмета к другому, но после — он становится строго однонаправленным. Крипа используется только в духовных целях, и она не выражается в словах. Тот, кто говорит, что крипу можно дать по желанию или выразить её словами, тот просто дурак.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— То же самое верно и для *кальяны*, которая в основном имеет мирской характер, духовного в ней немного. Кальяна улучшает материальную жизнь, но не сосредоточивает ум. Невозможно получить от гуру больше, чем он должен, — если только он не одарит тебя милостью — крипой или кальяной. Но даже получив этот дар, нужно уметь с ним справиться. Чунилал не сумел справиться с кальяной, которую даровал ему Севадас.

— Выходит, что кальяна и крипа суть разные виды благословений. — предположил я.

— Кальяна и крипа, — ответил Вималананда, — суть только два особых благословения из великого множества самых различных благословений. Крипа поистине чудесная вещь: до чего восхитительно иметь ум, устремлённый в одну точку! Кто из людей знает, на что в действительности способен ум? Какова его мощь? Слушай. В некотором царстве заболел царь. Никто не знал, как его вылечить, даже его личный врач. Это так разгневало царя, что он вызвал (к себе первого министра и заявил: «Если ты не избавишь меня от болезни, голова твоя слетит с плеч». Цари — существа капризные. — Как йоги, огонь и вода.

— Верно. Министр не был медиком и понятия не имел, что делать. Он слонялся по городу и думал, как бы сохранить голову на плечах. Случайно он наткнулся на сумасшедшего, и тот спросил его, в чём дело. Министр рассказал ему свою печальную повесть, и тот спросил снова: «Ты готов истратить огромные деньги?» Министр ответил: «Чтобы спасти мою голову, я готов на что угодно». Тогда безумец привёл его неузнанным в лавку купца, торговавшего изделиями из сандалового дерева. Этот купец буквально завалил весь Рынок сандалом, однако был в отчаянии. Министр спросил его: «Что с тобой, дорогой?» Тот ответил: «Мои кладовые переполнены сандалом, и я никогда не продам столько, если только не умрёт царь. А если он умрёт, то все жители страны начнут жечь сандал в его память. Вот я и молюсь круглые сутки о том, чтобы этот проклятый царь поскорее умер». Министр тут же сообразил, что причиной царской болезни была эта концентрация ума. И он сейчас же скупил у купца весь сандал. Купец забыл о царе, а царь, поправившись, щедро вознаграждал министра.

— Один спасся за счёт того, что другой забыл.

— Удержание в памяти требует огромных затрат энергии. Вот почему Кундалини не может пробудиться у большинства людей, тем более подняться. До тех пор пока память прочно связана с кармами, вся энергия Кундалини будет расходоваться на то, чтобы поддерживать в тебе процесс вспоминания, кто ты есть. А помнить приходится о множестве

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

карм. Забудь на время кармы своего причинного тела, подумай о кармах в своём расширенном причинном теле.

— В чём?!!

— В расширенном причинном теле, в *махакарана шарира*. В нём оставляет след всё, что когда-либо случилось во Вселенной. С момента творения каждое действие записывается на определённой частице Ума, так что в принципе его можно вспомнить и осознать. Это Космическая Память. Чтобы полностью пробудить Кундалини, ты должен прекратить самоотождествление даже с ней. Ты должен достичь совершенного забвения.

— Совершенного забвения...

— Да, ибо при пробуждении Кундалини ты вспоминаешь все свои прошлые кармы. На санскрите это называется *пунассмрити*. Если ты не будешь готов к тому, чтобы совладать с пунассмрити, если не сумеешь переварить эти воспоминания, тогда они поймут тебя в ловушку.

— Значит, ты не думаешь, что нужно стремиться вспомнить прошлые жизни, как пытаются делать сейчас некоторые люди на Западе?

— А чем это им поможет? К счастью, большинство из них просто выдают свои галлюцинации за реальность и строят всякие мудреные теории для собственного развлечения. Но некоторые действительно настраиваются на свои рнанубандханы, и вот им-то и грозит настоящая опасность. Что, по-твоему, случится с матерью, которая вдруг осознаёт, что её ребёнок убил её в предыдущей жизни? Сможет ли она остаться хорошей матерью — в этой жизни? Сможет ли преодолеть желание мстить? Или застрянет в той предыдущей реальности и будет дальше раскручивать колесо действий и воздаяний? Я благодарю Бога за милосердие Природы, которая стирает у нас при рождении почти все воспоминания о прошлых жизнях! Он немного помолчал.

— Но совершенное забвение достигается не сразу. Сперва нужно научиться вспоминать, чтобы было что забывать. Помнишь Жана Вальжана?¹

— Да, конечно.

— Когда Жана уличили в краже подсвечников, епископ стал защищать, а не обвинять его. И после этого Жан стал совершенно другим человеком. Вот почему, просыпаясь каждое утро, я вспоминаю о смерти. Отправляясь на смашан, ты должен сказать себе: «И я стану таким же, как этот труп. Не забывай!»

¹ Персонаж произведения В Гюго «Отверженные» (Прим. ред.)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— На этом пока остановимся, — заключил он. — Время делать дело.

Мы приступили к обряду.

Выполнив обряд, он некоторое время сидел и шутил с «детьми», не выказывая никакого интереса к возобновлению нашей беседы. И только на обратном пути в Бомбей он заговорил снова:

— Мы беседовали о благословениях, но знаешь ли ты, сколько бывает разных благословений? И каждое благословение — карма, то есть каждое имеет свои последствия. По-видимому, простейшее благословение заключается в том, чтобы взять на себя какую-то часть плохой кармы другого человека. Но это значит, что и страдать от этой кармы буду я, а не человек, её заработавший. Закон кармы очень строг: на любое действие так или иначе должен быть получен ответ. Таким образом, принятие на себя чужой кармы — наиболее грубый и малоприятный способ благословения. Я не только делаю себя несчастным, но и расходую свою шакти на отработку карм всего лишь нескольких человек. А что останется другим, связанным со мной рнанубандханой?

— Есть один способ благословения, который мне почти ничего не стоит — перераспределить кармы человека. Если ему или ей суждено пережить страдания как плату за плохие кармы, я могу так повлиять на хорошие кармы, которые должны созреть и проявиться несколько позже, чтобы они появились сейчас. Правда, израсходовав добрые кармы, потом всё равно придётся вернуться к плохим, и смягчить удар уже будет нечем. Моё вмешательство не столько оттянет, сколько усугубит развязку: положение после будет хуже, чем положение до. Истинной благодати тут мало, но некоторые люди, которые не заслужили благополучия в этой жизни, требуют его от меня, и я даю им его именно этим путём. Толковые люди используют это улучшение для создания добрых карм, для увеличения кредита своего кармического счёта.

— А бестолковые? Их песенка спета?

— Да, это конченные люди. Далее, какие ещё возможны благословения? *Питри тарпана*. Допустим, у тебя есть предок (*питри*), который переродился лошадью, и сейчас она тянет воз. Поскольку тебе достались кое-какие его гены и хромосомы, его сознание, даже в новой форме, тоже должно как-то влиять на тебя.

— Как?

— Когда он был жив, его ахамкара соотносила себя со всем его телом. Единственное, что остаётся от его тела после смерти, это набор генов и хромосом, часть которого переходит в тебя. Поскольку всё, что происходит в космосе, оставляет свой след, его «след» отпечатывается в

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

генах и хромосомах и сохраняется там, пока генный набор более или менее активно воспроизводится. Но куда есть этот «след», его сознание будет в той или иной степени резонировать с этим хромосомным набором. А это означает, что его сознание будет способно влиять на твоё через генетический материал, который он передал тебе по наследству.

— Боже мой! И долго это будет продолжаться?

— В Ведах говорится о семи поколениях.

— Это нумерологическая метафора?

— Во все нет. Разве ты не помнишь, в каком колене потомство обычной лошади при скрещивании с чистокровными лошадьми вносится в список чистопородных?

— Восьмое колено считается чистокровным.

— А это значит, что неблагородная кровь перестаёт сказываться после...

— Семи поколений! Бог ты мой! Чистая кровь... Значит, в Библии не зря говорилось, что грех будет преследовать грешников, и их сыновей, «и так до семи поколений»?

— Конечно, нет. Если твой предок был каким-нибудь святым, влияние его сознания на тебя будет очень благотворным. В остальных случаях, оно вряд ли будет таким, скорее наоборот. Что было бы действительно полезно, так это порвать с ним таким образом, чтобы и ему это помогло освободиться. Для этого есть обряд *тарпана*, который силой притягивает к тебе дух предка. Конечно, было бы легче, если бы предок в данное время был бестелесным, но можно выполнять обряд и в том случае, когда вы оба воплощены.

— Когда дух предка выходит из тела лошади, везущей свой воз, она неожиданно падает прямо посреди дороги. Её окружают люди, но никто не понимает, в чём дело. Некоторые обвиняют хозяина в жестоком обращении. На протяжении всего обряда лошадь лежит без сознания, а когда он заканчивается, она встаёт, нетвердо держась на ногах. А потом, ночью, когда никого рядом нет, дух окончательно покидает лошадь, отправляясь к следующему рождению, а она умирает.

— И это порывает связь?

— Во все нет. У тебя всё ещё остаются его гены и хромосомы. Но теперь твой предок сделал маленький шаг вперёд в проявленном мире и будет влиять на тебя чуточку лучше.

— Но это был только один из множества твоих предков. Мой старший Гуру Махарадж любит повторять: «Когда, просто глядя на человека, ты сумеешь сказать, кем был его отец, отец отца и так далее, двадцать пять поколений вспять, и когда ты увидишь, кем был сам этот человек в своих двадцати пяти рождениях, и когда ты научишься читать будущее так, чтобы безошибочно сказать, кем он будет в своих следующих двадцати пяти жизнях, тогда ты имеешь право сказать, что ты чему-то научился, хотя и не очень многому». Каков учитель! Двадцать пять поколений — это только начало. Для риши открывается миллион поколений сразу!

— Если я выполню питри тарпану для твоих предков, это будет благословением для тебя, ибо поможет тебе отгородиться от их отрицательных влияний. Но самым тонким благословением было бы исполнение тарпаны для риши, который основал твою *готру* (клан). Это приведёт риши в такой восторг, что он благословит тебя, переполняемый любовью, а я не запятнаю себя никакой кармой. Ещё я могу благословить тебя через поклонение твоему личному божеству — твоему *ишта девата* — от твоего имени. Если твоё божество будет счастливо, ты не избежишь благословения. Ты благословляешь самого себя — улучшаешь свою внутреннюю природу — всякий раз, когда искренне поклоняешься своему ишта девате. Также ты можешь сам благословлять себя, лично поклоняясь риши, родоначальнику твоей готры, или лично исполняя Питри тарпану для своих предков. В каждом случае ты изменяешь своё сознание, регулируя активность определённых генов.

— А как быть с проклятиями?

— Есть бесчисленные способы проклятий. В Южной Индии есть два довольно распространённых обряда, называемые *кегамати* и *бханамати*. Они были так широко распространены во времена владычества англичан, что тем пришлось создать специальное подразделение полиции, которое занималось только этими случаями.

— Ты шутишь!..

— Я не шучу. Обычно эти обряды направлены против отдельного человека, но я знаю несколько случаев, когда проклятие касалось целой деревни. В той деревне все работали дружно и хорошо, и всё было совершенно нормально — до захода солнца. Как только темнело, жители сбрасывали с себя одежду и с кошачьими воплями носились по улицам в совершенном безумии. Дочь показывала свою вульву отцу, а тот в ответ демонстрировал ей свой пенис. Каждый готов был превратиться в орущего кровожадного убийцу. Приходил день, и они забывали всё, что творилось ночью, и снова начинали нормальную жизнь. Эти несчастные разрывались от двойной жизни. Но единственной разницей между

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

дневной и ночной жизнью был сдвиг в сознании, перемена в мировосприятии.

— Никто не станет отрицать, что человеческое сознание зависит от химических превращений. Иначе как интоксиканты и другие психоактивные вещества могли бы на нас воздействовать? Ничтожное изменение молекулярной структуры — и меняется весь процесс. Стоит нескольким клеточкам расшириться или нескольким капиллярам сузиться, как в уме происходят колоссальные изменения. Ты, может быть, замечал, как от минуты к минуте меняется твоё настроение и отношение к людям. На работе ты чувствуешь себя усталым, злым или обманутым, но забываешь обо всём, вернувшись домой, когда наслаждаешься отдыхом и уютом. Множество различных факторов влияет на твою природу, на твою *свабхаву*, но в целом все они подчиняются биохимии мозга. Насколько сильно или слабо ахамкара отождествляется с телом, что определяет степень её свободы, зависит от химических превращений. Когда Сатурн хочет оказать своё влияние на твоё сознание, всё, что ему нужно, это слегка видоизменить метаболические процессы.

— Вот почему агхори обожают интоксиканты. Пока ты держишь процесс интоксикации под контролем, то есть пока ты потребляешь наркотик, а не он тебя, ты можешь направлять изменение своей природы в любую желаемую сторону. Особенно это касается *бханга* (листья марихуаны, приготовленные особым способом): какая бы мысль ни пришла тебе в голову, ты легко удерживаешь её в уме, пока тебе это нужно. Если сосредоточиться на освобождении Кундалини от её покровов, то с помощью интоксикантов можно быстро продвигаться вперёд. Но они бывают действительны тогда и только тогда, когда ты можешь контролировать свой ум. Если сознание затопится интоксикантами, ты погиб, ибо они усилят и упрочат все ограничения твоей личности.

— Пока твоя *свабхава* не находится под твоим полным контролем, Сатурн будет по-прежнему контролировать тебя. И уж поверь мне, овладеть своей природой — дело не шуточное. Сам Шива однажды попал под влияние Сатурна. Когда Он женился на Парвати, все планеты, кроме Сатурна, пришли их поздравить. Отсутствие Сатурна обидело Парвати, и она потребовала, чтобы его заставили появиться. Шива мягко улыбнулся ей и сказал: «Милая, почему бы не оставить его в покое? Это к лучшему, что он не пришёл. По правде сказать, он оказал нам большую любезность своим отсутствием». Но Парвати — Шакти в пробужденной, но неконтролируемой форме — была непреклонна, и Сатурн вынужден был явиться. Он не стал подходить близко к чете, а поглядывал на них с

расстояния. Но как только Шива увидел Сатурн, он почувствовал зов своей истинной природы и впал в самадхи. Поскольку Шива по природе своей является чистым сознанием, то он и пришёл в это состояние. Шива пробыл в самадхи, наслаждаясь чистотой своего сознания, семь с половиной божественных лет, и всё это время Парвати была смертельно бледна. Могла ли она продолжать свадебное веселье, если её муж глубоко погрузился в самадхи? Когда по прошествии этого времени Шива вновь вернулся в нормальное состояние сознания, он сказал ей: «Понимаешь теперь, почему Сатурна не пригласили на свадьбу? « Тогда Парвати со злости прокляла астрологию, так чтобы никакие предсказания не сбывались на 100%, не будучи подкреплены изрядной долей интуиции. Прокляла она и тех, кто астрологией зарабатывает себе на жизнь, так чтобы они вечно оставались несчастными бедняками.

— И это сбывается?

— Многие астрологи, которых я знаю, очень несчастны, а некоторые просто нищие.

Я тоже знаю подобные примеры.

— И всё это из-за её проклятия?

— Да, а ещё потому, что они забыли многое из древней науки джотиш. Проклятие Парвати так сильно бьёт по ним из-за их слабой интуиции. Ты знаешь, как на санскрите называется интуиция? *Иштабала* — буквально: «сила твоего *ишта деваты*», твоего личного божества. Нельзя стать хорошим астрологом, не установив добрых отношений со своим личным божеством.

— Несмотря на проклятие Парвати, джотиш до сих пор остаётся лучшим из имеющихся инструментов для предсказания судьбы, ибо Сатурн представляет собой судьбу. Неплохо уметь предсказывать судьбу, которая правит практически всеми.

— Должны ли астрологи поклоняться планетам?

— А почему только астрологи? Поклонение девяти планетам — хороший способ овладения своей природой. Здесь в Индии мы поклоняемся дружественно расположенным планетам, чтобы они более активно содействовали нашим успехам, и стараемся умиловить враждебно настроенные планеты, прося их пощадить наши умы и жизни. Мы называем планеты махапурушами из разряда муни. Как и всем другим существам — божествам, риши, соседям по лестничной клетке, — им свойственно откликаться на любезность, оказываемую им. Весьма немногим индийским царям и йогам удавалось подчинить себе, хотя бы до некоторой степени, восемь из девяти планет. Этого можно достичь

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

последовательным выполнением садханы для каждой из планет. И совсем немногочисленны те *садхаки*, которые сумели подчинить себе самую могущественную и самую несговорчивую из всех планет — Сатурн. Только великие упрямцы, которым не сидится на месте, бросают вызов всем девяти планетам. Зачем? Полный контроль над девятью планетами означает овладение всей проявленной Вселенной.

— Не слабо.

— Да, и это было сделано, и сделал это не кто иной, как Равана. Равана был сиддхом и достиг бессмертия. Он полностью овладел своей Кундалини, а это значит, что судьба не оказывала больше на него никакого влияния. Он совершенно овладел своей *свабхавой*, внутренней природой. Овладение *свабхавой* стало источником силы, необходимой для покорения планет, включая Сатурн. Покорив планеты, он привёл их к себе во дворец и велел лечь ниц у подножия своего трона. В таком положении они могли пребывать веками, ибо как-то противиться Раване они могли только в том случае, когда видели его лицо. Такой оборот событий шёл вразрез с игрой риши, и они послали небесного хулигана Нараду уладить конфликт.

— Нарادا подошёл к Сатурну и сказал: «Ты, самый могучий из всех планет, лежишь тут ничком перед Раваной и пальцем пошевелить не смеешь». Сатурн ответил: «Правильно, именно потому, что я лежу ничком, я не могу взглянуть на Равану и, значит, не могу повлиять на него. Скажи ему, чтобы он велел мне перевернуться, а всё остальное я сделаю сам». Нарادا сообразил, в чём дело, и отправился к Раване. Наговорив ему кучу самых приятных вещей, Нарادا между прочим заметил, что Равана мог бы ещё сильнее насладиться беспомощностью планет, если бы видел их лица. Раване это предложение понравилось, но как только он велел планетам перевернуться на спины, взгляд Сатурна настиг его, и ум его заколебался. Тогда Равана понял, что значит попасть под влияние Сатурна, как понял бы это любой другой. Что-то заставило его принять предложение Нарады. Но *что* это было? Отчасти — его собственная *свабхава*, его врождённое качество. Он был *ракшасом*, а *ракшасы* любят унижать своих соперников. Но если он полностью владел *свабхавой*, как же он мог, хотя бы на мгновение, утратить этот контроль без всякой видимой причины? А может быть, так подействовал на него Сатурн посредством Нарады? Ясно одно: как только Равана велел планетам перевернуться, Сатурн пронзил его взглядом, и его разум раз за разом стал давать сбои.

— Результаты не заставили себя долго ждать. Первый удар Сатурна Равана получил через свою жену. Она пришла к нему и стала приставать

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

с расспросами: «Ты вот теперь бессмертный, это очень хорошо, но когда ты наконец освободишься от необходимости существования вообще?» Равана подумал: «Боже мой! Я совсем об этом забыл!» Он понял, что жена права. Оставаясь бессмертным, он терял надежду на дальнейшее улучшение. Нужно умереть, чтобы не оказаться в застое. Равана пытался изменить свою природу так, чтобы стать одним из богов, но Природа не позволяла ему этого, ибо тогда было бы нарушено Её равновесие. Так что разум Раваны в любом случае должен был как-то измениться. С желанием смерти у Раваны всё было в порядке, но смерть не могла прийти к нему, пока его разум работал без искажений.

— Равана сделался бессмертным в первую очередь благодаря своей предыдущей аскезе, посвящённой Господу Шиве. И сейчас он решил её продолжить. После долгой и суровой аскезы Раване вновь явилось видение Шивы. Шива спросил: «Чего ты желаешь?» Равана ответил: «Господи, умоляю тебя, дай мне возможность умереть!» Шива посмотрел на него с сожалением и сказал: «Мне очень жаль, но ты должен был подумать об этом раньше. Я уже благословил тебя на вечную жизнь, а ты ведь понимаешь, что всякое моё слово вещее. Разве я могу теперь забрать свои слова обратно?» Но Равана настаивал, и Шива в конце концов сдался. «Хорошо, — сказал Он, — отменить свою милость я не могу, но я кое-что к ней добавлю: *парастри харанам, Равана маранам*» (Равана умрёт, когда чужую жену украдёт). Такого Равана не ожидал! Он воскликнул: «Великий Боже! Я — царь Ланки, и я должен показывать пример своим подданным. Если я начну воровать, то и они станут поступать точно так же, и я окажусь причиной раздоров и падения нравов. Я никогда не опущусь до столь низких поступков! Как же быть со смертью?» Шива ответил: «Грядёт на Землю воплощение Вишну по имени Рама. Ты отберёшь у него жену, и он вынужден будет убить тебя. Убитый рукой Самого Бога, ты попадёшь в ту райскую обитель, где пребывают воины, павшие на поле брани. Кроме того, твоя смерть послужит предупреждением каждому, кто захочет украсть чужую жену». Так и произошло. Только благодаря своей великой преданности Шиве Равана погиб столь героической смертью. Если бы Шива, бог смерти, не мог даровать смерть своему слуге, какой бы был от Него прок? Люди не знают этой подоплёки и думают, что Равана украл Ситу из сладострастия. Но если бы это было так, стал бы он держать её так долго пленницей в подземелье, не трогая её? Нет, он бы уже давно сделал своё дело.

— Правоверные индуисты считают Равану неисправимым разбойником...

— Не напоминай мне об этих болванах! Что они понимают в

«Рамаяне»? Повторяют, как попугаи, то, что где-то услышали.

— Значит, судьба Раваны состояла в том, чтобы сначала стать бессмертным, а потом умереть?

— Казалось бы, так. Он совершил грандиозную аскезу ради достижения бессмертия, но он не сумел бы довести её до конца, если бы это не было назначено ему судьбой.

— Значит, и его смерть — судьба?

— Судьба, и я скажу тебе, почему это было ему суждено. Он и ;го брат Кумбхакарна были некогда *Джайей* и *Виджайей*, двумя привратниками Вишну. Однажды они по глупости оскорбили четырёх риши, четырёх Санаткумаров, которые проклинали их и отправили на землю в качестве демонов. Тогда Вишну пообещал, что тоже родится на земле, чтобы спасти их. Сначала они родились Хираньякшей и Хираньякашипу, и Вишну соответственно в своих воплощениях кабаном и человеко-львом убил их. Теперь они родились Раваной и Кумбхакарной, и Вишну убивает их в своём воплощении Рамой. Затем они воплотятся снова, и Кришна снова убьёт их. Проклятия и благословения — семь жизней, никуда не денешься. Рама потерял Ситу из-за наложенного проклятия. Парашурама проклял Рамачандру, когда они встретились на поле битвы.

— Парашурама — шестая аватара Вишну, а Рамачандра — седьмая. Не странно ли, что Вишну сражается с Вишну?

— *Парашурама* («Рама с топором»), бессмертный, — был брахманом, а Рамачандра — кшатрием, воином. Из-за того, что отец Парашурамы был убит кшатрием, он поклялся, что очистит своим топором всю землю от воинов. И он принялся за дело, и весьма в нём преуспел. Когда до него донеслась весть о Рамачандре, могучем молодом кшатрии, столкновение между ними стало неизбежным.

— Но Рамачандра легко одолел Парашураму и лишил его силы, забрав её себе. Тогда Парашурама в великой досаде на то, что уступил какому-то юнцу, посмотрел с кривой усмешкой на Рамачандру и произнёс: «Ну ладно, детка, ты забрал мою шакти. Это ничего. Но тебя свергнут с твоего царского престола, и ты потеряешь свою шакти, — он имел в виду Ситу, — и тебе будет стоять больших трудов обрести её вновь». Как он сказал, так и случилось. Без этого проклятия не было бы «Рамаяны».

Этот эпизод «Рамаяны» в изложении Вималананды отличался как от санскритского текста Валмики, так и от «Рам Чарит Манас» Тулсидаса. В обоих последних вариантах Парашурама негодует на Раму за то, что тот сломал лук Шивы. Хотя Парашурама настроился на борьбу, Рама

отказывается сражаться и заканчивает дело миром, за что удовлетворённый Парашурама дарует ему свою шакти.

Возражения были некстати, но тем не менее я спросил:

— Если Рама отнял у старика всю шакти, что же у того осталось на проклятие?

Но не так-то просто было заставить Вималананду врасплох.

— Если бы Рама взял *всю* шакти, Парашурама умер бы на месте. Но он — бессмертный. Ясно, что какая-то доля шакти у него остаётся всегда.

— Это что-то вроде личной, «неотчуждаемой» шакти? А Рама отнял у него свободно циркулирующую шакти?

— Что-то в этом роде. Слова Парашурамы имели силу. Он был настолько раздосадован случившимся, что полностью отдался эмоциям и говорил сердцем. Вполне возможно, что сам он к этому даже не стремился. Просто что-то давило на него с такой силой, что он вынужден был дать выход этому нечто. И когда слова были произнесены вслух, оказалось, что энергии их достаточно для того, чтобы в будущем реализоваться.

— Кроме того, Природа хотела, чтобы Парашурама так или иначе лишился своей шакти. Оба они, Рама и Парашурама, были аватарами Вишну, но Парашурама уже выполнил свою миссию на земле. Это означало, что Рама имел право забрать себе шакти предыдущей аватары, чтобы с помощью этой добавочной шакти лучше выполнить свою миссию, к которой он только приступал. О том, каким путём произойдёт передача шакти от одного к другому, должна была позаботиться Природа. В данном случае имело место проклятие, при других обстоятельствах это могло бы быть благословение.

— Проклятия, благословения... Уму непостижимо! — только и мог сказать я.

— Куда там! Вот тебе наглядный пример из моего личного опыта. Однажды ко мне обратился за помощью бедный музыкант по имени Дамле. Нижняя часть его тела была парализована, и он зарабатывал себе на жизнь тем, что давал уроки ученикам за несколько рупий в месяц. Когда я посмотрел на него, что-то нашло на меня, и я ударил его ногой. Не знаю, что там случилось, но после этого он снова начал ходить. Позже я сказал ему: «Ты недавно начал учить музыке молодую девушку. Прошу тебя, сделай ей предложение. Вы хорошая пара, вы сможете вместе давать уроки, Вам будет хорошо друг с другом, и у вас не будет недостатка в деньгах». Он послушался моего совета, они поженились и

были счастливы.

— Всё это было давным-давно. А несколько недель назад я вдруг подумал: «А как там Дамле? Почему бы мне не навестить его и не узнать, как дела?» Помочь ему я смог, но мне хотелось выяснить силу своего благословения. Она определяется тем, сколько плохих карм,м исчезло или отодвинулось на более поздний срок. Вмешательство в чью-то судьбу — дело нешуточное. Если груз плохих карм огромен, мощнейшее благословение сдвинет его разве что на волосок. Вот почему говорится: *гариб ки насеб гариб хай*, судьба бедняка — быть бедняком. Когда я пришёл к Дамле, он встретил меня с величайшим уважением. Мы поговорили о разных вещах, и когда речь зашла о нём самом, он сказал: «Всё хорошо и со мной, и с семьёй, если не считать того, что кто-нибудь у нас постоянно болеет. Мы с женой неплохо зарабатываем, но создаётся впечатление, что все деньги уходят на докторов». Я насторожился. Похоже, здесь было слишком много дурных карм. «Я очень люблю вашу музыку, — сказал я. — Сыграйте мне, пожалуйста, рагу «Кедара», и давайте посмотрим, что будет». Я чувствовал, что если он хорошо сыграет «Кедару», *то нечто* снова найдёт на меня, и он от этого выиграет. Но его судьба распорядилась так, что он не сумел сыграть мне «Кедару». Пришлось мне оставить его в руках судьбы. Будь осторожнее, мой мальчик, дирижируя чужими судьбами, а не то кончишь, как шейх Салим Чишти.

— Но ты сам всё-таки не последовал его примеру и не благословил Дамле и его жену на рождение ребёнка.

— Благодарение Господу! Но, впрочем, это не обязательно должно было случиться. У бедняков, даже в такой богатой стране как Америка, всегда рождается много детей. Это происходит, потому что множество духов с тяжёлыми кармами ждут очередного воплощения на земле, чтобы испить чашу своих страданий. Рождение в бедной большой семье среди жестокого и опасного окружения любую душу сделает несчастной. Нужно большое везение — благословение или добрая карма, — чтобы родиться в богатой семье. Посмотри, как долго Джон Кеннеди не мог занять ребёнка. По всей Америке люди, не способные иметь детей, буквально скупают их в других странах, в том числе и в Индии. Подумай, какая карма у этих детей: родиться несчастным сиротой и вдруг окунуться в роскошь. Если тебе суждена благополучная жизнь, если Природа этого хочет, то ты её и получишь, хочешь или не хочешь, и никто не сумеет помешать тебе.

— Так же было и в те времена, когда Индия была богатой страной. Поэтому Акбар заимел сына только после того, как его благословил шейх

Салим Чишти. И много ли людей могут накопить столько хорошей кармы, чтобы уродиться владыкой мира? Единицы. Тот, кто стал сыном Акбара Салимом, имел много хороших карм, но всё же недостаточно, чтобы родиться сыном Акбара. Для рождения ему был необходим дополнительный толчок в виде благословения святого. Но как быть с плохими кармаами? Рано или поздно они должны были всплыть, и когда они всплыли, они подорвали его ум. Он стал опиоманом, совершенно недостойным своего отца.

— Рождение самого Акбара тоже было результатом благословения, но тогда обстоятельства были иными. Лишившись престола и бродя в окрестностях Синдха, его отец Хумаюн встретил доброго факира, который кое-что понимал в происходящем. Когда факир, знавший, какими способностями обладал Притхвираджд Чаухан, осознал, что Притхвираджду нужно лоно, в котором он мог бы родиться, он решил наградить свою дочь непревзойдённым сыном. Он выдал её замуж за Хумаюна и благословил молодожёнов, сказав, что их сын станет императором Индии.

— Родиться ребёнком свергнутого правителя нетрудно. Труднее родиться в богатстве и изобилии, но ещё труднее это положение «переварить». Для Акбара самым большим разочарованием в жизни стал его собственный сын Салим, ради рождения которого он так много перенёс. Салима он всегда называл Шейху Баба — в честь факира, с чьего благословения тот появился на свет. Когда Салиму было уже за тридцать, он отчаялся когда-либо вступить на престол, ибо здоровье его отца казалось нерушимым. Он запил, отравил ум наркотиками, оказался на поводе у негодяев. Он поднял мятеж против отца, назвав себя царём Аллахабата. Собрав войска, он двинулся к столице, и вскоре две армии — его и его отца — стояли друг перед другом, готовые к битве.

— На этот раз Акбар, всё и всегда прощавший сыну, решил, что с него довольно. Жена это почувствовала. Перед каждым сражением она совершала поклонение любимому мечу Акбара и преподносила его ему. На этот раз, вручая меч мужу, она сказала: «У меня только одна просьба: пощади жизнь моего сына». Он ответил: «Ты забываешь, что жена в первую очередь должна думать о муже. Ты больше привязана к сыну. Хорошо, я сохраню ему жизнь, но только ради тебя».

— Соперники вышли в поле, и Акбар обратился к сыну: «Шейху, неужели ты хочешь, чтобы все эти люди и их семьи страдали? Поссорились только мы с тобой. Зачем же устраивать побоище? Я уже стар, а ты силён и молод. Пусть царство достанется победителю». Отупевший от пьянства Салим согласился, и двое сошлись в поединке на

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

глазах у обеих армий. Не прошло и нескольких минут, как опытный боец Акбар поверг незадачливого Салима на землю. Нет ничего хуже унижения перед лицом подчинённых, и Акбар знал это. Он сказал сыну: «Что мне с тобой делать? Убить? Не могу. Я пообещал твоей матери». И он бросил Салима в темницу и на четыре дня лишил его опиума и вина. Затем он послал за сыном, который во всём раскаялся, и сделал его коронованным принцем. Но Акбар уже не чувствовал прежней радости в жизни, и через полтора года он скончался, познав бессмысленность мирской славы.

— Должно быть, это произошло, когда он находился под влиянием Сатурна?

— Да, когда его настигла судьба.

— Я пытался объяснить твою теорию кармы некоторым моим друзьям, — сказал я напрямик, — и многие спрашивали меня: «Если эта штукавина с действиями и противодействиями действительно существует, и если первый убивает второго из-за того, что второй убил первого в прошлом, то с чего всё это началось? Откуда взялся самый первый кармический долг?»

— Самый первый кармический долг, — улыбаясь ответил Вималананда, — есть не что иное, как первый шаг в сотворении Вселенной: проецирование *Адья Шакти*, изначальной шакти, Природы, основания всего сущего. Проецируясь из Абсолюта, она всем обязана Абсолюту, включая само её существование. Долги растут по мере того, как она старается воссоединиться со своим источником, с Высшим Шивой. Чувствуя недостаточность самой себя как таковой, она стремится к объединению. Когда эта трансцендентная, космическая Шакти вновь сольется со своим Шивой, не останется ничего, что поддерживало бы творение, и Вселенная растворится. Это называется *пралайя*. А когда твоя Кундалини Шакти — твоя ахамкара, субъект самоотождествлений — сольется с твоим личным Шивой, ты прекратишь своё существование как индивидуум. Это — *лайя*, растворение твоей мнимой цельности и самодостаточности в океане Абсолютной Реальности. Лайя, являющаяся пралайей в микрокосмическом масштабе, есть втягивание всех твоих проекций обратно в их источник. Лайя кладёт конец карме, поскольку не оставляет никакой личности для самоотождествления.

— Всякое действие, включая пассивность, содержит кармическую активность. Пассивность активна в том смысле, что это обусловленное состояние, что делает её частью шакти. Космос существует столько, сколько существует шакти. Без шакти нет ничего, даже Шивы. Без шакти *шива* (процветание) становится *шавой* (трупом). Ты спрашиваешь меня о

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Каулах — слушай же. Только осуществив в жизни шаву, ты сумеешь понять Каулу.

— Все рассуждают о «Бхагавадгите», которую Кришна рассказывает Арджуне, но кто на самом деле понимает её смысл? Взять только первые два слова: *дхармакшетре курукшетре*. Как может курукшетра — поле деятельности, место создания карм — быть дхармакшетрой, местом дхармы, праведности и святости? Это выглядит как противоречие, пока ты не задумаешься глубже. Во-первых, что такое «курукшетра»? Сердце, не перестающее биться: «куру, куру, куру». Есть только один путь для сердца стать местом дхармы, «дхармакшетрой», и на этот путь указывает Кришна: «Иди и действуй, поскольку ты для этого рождён, но результаты предоставь мне». Он имеет в виду, что ты можешь заполнить сколько угодно чеков в Банке кармы, но — не подписывай ни один из них! На твоём счету просто не хватит денег, чтобы расплатиться по всем кармам, которые ты создаёшь, но кредит Кришны больше твоего. Пусть он и подпишет чеки. И тогда ты получишь свободу: не свободу от действий, но от самоотождествления с этими действиями. Вот в чём сущность «Гиты». Поменяй местами слоги в слове «гита» (песня), и получишь «тьяги» (отказ). Ты должен отказаться от ошибочного самоотождествления со своими действиями. Сейчас ты — *кшетра* (поле деятельности), а должен стать — *кшетраджной* (познающим поле). Только из *джнаны* (мудрости) может возникнуть дхарма.

— Но если ты просто будешь говорить себе, что не хочешь отождествляться со своими действиями, то это не даст желаемого результата. Ахамкара должна отождествляться с телом, хотя бы немного, чтобы организм мог выполнять необходимые функции, иначе физическому существованию придёт конец. Но самоотождествление создаёт новые кармы, нередко с губительными последствиями. Ахамкара может отождествляться с чем угодно, и нет никаких гарантий, что она изберёт именно полезные и правильные вещи. Даже идентификация с воображаемыми объектами может быть опасной, ибо всякий образ, с которым самоотождествляется ум, получает возможность оказывать на тебя влияние. Садхана хороша тем, что даёт твоей ахамкаре верный образ для самоотождествления — образ, который, будучи наделён силой, оказывает тебе огромную помощь.

— Когда ты поклоняешься божеству и полностью отождествляешься с ним, твоей ахамкаре уже не так просто отождествиться с действиями тела. Если ты полностью сольешься со своим божеством, тогда оно будет выполнять всю твою работу, и карма не сможет коснуться тебя. Например, когда агхори ест мясо и пьёт вино, он не слишком об этом беспокоится. Он рассуждает так: «Из-за рнанубандханы тело вынуждено

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

совершать эти действия. А я всё это отдаю тебе». Но если, вкушая мясо, ты думаешь: «Ах, как вкусно! Вот это я люблю!» — тогда дела твои плохи. Хуже некуда! Карма прилипнет к тебе, как болотная грязь. Лучше уподобиться лотосу, который, вырастая из грязи, не оскверняется ею. Грязь не может ни запятнать его, ни испачкать. Отказавшись от самоотожествления, можно оставаться свидетелем своих действий, совершаемых телом для отработки рнанубандхан. Но легко ли действовать без самоотожествления? Попробуй секс без самоотожествления, и ты увидишь, что это такое.

— А косвенное удовлетворение лучше?

— Немногим лучше, поскольку тоже становится кармой. Ты слышал поговорку на маратхи, которую приписывают одному знаменитому махараджу прошлого: *малле чоде, маллерао радже?*

— Никогда не слышал.

— Это практически непереводаемо, но в грубом переводе звучит так: «Борец старается, а царь наслаждается». С годами у царя ослабевает эрекция. Однако он всё ещё обожает секс, и чтобы получить косвенное удовольствие, он приказывает своим борцам заниматься любовью с женщинами в его присутствии. Удовлетворение, которое махарадж получал от такого рода секса, в действительности создавало меньше кармы, чем если бы он занимался сексом с женщиной сам — будь он на это способен. Но всё-таки он создавал карму — за приказ к совокуплению. А что, если бы он стал выслеживать совокупающиеся парочки и незаметно за ними подглядывать? Это непрошеное вторжение в частную жизнь тоже было бы кармой. Только если бы это случилось перед ним без всяких просьб с его стороны, он был бы свободен от всех кармических привязанностей к половому акту — при условии, что он мысленно не отождествляет себя с участником.

— А если отождествляет?

— Тогда он участвует в карме. Карма — это вопрос самоотожествления.

— Значит, лучше вообще избегать секса?

— Может быть, и так. Но это тоже не гарантирует спокойной жизни. На хинди есть поговорка: *тапешвари сераджешвари, аур раджешвари се наракешвари* (аскеза — к богатству, богатство — к гибели). Первая часть этой поговорки означает, что в силу закона действия и противодействия йог, выполнивший в жизни суровую аскезу, переродится в принца или в сына очень богатых родителей. Если ты действительно прекрасно потрудились над своей аскезой, ты можешь

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

получить шанс родиться в семье йогов и продолжать начатое с того места, где ты закончил в прошлой жизни. Однако, как говорит Кришна в «Бхагавадгите», это большая редкость. Обычно это *шучинам шриматам гехе* — рождение в роскоши, и в этом случае только наставления гуру помогут тебе найти свой путь в жизни, свою дхарму.

— А как же быть с «*анте матих са гатих*»? Если, умирая, ты намереваешься в будущем продолжить аскезу, а последняя предсмертная мысль определяет последующее состояние, то ты должен попасть туда, где будут все условия для возобновления аскезы.

— Но кто сказал, что самая последняя твоя мысль будет именно о продолжении аскезы? Если ты всю жизнь прожил в ограничениях, то в момент смерти ты скорее всего будешь думать об этих ограничениях. Но мысль об ограничении на самом деле является мыслью об ограничивающем предмете, — вот отсюда и твой новый адрес.

— Значит, выполнение *садханы* (духовной практики) в этой жизни ещё не гарантирует, что ты будешь выполнять её в следующей? — Я задумался над этой нерадостной перспективой.

— Конечно, нет. Ровным счётом никаких гарантий. Таков закон действия и противодействия. Если садху строго ограничивал себя в пище в течение одной жизни, то в следующей Природа скажет ему: «Поскольку ты отказывал себе в прошлый раз, теперь ты получишь самую изысканную пищу к своему столу». Если он скитался нагим, или в тряпье, или в звериных шкурах, то в следующей жизни он будет ходить в шелках и носить золотые украшения, инкрустированные бриллиантами. Если он жил в пещере или под открытым небом, природа подарит ему дворец со всеми увеселениями. И если он связал себя обетом безбрачия и никогда не знал женщины, то в следующей жизни женщины будут преследовать его с самого детства, и он очень рано познаёт прелести секса. Всё это в равной мере относится и к женщинам.

— Каков же результат? Если ребёнок не какой-нибудь духовный вундеркинд, то он ничего не сумеет вспомнить из своей прошлой Жизни. Вместо этого он будет поглощён прекрасными чувственными объектами, которые Природа даст ему. Ма настолько великодушна, что Она никого не освобождает от мира до тех пор, пока человек сам не перестанет желать этого мира. Погружаясь в Майю, ребёнок напрочь забывает о своих прошлых стараниях, он не понимает, что его нынешняя знатность или богатство — результат его строгой или суровой жизни в прошлом. Живя роскошной жизнью, он получает свою кармическую пенсию, пока не израсходуются все его добрые кармы. После смерти все злые кармы, которые он создал, потворствуя своим желаниям за время своей бурной

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

жизни, настигнут его, и он провалится в ад. А ад — это не где-нибудь под землей или в космосе, ад — здесь. Рождение в аду — это рождение в такой утробе, в какую лучше не попадать. Только после того, как большая часть злых карм будет сожжена, душа снова получит право родиться в мире, причём вовсе не обязательно человеком. Так что будь начеку! Идя наперекор Природе, ты можешь ввязаться в крупные неприятности, даже если ты всего лишь хотел ускорить своё развитие. Нужен хороший наставник, который всё время присматривал бы за тобой.

К тому времени я уже понял, насколько силён Вималананда в эзотерических вопросах. Он поразил меня ещё при первой нашей встрече, ответив на все пункты моей анкеты (которая была мне нужна для составления доклада о практическом применении аюрведы в Пуне) прежде, чем я успел предложить её ему. Спустя несколько месяцев, когда я слишком туго затянул на себе пояс безбрачия, он показал мне, как надо привязывать к кошонке табачный лист, чтобы легче переносить тяготы воздержания (и ещё посмеивался, если меня тошнило — «Говорил я тебе!» — когда я слишком долго не снимал этот лист). Он обучал меня чётко следовать указаниям и ради этого однажды напустил на меня нестерпимо зудящую кожную сыпь после того, как в доме Шерназ я выпил стакан молока вопреки его специальному предупреждению пить только воду вплоть до особых распоряжений.

Убедившись в моём послушании, он предложил мне участвовать в некоторых его экспериментах, как, например, с пеплом от тантрической хомы в Кашмире. Он велел мне подмешивать щепотку пепла в горячее молоко по вечерам в течение одной недели, и целую неделю ровно в час ночи подокнами моей спальни собиралась свора бродячих собак и исполняла свои серенады. Как ни ругались мои лишённые сна товарищи по общежитию, никто не мог догадаться о причине появления незваных гостей. Я тоже мало что понимал, так как Вималананда, хотя и остался доволен результатом эксперимента, на мою просьбу объяснить мне его значение ответил весьма неопределённо: «Я хотел ввести тебя в некое эфирное «присутствие», что и было сделано. Твоё дело — довести работу до конца. Если хочешь знать больше, чем само «присутствие» говорит за себя, — узнаешь в своё время».

Именно потому, что я хотел поскорее закончить работу, я обратился к Вималананде, когда дух, досаждавший мне на первом курсе колледжа, вновь появился после отпуска. Гораздо позже я узнал, что студенческое общежитие было выстроено на месте христианского кладбища, но поначалу, когда дух стал являться мне через несколько месяцев после поселения, его происхождение было для меня абсолютной загадкой. Он

нападал на меня, когда я входил в то призрачное состояние между сном и бодрствованием, которое на санскрите называется «тандра», вскакивал мне на грудь и не давал те вздохнуть. Замирая от страха при первых нападениях, я вскоре понял, что моё спасение — в пробуждении. С тех пор я так и поступал. Страх перерос во враждебность, и вскоре я уже легко отгонял нахального гостя сердитым бормотанием в полусне мантры, которой меня обучил один йог. Через несколько месяцев призрак ушёл в отпуск. Когда он возобновил свои домогательства, я пожаловался Вималананде, и тот просто сказал: «Больше он не придёт». И с тех пор он больше не приходил.

Я проникся доверием к Вималананде со дня нашей первой встречи, но удаление странного духа и вызов скулящих псов окончательно убедили меня в том, что его знание эфирного мира уникально и бесподобно. Он быстро стал для меня надёжной опорой в незнакомой индийской среде. Он спас меня от официального выговора после моего столкновения с преподавателем санскрита, который постоянно отпускал колкие замечания насчёт того, что аюрведа давно отжила своё и как теория, и как практика. А когда к его искусству обращения с физическими и нефизическими сущностями добавилась блестящая эрудиция, с помощью которой он расширял горизонт моих знаний, о чём бы я его ни спросил, я поверил всем своим существом, что нашёл в Вималананде поистине бесценного друга, философа и наставника.

АЛЫЙ РУБИН

Стони так и не смогла принести жеребёнка на конном заводе Биту Карве, должно быть, потому, что тот не желал тратиться на качественный корм для неё. Поэтому в начале 1978 года Вималананда решил забрать её оттуда и отправить в другое место. Но куда? Все остальные заводчики запрашивали слишком много. Когда дела начинают идти из рук вон плохо, своё веское слово говорит Природа, а она никогда не бросала Вималананду в беде. На этот раз она приняла облик Гокулдаса Мадхавдаса — дружелюбно настроенного промышленника и хозяина скаковых лошадей. На мой взгляд, Гокулдас больше всего напоминал умудрённую опытом лягушку. Узнав о проблеме со Стони, Гокулдас решил оказать влияние на Эраха Гхасвалу, симпатичного перса, державшего на юге конный завод, чтобы тот взял к себе Стони на приемлемых условиях. Уже одно это было большой удачей, но изюминка — или, как говорят на хинди, «аромат золота» — состояла в том, что среди лошадей Эраха был Алый Рубин.

Вималананда был некогда неофициальным совладельцем Алого Рубина. Несмотря на то что он не был полноправным хозяином, он входил во все детали подготовки лошади на протяжении всей её беговой карьеры. В результате послужной список лошади выглядел более чем впечатляюще. Рубин легко выигрывал скачку за скачкой, в том числе некоторые классические состязания. Окончив выступления, он прославился на всю Индию как первый племенной жеребец, дав многочисленное славное потомство. Даже сейчас, под старость, он по-прежнему был прекрасным производителем, и Вималананда, предвкушая любовный союз двух его несравненных четвероногих друзей, взялся без промедления за организацию встречи.

Это потребовало переговоров с Гхасвалой, который, как и мы сами, оказался пламенным поклонником шотландского виски «Блэк дог», той его разновидности, которую можно найти только в Индии. Встретившись с Эрахом за бутылкой «Блэкдога» в Бомбее, Вималананда предложил ему свои условия. Они состояли в том, что первый живой жеребёнок отходил к Вималананде, а сама Стони и всё её последующее потомство становились собственностью Гхасвалы. Ответное контрпредложение Гхасвалы заключалось в том, чтобы первый жеребёнок наполовину принадлежал ему. Вималананда соглашался отдать половину первого, но взамен требовал себе половину второго. Пообещав сообщить вскоре окончательное решение, Гхасвала укатил в Бангалор.

Я не присутствовал на той встрече и вообще не следил за развитием событий. В очередной раз приехав в Бомбей, я обнаружил, что Лело застряло на стадии телефонных переговоров. Биту настаивал, чтобы мы сегодня же сообщили ему, останется ли Стони у него до конца года. С другой стороны, Гхасвала никак не давал окончательного ответа, а его отказ означал бы, что другой возможности, кроме как оставить Стони у Биту, у нас не было. Пока Рошни и я сидели у телефона в ожидании звонка Гхасвалы, Вималананда безмятежно беседовал с дюжиной своих «духовных детей», которые часто по ветрам заходили послушать его «речи».

Меня одолевало беспокойство.

— Гхасвала до сих пор не звонил, — сказал я.

— Не суетись, — ответил Вималананда. — Вечер ещё не кончился.

— Но что ты будешь делать, если он не позвонит?

— Прежде всего я не буду ни о чём беспокоиться. Я полагаюсь Природу и надеюсь, что Она устроит что-нибудь для Стони. Я уверен, что Природа меня не подведёт.

— Ты, может быть, и не волнуешься, но я не могу найти себе мечта.

— Успокойся, сынок, всё в руках Провидения. Что суждено Стони, то с ней и будет. Я убеждён по многим причинам, что у неё хорошая судьба, и что куда бы она ни попала, она будет счастлива.

Вималананда запел *бхаджан* (религиозный гимн), а спустя 10 минут позвонил Гхасвала и сказал, что согласен принять Стони. Положив телефонную трубку, Вималананда с видом победителя взглянул на меня и, усмехнувшись, сказал:

— Природа не подвела.

«Духовные дети» посмотрели на меня со снисходительной улыбкой, словно желая сказать: «Ты сомневаешься, потому что у тебя мало веры». Я почувствовал раздражение. Хотя Вималананда иногда хвалил своих «детей» за их духовные усилия, и в их присутствии и перед другими людьми, он прекрасно видел их ограниченность. «Башермал, — задумчиво говорил он, — вот на ком держится группа. Он учится неплохо и теперь всё свободное время ездит по стране и выполняет хожу. Дело это хорошее, тут всё в порядке. Но он бы мог научиться ещё большему, если бы больше времени проводил со мной. В конце концов, именно я научил его выполнять хому. Он слишком привязался к своему маленькому знанию. То же самое относится и к Калубхаю, который всё ещё пытается произвести на меня впечатление своим знанием

астрологии. Он верит, что изобрёл беспроегрешную систему ставок на скачках, и сделался завсегдатаем на ипподроме, хотя я не раз говорил ему, что за десятилетия знакомства с миром скачек я не видел ни одной беспроегрешной системы. Он гордится своими познаниями, и иногда я бываю груб с ним, потому что не хочу, чтобы он разрушал себя. Я знаю, что причиняю ему боль, но я не могу строить из себя сахарную пилюлю с хинином внутри. Лучше я уколую его сейчас и дам ему усвоить урок, чем если потом кто-то другой проткнёт его раздутое самолюбие и причинит ему гораздо больше страданий. Доши приходит ко мне в основном для того, чтобы поразить меня своими так называемыми духовными достижениями и духовным опытом, а Харшбхай и некоторые другие — чтобы получить всевозможные жизненные выгоды: женить сына, выдать дочь, поднакопить денег, расширить производство. Натварлалу я не советовал жениться, так как ему не суждено быть счастливым в браке. Но родственники стали давить на него, рисуя ужасные картины одинокой жизни. Наконец он сдался и прибежал ко мне за благословением. Что я мог сказать ему? Я сказал: «Вперёд!» Теперь он является ко мне с жалобами на семейные проблемы и на здоровье. У него всегда было слабое зрение, а теперь, когда он постоянно теряет семя, его глаза ослабевают ещё быстрее. Но что я могу поделать? Я дал ему совет, но он не послушался. Семейная жизнь — это как деревянная *ладду* (конфета в форме шарика): если ты её раскусываешь, у тебя рот полон осколков, а если нет, то ты всю оставшуюся жизнь гадаешь, какова же она на вкус. Далее Бхогилал. Он действительно очень хорошо выполняет садхану, а жениться он не может, даже если захочет, потому что у него нет денег. Он дружит с одним добрым садху, который постоянно советует ему бросить свою дурацкую работу, которая едва позволяет ему сводить концы с концами, и уйти в ашрам. В ашраме он был бы сыт, одет, обут и мог бы весь день выполнять садхану. Что может быть лучше? Сам Бог говорит ему: «Иди ко мне, мальчик, мне нужна твоя садхана, я все твои заботы беру на себя». А он что? Он боится покинуть тёплый кружок своих друзей и знакомых. Кроме того, где-то в глубине души он всё ещё надеется когда-нибудь жениться. Так он и застопорился на одном месте. Он выполняет садхану, но половина его ума сосредоточена на фотографиях красоток, приколотых у него над кроватью и побуждающих его к мастурбации. Каким образом он собирается накопить шакти для духовного продвижения, если он не может воздержаться от оргазмов даже на несколько месяцев? Это разбазаривание, говорю тебе, чистое разбазаривание хороших задатков».

Та же история была и с другими «детьми», как, например, с доктором Маргандой, который приходил к Вималананде похвастаться своим знанием аюрведы. Оканчивалось, однако, тем, что он сам узнавал от

Вималананды что-то новое. Так случилось в тот день, когда он раскрыл перед носом Вималананды небольшой пластиковый конвертик с маленьким коричневым предметом внутри, означенным как «насекомое верблюжьего носа».

— Были вы когда-нибудь в Раджастане, господин доктор? — взволнованно спросил Вималананда, меня безо всякой паузы течение разговора. — Взгляни, Робби, насекомое верблюжьего носа! Каждый, кто близко знаком с верблюдами, знает, что самцы становятся практически неуправляемы, когда наступает брачный сезон. Доходя до полного иступления, самец выворачивает своё мягкое небо, так что его рот как будто всё время вывернут наизнанку, и трубит о своём мужском достоинстве на всю округу. Господин доктор, не могли бы вы воспроизвести этот звук для моего Робби? — Доктор Мартанда действительно прекрасно воспроизвёл неподобный хрюкающий звук, неистово мотая головой из стороны в сторону. Я видел, что Вималананда едва сдерживает улыбку.

— В этот момент, — продолжал Вималананда, — нужно лупить его что есть мочи по голове и по шее, пока он не успокоится. Иначе он сорвётся с цепи и бросится топтать всех подряд, людей и животных. Успокоившись, он начинает чихать, и из его носа вылетает масса белых червячков. Только у самцов есть эти червяки, причём чем больше в самце его мужской силы, тем больше в нём и червей. Червяки сразу же умирают и, высыхая, превращаются в то, что ты сейчас видишь перед собой. В аюрведе мы используем их для лечения респираторных заболеваний и при нарушениях менструального цикла. Вы согласны, господин доктор? — Доктор был ошарашен до такой степени, что не мог говорить, и только согласно кивал головой. Поначалу мне тоже не очень верилось в правдивость этой захватывающей истории, но когда несколькими годами позже во время путешествия на верблюдах по пустыням Раджастана я расспрашивал сведущих людей, всё оказалось именно так, как описывал Вималананда.

Время от времени Вималананда давал понять своим «детям», что они сбиваются с пути, но они почти не обращали на это внимания, а радикально вмешиваться он не хотел. «Дай им достаточно верёвки, и они дойдут до того, что повесятся, — говорил он. — Любя меня, Природа любит и моих «детей» и много работы выполняет за них. Но они хотят, чтобы я заставил Природу решить все их проблемы. А зачем это мне? Я выполняю садхану для себя, а также на благо тех, кто любит меня, а не то, что я могу сделать для них. Вот почему мне хочется поскорее выплатить рнанубандханы этим так называемым почитателям. Они считают, что совершают нечто великое, принося мне сладости и цветы

снова и снова. Им кажется, что я должен оценить «глубину» их преданности и быть готовым к тому, чтобы сделать для них всё, что они ни попросят. Они думают, что я соглашусь стать их рабом? Ещё чего! Если они умны, они воспользуются тем, что я им предлагаю. Если нет — что ж, рассчитаемся по долгам и каждый пойдёт своей дорогой.

Парех, владелец транспортной компании, относился к небольшому числу богатых поклонников, за чей счёт обеспечивалось участие бедных в совместных обрядах. Он не претендовал на какую-то особую роль и не старался показаться лучше, чем был на самом деле. Когда Парех неожиданно присылал для нас обед, мы понимали, что что-то случилось — либо потерялся грузовик, либо предстоит сопровождение товара на сильно перегруженном самолёте. Вслед за пищей, через несколько часов, неизменно появлялся он сам и начинал массировать ноги Вималананды, рассказывая о своих заботах. Тогда Вималананда в своём астральном теле устремлялся на помощь, а массаж тем временем продолжался. Когда Парех уходил домой, он был уверен, что его неприятность скоро уйдёт в прошлое.

Несколько дней спустя после одного такого посещения мы играли в шахматы, и Вималананда сказал:

— Парех — из тех немногих умных людей, которые приходят ко мне, чтобы я для них поработал. Он и не пытается это скрыть. Он понимает, что он — проситель, и ведёт себя покорно и смиренно, что я очень ценю. Он не мешает мне выполнять работу, наоборот — помогает своим массажем. — Он сделал паузу и поставил мне красивый мат. Я беспомощно хлопал глазами, удивляясь в который раз его необычайному шахматному мастерству. Или, лучше сказать, мастерству, с которым он добывал себе мастерство. Выиграв в своё время титул чемпиона колледжа, Вималананда всё же иногда проигрывал партию-другую какому-нибудь сильному шахматисту, когда играл самостоятельно. Но когда он призывал в своё тело дух гроссмейстера — в то время как сам отправлялся с каким-нибудь астральным поручением, — он становился непобедим. Больше всего он любил, когда его «менял» Пол Морфи, который, по его словам, ныне воплотился в Бобби Фишера. Они оба предпочитали «игру слонов», при которой тонкое манипулирование этими фигурами не оставляло простора сопернику. Мне всегда было интересно наблюдать, как из, казалось бы, беспорядочно расставленных на доске фигур вдруг выстраивалось непобедимое воинство и, как ураган, сметало противника. Иногда мне удавалось ослабить его концентрацию, и пока он где-то летал по своим делам, я при помощи индийской стратегии, которая учит не ставить фигуру на незащищённое поле, выигрывал у него партию. Но такие случаи были крайне редки.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Понимаешь, Робби, — говорил он, пока я расставлял фигуры для следующей игры, — все эти свами говорят о самадхи как о высшей цели, но, по-моему, это глупость. Какая польза от самадхи, достигнутого путём сверхусилий? Да, ты действительно впадаешь в транс, но когда потом ты оказываешься на земле, то снова становишься в точности тем, кем был раньше. Этот вид самадхи стоит отдельно от повседневного бодрствования. Я думаю, что лучше удерживать осознание на этом плане, даже если ты фокусируешь основное своё внимание на другой реальности. Я вот играю с тобой в шахматы, но в то же время я могу отправиться в Америку и навестить твоих родных, либо могу посетить *Паталу* (подземный мир), либо — планету Венеру, либо — моего Гуру Махараджа, либо кого-нибудь ещё по своему желанию, и всё-таки по-прежнему сидеть здесь с тобой, как будто ничего не происходит. Полное осознание включает в себя знание того, что происходило здесь много лет назад и что произойдёт в космосе в следующем десятилетии. И при этом ты должен исправно выполнять свои функции в данной точке пространства, времени и причинности. Осознание на всех уровнях и во всех временах — вот какое просветление имеет ценность.

Осознание такого рода было особенно полезно для студентов, которые, подобно мне, обращались к Вималананде за помощью во время экзаменов. Каждый, кто пользовался этой возможностью, заканчивал сессию с неизменным успехом. Лучше всего было обратиться к нему заранее, но даже поставленный перед свершившимся фактом он, казалось, мог влиять на результат. Дочь Шерназ Арзу однажды пришла к нему после экзамена и с виноватым видом пожаловалась, что из-за нескольких глупых ошибок она не получит хорошую оценку. Вималананда слегка поругал её для вида за лёгкомыслие, а потом сказал: «Об этом не беспокойся. Подожди немного, и увидишь, что будет». После такого заверения Арзу получила высший балл по тому предмету, который знала хуже всего.

Вималананда никогда не объяснял, как ему удаются манипуляции с экзаменами, но однажды раскрыл мне способ, к которому он прибег, чтобы помочь одной своей подруге-пианистке удачно выступить на концерте. «Она любит выступать, но часто так нервничает, что сбивается. Я решил помочь ей, потому что она входит в число моих «детей». Каждая мать хочет, чтобы ребёнок блистал. А в этом случае очень помогает *чая пуруша сиддхи*. *Чая* значит тень. *Чая пуруша сиддхи* — это оживление тени при сохранении полного контроля над ней. Это не такая уж труднодостижимая сиддхи, можешь мне поверить. Обязательное условие здесь таково, что ты должен повторять мантру в определённое время дня, сидя на берегу реки. Овладев этой сиддхи, ты сможешь посылать свою

ть куда тебе угодно, и она будет для тебя работать. Например, когда подходит время выступления моей подруги, я просто посылаю на концерт свою тень, ставлю тень у неё за спиной и внушаю пианистке уверенность в себе. И тогда она играет уверенно, и концерт проходит с успехом».

Экзамены в аюрведическом колледже Пуны проводились раз в полтора года, занимали примерно три недели и состояли из десятка письменных работ на заданные темы, на каждую из которых отводилось три-четыре часа, и нескольких следовавших за ними практических контрольных заданий. В апреле 1978 года, когда жара перевалила за 40 градусов, сессия стала для меня настоящей мукой. По окончании её я отправился в Бомбей, считая, что заслужил положенный отдых. Вималананда встретил меня в прекрасном расположении духа, потому что Стони наконец понесла. Вскоре Арзу впервые оказалась в Бомбее, и Вималананда решил, что хорошо бы всем вместе поехать к Тиртхакшетре, нашим любимым горячим источникам. Арзу остановилась в доме Харшбхая, где на следующий день после прибытия, в воскресенье, её ужалила оса с внутренней стороны бедра. Стесняясь рассказать кому-нибудь о своём несчастье, она молча страдала до понедельника. А в понедельник она зашла к Вималананде, он заметил выражение боли на её лице и заставил поделиться своим секретом. «Давай-ка поправим это прямо сейчас, — сказал он. — Робби, неси сюда веник!» Я удивился: неужели он хочет веником смести боль? Я угадал. Он велел Арзу раздвинуть ноги, насколько позволял стыд, и начал нежно стегать опухшее место кончиками трав, из которых был связан веник. Арзу и я не скрывали своего удивления, ибо — *voilà!* — боль моментально исчезла и опухоль стала спадать.

Но ахоть было некогда, пора было отправляться в поход. Самый известный горячий ключ в окрестностях Бомбея находится в Ваджрешвари, недалеко от Ганешпури. А Тиртхакшетра тогда был мало кому известен, и туристы редко навевывались туда. Первые два из четырёх его бассейнов слишком горячи и годятся разве что для приготовления пищи, поэтому сразу после прибытия мы положили наш рис и дал в полотняный мешочек и оставили кипеть в бассейне #1, в то время как сами нежились в бассейне #3. Это была чудесная разрядка, за которой последовал чудесный обед. Мы неохотно возвращались в город, набрав в канистры минеральной воды, как вдруг на середине пути в машине заглох мотор. Вималананда пытался завести его снова и снова и наконец совсем посадил аккумулятор. Мы стояли посреди незнакомых джунглей, и многие километры отделяли нас от ближайшего города. Наступала ночь. Минут десять мы пытались завести машину, толкая её,

но так же безрезультатно.

Вималананда откинул капот и стал пристально смотреть на двигатель. Закрыв крышку, он выждал несколько минут. После этого он снова сел за руль и тронул ключ зажигания. Двигатель заработал как ни в чём не бывало. Мы благополучно добрались до Бомбея, как всегда спасённые «Природой». У ворот дома машина снова заглохла и на сей раз уже окончательно. Только на следующий день мы выяснили, что сгорела обмотка стартера. Вималананда послал меня сделать приношение Анджанее, сказав: «Благодаря Анджанее ты сейчас здесь, в Бомбее. Если бы не он, мы до сих пор могли торчать у обочины». Я напрямик пустился в ближайший храм Анджанеи, расположенный возле здания пожарной охраны, и воздал ему хвалы за наше недавнее спасение. Там же в храме я принёс свои благодарности Природе за то, что Она послала мне такого проводника, как Вималананда, и молил, чтобы он не оставлял меня никогда.

В июне 1978 года в нашей конюшне происходили перемены, ускоренные, быть может, приближением сезона дождей. Когда после двадцатилетнего перерыва Вималананда вновь стал держать лошадей, его первым тренером был добродушный, с совиными чертами лица сквернослов Манекджи, а первой лошастью — серый Зомарал, который принадлежал ему в равных долях с тренером. Вскоре после этого появилась Стоун Айс, а после смерти старика Манекджи обе лошади вместе с Алым Рубином перешли к сыну Манекджи Зубину, который стал их тренировать. Они оставались у него до тех пор, пока Рубина не отослали на конный завод, а когда это случилось, Зубин отказался отдать Вималананде причитающуюся ему долю, поскольку тот не числился среди «официальных» совладельцев коня. Вималананда, остро откликнувшийся на несправедливость, вспылил и сказал, что наступающий сезон в Хайдерабаде не принесёт Зубину ничего хорошего.

Когда Вималананда внезапно сообщал свои прогнозы тренерам и хозяевам, которые плохо его знали, они принимали его за пьяного или сумасшедшего, даже если эти прогнозы впоследствии сбывались. Но Зубин, рассчитывавший не на одну победу в Хайдерабаде, в достаточной мере осознал, какое влияние имеет Вималананда на Природу, когда это предсказание стало осуществляться. Через несколько месяцев после сделанного прогноза, Вималананда встретил Зубина на вечеринке в Хайдерабаде и приветствовал его словами: «Ну что, мой мальчик, как твои дела в этом сезоне?» — «В каком сезоне? — беззаботно откликнулся Зубин. — Я здесь на каникулах!» В продолжение вечера он всячески подлизывался к Вималананде, пока тот наконец великодушно не произнёс: «Я разрешаю тебе выиграть одну скачку, в самый последний

день». Зубин действительно выиграл в тот год одну скачку в Хайдерабаде, в заключительный день сезона. После этого вовсе перестал тренировать лошадей.

Таким образом лошади Вималананды оказались у некоего Аппагару. Когда годом позже Аппагару уехал тренировать в Бангалор, лошади перешли к господину М. Лафанжу, где они и пребывали к моменту моего появления. Нельзя сказать, чтобы Лафанж был плохим человеком, но он обожал дешёвизну. С самого начала он принялся экономить на корме для лошадей и на соломе, которая шла им в подстилку. Я никогда не испытывал к нему особой симпатии, но поскольку он имел подход к Вималананде, я старался относиться к нему терпимо. Однако в 1978 году лошади двух новых хозяев появились у него на конюшне, и поведение его испортилось окончательно. Тогда, с подачи изобретательного доктора Кулкарни, у нас возник новый план: перевести лошадей под опеку Техмула Анитьи, симпатичного повесы, чья очаровательная жена Диназ из всех сил старалась убедить нас, что в конюшне её мужа наши лошади будут чувствовать себя превосходно. Техмул мог получить тренерскую лицензию клуба только в том случае, если под его опекой будет находиться как минимум шесть лошадей, и с шестёркой Вималананды — Зомаралом, Эланом, Репеем, Камаалом, Тимиром и Баджаранги — он мог выполнить и даже перевыполнить это требование.

Я совершенно потерял уважение к семейству Лафанжей в то утро, когда пришёл к ним домой с просьбой лично переговорить с Вималанандой. Я хотел предупредить Лафанжа, что, отказавшись от своих неумных затей, он сможет сохранить у себя лошадей Вималананды. Дома была только его жена, которая на мой совет отвечала довольно грубо: «Мистер Лафанж не может бегать к мистеру Вималананде по первому требованию! У него есть дела и с другими хозяевами».

«Отлично», — сказал я, чувствуя себя задетым. Я подумал: «Скоро у него будет сколько угодно свободного времени для других хозяев». Я пришёл в гостиницу, где жил Вималананда, с намерением всё изложить в деталях и обнаружил, что Вималананда уже постановил переехать из мира рнанубандхан Лафанжа в кармическую среду Техмула. Свежее оскорбление миссис Лафанж давало нам подходящий повод для переезда, так что нам оставалось только разыграть роли несчастных жертв, лишённых возможности выбора: «Мы надеялись, что вы придёте, и всё уладится. Но вы были заняты с другими хозяевами».

Дело кончилось тем, что Лафанж сам поставил в нём точку. День или два спустя Рошни позвонила ему из Бомбея, и он сказал, что лошади в

Пуне в полнейшем порядке. Чистокровные лошади очень капризны, и каждая — на свой манер. Элан, к примеру, ела морковь только в тёртом виде. Тренер обязан знать и учитывать индивидуальные особенности лошадей, за это ему платят деньги. Рошни позвонила Вималананде и сообщила, что всё нормально. А вскоре после этого позвонила Арзу, которая действовала как наш разведчик в Пуне, и доложила, что на самом деле всё совершенно ненормально. За лошадьми никто не ухаживает, — сообщила Арзу, — им не дают моркови, и в стойлах не хватает соломы. Вималананда тут же снова связался с Рошни и обвинил её в том, что она покрывает Лафанжа. Рошни «рассвирепела» и стала звонить Лафанжу, но дозвонилась только до его жены, которая уверила её, что всё в полном порядке. На это Рошни обозвала мужа и жену лгунами, заявила миссис Лафанж, что мистер Лафанж отныне для неё «мертв», и бросила трубку.

Сказать индийской женщине даже в шутку, что её муж для вас мертв, — это значит оскорбить её до глубины души, поскольку такие слова воспринимаются как просьба к Природе действительно покончить с этим человеком. Будучи индийской женщиной, Рошни хорошо понимала, что миссис Лафанж захочет ей отомстить. И действительно, когда Вималананда вечером позвонил Лафанжам, чтобы разрядить обстановку, тренер отрезал: «Забирайте своих лошадей с моего двора!» Лафанж рассчитывал, что Вималананда будет просить у него прощения, после чего, удовлетворив своё самолюбие, он с видом несправедливо обиженного человека снова допустит покаявшегося Вималананду на свой конный двор. Если бы он только знал, что Техмул давно уже был готов занять его место и забрать к себе лошадей! Когда время прошло, а никаких извинений сделано не было, Лафанж понял, что потерял свою золотую жилу. Если бы Рошни не вышла из себя, лошади до сих пор могли бы оставаться у Лафанжа, так как Вималананда обычно шёл навстречу просящим с гой же готовностью, с какой делал это Притхвирадх Чаухан. Лафанж побелел как мел, когда осознал крушение своих планов, и после этого долго отказывался разговаривать с доктором Кулкарни («экий предатель!»).

Под конец драмы Вималананда приехал в Пуну. «В конце концов, у Лафанжа остаются другие хозяева, — сказал он, испуская клубы табачного дыма. — Я давно хотел сменить тренера, но жалко было вставлять Лафанжа без лошадей, поэтому я ждал. Всякий раз, когда намекал, что могу взять другого тренера, сам Лафанж или его жена приходили ко мне с жалобами на бедность и уверяли, что погибнут без моих лошадей. У меня нет ненависти к этому человеку, поэтому я не хотел его гибели. Но я очень рад, что освободился наконец от него от его мокула.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Я был у Лафанжей однажды, во время сезона 1977 года, вместе с Вималанандой. Тогда он обратил моё внимание на внушительных размеров глыбу, всю усыпанную красным порошком, называемым *синдура*, которая стояла посередине гостиной в маленькой квартире Лафанжей. «Что это? — движением бровей спросил я Вималананду. «Мокул», — шепотом ответил он. Позже он объяснил мне, что *мокул*, представляющий собой род ангела в исламе, поселяется в этой глыбе, и Лафанжи ждут от него добра, по-видимому не отдавая себе отчёта, какой вред может навлечь этот ангел, если что-то ему не понравится.

— Я рад, что освободился, — продолжал Вималананда, — ибо Лафанжи всё время просили мокула поработать на них и старались купить его взятками, предлагая ему то одно, то другое. Но их жадность ему не нравилась, и он никогда не был особенно к ним расположен, а отсюда — их вечные материальные трудности.

— То есть они сами нарываються на неприятности, ведя себя не лучшим образом с эфирным существом?

— Ещё как! Они сами не понимают, что делают. Образ мыслей мокула им совершенно чужд, и я боюсь, что они до конца своих дней будут навлекать всё новые и новые неприятности на свою голову. Я пробовал объяснить им, что надо делать, но они не послушались, или не поняли меня. Тогда я сказал, что на их месте вовсе бы избавился от него. Но они считают его своим счастливым талисманом и отказаться от него не могут. Смех и слёзы: что делать с ним — они не знают, а отцепиться от него — не хотят.

— Как малыш, тянущий собаку за хвост.

— Вот именно. Даже добрая собака начнёт кусаться, если это слишком ей надоест. И криком тут не поможешь.

— И всё это по закону кармы, если не ошибаюсь.

— А что в жизни не по закону кармы? Я очень не хотел, чтобы Лафанжи впутывали меня в свои дела, и теперь, когда Природа указала мне выход, я с удовольствием этим выходом пользуюсь. Я понимаю, что Техмул тоже не святой — ты только посмотри на его физиономию! — но он задолжал мне кое-что, раз я помог ему получить желанную лицензию. Кроме того, он неопытен, и значит, не будет слишком сильно мне мешать — по крайней мере на первых порах. Привет, Арзу!

Арзу, готовившая на кухне рис для обеда, вошла в комнату послушать последние новости лафанжевой эпопеи.

— В чём дело? Скороварка с рисом уже час стоит на плите, а мы до

сих пор не слышим никакого пошвыстывания. Не пора ли снимать?

Арзу согласилась, что уже пора, и все вместе мы двинулись в кухню попробовать, что получилось. Рис весело кипел, но нужного давления в скороварке не было.

И тут Арзу хлопнула себя по лбу:

— Ой, вспомнила! Я налила воду в кастрюлю с рисом, но забыла долить воды в скороварку. Теперь уже поздно. Всё, наверное, стгорело.

Она замахала руками и запричитала:

— Неужели я испортила скороварку? Мать же меня убьёт!

— Ну-ну, успокойся, — добродушно проговорил Вималананда и взялся за дело сам. Он отвернул крышку, и мы увидели совершенно готовый рис, испускавший облака ароматного пара. — Твой ум следил за моей речью, а не за рисом, но поскольку Природа любит меня, Она любит и моих «детей», до тех пор пока они не вырастают из своих штанишек. Но оставь эти фокусы, когда меня нет рядом, иначе тебе придётся копить на новую скороварку! Надо уметь сосредотачиваться на своей работе.

Я понимал, что замечание касается и меня. Я только что стал официальным агентом Вималананды на скачках, и большинство его дел перешло в мои руки. Они касались как конюшен, так и официальных отношений с КЗИКК. Я должен был следить за тем, чтобы на счету каждой лошади всегда было достаточно денег для уплаты ежемесячного взноса за общую подготовку, а также взноса за участие в соревнованиях. Я быстро нашёл общий язык с исполнительным персоналом клуба, а после того — с доктором Кулкарни, поскольку расчёты с ветеринаром тоже входили в мои обязанности. Хорошие отношения сложились у меня и со многими тренерами, которые, увидев, с каким старанием я работаю на Вималананду, решили, что я его деловой (и, возможно, богатый) партнёр, чьё участие, по тем или иным причинам, не объявляется во всеуслышание. Я изо всех сил поддерживал это полезное заблуждение, облегчавшее мне проникновение в скаковой мир.

Но каким необыкновенным был этот мир! Здесь были «большие» тренеры, такие как Ардешир Рустомжи, которые держали по шестьдесят лошадей (больше не разрешал клуб) и чьё влияние распространялось ещё дальше через зависящих от них «вассалов». Пройдя под руководством мастера полный курс обучения тренерскому искусству, эти толковые и, как правило, уступчивые помощники получали от шефа «взаимы» достаточное количество лошадей, чтобы по лицензии клуба открыть собственное дело. Это устраивало и хозяев, которые понимали, что хотя

официально их лошади и не находятся в конюшне шефа, он всё равно не спускает с них глаз.

Затем шли средние и мелкие тренеры, среди которых встречались весьма талантливые, но которым не хватало хороших отзывов в прессе или простого везения, чтобы пробиться в разряд больших. Некоторые из них тренировали частным порядком, то есть работали только с одним хозяином. Некоторые тренеры в прошлом были жокеями, чьё умение прищипывать и придерживать лошадей высоко котирировалось другими участниками игры. Парам Сингх, начинавший с небольших ролей, но вскоре выбившийся в «большие», мне нравился больше других тренеров этого рода. Он сам и его помощник Нусрат Хассан, тоже ставший впоследствии знаменитым, с большим уважением относились к Вималананде, а также не упускали случая перекинуться парой слов и со мной.

У основания тренерской пирамиды находятся *масалавалы*, которые испытывают удовлетворение только тогда, когда могут сделать ставку на «лонг оддс» (на аутсайдера). *Масалой* в Индии называется любая приправа из специй. Каждое блюдо подаётся со своей особой масалой, без которой оно теряет свой вкус. Точно так же и каждая лошадь требует особого «приготовления» — в виде либо специальных тренировок, либо ветеринарного ухода, либо спортивной злости. Правильно «приготовленная» лошадь — это лакомый кусочек для хозяина и тренера. Ипподромный масалавала готовит для них такие блюда, делиться которыми им не придётся ни с кем. Он работает день и ночь, распространяя правдоподобную, но неверную информацию, чтобы потом устроить пир горой для себя и своих друзей.

Масалавала идёт на всё, чтобы подготовить лошадь к выигрышу серьёзного барыша. Иногда он берёт хорошую, здоровую лошадь и в течение месяцев не даёт ей выиграть ни одной скачки, так что в конце концов она выпадает из поля зрения знатоков. Никто не рискует ставить на такую лошадь, даже если она внешне выглядит совсем неплохо. Иногда он берёт какую-нибудь давно переставшую выигрывать лошадь и постепенно приводит её в форму. Иногда, с помощью необычных методов подготовки, он экспериментирует с ущербными, невротическими или неуправляемыми лошадьми. Каковы бы ни были его излюбленные приёмы, настоящим масалавалой тренера можно назвать только тогда, когда никто, кроме него, не знает часа и дня победы его лошадей. В описываемое время лучшим масалавалой считался Мохаммед Мустафа, которому успешно помогал его сын Машаллах, или для краткости Маши. Они неизменно приветствовали меня всякий раз, как я проходил мимо, но ни разу не дали мне ни малейшего намека о своих

замыслах.

Хозяева тоже делились на крупных, средних, мелких и мельчайших, причём последние владели только долей какой-нибудь лошади. Ходили слухи, будто некоторые крупные собственники занялись скаковым бизнесом, чтобы получить налоговые льготы, так как в Индии скачки официально считались «сельскохозяйственным предприятием», которое облагалось невысоким налогом. Ни для кого не составляло секрета, что многие хозяева отмывали на скачках свои «левые» деньги, поскольку после уплаты налога со ставки все выигранные деньги становились «чистыми», то есть законными. Постоянные игроки облегчали своё налоговое бремя, открывая специальные счета у букмекеров. По счёту «1+4» он объявлял букмекеру, что желает поставить 100 рупий. Букмекер проставлял эту сумму в своей книге и брал с неё налог, но ставку рассчитывал иначе, а именно как $100+400=500$, и выплачивал выигрыш именно с этих денег. По счёту «1+9» собственник платил налог со 100 рупий, а ставил $100+900=1000$ рупий. «Дикие» игроки, рискующие сотнями и тысячами рупий в одном заезде, заключали сделки на эти суммы с частными, часто подпольными букмекерскими конторами, и выигрыш их от этого нисколько не отмывался.

Лошадей в Западной Индии разделяют на пять классов в зависимости от успеха выступлений. По достижении возраста двух лет все лошади зачисляются в класс V-A, затем, в зависимости от результатов, они либо поднимаются, либо опускаются по классам. Лучшие скакуны, постепенно поднимаясь выше и выше, доходят до I класса, так сказать, *creme de creme*¹ лошадиного общества, а неудачники опускаются в класс V-B, где попадают в руки масалавал.

Наш Тимир, к примеру, прочно закрепился в третьем классе после непродолжительного пребывания во втором, и выигрывал скачки в третьем классе на протяжении всей своей карьеры. Кроме соревнований в классах проводились так называемые классические скачки, в которых независимо от класса могла принять участие любая лошадь и продемонстрировать всё, на что она способна. Классические скачки включали индийские варианты скачек Тысячи Гиней, Двух Тысяч Гиней, Дубов, Дерби, Сент-Лежера, Поощрительный кубок КЗИКК. Большие тренеры готовили победителей классических гонок, а также держали большую часть лошадей первого класса, оставляя только ничтожные остатки высших классов тренерам средней руки. Масалавалы вели свои игры где-то в промежутке между классами V-A и V-B, изредка оказываясь в четвёртом классе.

¹ *Сливки(фр.) (Прим. пер.)*

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Двор Техмула, собравший лошадей всех классов., вскоре стал моей классной комнатой. Я смотрел, как лошади работают и отдыхают, рвутся к финишу и переходят в галоп, вольготно валяются на траве и идут образцовой рысью. Я узнал, что тренировки на песчаном газоне лучше подходят для лошадей с небольшими суставами, а плавание полезно лошадям с жёстким телосложением. Я узнал, как кормить лошадей, ухаживать за ними, чистить их стойла, лечить их суставы и кости. Я научился извлекать пользу из слухов, ругательств и болтовни — добра, которого в каждом дворе навалом. Научился видеть, не вмешиваясь, как нарастают несправедливости и обиды. Я изучал непостоянство и лживость жокеев, замышляющих, вместе с хозяином и тренером, поражение в скачке. В перерывах между моими заботами я награждал себя благоговейным созерцанием чудесной игры Природы, глядя в лучах заходящего солнца на стройные шеи, спины и крупы возвращающихся с вечерней прогулки лошадей.

Первый успех пришёл к Техмалу 15 августа 1978 года, в день тридцать первой годовщины индийской независимости. Его первым победителем стал Тимир, который, несмотря на ужасную жару, выиграл свою милню. Когда он пересёк финишную черту, разгорячённый Вималананда сказал: «Если бы Шерназ не разбудила меня прошлой ночью, Тимир выиграл бы шагом!» Шерназ пришла к нему ночью потому, что у Арзу был жар. Раздражение Вималананды объяснялось не равнодушием к Арзу, а тем простым соображением, что Шерназ в свои годы сама должна была знать, как поступать в подобном случае. Жар, оказавшийся тифозным, держался очень долго — как и предсказал Вималананда за несколько недель до того, когда узнал об одном удивительном происшествии.

В одно зловещее утро в дом Шерназ через окно залезла обезьяна и, не замеченная никем, пробралась в комнату, где спала Арзу. Рядом с кроватью стояло большое зеркало, и когда обезьяна увидела своё отражение, она приняла его за соперника. Сначала, по-видимому, она пыталась действовать на него угрозами, но поскольку угрозы давали обратный результат, то, разозлившись, она перешла к решительным действиям и нанесла противнику удар, который вдребезги разбил зеркало и сильно порезал ей руку. Спавшая глубоким сном Арзу в ужасе проснулась, не понимая ничего, заваленная битым стеклом и забрызганная кровью обезьяны, которая неистовствовала тут же, в двух шагах от её кровати. Когда спустя некоторое время эту историю передали Вималананде, он был немногословен: «Для здоровья Арзу это очень плохой знак. Я попробую предотвратить, но боюсь, что не избежать тяжёлой болезни». Так и произошло. Впрочем, потом она вполне

оправилась благодаря неустанной заботе Вималананды.

Близкое знакомство с Тимиром приносило жокеям успех. Так случилось и с Хоми Мехта — молодым, талантливым и увлечённым наездником, который сделался полноправным жокеем после того, как выиграл свой 40-й старт на спине Тимира. Тимир стал всеобщим любимцем. Хотя он и бывал временами вспыльчив, в целом он вёл себя очень достойно. Большинство самцов, от которых не ожидают победы в классических скачках, рано подвергаются кастрации. Это помогает держать их в узде. Тимир избежал этой участи, поскольку оказался «хитрейшим из хитрых»: его яички не опускались в мошонку. Кроме того, жеребцов кастрировали с той целью, чтобы не давать им выплескивать энергию через мастурбацию, которая становилась неискоренимой привычкой у некоторых из них. Именно так произошло с Репеем, на которого в начале сезона 1978-79 годов Вималананда возлагал большие надежды.

У Репея были две необычные черты: во-первых, он спал не стоя, как большинство других лошадей, а каждый вечер сооружал себе уютную соломенную постель. Второй необычной чертой была его чрезмерная предрасположенность к мастурбации.

Многие лошади Вималананды имели за собой те или иные грешки на почве секса. Кобылица Элан, вернувшись с завода, часто приходила в такое сильное возбуждение от соседства статных молодых жеребцов, что начинала хлестать себя хвостом по интимным местам и истекать влагой. Конечно же, она сразу теряла интерес к работе. Но случай с Репеем перевернул наши представления об изобретательности лошадей. Все нормальные лошади (по крайней мере в Индии) мастурбируют о какой-нибудь удобный предмет: дверь стойла, перила ограды или что-нибудь в этом роде. Доктор Кулкарни, перевидевший едва ли не все лошадиные трюки, столкнувшись с Репеем, был озадачен сверх меры. «Я просто не поверил, — говорил он Вималананде, — когда конюх сказал мне, что Репей сосёт свой собственный член. Но я пошёл и убедился в этом сам. Мы хотели отвлечь его соской, но он не обращал на нас внимания до тех пор, пока не довёл себя до оргазма. И это стало у него ежедневной привычкой. Я знаю, что вы не любите кастрировать своих лошадей, но боюсь, что другого выхода в этом случае у вас нет». Но даже несмотря на это категорическое заявление специалиста, Вималананда отказывался от роковой процедуры. Он велел конюху продолжать борьбу с вредной привычкой сначала с помощью резинового кольца, которое надевалось на член и препятствовало эрекции, а затем с помощью горьких трав, которые привязывались к члену и при попадании в рот вызывали гамму неприятных вкусовых ощущений. Ни то и ни другое, однако, не

сработало, и крайне разочарованный Вималананда вынужден был признать правоту доктора Кулкарни.

В этот период нашей жизни, когда проблемы семени выдвинулись на первый план, Вималананда решил расширить рамки предмета и поговорить о природе и значении семени, а также последствиях его непродуктивной растраты.

— Тебе должно быть известно, — начал он однажды вечером после посещения непокорного Репея, — что слово *шукра* означает на санскрите семя.

— Да, я знаю, — ответил я.

— А ты знаешь, что *шукра* — это ещё и название планеты Венера?

— Да. А ещё в текстах говорится, что Венера — гуру *асуров*. Поэтому её иногда называют *Шукрачарьей* («Венера-учитель»). Это те самые асуры, которые враждуют с дэвами? Те, кого иногда называют демонами?

— Те самые.

— Про которых говорят, что они живут под землей, в Патале?

— Это не совсем так. Патала находится на другом плане существования, на астральном. Асуры — это в некотором роде вырождающаяся раса астральных существ. Дэвы, ещё одни астральные существа, доброжелательно относятся к людям и помогают, если мы сумеем их как следует попросить. Асуры гораздо более эгоистичны, они умышленно пользуются даром внушать иллюзии, заставляя других поверить в то, что нужно асурам. Сейчас много говорится о «летающих тарелках», а ведь именно асуры породили эти слухи. Они любят потешаться над людьми и ставят эксперименты над нами, выдавая себя за богов. Кое-кто из обманутых даже боготворит асуров, правда, в конце концов люди сильно об этом жалеют.

Асуры ужасно любят услаждать себя мясом, сексом и алкоголем. Мне нравится называть их *шукра чарья* — «направляемые семенем», ибо они убеждены, что секс создан для наслаждения, и растрата семени впустую их ни капельки не волнует. Вот почему асуры поклоняются Брахме, богу-творцу. Венера на санскрите называется Шукрой, потому что она отвечает за сексуальность. «Шукрачарья» также может значить «семя-учитель», и это весьма удачный перевод названия этой планеты.

— А почему?

— Потому что Шукрачарья обладает *сандживини видьей*, знанием (*видья*) возвращения к жизни (*сандживини*). То есть он может воскресить

мертвеца, и делает это при помощи семени. Сандживини видья это такое мощное знание, что можно взять труп, закопать его и договориться с Матерью-Землей, что он будет лежать нетронутым в течение шести месяцев. А по окончании этого срока можно будет оживить его, причём выйдет он с той же душой, с той же личностью и с теми же кармами, которых хватит ещё на сотню лет.

— Это то, что делают некоторые садху?

— Когда для агхори приходит пора умирать, он находит человека, стоящего на пороге смерти, и входит в его тело. Эта процедура называется *пара-кайя-правеша*. Благодаря ей можно тянуть и тянуть своё существование. Но она отличается от сандживини видьи.

— Ты всё говоришь о сандживини видье, но что это в точности такое?

— Хороший вопрос. Если хочешь узнать о сандживини видье, обратись напрямую к Шукрачарье. То, что я хочу рассказать тебе сейчас, касается семени. Ты ведь слышал о клонировании? Сандживини видья — это суперклонирование, когда из одного сперматозоида выходят миллиарды существ. Но осуществить его не так-то просто.

— Сандживини видья использует в основном тонкую форму семени — оджас, а не физическую сперму. Асуры весьма практичны, и они очень заинтересованы в физическом семени, поэтому они следуют Шукрачарье. А он, в свою очередь, старается направить их интерес от физического семени к эфирному оджасу, вывести из мирского плана в более высокие области существования. Такова одна из сторон вечной игры учителя с учеником.

— Сандживини видья интересуется меня из-за той роли, которую она играет в происшествиях, случившихся много-много лет назад. Их отзвуки чувствуются до сих пор, так что слушай внимательно! Асуры уязвлены тем, что дэвам позволено управлять Вселенной, они вступают в заговоры и ведут войны против дэвов, мечтая свергнуть их с космического престола. Но все войны кончаются одинаково: сначала дэвы терпят поражения, затем они обращаются за помощью к какому-нибудь высшему существу, Шиве или Вишну, и уже с Его помощью одерживают победу.

— А почему дэвы сначала всегда проигрывают? Что с ними не так? Они ведь сильнее?

— Они чересчур добродушны, и даже благодушны. Они легко удовлетворяются достигнутым, и дальнейшее продвижение их мало волнует. Поэтому они уязвимы для асуров, которым всегда всего мало, которых одолевает вечная жажда нового.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Может быть, стоило вовсе избавить Вселенную от асуров, если от них столько проблем?

— Дело в том, что без асуров не может быть и дэвов. Дэвы уравновешивают асуров, и наоборот. Это естественный порядок вещей. Без асуров дэвы привели бы Вселенную к застою. В ней никогда бы ничего не менялось, потому что дэвы — сторонники сохранения статус кво. А асуры — сторонники перемен. Дэвы меняются только тогда, когда асуры понуждают их к этому. Но асуры — существа эгоистичные, и если бы им было позволено стать хозяевами Вселенной, они бы быстро подмяли её под себя, сожрали и уничтожили. Асурам нельзя доверять власть, ибо, хотя они и способны на великие достижения, они также способны устроить великий погром. Они, как дети, могут быть и очень добрыми, и очень жестокими одновременно. Они способны на такие аскезы и подвижничество, которые дэвам и не снились, но получив путём аскезы шакти, они всегда направляют её не туда, куда надо. К счастью для нас, не всем асурам доступны столь героические садханы. Большинство из них весьма глупы. Они придерживаются правил и ограничений садханы, но только какое-то время. А затем, в силу своей прирождённой склонности к нечистоте, они распыляют накопленную с таким трудом шакти, нарушая те самые правила, которым взялись следовать. И слава Богу, что это так, иначе они захватили бы Вселенную, и это был бы настоящий кошмар!

— В войнах с дэвами у асуров есть одно характерное преимущество: каждый убитый в битве асур затем может вновь ожить. Дэвы лишены этого преимущества, поскольку их гуру Брихаспати, планета Юпитер, не обладал сандживини видьей, которая была исключительно достоянием Шукрачарьи. Дэвы понимали, что над ними висит постоянная угроза покорения асурами, до тех пор пока Шукрачарья один владеет этим знанием, поэтому они прибегли к уловке. Они послали сына Брихаспати Качу к Шукрачарье, чтобы он вызнал у него секрет сандживини видьи.

— Придя в город асуров, Кача рассказал Шукрачарье о своём желании выучиться сандживини видье. Собравшиеся асуры стали протестовать и требовать, чтобы Шукрачарья отказался. Они понимали, что если Кача овладеет видьей, дэвы будут использовать её в борьбе против них. Но Шукрачарья сказал им: «Я никогда не отказываю тем, кто приходит ко мне за знанием. Дэвы и так унизились до того, что послали сына своего наставника ко мне. И он будет учиться». Асуры затихли. Они боялись возражать своему учителю, ведь он питал их энергией, с помощью которой они могли наслаждаться самыми ценными для себя и приятными вещами: хорошим угощением, хорошим вином, войной и сексом. Они ничего не высказали ему в лицо, но принялись роптать у него за спиной.

— Кача оказался столь блестящим учеником, что на него обратила внимание дочь Шукрачарья Деваяни, которая вскоре полюбила его. Отец одобрял выбор дочери, так как он знал, что её любовь к Каче чиста. Слово *кача* означает пояс безбрачия, который надевает на себя ученик на время обучения, когда положено воздержание. Поэтому когда я говорю, что вскоре Кача и Деваяни «сочетались небесным браком», я имею в виду, что Деваяни сняла с Качи пояс безбрачия — с целомудрием в придачу. Такой поворот событий ещё больше встревожил асуров, ибо теперь их враг обручился с дочерью наставника. И тогда они решили избавиться от Качи раз и навсегда. Однажды вечером они отвели его в укромное место, убили и оставили тело на съедение волкам. Деваяни всю ночь ждала своего возлюбленного, но он не пришёл, и она сильно расстроилась. Почувствовав неладное, Шукрачарья при помощи своих йогических способностей обнаружил, что произошло убийство. И тогда, воспользовавшись сандживини видьей, он оживил Качу.

— Но асуры так просто не сдались. Они выждали подходящий момент, подстерegli Качу и снова убили его. На этот раз они истолкли его тело в порошок и порошок высыпали в море. Однако, чтобы утешить Деваяни, Шукрачарья снова оживил его.

— В третий раз асуры решили действовать наверняка. Они убили Качу, сожгли его тело и растворили пепел в чаше с вином. Это вино они преподнесли Шукрачарье, и он выпил его, как всегда воскликнув: «За победу асуров!».

— Снова заплакала Деваяни, не дождавшись любимого. На сей раз Шукрачарья пытался урезонить её словами: «Дочка, асуры всё равно не дадут ему остаться в живых, и я не могу бесконечно оживлять его. Это даже лучше, что он мертв». Но она была безутешна и повторяла: «Я не могу без него жить».

— Приготовившись ещё раз использовать сандживини видью, Шукрачарья вдруг испытал потрясение, которого не испытывал ни разу в жизни: его йогический слух донес до него слова Качи: «Подожди, я внутри тебя!». Йогическим зрением он обнаружил Качу у себя в животе. Он почувствовал себя в западне. Если он теперь оживит Качу, то своим появлением из его живота Кача разорвёт его на куски, и Деваяни лишится отца. Но если он не оживит Качу, она лишится возлюбленного. Что же делать?

— Шукрачарья понял, что у него нет другого выхода, как только обучить Деваяни сандживини видье. Он начал учить её, и Кача, слушая его наставления изнутри живота, тоже узнал секрет. Когда Деваяни произнесла последнее заклинание для оживления Качи, живот

Шукрачарья лопнул, и он замертво повалился на землю. Тогда она вторично воспользовалась сандживини видьей и оживила отца. Шукрачарья посмотрел на них и сказал: «Никогда не думал, что всё так получится. Из-за глупых асуров нам пришлось переживать такие страдания. Будь они прокляты за свою глупость!»

«Я и сам виноват, — продолжал он, — ибо впал в искушение и захотел выпить вина. Желание затмило моё восприятие, иначе я заметил бы Качу в вине перед тем, как выпить. Будь проклято пьянство, из-за которого выдаются секреты, которые выдавать нельзя!»

«А ты, Кача, теперь мне как сын, ибо вновь явился на свет из моего живота. Вы мои дети. Я хочу, чтобы вы поженились».

— Кача ответил: «Но я не могу, гурудев! Ты же сам сказал, что теперь я твой сын, а брат не может жениться на сестре. Кроме того, я получил то, за чем дэвы послали меня сюда. Поэтому теперь мне пора возвращаться домой». — «Так, значит, ты любил меня только ради этой цели! — воскликнула Деваяни. — Ты обманул меня! Что же, ступай. Но знай, что я проклиная тебя, и твоё знание никогда не принесёт тебе пользы!» Кача ответил: «Пусть оно не принесёт пользы мне, но я могу передать его другим, и они им воспользуются. А за твоё проклятие и я проклянута тебя: не бывать тебе женой настоящего мудреца, женись себе на царе или принце!»

— И все их клятвы сбылись. Когда, пройдя суровые испытания, ты полон шакти, как Кача и Деваяни, всякое твоё проклятие или благословение обретает силу. Однако после произнесения проклятия ни у Качи, ни у Деваяни больше не оставалось сил, вся их шакти перешла в клятвы, и знанием сандживини видьи они уже не могли воспользоваться, даже если бы захотели. Таким образом, Шукрачарья сохранил своё знание.

— Кто виноват в этом поражении? В основном Кача. Он явился к Шукрачарье как шпион дэвов, чтобы украсть знание. Он плохо обошёлся с Деваяни. Ему нужна была не она, а знание, но он это скрыл. И зачем ему нужно было проклинать её, если он знал, что не прав? Ему надо было держать язык за зубами и принимать последствия своих действий такими, какие они есть. Но его задетое эго пожелало ей отомстить, что ещё более усугубило его вину. А теперь вопрос на сообразительность: почему и Кача, и Деваяни были так одержимы желанием проклинать, что в результате оба лишились сандживини видьи?

— Действительно, почему?

— Очень просто: Шукрачарья исказил их умы с помощью особой

сиддхи. Он заставил их проклясть друг друга. Он поступил так не из эгоистических соображений. Полюбив Качу как сына, он решил открыть знания детям. Но он видел, что они не совершенны: Каче не хватало твёрдости, а Деваяни — пронизательности, и он боялся передавать им знание, не будучи уверенным, что они правильно им воспользуются. Знание — вещь опасная. В нечистых руках оно может стать причиной несчастий и потрясений. В этой сложной ситуации Шукрачарья сделал лучшее что мог: он вынудил обоих родиться на Земле, что происходит с теми небесными существами, которые теряют свою шакти. Они будут пребывать на Земле, пока их несовершенства не исчезнут, и тогда оба вспомнят сандживини.

— На это уйдёт уйма времени.

— А разве Шукрачарья когда-нибудь спешит? У него нет ограничений по времени, поэтому он думает лишь о том, как наилучшим образом сделать своё дело. И он не обычное существо, он муни, то есть махапуруша. Кроме того, он одноглазый муни. Вторым глазом он потерял из-за *Ваманы*, аватары Вишну в виде карлика-брахмана.

— И как же это случилось? — Мне очень хотелось знать, чем вариант Вималананды будет отличаться от канонического текста.

— Ты помнишь, что однажды асуры и дэвы принялись сбивать Молочный Океан, чтобы получить *амриту*, нектар бессмертия. На стороне дэвов, возглавляемых Брихаспати, тогда стоял Вишну. Он помог дэвам разгромить асуров, убить их царя Бали и украсть всю амриту. Это была карма, за которую дэвам впоследствии пришлось платить. Будучи гуру асуров, Шукрачарья был также и гуру их царя. Оживив Бали при помощи сандживини, он снабдил его силой, достаточной, чтобы в отместку покорить дэвов. И когда Бали праздновал победу, хранитель космоса Вишну ничего не мог сделать, чтобы выручить дэвов. Да и что он мог? Он нарушил своё обещание, данное во время сбивания Океана, — помочь асурам обрести свою часть амриты, ради которой они так усердно старались. За это он поплатился своим правом помочь дэвам. Карма есть карма, у неё нет фаворитов, даже среди богов.

— Но чтобы восстановить дхарму, Вишну должен был как-то вернуть управление космосом дэвам, и он сделал вот что. Родившись на Земле в виде своей аватары *Ваманы*, он сразу же отправился к Бали, который жил в Бхаруче (современное название — Бхригукачча) на северном берегу священной реки Нармады.

— Как раз в это время Шукрачарья уговаривал Бали совершить великую жертву, которая укрепила бы его в качестве хозяина Вселенной. В конце каждой жертвы обычно приносятся благодарности брахманам, а

Вамана излучал вокруг себя такое сияние духа, что Бали решил сделать подношение этому крошечному аскету. Шукрачарья почувствовал, что Вамана был на самом деле воплощением Вишну и пришёл, чтобы отнять у него власть. Он предупредил Бали, чтобы тот ничего не давал карлику. Но Бали был непреклонен, он ответил своему учителю: «Если сам Бог является ко мне и просит меня о чём-то, разве не увеличится моя слава от того, что я ему подам? Что бы ни произошло, я хочу увидеть его в истинном виде и получить его благословения».

— Увидев непослушание ученика, Шукрачарья проклял его, пообещав ему утрату богатства и славы и падение в Паталу. Бали благосклонно выслушал проклятие учителя, а затем обратился к Вамане с предложением просить у него всё, что только угодно. Вамана ответил: «Всё, что мне от тебя надо, о Царь, — это кусок земли размером с три моих шага». — «Что за ерунду ты просишь! — воскликнул Бали. — Проси ещё!» Но Вамана стоял на своём, и Бали вынужден был согласиться на его просьбу. Чтобы скрепить своё обещание, он хотел совершить *дана врату* — дарственную клятву. Ключевой момент клятвы состоял в пролитии на землю воды. В этом случае элементы Земли и Воды становились свидетелями взятого обязательства. Эта клятва очень опасна, поскольку против нарушившего её восстают и Земля и Вода. И тогда любой водоём старается утопить тебя, а земля буквально уходит из-под ног.

— Как во время землетрясения?

— Да. Лучше вообще никогда не клясться, иначе можно оказаться в самом плачевном положении. Гораздо мудрее вести надёжную игру — делать лучшее, на что ты способен, и по мере сил исполнять свои обещания. Очень трудно всегда поступать безошибочно. Все люди ошибаются — вот почему я всегда призываю их не расстраиваться из-за своих ошибок, потому что это бесполезно. А что полезно, так это совершать разные ошибки, учиться на них и следить за тем, чтобы одна и та же ошибка не повторялась снова и снова.

— Бали ошибся, идя наперекор указанию учителя?

— По мнению Шукрачарьи — да. Но Бали решительно настроился на то, чтобы выполнить просьбу Ваманы, и уже готов был произнести свою клятву. Со своей стороны, Шукрачарья был столь же решительно настроен на то, чтобы его ученик не потерял своего царства. И в момент произнесения клятвы Шукрачарья вдруг быстро уменьшился в размерах, прыгнул в кувшин с водой и застрял в его горлышке. Когда Бали попытался вылить воду на землю, у него ничего не вышло.

— Вамана сразу понял, в чём дело. Он схватил острую травинку (эта

трава называется *дарбха*, её узкие листья столь остры, что ими легко можно порезать руку) и воткнул её в горлышко кувшина. Он попал прямо в глаз Шукрачарье, и его кровь пролилась на землю и скрепила клятву собой. И тогда Вамана увеличил своё карликовое тельце до поистине огромных размеров. Он шагнул один раз — и перешагнул всю Землю. Шагнул второй раз — и перешагнул всю остальную Вселенную. Он поглядел на Бали со своей высоты и произнёс: «Куда же мне теперь шагать? Ступить больше некуда. Ты не выполнил своего обещания». Но Бали ответил: «Нет, Повелитель, остаюсь ещё я. Ставь ногу мне на голову, и тогда ты охватишь всё». Вишну улыбнулся его находчивости и поставил ногу. Таким образом, подставив голову под ногу Вишну, Бали получил великое благословение. Вишну наградил его вечной жизнью в обмен на его клятву и дар. Бали до сих пор правит своими подданными где-то под поверхностью земли. Никто не знает, что жертвоприношение Земле есть на самом деле жертвоприношение Бали. Умиловив Бали, можно считать половину задачи выполненной. Жертва на санскрите называется *бали дана*, так как ты делаешь приношение (или *дана*, что значит «дар») Бали. Его дело принимать эти дары и в ответ оказывать свою милость, помогая людям в том, чего они хотят достичь.

Разве это не удивительно? Вишну пришёл на Землю в виде Вараха, жертвенного кабана, чтобы спасти землю от асура Хираньякши. Затем он вернулся как Нарасимха, человеко-лев, чтобы спасти Прахладу от его отца Хираньякашипу, брата Хираньякши. Наконец, он является в виде карлика Ваманы, чтобы выпросить три мира у внука Прахлады Бали. Что за рнанубандхана у него с этим семейством! И что за род, в котором столько героев!

Все они бесподобны. Бали оказался смысленнее своего гуру Шукрачарьи, когда дело дошло до дарования земли и неба. Да и часто ли сам Бог является с просьбой? На сегодняшний день — только раз за всю историю космоса. Такую возможность нельзя было упускать, и поскольку Бали ею воспользовался, он получил бессмертие.

Звонок в дверь отвлёк нас от беседы. После маленького перерыва Вималананда подытожил:

— Видишь, как трудно разобраться, что такое проклятие и что такое благословение! Когда Бали отказался подчиниться гуру, тот понял, что срок правления Вселенной для его ученика истёк. Проклятие Шукрачарьи было поэтому для Бали скрытым благословением, ибо Патала, куда учитель послал его, была для него родным домом.

— Ты хочешь сказать, что своим проклятием Шукрачарья обеспечил Бали дорогу домой, вне зависимости от исхода дела с Ваманой?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Именно так. А что же сам Шукрачарья? Что означает его выколотый глаз? Двумя глазами мы воспринимаем двойственность. В эзотерическом смысле, выколыв Шукрачарье один глаз, Вишну даровал ему видение единой Реальности. Таково было его благословение, а отнюдь не проклятие. Видишь, в какие игры любят поиграть дэвы!

— Но игры дэвов — это часть общего плана риши. Шукрачарья, сын риши Бхригу, наделил асуров такой мощью, что только Вамана, творение риши Ангираса, сумел спасти дэвов. Риши Ангирас был также отцом учителя дэвов, Брихаспати, который был достойным соперником Шукрачарьи. Так что в действительности всё это было игрой Ангираса и Бхригу.

Вималананда замолчал, и молчал довольно долго, сосредоточенно глядя в мою сторону. Затем он продолжил:

— Хороший гуру всегда старается помочь своему ученику, как Шукрачарья помог Бали. Но что, если ученик отказывается принимать помощь или совершает *гуру дроху* (оскорбление учителя или измена ему)?

Он ждал моего ответа.

— Наверное, гуру проклянёт такого ученика, как Шукрачарья проклял Бали, — предположил я.

— На самом деле гуру даже не надо утруждать себя проклятием, если ученик совершает гуру дроху, потому что само это действие работает как проклятие. В случае с Бали проклятие обернулось благословением только потому, что этим гуру был Шукрачарья, а ещё потому, что он послушался с намерением услужить Богу. Ученики, совершающие гурудроху, в большинстве своём руководствуются собственным эгоизмом, а так как они самоотжествляются со своими действиями, этот поступок действительно приобретает силу проклятия.

— Гуру дроха — страшная вещь. Врождённая слепота — одно из последствий гурудрохи в предыдущем воплощении. То же относится к депигментации кожи, которая имеет место, например, у альбиносов и больших лейкодермией (витилиго), которое на санскрите называется *швitra* («белая проказа»). Но даже люди, имеющие просто бледную кожу — этот признак может быть обусловлен влиянием Солнца в гороскопе, — тоже в прошлом получили проклятие от своих гуру. На Западе много, очень много людей с белой кожей, не так ли? Белая раса — «бледнолицы» — вот уже пять веков твердит о своём божественном превосходстве над «цветными». Они внушают нам, что мы низшие существа, потому что наша кожа темнее, чем у них. Но я думаю, что

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

низшие они сами, потому что не могут переносить солнце, ни в прямом, ни в переносном смысле. Что значит в переносном? В джотише Солнце представляет собой душу, а кто есть учитель для своего ученика, как не воплощение Верховной Души, Вечного Абсолюта? Гуру дроха так страшна, потому что она есть бунт против Реальности. Многие современные молодые индийцы сейчас стремятся найти себе пару среди белых — по-моему, это безумие.

Я машинально взглянул на свою бледную кожу.

— Неудивительно, что на Запад едут сплошь фальшивые гуру. Если ты обманул своего гуру в прошлом, то почему бы теперь ему не обмануть тебя? Что оплачено, то и получено — это и есть закон кармы.

— Но почему? Почему люди на Западе стремятся к знанию из ложных побуждений? Почему вместо гуру им достаются одни обманщики?

— Потому что большинство западных людей в глубине своей души асуры. Все небесные существа, в том числе и асуры, должны куда-то приземлиться, когда падают с небес. Многие асуры — любители потешить себя мясом, сексом и алкоголем — рождаются на Западе и продолжают это потворство плоти. И вдруг кто-то из них просыпается. Таких немного, единицы. Тогда вступает в силу эгоизм, присущий асурам. Узнав ничтожную малость, они воображают, что знают всё. Едва научившись медитировать, они называют себя гуру. Но что они знают из индийской мудрости? Да ничего! Сейчас они только начинают прикасаться к нашей духовности. Им предстоит у нас учиться ещё как минимум пятьсот лет. Дворовый пес какого-нибудь риши мог бы учить их сто лет — и то не успел бы отдать всего, что знает. Западные люди так отстали от нас в духовности, что ничего не стоит сделаться среди них звездой. Для наших так называемых свами это детские игрушки: поехать за границу и одурачить этих обезьян своим так называемым знанием. Я вот что тебе скажу: настоящий гуру поедет на Запад только тогда, когда люди там поймут, что они созрели для настоящего знания, и позовут Шукрачарью.

— И где же им искать Шукрачарью?

— Не надо никаких поисков. Когда они искренно захотят, он появится сам. Они его ученики, и он за них отвечает. Это великое благословение — быть учителем или царём асуров, в этом положении ты можешь изменять их в лучшую сторону. Но к сожалению, они легко возвращаются к своим старым привычкам, потому что их внутренняя природа неизменна. Я называю людей асурами, когда при всём своём стремлении к садхане они, кажется, не в состоянии подчиниться простейшим правилам дисциплины. Я пытаюсь им помогать, но

большинству из них ещё очень далеко до духовности, и я от них устаю.

Я подумал об одном из духовных «детей» с Запада, к которому Вималананда относился очень неплохо. Он прочитал «Упавана Виноду», посвящённый растениям аюрведический текст, в котором сообщалось, что если под деревом закопать некоторые странные предметы, то цветы или плоды дерева достигнут размеров слоньего хобота. В своём письме Вималананде он несколько пренебрежительно усомнился в действенности этого предписания. Я не усмотрел в этом «чего особенно вредоносного, но Вималананда вдруг разразился вспышкой гнева. Он потребовал, чтобы я в ответном письме посоветовал этому заблудшему типу испытать это средство на себе и отрастить себе пенис величиной с хобот слона. Расстроенный и наказанный своим *faux pas*¹ гребенок» спрашивал в следующем письме, каким образом он может вновь обрести благорасположение Вималананды. Однако Вималананда не умел сердиться подолгу и всегда с удовольствием прощал, так что отношения были немедленно восстановлены.

Прощал — но не забывал. Досадный случай с «Упавана Винодой» подлил масла в огонь его антизападного монолога.

— Отчасти проблема определяется путём, которым пошла западная культура. У Запада и Востока столько противоположных чёрт, что нечего удивляться, если люди двух половин Земли не могут понять друг друга. Например, выражению лица в индийском танце уделяется гораздо больше внимания, чем в европейском балете. Лучшие индийские танцоры могут выразить мимикой лица все оттенки чувств, не прибегая к другим частям тела. Или возьми *haute couture*². До недавнего времени символами мужской чести были усы и тюрбан. Если у жителя Раджпута сбрить усы или сорвать с него тюрбан, он не перенесёт позора и совершит самоубийство. Но теперь и мы переняли западную манеру судить всех по обуви. Каждый теперь первым делом смотрит тебе в ноги — какие туфли на тебе надеты и хорошо ли они надраены.

— А возьми секс. Мы в Индии, по крайней мере некоторые из нас, ещё не забыли, как наслаждаться сексом. И я имею в виду не только тантристов, чьи сексуальные практики как небо от земли далеки от тех глупостей, которые ваши американские «специалисты по тантрическому сексу» о них сочиняют. Наши правители тоже умели ценить в сексе изысканность. Вспомни императора Акбара: это был не просто благородный, но многосторонне развитый человек. Он изобрёл *бирьяни*, знаменитое блюдо из мяса и риса, и *джеляби*, всем известную сладость.

¹ *Faux pas* (фр.) — промах {Прим. пер.}

² *Haute couture* (фр.) — искусство моды {Прим. пер.}

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Он даже вывел свой собственный сорт манго. В некоторых районах Северной Индии до сих пор можно встретить *аам-э-акбари* и *аам-джехангири*, сорта манго, которые он вывел вместе со своим сыном. Во времена Акбара придворные садовники поливали и кормили эти деревья кровью, шафраном, марихуаной, мускусом и многими другими вещами, которые постепенно проникали в плод и придавали мякоти изумительный шафранный оттенок.

— Кровью?

— Да, для манго это лучшее удобрение. Вот куда стекается почти вся кровь с боен Деонара. Деонар — это пригород Бомбея, в котором сосредоточены крупнейшие в Азии бойни.

— Значит, съедая манго, я, возможно, пью чью-то кровь?

— Да, а съедая банан, ты, возможно ешь крысу, потому что для бананов лучшее удобрение —дохлая крыса.

У меня свело челюсти от омерзения.

— Закон кармы, милый мой, закон кармы. Как бы там ни было, плод манго с дерева Акбара дарит тебе чудесное опьянение, которого хватает на целый день. Теперь ты понимаешь, что наслаждение Акбара было столь же изысканным, как и его плоды. Желая предаться любовной игре, он половину манго оставлял у себя, а половину посылал любимой жене. Это было для неё знаком, что император вечером вызывает её к себе, и она готовилась соответствующим образом. Вечером они съедали каждый свою половину, и когда подходило время свидания, они изнемогали от томительных приливов нежной страсти. Любовная игра удавалась на славу.

— Вот каким утончённым сексом наслаждался Акбар. Найдём ли мы на Западе нечто подобное? Нет, потому что секстам стал занятием обыденным и легкодоступным. Ты видишь девушку, она тебе нравится, ты подходишь к ней и говоришь: «Как насчёт приятного времяпрепровождения?» Если она не против, вы ложитесь в постель. Никаких тебе прелюдий, никакой романтики. Секс на Западе теперь рассматривается как простая телесная функция, которую надо удовлетворять всякий раз, когда к этому есть позыв. Неудивительно, что Запад погряз в извращениях. Что остаётся от секса, лишённого таинственности и эмоциональных переживаний, кроме голого технического умения?

— Ты хочешь сказать, что в Индии мы повсюду находим образцы утончённого секса?..

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Да нет, конечно! Забудь об этом! Люди на Западе по крайней мере не так закомплексованы, как нынешние индийцы. Современные индийцы просто безнадежны, когда дело касается секса.

— Разве ты сам не говоришь всегда, что некоторых западных людей вполне можно научить правильно выполнять тантрическую садхану?

— Говорю, но вот в чём вопрос: смогут ли они достаточно долго обходиться без секса? Если нет, то о контроле над сексом не может быть и речи. Люди на Западе живут в таком темпе, что им кажется, будто всё можно сделать сразу. У них нет никакого терпения. Большинство из них полагает, что всё желания, в том числе сексуальные, должны удовлетворяться немедленно. Но утонченность не терпит спешки. Она требует времени и внимания. Она приходит постепенно и занимает своё место в любой сфере жизни, особенно в духовной и сексуальной, нужно только перестать спешить. На Западе думают, что духовные стремления удовлетворятся точно так же, как сексуальные. Неудивительно, что вместо гуру им достаются одни обманщики.

— Должно быть, у тебя есть теория, объясняющая эти различия между Востоком и Западом...

Я знал, что такая теория была.

— Причина этих культурных различий в том, что у людей на Востоке и на Западе слишком разная свабхава, то есть внутренняя природа. У западного человека есть три главные врождённые черты. Во-первых, он хочет делать деньги и заработать свой миллион. Деньги являются для него богом, тут нет никаких сомнений. Во-вторых, заработанное он хочет истратить на наслаждения. Он не видит смысла в накоплении. В-третьих, он всё рассчитывает: первый этап, второй этап, третий этап. Эти три черты показывают, почему многие на Западе путают коммерцию и духовность.

— Одного садху однажды пригласили в США. Американцу, который занимал в самолёте соседнее кресло, стало любопытно: что за бритоголовый тип в шафрановой робе сидит рядом с ним, и он спросил: «Простите, сэр, кто вы?» Садху ответил: «Как раз на этот вопрос я и ищу ответ». Американец сообразил, что наткнулся на непростого субъекта, и задал другой вопрос: «Как же вы ищете ответ?» Садху сказал: «С помощью «Ом». Американец подумал, что что-то в этом есть. Как и большинство американцев, он был неплохим бизнесменом. Во время посадки в Лондоне он позвонил в Нью-Йорк и попросил своих друзей встретить его. Самолёт снова поднялся в воздух, и американец обратился к садху: «Прошу вас, положите руку мне на голову». Садху положил руку, и американец запел: «Ом, ом, ом. Теперь я ваш ученик. Вы должны

руководить мной». Садху не знал, что и думать. В Нью-Йорке их встречала целая толпа. Бедный садху не знал, что всё это подстроено заранее. Он думал, что всё происходит естественно, и отдался потоку событий. Вскоре он уже разъезжал по стране, читал лекции, вёл группы медитации и так далее. На рынке появились наволочки «Ом», книги «Ом», конфеты «Ом» и масса других «омов».

— Поучаствовав в этом некоторое время, садху сказал своему американскому партнёру: «Что ты со мной сделал? Я то говорю сам, то выслушиваю других, мы вечно мотаемся из города в город. Я потерял покой. Я хочу назад, в Индию». «Ученик» ответил: «Но, свами, зачем же назад? На вашем счету в банке два миллиона долларов!» На это свами сказал: «Зачем мне два миллиона долларов, если я потерял покой? Будь моим главным учеником, бери все деньги и веди дело. А я поеду в Индию. Мне нужен душевный покой». Так и произошло. Один обрёл душевный покой, а другой — успешное дело, которое принесло ему много денег и наслаждение жизнью.

— Что означает хорошие кармы на его расчётном счету.

— Совершенно верно. Америка — уникальное место для снятия их со счёта, поскольку именно здесь последствия коммерциализации наиболее ощутимы. Почему? Из-за особенностей гравитации в этой части земного шара.

— Из-за особенностей гравитации?

— Да, из-за них. То, что Индия всегда была уникальным местом, объясняется здешними особенностями гравитации и отчасти качествами воды. Индия никогда не станет образцово коммунистической страной, потому что наши люди стойки по натуре. Они верят в то, что смерть ещё не конец всего, что есть другая жизнь, и поэтому в этой они не создают себе лишних проблем, не стараются слишком ради её облегчения. Если бы не вера в жизнь после смерти, мы бы давно сделались коммунистами. Во время голода в Бенгалии в 1942 году — а даже западные историки соглашаются, что этот голод был вызван искусственно, с целью потуже набить карманы нескольких богачей, — голодные люди в Калькутте обступали шикарные отели и просили пищи у тех, кто выходил из ресторана после обеда в семь или десять блюд. И никогда не было такого, чтобы голодающие, объединившись, штурмом взяли отель и добыли себе еды. Даже умирая от голода, они никогда не шли на грабёж. Почему? Они помнили закон кармы. Эти люди имели право украсть и насытиться, но они так не делали. Вот что такое Индия.

— Что же — в Индии все поголовно святые? Последний нищий — и тот святой?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Как бы не так! Мир не видывал таких злодеяний, какие совершались здесь! Тот же искусственный голод, или виша канья. Я только хочу сказать, что большинство индийцев ещё не забыли, что своими несчастьями они обязаны собственным плохим кармам в прошлом, что переживаемое страдание есть следствие предыдущих действий. Поэтому они семь раз подумают, прежде чем бороться со своей нищетой. Индия — это сберегательный банк хороших карм, по крайней мере для большинства населения. Мы верим в последующую жизнь и работаем для неё. Сегодня и Индия страдает от последствий американизации, но раньше мы предпочитали накапливать добрые кармы и использовать их только в случае крайней необходимости. Ту же философию мы прилагали и к деньгам. Даже сейчас индийцы более склонны копить, нежели тратить. Ты слышал, что по оценке одного английского экономиста, треть мирового богатства закопана в песках Раджастана? Судя по тому, что я вижу здесь, я даже сказал бы, что эта оценка занижена. Скорее всего там больше, но уж никак не меньше.

— Западные страны, и в частности Америка, — это место, где ты снимаешь хорошие кармы со своей сберегательной книжки. Можно сказать, что люди там живут на свою кармическую пенсию. Они трудились и страдали многие жизни и вот теперь пожинают плоды — и швыряют их направо и налево! Кое-кто выполняет садхану, я уверен, но сколь ничтожно число тех, кто накапливает аскезу, по сравнению с теми, кто её тратит!

— Подумай о слове «саха», что значит «терпеть», «терпеливо переносить тяготы жизни без осуждения и ропота». Поменяй местами слоги, и получится «хаса», что значит «смеяться». Если перетерпеть злые кармы в начале жизни, то можно достичь цели и беспечально жить в конце. Тогда тебе останется только радоваться и смеяться, как сумасшедшему, оттого что всё так здорово получилось.

Но если ты предашься наслаждениям в начале жизни и истратишь все добрые кармы, конец твой будет плачевным. А поскольку твои мысли на момент смерти определяют твоё будущее рождение — *анге матих са гатих* — твоя будущая жизнь тоже, по всей вероятности, окажется не сладкой. Всегда лучше перетерпеть то, что посылает судьба. В конце концов ты обязательно получишь награду, это несомненно. Но если тебе хочется посмеяться сейчас, то потом придётся плакать. Помнишь старую поговорку: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним».

— Трудно сказать, что произойдёт, когда Америка исчерпает запас добрых карм и у неё останутся только дурные. Западное общество не ведает, куда идёт. За счёт своего богатства оно купается в роскоши и

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

уничтожает животных. Бедные страны, такие как Индия, не могут себе этого позволить, по крайней мере в таких масштабах. Но настанет срок, и за всё придётся платить, и тогда Запад рухнет, истинно говорю тебе, — рухнет! Уже сегодня заметны признаки разложения. Например, телевидение — потрясающая вещь, ставшая наркотиком для миллионов. Сколько людей, прежде всего западных, находят в телевидении единственное средство подхлестнуть свои чувства! Многие люди на Западе живут как заведённые механизмы, даже любовь у них превращена в технику.

— Западные люди впали в зависимость от своих устройств и благоустройств и не представляют жизни без них, так же как мы не можем обходиться без прислуги. Люди Запада стали рабами машин. Мы же — рабы своих слуг. Они могут тиранить нас, но мы только отшучиваемся, потому что они нужны нам для выполнения нашего дела. На Западе думают, что внедрение машин решило эту проблему. Разумеется, машина не пойдёт бастовать, ей не нужны перекуры, и никакие эмоциональные проблемы не снижают её эффективности. Но в определённом смысле машины — тоже живые существа. Механизм говорит: «Итак, ты создал меня своим рабом? Прекрасно. А теперь — изволь подчиниться!» Так именно и происходит, люди становятся рабами своих машин. Это тоже закон кармы.

— Запад создал для себя нынешний технический рай. Но обошёлся он утратой многих человеческих качеств, а это куда страшнее, чем утрата жизни. Я благодарю Бога за то, что Индия до сих пор остаётся бедной отсталой страной, за то, что здесь всё ещё сохраняется человечность. Сохраняются традиции, к которым можно вернуться, сохраняется неповторимое мировоззрение, на которое можно опереться. По-моему, Индия — чудесное место для жизни. Здесь есть всё: хорошее и плохое, и ты не защищён ни от того, ни от другого. У тебя нет другого выхода, как только учиться сотрудничать с жизнью — иногда в самых тяжёлых условиях.

— Быть может, Сатурн, отвечающий за опыт, к которому мы сами отнюдь не стремимся, имеет какую-то особую связь с Индией?

— Безусловно. А почему бы и нет? Мы же поклоняемся ему как Богу. А те на Западе, кто задумывается о Сатурне, называют его дьяволом. Кого бы ты выбрал на его месте?

— Запад на протяжении десятилетий старался отвести от себя всякого рода неудобства, но в конце концов ему, как и нам, придётся учиться работать с реальностью. Сатурн заставит этим заняться. Сейчас Запад опьянен своими техническими успехами и пристрастился к своим

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

удовольствиям, но, как и положено интоксикантам, действие их не будет длиться вечно. Агхори может принимать наркотики и предаваться сексу, но он держит свои действия под контролем. Ни один хороший агхори не позволит интоксиканту взять верх над его умом. Пристрастие ко всему, кроме Бога, — это путь к ничтожеству. Пристрастие к Богу — единственная дорога к счастью.

ГОРОД ОБМАНОВ

Бомбей играл всё более важную роль в моей жизни, и я постепенно начинал понимать, почему Вималананда оставил жизнь бродячего садху, которую он вёл долгие годы, и решил снова поселиться в городе. В Бомбее сплелось множество его рнанубандхан, и только физическое присутствие позволяло развязаться с ними. Ежедневно к нему приходили просители с длинными списками желаний, но мало кто интересовался лично им или его положением. Едва ли эти люди представляли собой нечто большее, чем простое воплощение кармических долгов, старавшихся уловить его в свои сети. Участие в игре его Джайи и Виджайи (то есть Рошни и меня) ещё меньше интересовало их. К счастью, никто из них не обладал силой Санаткумары, иначе их проклятия надолго обеспечили бы Вималананду работой по спасению своих сторожевых псов от падения в Паталу. Мы с Рошни действовали различными путями, но с одной и той же целью: насколько возможно оградить Вималананду от пьющих его энергию вампиров и не дать квартире окончательно превратиться в сумасшедший дом.

Духовные «дети», за исключением Пареха, обычно приходили по вечерам. День приносил более беспокойных посетителей: музыкантов, астрологов, врачей, юристов, политиков, бизнесменов, самозванцев, бродяг, чудаков и прочих никчёмных гостей, каждый из которых надеялся выгадать что-то для себя. Здесь было много специалистов в своих областях, как например, Сайд Сахиб, араб, однажды познакомивший Вималананду с нефтяным шейхом. Я впервые увидел Сайда в доме Вималананды, когда он пришёл с двумя огромными стеклянными банками, поставил их и целый час упорно вглядывался внутрь, словно пытаясь увидеть там сумму, которую он мог выручить за продажу этих банок. Когда он наконец ушёл, я спросил Вималананду, что это за человек.

— Сайд Сахиб? Да это же гений среди жуликов! Говорят, что в тридцатые годы в Калифорнии некоторые умудрились продавать жалкий кустарник, выдавая его за цветущие апельсиновые рощи. Одни говорят, а другие делают. Сайд занимался подобными вещами прямо здесь, в Индии. Он даже красил лимоны на деревьях — для пользы дела!

— Главный свой трюк он провернул с королевской семьёй Саудовской Аравии. Кто-то из членов семьи захотел потихоньку избавиться от некоторых фамильных драгоценностей. Сайд убедил его, что легко

сумеет продать их в Бомбее, так что никто ни о чём не узнает.

— На частном самолёте они вылетели в Индию и приземлились на небольшом аэродроме к югу от Бомбея. Сайд позаботился обо всём. Высоким особам предстояло только выложить бриллианты, получить деньги и отправляться обратно. Встреча произошла на взлётной полосе: он — с чемоданом денег, и они — с набором драгоценностей. Сайд открыл чемодан, чтобы показать, что все деньги на месте и всякий обман исключён.

— И в этот момент оглушительно взвыли сирены: «Полиция!» — закричал Сайд, тогда как его сообщники на двух джипах, потрясая оружием, мчались к самолёту. Схватив драгоценности, он втиснул чемодан в руки перепуганных арабов и крикнул: «Скорее, берите деньги и улетайте!» Они так и сделали и уже в воздухе, оправившись от шока, они открыли чемодан — и что же они в нём обнаружили? Газеты! Связки газетной бумаги были аккуратно нарезаны под размер 100-рупиевых купюр и заполняли собой весь чемодан, создавая иллюзию вида и веса.

— Должно быть, они очень огорчились.

— Огорчились! Да они бы разорвали его в куски, содрав перед этим кожу, если бы знали, где его найти! Но ему повезло, он улизнул и в этот раз.

— Значит, он ещё не исчерпал всех своих добрых карм.

— Пока ещё нет.

И видимо, долго ещё не исчерпает, раз Вималананда был от него в таком восторге. У Сайда был и законный бизнес. И он всегда предлагал Вималананде часть денег, которые давал ему шейх, очарованный талантами Вималананды. Так и строились отношения: Сайд предлагал, Вималананда отказывался. Затем Сайд выжидал момент, когда Вималананда отлучался из комнаты, и прятал где-нибудь пачку денег, с тем чтобы мы нашли её позже, как подарочное пасхальное яйцо.

Другой знакомый Вималананды, Сиди Сахиб, хозяин ресторана, держал это заведение как легальную крышу для менее легальных занятий. Я благодарен Сиди Сахибу за то, что он научил меня типично бомбейской манере вежливого прикуривания, когда вы тремя пальцами подаёте сигарету или чиллум своему собеседнику. Сам Вималананда не любил, когда, испытывая его, Сиди время от времени преподносил ему таким образом марихуану или гашиш, смешанный с мышьяком, аконитом или другими ядами для усиления эффекта. Но он выкуривал смесь и некоторое время пребывал под её влиянием, а затем отсылал её вредоносное действие обратно к Сиди. В результате тот на несколько

дней попадал в больницу и временно прекращал свои испытания.

Великий почитатель Шивы, Сиди Сахиб построил возле своего ресторана храм, в котором священник каждый день совершал поклонения. Когда служителя культа уличили во *flagrante delicto*¹ с женщиной внутри храма, разразился скандал, который достиг ещё большей силы на следующее утро, когда расчлененное на куски тело священника обнаружили возле гробницы. «Шива рассердился на него за прелюбодейство и наказал его», — последовало объяснение. Про Сиди ходили слухи, что, не поладив с компаньоном, он не просто убивал его, но готовил из его тела блюда, которые затем с надлежащей филантропической помпой преподносил бедным вдовам и детским домам. Бедняки любили Сиди, полицейские ненавидели, соперники — трепетали. Для нас с Рошни он был ещё одним клоуном в цирковом представлении Вималананды.

Но я лично считал самым отвратительным персонажем этого небывалого шоу музыканта по имени Шантилал. Ему нельзя было отказать в таланте, но голос его был столь же противен, как и вся его личность, выражавшаяся на его угреватом лице, которое больше всего походило на сгнившую репу. Меня выводило из себя его высокомерное обращение ко мне. У меня портилось настроение каждый раз, когда он являлся в дом и я должен был принести ему чашку специально приготовленного чая с кардамоном. Я чувствовал унижение. Заметив моё отношение, хозяин цирка быстро ставил меня на место.

— Ты что так разволновался? — В голосе его слышалось раздражение. — У тебя такая рнанубандхана с Шантилалом, что ты должен служить ему. Ты просто отдаёшь ему долг. Что тут такого страшного? Расплатись с ним сейчас и забудь об этом, если не хочешь оттягивать на потом. Кроме того, это любопытный субъект. Подумай о нём немножко, он же ходячая больница. Сейчас его больше всего беспокоит артрит коленного сустава. Современные средства облегчают боль на несколько дней, а потом она возвращается снова. Аюрведа могла бы ему помочь, но ждать результатов пришлось бы как минимум полгода, а ждать он не хочет.

— Я помогаю Шантилалу, потому что меня тоже связывает с ним рнанубандхана. И прошлая жизнь тут ни при чём. Он помог мне в этой, когда я находился в критической ситуации, и я задолжал ему. Это было тогда, когда умер мой сын Рану, а у меня совершенно не было денег на кремацию. Шантилал только что получил деньги за выступление и, увидев моё бедственное положение, отдал мне всё без остатка. Только тогда я смог похоронить сына. Конечно, потом я вернул долг, но не могу

¹ *Flagrante delicto* (унал.) — любовная связь (Прим. пер.)

же я забыть, как он выручил меня из беды. Другой мог бы забыть, но не я. И я не могу расплатиться с ним одними деньгами, потому что он дал мне нечто большее, чем просто деньги. Даже Рану, где бы он сейчас ни был, всё ещё должен кое-что Шантилалу за помощь в избавлении от старого тела.

— Я должен отплатить Шантилалу за искреннюю любовь и участие ко мне в бедственные времена, но я не хочу брать на себя его кармы. Он заработал себе артрит главным образом из-за шлюхи, к которой повадился ходить. Он тратит на неё слишком много денег, в результате страдает его семья. Из-за слишком частого секса он теряет оджас, и его суставы ослабевают. Избыток секса обычно первым делом бьёт по коленям.

— Я пытался убедить его оставить эту женщину. Даже Природа убеждала его: однажды в постели они почувствовали сильное жжение в интимных местах, как будто их прижгли сигаретой. Но и это не помогло. Как бы там ни было, моё дело подумать о законе кармы.

Хоть я не одобряю его действий, я должен ему рна. Леча его, я эту рна ему выплачиваю. Не хочу, чтобы после смерти за мной оставались долги.

— Как быть в этой ситуации? Думаю, что лучше всего разыскать духа, у которого есть рнанубандхана с Шантилалом. Очень подошёл бы дух его отца, который умер несчастным, так как перед смертью не успел увидеться с сыном. Теперь, став эфирным духом, он может войти в тело Шантилала, так что тот даже не узнает об этом. Когда? Ближе к рассвету, пока Шантилал крепко спит. И тогда дух, как эфирное существо, может буквально «выбить» нечистоту из тела, начиная с коленных суставов. Постепенно всё тело может излечиться.

— Однако Шантилал продолжает тратить энергию со своей проституткой, поэтому артрит может вернуться. Но это уже будет его проблема. Главное, он получит то, к чему стремится, — облегчение. И отец получит то, к чему стремится, — снова быть со своим сыном. И я буду доволен, так как рассчитаюсь с этой рнанубандханой без явных действий с моей стороны.

Вималананда покачал головой.

— К сожалению, Шантилал никогда неумел извлекать пользу из общения со мной. В прошлом году я с трудом заставил его спеть для меня рагу «Кедара», а теперь он по непонятным причинам бросился посещать святые места, чего никогда раньше не делал. Он так проникся «святостью», что когда я рассказал ему о своём намерении ещё раз посетить Штаты, он воскликнул: «Зачем тебе ехать в эту страну похоти и

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

мясоедства?! Чем плохо у нас на родине?» Он забыл, сколько всего я повидал в родной стране за свою жизнь, пока он развлекался в постели с покупными девицами.

— Он не спрашивает себя, отчего это он вдруг пустился в паломничество, он слишком эгоистичен для этого. Хотя ему следовало бы об этом задуматься. Ему не хватает мозгов самому подумать о таких вещах, его голова занята мыслями о женщинах и о том, что у них спрятано под сари. Поэтому его ум силой поворачивается к Богу, так что, может быть, в момент смерти он и вспомнит Бога. Если так, то он получит шанс на хорошее перерождение — *анте матих са гатих*, — даже если скверные кармы числятся за ним в нынешней жизни.

— Значит, паломничество — неплохая вещь?

— Очень хорошая.

— Поэтому святые пускаются в странствия?

— Не только поэтому. У хорошего святого ум всегда повёрнут в направлении Бога. Святые совершают паломничество, чтобы насладиться близостью любимого божества, а также чтобы очистить святое место, где живёт их возлюбленный.

— Которое требует очищения после таких людей, как Шантилал?

— К сожалению, да. Вспомни также кражу изумрудов царя Кришнадеварьи из храма на юге.

Если появление Шантилала не доставляло мне никакой радости, то с каким восторгом встречал я у дверей старинного друга Вималананды Чоту! Обычно он проводил у нас целый день, предаваясь воспоминаниям о давно минувших временах, когда у Вималананды была молочная ферма и каменоломня. Рассказывал истории о том, как однажды Вималананда чуть было не разбился насмерть в кабине потерявшего управление грузовика, или о том, как, экспериментируя со взрывчатыми веществами, Вималананда однажды по недосмотру запустил в небо многотонную глыбу, которая, просверлив облака как пушечное ядро, приземлилась на соседнем острове.

Обычно, когда начинался бридж, Рошни в паре с Чоту играли против Вималананды с Мамрабахен. Однажды первая пара, сговорившись заранее, заказала и сыграла малый шлем. Вималананда, поначалу отнёсшийся к этому скептически, пришёл в ярость, когда тайна раскрылась. Тогда он перетасовал колоду и раздал карты. Не открывая своих карт, он перебил заказ и прекратил торговлю, после чего поднял свои карты и выложил большой шлем. «Как вам это нравится?» —

спросил он.

Чоту всегда приходил голодным, и Вималананда с радостью его кормил. Готовил он прекрасно, и дело это любил. Предлагая пищу людям, животным или растениям, он считал, что кормит своё божество. Мне запомнился монолог, который он произнёс однажды во время приготовления обеда.

— Нельзя уйти от закона кармы. Твои кармы могут сделать тебя пациентом доктора Мехты, первого хирурга Индии, а могут прописать тебе доктора Гомеса.

Эти слова были обращены к Ноту, принявшемуся было за свою обычную болтовню.

— Доктора Гомеса? — переспросил я.

— Доктор Гомес, — пояснил Чоту, — был управляющим каменоломни. Он очень хорошо справлялся с обязанностями, но был почти всегда пьян. Обычно, когда хозяин просил меня прислать к нему Гомеса, я находил его в канаве пьяным до беспамятства. Рабочих он лечил бесплатно, что было весьма выгодно для фирмы. Однако каждый его укол превращался в нарыв, так что когда мы видели слоняющихся по округе рабочих, трущих свои предплечья, мы не сомневались, что это проделки доктора Гомеса.

В это время в дверь позвонили, и в комнату впорхнула мисс Мотибахен Бамбхани, как обычно гремя посудой с обедом домашнего приготовления. Никто особенно не обращал на неё внимания, даже Вималананда, но уважение к пище подразумевает и уважение к тому, кто её готовил, и поэтому мы были вежливы с ней. Оставив обед, она ушла.

— Интересно, кого она думает таким образом надуть? — спросил Вималананда, пристально глядя на блюдо с овощами. — Она устраивает целое представление и выдаёт это за самоотверженное служение, но все знают, что у неё на уме. Она изображает целомудрие, но по её лицу видно, что она регулярно занимается сексом, вероятно, со своим другом Гинваллой.

— С ним?! — воскликнул я, не веря своим ушам. — Она же на пятнадцать, если не на двадцать лет младше, чем этот старый перс!

— О чём я и говорю. Ты думаешь, она его так безумно любит? Ничего подобного! Она держит его, потому что он ей нужен. Она соблазнила его, когда впервые принесла ему еду, и теперь он застрял в её прожорливой нижней пасти. Она думает, что и меня так же легко заманить в постель и крутить мою рукоять, куда ей захочется. Она не знает, что я сбежал от

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

куда более соблазнительных ловушек, чем у неё.

Он вздохнул.

— Не хочется хвалить самого себя, но очень немногие люди с подлинными духовными задатками могли подолгу жить в Бомбее и оставаться целыми и невредимыми. Даже лучшие садху поддавались влиянию, хотя бы чуть-чуть. А несовершенные садху, оказавшись здесь, просто гибли, гибли окончательно. Вот почему я называю Бомбей «Мохамаи Нагари», Город Обманов. Вы знаете, что земля, на которой построен Бомбей, проклята?

— Неужели проклятия и благословения могут воздействовать даже на землю и воду?!

— Могут. Более того, предание гласит, что весь Конкан, вся полоса юго-западного побережья Индии, проклята. В Восточной Индии прокляты целые районы. Река Тапти, протекающая через Сурат в Гуджарате, проклята.

— Иногда встречаются заколдованные деревни. Однажды я привёл своих друзей в одну такую деревню. Днём она была безлюдна и казалась тихой и спокойной. С наступлением ночи я начертил круг и произнёс мантру, и предупредил всех, что — что бы ни случилось! — я не несу никакой ответственности за того, кто до рассвета выйдет из круга. Ночью явились духи людей, живших в этой деревне в то время, когда на неё было наложено проклятие. Они осаждали нас всю ночь, крича: «Переступите черту и вы станете такими, как мы!» Утром моих друзей трудно было узнать. Верьте или нет, но с тех пор они никогда больше не спрашивали, кто такие духи, какова их природа и т. п.

— В случае с Бомбеем, проклятие касается каждого, кто живёт здесь. Частично это местный гравитационный эффект, частично — влияние питьевой воды, но главное — это пища. Все пищевые продукты, произведённые и приготовленные здесь, несут на себе проклятие. Люди, потребляющие эту пищу, попадают под действие проклятия и становятся жертвой обмана.

— Какое отношение имеют к этому недостатки пищи, возникающие из-за жадности фермера, посредника, торговца, равнодушия повара и забывчивости едока?

— Эти недостатки усугубляют проклятие.

— Наверное, это проклятие делает людей вроде мисс Бамбхани и Мамрабахен хуже, чем они могли бы быть.

— Естественно.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Должно быть, оно касается даже великого Чоту, — подколот я Чоту, и он замычал от обиды.

— Да, даже Чоту.

— А ты и твоя семья тоже испытали на себе это проклятие?

— Пятнадцать поколений подряд мы избегали его и горя не знали в Бомбее благодаря благословиению, данному нашему предку Сетху Сагалу Шаху, и покровительству со стороны наших личных божеств. Наша семья торговала с Китаем шёлком и серебром. Мы торговали честно, набавляя по 10% к цене в качестве прибыли. Бедность не угрожала нам до тех пор, пока у брата моего отца ум не поколебался от жадности. После этого дела пошли плохо.

— А что произошло?

— Мой отец был старшим из трёх братьев и на этом основании считался главой всего семейства. Всё шло прекрасно, пока он не унаследовал большую сумму нечистых денег от своего дяди, который накопил их под прикрытием своего легального предприятия. Вскоре один из братьев отца потребовал раздела наследства. Дело дошло до Верховного суда, и миллион рупий ушёл на судебные издержки.

— Фантастика! С грязных денег зараза перекинулась на честные деньги, которые вы добывали своим трудом! Не тот ли это случай, когда «ложка дегтя портит бочку мёда»?

— Тот самый. Хорошие деньги легко заражаются от плохих.

— И всё же, если семейство было защищено, как же ум твоего дяди вдруг стал давать сбои?

— Он попал под влияние жены Путлибаи, а она была дочерью бухгалтера. О чём ещё думает бухгалтер, как не о своей бухгалтерии? Жена так долго донимала его, чтобы он потребовал свою долю, что наконец совсем сбила его с толку, и он повздорил с братьями. Разумеется, она прежде всего старалась для себя, а вовсе не для него. Она росла в бедной семье и понятия не имела, как обращаться с деньгами. Когда в день свадьбы за ней приехала машина, она попыталась сесть на подножку вместо того, чтобы сесть внутрь, потому что никогда до этого не ездила на машине! И что она извлекла из всех этих раздоров? Дурную славу за развал и обеднение семьи. Почему я говорю «дурную славу»? Потому что данному прецеденту в суде было присвоено её имя, и даже теперь всякий, изучающий семейное право, проходит это дело, которое так и называется: дело Путлибаи.

— Я всё-таки не могу понять, почему ум твоего дяди так расстроился,

что он решил жениться на этой женщине.

— Ничто не вечно в этом мире, даже благословение святого. Срок благоденствия для нашего семейства истёк, и нам пришлось покинуть сцену. Природе нужен был предлог, чтобы положить конец нашему процветанию, и Она нашла его в лице Путлибаи. А можно сказать иначе: воспользовалась ею как своим инструментом. Но меня удивляет не это. Меня удивляет то, что мы так долго сумели продержаться в Бомбее. Пятнадцать поколений! Отчасти помогло то, что мы оставались обычными людьми — с домом, семьёй, работой. Обычному человеку проще справиться с такого рода проклятием. На садху же оно действует очень мощно. Если нам с тобой трудно уйти от вредных влияний Бомбея, то можешь себе представить, как тяжело должно быть тому, кто отверг мир и устремился к Богу.

— А вот история, которая произошла не так давно в Бомбее. Один хороший садху в горах Абу вылечил от туберкулёза женщину, и пользовался он только пеплом от своего костра. После целого года уговоров — «Пожалуйста, Махарадж, один только раз!» — он наконец согласился прийти в Бомбей, чтобы повидаться с семьёй спасённой женщины. Настоящий садху понимает, что он должен отплатить за гостеприимство, чтобы избежать негативного влияния на себя пищи, которой его угощают. Садху попросил мужа женщины, богатого торговца хлопком, запереть его в туалете на двадцать дней. По прошествии этого срока он велел торговцу скупить на рынке весь хлопок и продать его только тогда, когда получит от садху особое указание. Торговец сделал так, как сказал садху, и рынок остался без хлопка. Садху снова заперся в туалете, теперь уже на месяц — без еды, без воды, без ничего. Выйдя на тридцатый день, он велел торговцу: «Продавай!» Тот продал и получил сто миллионов рупий. Ты представляешь, что это за деньги?! Дело было почти пятьдесят лет назад, значит, на сегодняшний день это составляло бы более чем миллиард рупий (десятки миллионов долларов).

— Наш торговец от счастья сошёл с ума. Он начал кормить садху лучшей пищей, приготовленной на ги (топленом масле), и угощать его сладостями. Вскоре эта пища стала оказывать сексуально возбуждающее действие на бедного садху. И это после долгих лет одиночества в джунглях, где он питался только корнями и травами, пил только чистую воду и думать не смел о женщинах. Результатом стала любовная связь с женой торговца.

— Узнав об этом, торговец пришёл в замешательство. Обидеть садху он не мог, поскольку тот дал ему всё его богатство, но и прослыть рогоносцем ему тоже не хотелось. И он решил проявить великодушие.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Он заплатил дочери золотых дел мастера за то, чтобы она развлекала садху. Вскоре садху наслаждался уже с двумя женщинами: с женой торговца и с дочерью мастера. Он долго пробыл в лесу и, понятно, весьма изголодался по сексу.

— Эти странные отношения тянулись так долго, что торговец наконец потерял терпение. «Либо ты прекращаешь это безобразие, — сказал он садху, — либо я вызываю полицию!» Садху тоже повысил голос. «Дурак! — сказал он. — Забыл, что я для тебя сделал? Моей аскезе теперь конец, это правда, но кое-что на последнее проклятие у меня ещё осталось — быть тебе нищим!» В ту же ночь торговец превратился в нищего. Прошло немного времени, и он умер, всё так же в нищете. А садху ещё несколько лет жил с обеими дамами, добывая на жизнь изготовлением аюрведических препаратов. Но как с садху с ним было покончено. И всё потому, что он пришёл в Бомбей в Кали-югу.

— И многие садху потерпели крушение здесь, в Бомбее. Это похоже на качели: садху хочет взлететь повыше, но закрепиться наверху трудно, и его всё время тянет назад. Но главная причина — в его простодушии. Обмануть садху совсем нетрудно. Он начинает вести себя как ребёнок, как дурачок или как демон, и его, как зверька, легко можно заманить в ловушку, особенно если начать кормить. Хитрые люди пользуются этим. Стоит немного подумать об этих вещах, и невольно задаёшься вопросом о пище.

— Каким вопросом?

— А зачем вообще животным и людям нужно есть, если еда такое опасное занятие? Почему бы им не жить, как растениям, получающим всё своё питание от солнца?

— Видимо, на то существуют объективные причины, — предположил я. — Нельзя за короткое время получить от солнца столько энергии, чтобы покрыть ею такой объём движения, какой мы наблюдаем у животных. А вообще-то я не знаю.

— Во что бы мы превратили закон кармы, если бы прекратили питаться? А без кармы и рнанубандханы как бы продолжалась игра? Это ведь сущностные черты мироздания. Понимаешь ли ты, насколько глубоко рнанубандхана проникла в нашу жизнь? Взгляни на эту краску на стене. Даже она имеет рнанубандхану со мной. Когда она будет исчерпана, я сдери её или велю закрасить новой. С камнями пола тоже есть связь. Как можно уразуметь всё это, не прибегая к закону кармы? Или вообрази себе муху, которая рождается, для того чтобы через несколько минут умереть. Какая карма заставила её войти в жизнь на столь ничтожный промежуток времени? Какая карма заставила её

родиться вообще? Но всё становится на свои места, когда ты принимаешь в расчёт рнанубандхана.

— И не нужно себя обманывать, будто растения не создают карму. Чем, по-твоему, занимаются их корни? Впитывая воду, они уничтожают, может быть, миллионы бактерий. Всякое живое существо подчиняется закону кармы, за исключением человека, который научился совсем обходиться без пищи — как без пищи для верхнего рта, так и без пищи для нижнего, я имею в виду — гениталий. Такое существо называется *ваю ахари*. Он оживёт одним воздухом и получает прану непосредственно от солнца и атмосферы. Однако прежде чем достичь этого уровня, нужно есть, а еда — это карма, равно как и добывание продуктов питания.

— Так что же делать? — Я почувствовал полное бессилие перед всемогуществом закона кармы.

— Для начала всегда старайся есть с людьми, которые должны тебе пищу — в кармическом смысле. Отдать долг деньгами очень просто. С такой рна можно быстро покончить. Но как можно вообще возвращать долги пищи? Если эта пища попала в твой организм и превратилась в ткани твоего тела, разве можно потребовать её назад? Отдав такой долг, сам станешь банкротом.

— Ослабишь свою шакти — ты это имеешь в виду?

— Да. Это одна из причин, почему настоящий садху старается как можно реже есть чужую пищу. По той же причине и я стараюсь не есть чужую пищу.

— А Мотибахен?

— Это другое дело. Если меня с ней связывает рнанубандхана, расчёт по которой лучше всего происходит, когда я ем её пищу, то так мне и надо поступать. Проницательный человек, который не может обойтись без пищи, принимает её только от тех, с кем его связывает соответствующая рнанубандхана. Таким образом не будут создаваться новые рнанубандханы с другими людьми, которые могли бы окутать его своим обманом. Кроме того, поступая так, ты привыкнешь только к одному виду обмана и разработаешь иммунитет против него. И ещё: разве я прошу Мотибахен, чтобы она приносила сюда свой обед?

— Нет.

— Вот видишь. Я стараюсь питаться самостоятельно, и готовлю, как только у меня появляется настроение. Домашняя пища всегда предпочтительнее, для всех. Вот откуда в Бомбее *дхабавалы*. (Дхабавалы

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

ежедневно разносят домашние обеды сотням тысяч рабочих в Бомбее.)

— Взгляни на дхабавал, если хочешь убедиться, что можно жить в Бомбее и не пойти при этом ко дну. Тут требуется некоторое усилие воли, и дхабавалы это усилие делают. Они никогда не бастуют, и не было ни единого случая, чтобы кто-нибудь из них приставал к женщине, у которой берёт обед. Почему так? Потому что они поклоняются Виттхале. Богослужение отнимает у них всё свободное время. Если ум целиком наполнен Виттхалой, как может его потревожить какая-либо грязная мысль?

— Я люблю бывать у Рошни, и не в последнюю очередь потому, что мне нравится, как она готовит. Я хожу к ней, когда у меня нет настроения готовить самому. Её блюда вкусны и не возмущают мой ум. Почему? Потому что она очень серьёзно относится к своей садхане. Готова еду, она повторяет мантру, а это наполняет пищу чудесными духовными вибрациями. Кроме того, она кормит меня из любви ко мне, а не ради того, чтобы извлечь из меня какую-то пользу, как поступает большинство других. Много было в моей жизни таких, кто хотел нанести мне вред, подобно мисс Бамбхани, но я устоял и держусь до сих пор. Я родился в Бомбее, я стреляный воробей.

— Но почему, — перебил я, — ты остаешься в Бомбее, если тебе приходится бороться с его проклятием и прочими неприятностями?

— О мой сын, это закон кармы, — печально ответил Вималананда. Взгляд его был устремлён вдаль. — Приходится платить кармические долги. Здесь столько всяких рна: долги родителям, учителям и даже самому знанию. Нужно отдать долг месту, в котором родился, это особый долг. Расплачусь со всеми долгами и — до свидания! Но до того я обязан быть здесь. Если камень придавил тебе ногу, ты не выдёргиваешь её резким движением, чтобы не поранить кожу. Ты аккуратно приподнимаешь камень и понемногу высвобождаешь ногу — медленно и внимательно, пока не высвободишь совсем.

— А что делать с прохожими, которые умышленно наступают на камень, пока ты вытягиваешь из-под него ногу?

— Надо быть к этому готовым. Помню, очень давно мой младший Гуру Махарадж пришёл ко мне и сказал: «Будь осторожнее, бабуджи (он всегда называл меня «бабуджи»), кто-то пытается с помощью чёрной магии тебя убить». Я такого не ожидал. Я понял, что дело плохо. В то время одна моя тетушка хотела избавиться от меня, из-за того что я был наследником. Она и раньше пыталась меня убить, и не однажды, и перепробовала много всяких средств. Но чёрная магия — это было уже слишком.

— Я сказал ему: «Махарадж, вам не стоит из-за этого беспокоиться». Он так меня любит, что всегда страшно беспокоится за мою жизнь. Но он знает, что я и сам могу позаботиться о себе, когда дело доходит до чёрной магии. Я навел справки у своих эфирных друзей, и выяснилось, что она решила за плату воспользоваться услугами Балам Бхата. Я не привык кривить душой в разговорах с людьми, поэтому я явился к Балам Бхату и просто сказал: «Балам Бхат, вы были духовником нашей семьи долгие десятилетия. Вы были во главе церемонии, когда мне давали имя, впервые обрезали волосы, приобщали к еде. И как только вы осмеливаетесь поднять на меня руку — вы, смотревший на меня как на собственного сына?!» Поначалу он всё отрицал, но я упорно стоял на своём, и тогда он взбесился и заорал что-то вроде: «Да кто ты такой?! Я прикончу тебя!» В ответ я сказал: «Ну что же, вперёд. Попробуйте», и пошёл на смашан. Своему эфирному другу я сказал: «Ты был прав. Балам Бхат хочет убить меня. Что мне делать?» Друг ответил: «Ни о чём не беспокойся. Я всё сделаю сам». И как же он с ним разделался! На следующее утро пришлось избавляться от двадцати трёх трупов: Балам Бхата и двадцати двух его родственников!

— Боже мой!..

— К несчастью, всё вышло именно так, но Балам Бхат сам попросил об этом. Кроме того, смерть помешала ему навлечь на себя карму за убийство меня.

— Но разве ты не взвалил на себя гору карм, затеяв весь этот процесс?

230

— Естественно, взвалил. Хотя я и не говорил открыто эфирному другу, что надо делать с Балам Бхатом и его семьёй, я уполномочил его на эту работу и потому несу ответственность за всё, что произошло. Но мне удалось сбросить с себя и эти кармы. Я представил их смерть как нара бали! Благодарю Господа за то, что он послал мне моих учителей! Они научили меня, что надо делать в подобных случаях.

— Значит, для тебя всё как всегда кончилось благополучно?

— А почему бы и нет? Приняв жизнь как приглашение к поединку, ты либо становишься победителем, либо погибаешь в борьбе. Чего тут бояться? Но поскольку Бомбей столь опасное место для жизни, в качестве оружия всегда лучше выбирать тонкость (*кала*), нежели грубость (*бала*). Свои рна нужно оплачивать изящно и деликатно, если не хочешь утонуть в этом болоте.

— Поэтому ты так любишь Бирбала?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Да, поэтому. Это был великий знаток тонкого обращения. Ты помнишь, что многие при дворе ненавидели Бирбала за его близость к императору. Они день и ночь составляли планы, как бы с ним покончить. Но как ни старались они застигнуть его врасплох, ему всегда удавалось перехитрить их. Однажды они донесли Акбару, что Бирбал хвастается, будто умеет читать мысли. Акбар вызвал его к себе и попросил продемонстрировать эту способность. Бирбал ответил: «Мысли вашего величества слишком тонки, чтобы такой ничтожный человек, как я, мог их прочесть. Но я знаю, что думают остальные. Они думают: «Боже правый, благослови нашего императора править нами долго и счастливо, и чтобы его славное имя стало известно повсюду!» Прав ли я, о высокие судьбы?»

— И все придворные вынуждены были признать, что Бирбал действительно умеет читать мысли.

— А что им ещё оставалось делать?

Мы засмеялись. Обед был кончен. Мы втроём перешли в гостиную, и за чашечкой чая Вималананда продолжил:

— В другой раз они решили, что разработали безошибочный план. Но он требовал соучастника, и они за огромную сумму денег подкупили придворного брадобрея. В один из дней, брея императора, брадобрей лукаво зашептал ему на ухо: «Мой повелитель, ничто не сравнится с роскошью вашего двора и с наслаждениями вашей жизни. Но хотели бы вы узнать, как отец ваш проводит свои дни на небе?» — «Что ты за дурак! — воскликнул император. — Каким же это образом я узнаю о небесной жизни моего отца?» — «Я знаю одного волшебника, — ответил брадобрей, — который может живых людей посылать на небо, чтобы они проведали своих усопших предков». Акбар в задумчивости подергал себя за усы и сказал брадобрею: «Пожалуй, устрой это дело. Пусть он прямо сейчас пошлёт кого-нибудь за новостями о моём отце». — «С величайшим удовольствием, хозяин, — откликнулся брадобрей. — Но поручение это требует человека решительного и мудрого, такого, кто сумеет правильно повести себя на небе и кто сумеет разыскать вашего отца». — «М-да, — сказал Акбар. — Кого же ты предлагаешь?» «Я мог бы предложить Бирбала, о Спаситель мира», — проговорил брадобрей. «Бирбала! — воскликнул Акбар. — Но почему Бирбала?!» — «В мире нет человека мудрее Бирбала, ваше величество, — подобострастно заговорил брадобрей. — Кого же ещё сделать послом вашего двора к престолу небесному?» «М-да, — снова сказал Акбар. — Ну что же, пошлём Бирбала. Но в чём в точности состоит этот план?» — «Мы должны, — быстро заговорил брадобрей, чувствуя, что дело идёт к успеху, —

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

поместить Бирбала в специальный дом, выстроенный на смашане. Затем мы подожжём этот дом. Бирбал же будет усердно произносить могущественную мантру, и она спасёт его от огня. Более того, она вознесёт его прямо на небеса, живым и неведимым. Я сам летал туда, и не один раз».

— Похоже, что цирюльник даже слегка переигрывал.

— У него слюнки текли при мысли о том куске, который он получит, если план сработает.

— Неужели Акбар всему поверил?

— Нет, он знал, что за человек был этот цирюльник.

— Но разве он не подумал о том, что Бирбал может сгореть заживо?

— Подумал наверняка. Но он знал также, что Бирбал умеет постоять за себя. Кроме того, он хотел хорошенько проучить всех своих завистливых министров, и ему было интересно, что же придумает Бирбал.

— На следующий день, прибыв ко двору, Бирбал был неприятно поражён поджидавшим его сюрпризом: Акбар велел ему немедленно собираться на небо. Узнав, какая миссия ему предстоит, он сразу понял, чьи это козни. Он задумался на мгновение и сказал: «Ваше величество, если за вас я готов пойти в ад, то путешествие в рай будет для меня сплошным удовольствием. Но чтобы как следует подготовиться, мне нужна крупная сумма денег». — «Можешь брать столько, сколько тебе угодно», — отвечал император. «Кроме того, перед дорогой мне нужно уладить свои семейные дела», — продолжал Бирбал. «А сколько на это уйдёт времени?» — спросил Акбар. «Три месяца», — ответил Бирбал, и три месяца были ему даны.

— Бирбал получил передышку. Деньги он отдал жене в качестве страховки на тот случай, если не сумеет выбраться. Затем он задумался над планом спасения, и решил прорыть подземный ход от своего дома до смашана. Каждую ночь он копал подземный ход и каждый день он проводил на смашане, готовя дом для своего путешествия.

— Он кончил свою работу всего лишь за несколько дней до истечения дарованного ему трёхмесячного срока, и в назначенный день он доложил императору о своей готовности. Его празднично и торжественно проводили в дом, который был построен прямо над отверстием подземного хода. Поднесли огонь, вспыхнуло пламя, и мнимый святой подобострастным голосом запел свои гимны. Бирбал не мешкая собрал кучу зелёных веток, которые вскоре испустили огромное облако дыма. Очутившись в дыму, невидимый для зрителей ни в окна, ни в дверь, он

вполз в подземный ход, закрыл за собой отверстие входа и стал карабкаться домой. Он просидел дома три месяца, прячась ото всех и не брея бороды и усов. Он пропадал так долго, что Акбар уже начинал беспокоиться, не случилось ли чего-нибудь плохого.

— Так ведь Акбар сам подверг его смертельной опасности. Надо же было как-то его проучить, правда?

— Конечно. Я уверен, что Бирбал нарочно так долго прятался, просто чтобы чуть-чуть помучить Акбара, посыпать ему соль на рану. Когда Бирбал вдруг неожиданно явился ко двору, его появление вызвало настоящий переполох. Вне себя от радости, Акбар обнял его и сказал: «Что с тобой, друг мой дорогой? Как небеса? Как рай?» — «О, — ответил Бирбал, — это было долгое и опасное путешествие, ваше величество. Но я справился с ним и вернулся обратно, чтобы обо всём доложить вам». — «Бирбал, не терзай меня, говори быстрее, как поживает на небесах мой отец?» — громко спросил Акбар, поддерживая игру. «Хорошо, очень хорошо, мой повелитель. Рай просто великолепен!» И он принялся описывать вышних ангелов во славе их и святых, предающихся райским наслаждениям. «До чего хорошо на небе, — закончил он свой рассказ. — Но вот в чём дело...» — «Что такое?» — тревожно спросил император, и все придворные замерли. «У вашего отца есть всё, что он пожелает: прекрасное угощение, изумительная одежда, очаровательные женщины, короче, все удобства. Но одна мелочь никак не даёт ему покоя». — «Да в чём же дело?!» — в нетерпении вскричал Акбар. «Он попросил меня не тревожить людей из-за этого пустяка», — тянул Бирбал, подливая масла в огонь. «Но теперь, когда мы открыли путь на небо, — заговорил Акбар, — мы можем отсюда послать ему всё что угодно!» И все придворные согласно закивали головами. «Ну тогда, — произнёс Бирбал, — ладно. Ваш отец сказал, что в раю он получает всё, чего ни попросит, за исключением разве что хорошего бритья бороды». — «Что?! — удивлённо закричал Акбар. — Неужели ни один брадобрей после смерти не попал на небо?!» — «Ни один, — ответил Бирбал. — От начала времён и по сей день».

Я перебил рассказчика:

— Какое оскорбление брадобреям!

— Что ж, Бирбал хотел рассчитаться с брадобреем его же монетой. Он сказал: «Взгляни, на кого я стал похож, мой господин. Разве не предстал бы я перед тобой гладко выбритым, если бы нашёл хоть одного брадобрея? По правде сказать, и отца-то вашего я едва узнал, так он весь зарос волосами. Он шлёт вам свои благословения и он попросил вас... если это никого не затруднит...» — «Что?! Говори сейчас же!» — взревел

Акбар. «Ваш отец попросил вас прислать ему хорошего брадобрея, если у вас есть такой на примете». — «О чём речь! — великодушно прогремел император. — В самом деле, давайте пошлём ему нашего доброго брадобрея. Он сам указал нам дорогу в рай, по которой путешествовал неоднократно, и он заслуживает того, чтобы отправиться туда вновь». Так брадобрею пришёл конец.

— Неужели Акбар его действительно сжег?

— Трудно сказать. Есть разные варианты. По одним, его сожгли, а по другим — он избежал участи шашлыка чистосердечным признанием и оставшуюся жизнь провёл в тюрьме за попытку убить Бирбала. Какова бы ни была его дальнейшая судьба, он получил хороший урок, что подкрепляет мои слова. Если бы Бирбал защищал свою жизнь силой, его враги набросились бы на него скопом и растерзали. Но он обманул их и спасся. И я позволяю себе обман, чтобы, с божьей помощью, спасти тех, кого люблю, и тех, кто любит меня.

— Ты позволяешь себе обманывать даже тех, кто сражается за тебя?

— Вопрос был явно провокационным.

— Да, даже таких, как Рошни и её семья.

Рошни, которая тем временем вернулась с работы и мирно вязала в кресле, с шутливой обидой взглянула на него поверх очков. В глазах её светилась любовь.

— Разве обман не влечёт карму?

— Карму влечёт всё. Но если ты обманываешь людей, не прибегая, говоря буквально, ко лжи, карма значительно уменьшается. Вспомни Юдхиштхиру и его *«наро ва кунджаро ва»*.

У сына Дроначарья было такое же имя, как у одного боевого слона — Ашваттхама. Во время великой войны, которая, как утверждает «Махабхарата», началась из-за того, что Дроначарья якобы объявил себя непобедимым, Кришна сделал так, что убит был слон, но при этом был пущен слух, что убит человек. Услышав эту весть, встревоженный Дроначарья пришёл к Юдхиштхире, чьё имя читалось как «правдивость», чтобы узнать, жив его сын или нет. Хотя они сражались в войне на разных сторонах, Дроначарья, бывший гуру Юдхиштхиры в военном искусстве, знал, что Юдхиштхира не сможет солгать ему. И действительно, Юдхиштхира громко ответил: «Ашваттхама мертв!» А затем, пользуясь наставлениями Кришны, шепотом произнёс: «Наро ва кунджаро ва», то есть «слон или человек». Дроначарья, слышавший только первую фразу, ошибочно заключил, что сын мертв. Боевой дух покинул его, и вскоре он был убит. Это было на руку Кришне и Юдхиштхире. Но

хоть они и соблюли букву правды, слова Юдхиштхиры имели последствия лжи. Из-за этого обмана Юдхиштхире снова пришлось шагать по земле, тогда как прежде, в силу своей нерушимой приверженности правде, он мог шагать над землей в одном футе от её поверхности. Если таково было следствие «значительно уменьшенной» кармы, то что бы случилось с Юдхиштхирой, если бы он пошёл на открытую *гуру дроху*, сообщая явную ложь в лицо своему учителю. Об этом даже думать не хочется.

— Мне вот что непонятно в этой истории, — сказал я Вималананде. — Почему карма за ложь пристала не к Кришне, а к Юдхиштхире? Ведь это Кришна заставил его нарушить личную дхарму и произнести то, что по сути своей было равносильно лжи.

— Очень просто, — ответил Вималананда. — Кришна не отождествлял себя со своим советом, а Юдхиштхира отождествил себя с обманом своего гуру. Кришна — это йогешвара, властелин и знаток йоги. Карма стекает с него, как с гуся вода. Он может придумать игру, воплотить её в жизнь, довести до конца — и всё-таки оставаться кармически не затронутым наблюдателем. Ох уж этот Кришна! Никому не под силу охватить в целом его игру!

Вималананда посмотрел на Рошни и Чоту и затем продолжил:

— Всякий раз, когда ты действуешь с самоотождествлением, мой мальчик, создаётся карма, сколь бы ни были благородны твои побуждения. И быстро нарастают рнанубандханы, когда твоя карма толкает тебя лезть из кожи вон, бежать и спасать кого-то. Уж это я очень хорошо знаю. Отец Рошни, старина Фарам, очень любил меня и заботился обо мне, а я, в свою очередь, заботился о нём. Я даже несколько раз отодвигал его смерть. Можете спросить Чоту, если не верите.

Чоту тяжело покачал головой.

— К сожалению, под конец жизни что-то случилось с его умом — Махакала, олицетворение смерти, подначивал его — и он стал подолгу спорить со мной. Но дело не в этом, а в том, что он не однажды обманывал меня. Я предупреждал его, чтобы он бросил эти опасные игры, но он снова принимался за своё. Он всегда был упрямым.

— Это продолжалось довольно долго, и вот однажды мне нужно было поехать в Дели. Я предупредил его, чтобы он не ел рыбу, говядину и свинину, пока я не вернусь в Бомбей. Он был персом, а персы едят всё подряд. Я также просил его не проклинать меня ни в коем случае, так как я знал, что для Махакалы это будет поводом, чтобы завладеть им. Ещё я

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

сказал: «Я знаю, ты не хочешь меня слушать, и собираешься есть мясо и поносить меня. Но ты не беспокойся: даже если ты умрёшь, я позабочусь о твоих детях». Я пообещал его жене и детям, что как только он умрёт, я приеду немедленно, где бы это известие меня ни застало, и взял с них обещание не трогать тело до моего возвращения. После этого я уехал.

— Окончив свои дела в Дели, я поехал на юг к одной священной горе. Женщин туда не допускают, а мужчинам разрешено восхождение только один день в году — вдень Маха Шиваратри. Восхождение начинается ранним утром, затем — богослужение в храме Шивы и быстрый спуск. Любопытным и неискренним там делать нечего.

Когда я впервые оказался у этой горы, спустя месяц после смерти Вималананды, я узнал, что не так давно в один из дней Маха Шиваратри две сотни мужчин сбились с пути и умерли от перенапряжения. Какая, должно быть, адская работа выпала на долю тех, кому пришлось стаскивать с горы такое количество трупов.

— Гора заросла непроходимыми джунглями, в которых обитает множество опасных зверей. А ещё там живёт огромных размеров слон, и мы с ним лучшие друзья. Когда бы я ни оказался там, он всегда присаживался к костру и хоботом перебирал мои волосы. Конечно, это не обычный слон. Под внешностью слона скрывается совсем другое существо.

— Итак, я сидел у костра, поддерживая с его помощью связь с «любимыми, родными и далёкими», как вдруг я увидел перед собой мёртвое тело моего друга Фарама. Потом я увидел, как он ел рыбу и обзывал меня всеми скверными именами, под конец сказав: «В жизни больше не хочу видеть его проклятого лица!» Только он это произнёс, тело его опрокинулось, и он умер. Из этого видения я заключил, что он мертв.

— А что, если видение было ложным? Ты об этом подумал?

— Огонь никогда не лжет. Эфирные существа могут случайно исказить правду, но огонь никогда тебя не обманет. Я не сомневался, что он мертв, и меня охватило отчаяние. Как я мог вовремя успеть в Бомбей на похороны и как я мог сдержать данное его детям обещание? Обещание было действием, причиной. Теперь на меня обрушилось противодействие — следствие. Я всегда был убеждён, что обещания надо выполнять. Но я сидел на вершине горы, вдали от всякой цивилизации. Я должен был дойти до дороги, дождаться автобуса, доехать до ближайшего города и только там сесть на поезд или на самолёт. На всё это потребовалось бы не менее двух дней. А меня ждали в Бомбее с минуты на минуту. Положение моё выглядело безнадежным.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Пока я мучился из-за всех этих проблем, ко мне подошёл мой слон, потрепал меня хоботом и спросил: «Что случилось?» Я объяснил, и он сказал: «Я сделаю так, что ты немедленно попадёшь в Бомбей. Но сначала пообещай мне, что не будешь воскрешать своего друга». Он знал меня хорошо. Другого выхода не было, и я пообещал. Ещё одно обещание, ещё одна карма. «Закрой глаза», — велел он. Когда я открыл их, то обнаружил себя на газоне перед домом Фарама в Бомбее. Дверь дома была открыта.

— Я был слегка обескуражен столь быстрым возвращением в Бомбей, но нельзя было терять ни минуты. Я поспешил в квартиру. Рошни встретила меня в слезах и сказала, что тело отца унесли буквально минуту назад. Под проливным дождём я побежал к Башне молчания. Спроси у Рошни, как это было.

Рошни согласно кивнула.

— По верованию персов, огонь оскверняется от соприкосновения с трупом. Своих мертвецов они не хоронят и не сжигают. Они оставляют их в особом месте, называемом Башней молчания, где трупы становятся добычей стервятников, воронов, крыс и прочих пожирателей падали. Все ритуалы совершаются до того, как тело попадёт в Башню молчания — как бы иначе попы зарабатывали себе на жизнь? — множество ритуалов, но всё равно, оказавшись на мраморных плитах внутри башни, трупы неминуемо уничтожаются хищниками.

— Согласно их традициям, если ты не перс, ты не имеешь права даже взглянуть на тело мёртвого перса после того, как совершено омовение. Я всегда был против слепого повиновения традиции, поэтому вошёл в башню. Думаю, что я до сих пор остаюсь единственным не-персом, который когда-либо входил в Башню молчания. Все были шокированы, но никто не мог мне помешать. Я подошёл к мёртвому другу, поцеловал его и сказал: «Ну что же, старина, на этот раз я не смог тебя спасти. Но ты не волнуйся, я присмотрю за твоими детьми». Священники были в ужасе, по только покашливали и обмахивались веерами так, словно их сжигал огонь. Я не обращал на них внимания. Разве можно попа воспринимать серьёзно, если он боится собственного бога?

Рошни, Вималананда и я иногда проезжали мимо Башни молчания, когда ехали обедать к Техмулу, который жил на вершине Малабарского холма. Дом Техмула был частью большого бунгало, в котором проходило детство Вималананды. Теперь на месте старого бунгало возвышается около десятка высоких новомодных домов, и только самые богатые могут себе позволить платить по 10.000 долларов в месяц за право называть Малабарский холм домом.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Обещание Фараму сделало тебя членом кармической семьи Рошни? — спросил я, стараясь уловить, как на это замечаниеотреагирует Рошни.

— Нет. — Вималананда нахмурился и усмехнулся. — Меня идо этого связывала с Фарамом сложная рнанубандхана, которая и ввела меня в круг семьи Рошни. Это было очень давно. Но обещание вынудило меня жить с этой семьёй, вместо того чтобы спасти её. А это повлекло новую серию рнанубандхан, в том числе с персами.

— Родиной наших персов была древняя Персия, которую некоторые называют *Васиштха Бхуми* («страна риши Васиштхи»). Много столетий назад риши Васиштха научил народ этой страны, как поклоняться огню, и люди веками искренне исповедовали эту веру. А примерно 1400 лет назад Халиф Омар возглавил мусульманское нашествие в Персию, и, как ты думаешь, кто помог ему овладеть страной? Зороастрийские жрецы! Они выдали ему все оборонительные секреты. А ведь в зороастрийской религии есть хорошие методы обретения сиддхи, и жрецы при помощи оккультных сил могли бы поддержать своего правителя, так что Омар никогда бы не завладел страной. Знаешь, что он сделал в первую очередь, когда покорил Персию? Он казнил всех зороастрийских жрецов, каких только смог поймать! Он был правоверным мусульманином, и как правоверный мусульманин он искренне верил в то, что все остальные религии ложны и подлежат искоренению. Немногие оставшиеся в живых жрецы сели на корабль и отплыли в Индию. Кроме Индии, им было некуда плыть: какая ещё страна захотела бы их принять? А наши двери открыты для всех: персы так персы, евреи так евреи. В Индию, как на огромную свалку, стекаются все религии, у которых нет больше своего места в мире.

— Персы осели здесь, и снова началось процветание?

— Достигнув берегов Индии, они пристали к Санджану в Гуджарате. Услышав об их прибытии, царь этой страны Джадавджи Рана послал им кубок, до краев наполненный молоком. На самом деле это было его письмо к ним. Читать его следовало так: «Царство моё уже полно народа, и для пришельцев здесь места нет».

— Что было делать? И тут одному персу, Дастуру Мехерджи Ране, пришла в голову счастливая мысль. Он взял сахарной пудры и очень аккуратно добавил её в молоко, так что не пролилось ни одной капли. Это и был его ответ царю: «Ваше величество, нас так мало, что мы растворимся в вашем народе так же легко и незаметно, как этот сахар растворился в молоке. Но, подобно сахару, наше присутствие «подсластит» вашу жизнь. Мы, как лепестки роз, одарим вас свежестью и красотой, и ничуть не будем вам в тягость». «Прочитав» это послание,

Джадавджи Рана сказал своим советникам: «У этого человека очень пронизательный ум! Такие люди в нашем государстве очень нужны. Пусть остаются!» С тех пор персы прижились в Индии. Тонкость решила всё, а не сила.

— Тебе, кажется, действительно очень нравятся персы, несмотря на все колкости, которые ты наговорил о них и об их жрецах.

— А что ему остаётся делать? — воскликнула вдруг явно взволнованная Рошни. — Теперь он член нашей семьи, он стал одним из нас.

— Тише, ты! — нежно зарычал Вималананда. — Я, может быть, и один из вас, но я никогда не стану персом, даже если захочу. Слава Богу, это невозможно. Хотя в современном мире осталось очень мало зороастрийцев, у них до сих пор запрещены обращения чужаков в свою веру. Они не отказались от своего огнепоклонничества, но очень немногие нынешние зороастрийцы питают к своему огненному богу какое-то искреннее чувство. Их жрецы забыли истинный смысл своей религии, и всё, что им осталось, — это слепое выполнение обрядов. Но они умеют вытягивать денежки из людей. Например, если перс в ходе хирургической операции теряет какую-то часть своего тела — бородавку, палец или половой член, — он должен потратить тысячи рупий на специальные церемонии, посвящённые этому кусочку плоти. А какое наисвятейшее вещество у персов? Бычья моча, обработанная особым способом, и она баснословно дорогая! Неужели всё это выдумал Заратустра? Нет, конечно, всё это проделки жрецов. Духовное сословие во всякой религии состоит из мошенников и пройдох.

— Зороастрийские жрецы извратили собственную религию. А индуистские священники? Не исказили ли они индуизм?

— Ведическая религия была *полностью уничтожена* брахманами. Разве смогли бы мусульмане разграбить Сомнатх (знаменитый храм Шивы в западно-индийском штате Гуджарат), если бы им не помогли подкупленные брахманы? Нет! Даже сейчас подавляющее большинство брахманов выполняют обряды и церемонии без малейшего понимания, что это такое и почему надо делать именно так. Смысл забыт, но собирать денежки они не забывают. За что? Да просто за то, что они брахманы. Был такой законодатель Ману, который появился гораздо позже вед, он-то и ввел всю эту схоластику насчёт превосходства брахманов. А в Ведах её нет, и не было изначально. Некогда в давние ведические времена риши Вишвамित्रа даже решил, что не нужно никаких запретов на браки между представителями разных каст — после того, как сам женился на *дасью* (внекастовое сословие). Риши Васиштва

сначала принялся возражать, но в конце концов вынужден был согласиться.

— Почему?

— Вишвамित्रа родился кшатрием и был царём, прежде чем стать риши. У него был девиз: «Победи или погибни в борьбе». А Васиштха был брахманом. Брахманы всегда предпочитают плыть по течению, ибо они — просители. Если они изменяют царю, кто их будет кормить? Это тот же самый принцип, по которому зороастрийские жрецы искали союза с Омаром. Персам всё равно, кто стоит у власти, они поддерживают любого — сначала Джадавджи Рану, затем англичан и вот теперь нынешнее правительство. Они типичные оппортунисты, и брахманы ничем не лучше. Васиштха был риши, и его не интересовали деньги, слава и прочие мирские блага, но он понимал, что нужно избегать ненужного риска. Он последовал за Вишвамитрой, а потом даже стал гуру целого сообщества дасью — зороастрийцев!

— Как я понимаю, ты не очень высокого мнения о брахманах. Но была ли от них хоть какая-то польза?

— Я провожу различие между истинным брахманом и брахманом по рождению. Вслушайся в эту санскритскую *шлоку* (стих): «В силу рождения, всякий — *шудра*, в силу самскары ты становишься *двиджей*, в силу учения ты становишься *випрой*¹, а в силу знания Абсолютного Брахмана ты становишься *брахманом*. Снова и снова склоняюсь перед истинными брахманами, познавшими Абсолют. Только благодаря им Индия стала великой духовной державой».

— Но, по-моему, тебя не очень интересует Ади Шанкарачарья.

— Хотя Шанкарачарья и был знаменитым философом и проповедником веданты, всё же он был только *джнани* (знающим о Реальности). Он не был *виджнани*, не был сиддхом. Он был великим человеком, но и ошибки его были велики.

— Все люди ошибаются.

— Да, но не все стремятся изменить мир. Сначала Шанкарачарья очень боялся Ма. Он проповедовал, что не следует боготворить шакти и что поклоняться следует только Шактиману, Хозяину шакти, Верховному Абсолюту. Он совсем позабыл, что в высшей степени невозможно Шактиману существовать без шакти. Пришлось Ма преподнести ему несколько жёстких уроков в Кашмире и Митхиле — помнишь случай с

¹ *Шудра* — работник, выполняющий самую грязную и тяжелую работу; *двиджа* — дважды рожденный; *випра* — жаждущий знаний.

Манданом Мишрой? — чтобы он сумел это понять. Ты хочешь знать, что случилось в Кашмире?

Шанкарачарья пришёл в Митхилу, чтобы бросить вызов мудрецу Мандалу Мишре. Спор вот-вот должен был закончиться победой Шанкарачарьи, но тут вмешалась жена Мишры. Она потребовала, чтобы Шанкарачарья поговорил и с ней. Она начала говорить о сексе, то есть о таком предмете, о котором девственник Шанкарачарья не знал ровным счётом ничего. Тогда он попросил объявить перерыв в споре. Во время паузы он покинул своё физическое тело, оставив его лежать в пещере, и при помощи своего астрального тела оживил труп одного недавно скончавшегося царя. Воспользовавшись этим новым телом, он отправился в царский гарем. Женщины приняли его за своего господина, воскресшего из мёртвых, и чуть было снова не заласкали его до смерти. Теперь Шанкарачарья знал о сексе всё. Он вернулся в своё тело и снова отправился в Митхилу, чтобы довершить разгром Мандана Мишры. Но жена Мишры подняла его на смех, напомнив Шанкарачарье о его обете безбрачия. Поскольку он учил, что реально только сознание, то именно сознание приняло на себя этот обет. А когда он занимался сексом, хотя и в другом теле, сознание участвовало в этом занятии. Таким образом он нарушил обет.

— Шанкарачарья гастролировал по Кашмиру, проповедуя своё учение не-двойственности и громоздя глупость на глупости, когда речь заходила о шакти. А ведь тантра в Кашмире очень сильна, это одно из любимых мест Ма на земле. Само слово Кашмир — это искажённое санскритское *Кшира Бхавани* («Молоко Ма»), то есть снег, который здесь выпадает. Для Шанкарачарьи явиться в Кашмир с пренебрежением к Ма означало играть с огнём.

— В одно прекрасное утро, когда он только собирался приступить к проповеди, к нему подошла старуха и сказала: «Сынок, перестань бранить шакти. Разве ты сам не родился от женщины?» Он стал её учить, но она исчезла.

— Та же история повторилась днём, но с женщиной средних лет. Он не послушал и её. А вечером к нему пришла совсем молоденькая девушка — обрати внимание, как с каждым появлением Она становилась всё моложе и моложе, — и сказала: «Великий Мудрец, если ты не прекратишь позорить Шакти, тебя ожидают большие неприятности». Её он тоже не послушался, и тут его внезапно прохватил мощный понос, который не прекращался до тех пор, пока он не вышел из своего умственного тупика. Что было делать Ма? Она призывала его измениться, но когда он в третий раз отказался, она поняла, что только

хорошая кармическая чистка сможет сдвинуть его с места. Лишь проглотив все горькие пилюли, которые прописала ему Ма, Шанкарачарья наконец усвоил урок. И теперь Шри Чакре, величайшей *янтре* Шакти, поклоняются во всех его монастырях.

— Но на этом Бог ещё не закончил с ним! Теперь настала очередь Шивы. Однажды Шанкарачарья мылся в Ганге в Варанаси, в родном городе Шивы, как вдруг Шива принял облик *чандалы* («тот, кто ест собачье мясо», низший из низших) и плеснул на Шанкарачарью водой. А надо сказать, что брахманы терпеть не могут, когда к ним прикасается внекастовый или что-либо, чего касался внекастовый. «Эй, чандала! — угрожающе закричал Шанкарачарья. — Смотри, куда льёшь!» Чандала ответил: «Махарадж, а что мне смотреть? Ты сам учишь, что мир и всё, что в нём находится, нереально, в том числе и наши физические тела. Стало быть, прикосновение воды к твоей плоти также нереально». Шанкара остолбенел от такого ответа, но потом он пришёл в себя и сказал: «Я имел в виду не твоё тело, а твои самсары». На это чандала ответил: «Если мои самсары связаны с моим телом, как они могут быть более реальны, чем оно? И кроме того, разве мы не купаемся в Ганге, чьи воды смывают все грехи? Если это так, то его воды должны уничтожить мои дурные самсары при первом же прикосновении». Тут только Шанкарачарья понял, с Кем имеет дело, и повалился к ногам чандалы. Так Шива преподал ему ещё один хороший урок. Шанкарачарья всё ещё проводил различие между чистотой и нечистотой, и Шива показал ему, что истинная чистота внутри.

— Надо полагать, что это одна из причин, почему он пьёт яд?

— Да. Шива пьёт яд, но не даёт яду пройти дальше гортани. Поэтому он всегда контролирует воздействие яда. Шиву называют *Нилакашпха* («Синее Горло») за то, что его горло окрасилось в синий цвет из-за выпитого им яда. Ты знаешь название яда, который он выпил во время сбивания Молочного Океана?

— Халахала.

— Слово это состоит из двух: хала и ахала.

— Что значит: «трясучий» и «нетрясучий».

— Верно. Махакала убивает тебя тряской — стряхивая с Кундалини самоотождествление с телом и умом. Если бы ты мог переносить эту тряску в любых обстоятельствах, ты бы не умирал никогда. Агхори принимают интоксиканты, чтобы научиться переносить эту тряску. Галлюцинируя или иным образом теряя власть над собой при приёме интоксиканта, знай, что интоксикант «трясёт» тебя. Твоей мантрой

должна стать *хална нахи* («никогда не поддавайся тряске»).

— Лучший способ избежать тряски — это следовать пути бхакти. Шанкарачарья же был джнани. Кое-что он знал, но забывал, что лишь Бог знает всё. Не лучше ли предать себя Богу и предоставить Ему заботу обо всём? Когда Мирабай получила от мужа яд, она первым делом предложила его своему возлюбленному Кришне, и Он превратил яд в нектар. Вот так и надо жить. И гак жил Баба Чандал Дас.

— Баба Чандал Дас? «Слуга пожирателя псов»?

— Да. Он был великим поклонником Шивы в Его образе *чандалы*. Хуже пожирателя псов и быть никого не может. Куда бы ни приходил этот святой, он кричал Шиве: «Баба Чандал Дас! Моя бхакти — твоя шакти, твоё вдохновение — моё прозрение! Так делается моя работа! Баба Чандал Дас!!!»

— Да, Баба Чандал Дас воистину был святым! Но Шанкарачарья не был Баба Чандал Дасом и знал он совсем немного — ничтожно мало по сравнению с тем, чему мог научить его Шива в виде чандалы. Главным заблуждением Шанкарачарьи были хождения по Индии ради победоносных споров.

— Почему?

— Он учил: *Брахман сат, джаган митхья*, Абсолютное истинно, Относительное ложно. Но если Относительное ложно, то, пребывая в Относительном и ведя споры, ты просто одной ложью разбиваешь другую. А какой в этом смысл? Более того, если, по его же словам, существует лишь одна Реальность, частью которой является каждый, то тогда вообще не понятно, кто с кем дискутирует? Может ли Одно спорить Само с Собой?

— Это понятно. Но ведь Шанкарачарья сочинил ряд превосходных гимнов, как, например, «Саундарья Лахари» или «Бхаджа Говиндам».

— Да, писал он прекрасно, и я ценю его работы. Но осознавал ли он ответственность за то, что пишет? Вот всего один пример. Он пишет: «Иногда родятся плохие сыновья, но плохих матерей не бывает». С эзотерической точки зрения это вполне справедливо. Переставь слоги в слове «*атма*» (душа) и ты получишь «*мата*» (мать). Душа, или атма, никогда не покидает тело, куда оно живо, а точнее — тело живо, пока в нём пребывает душа. Поэтому Атма — хорошая мать. А тело — её сын, и сын всегда плохой, потому что постоянно впутывается в *самсару*. Но каких бы зол и глупостей ни творил сын, Душа не покидает Своё чадо. Только биологическая мать может быть плохой матерью. Женщина, которая не осознаёт Ма внутри себя, — плохая мать. Так что в

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

житейском смысле Шанкарачарья ошибался, говоря, что не бывает плохих матерей. В Кали-юге плохих матерей полно, хотя плохих сыновей ещё больше.

— Я не совсем понимаю...

— Я хочу сказать: сочинитель этого стиха сам был плохим сыном. Шанкарачарья ещё мальчишкой хотел убежать из дома и принять обет *саньясы*, отречения от мира. Мать, естественно, не разрешала ему уйти и слоняться по миру. Каждая настоящая мать чувствует себя защитницей своего ребёнка, и мать Шанкарачарьи не была исключением.

— Но Шанкарачарья твёрдо решил убежать. Он был послан в мир с особой целью — установить законы саньясы, и он от рождения получил некоторые сиддхи, необходимые для выполнения его миссии. Ими он и решил воспользоваться, чтобы перехитрить свою мать. Однажды, когда они вместе спустились к реке, Шанкарачарья создал иллюзию крокодила, который схватил его за ногу и стал тянуть в воду. Крокодилы действительно очень свирепые животные. Шанкарачарья закричал что было духу: «Ма! Ма! Спаси меня! Позволь мне стать саньяси, и тогда я свободен!» Можешь себе представить ужас матери!словно нож приставили к её груди и медленно вонзали в сердце. У неё не было другого выхода, как дать ему разрешение, а ему только того и надо было.

— Он обманул её... Это очень напоминает историю Юдхистхиры и его гуру. Но как же он должен был поступить? Ведь он был обязан уйти и выполнить свою миссию, не так ли?

— Но разве нужно было обманывать собственную мать, чтобы достичь цели? Он мог бы склонить её к согласию и по-другому. Но он решил действовать силой, ускорить события и всё сделать по-своему. Этот поступок стал его личной кармой. А теперь смотри, что из этой личной кармы получилось! Его последователи стали ему подражать, и из них уже вышли и доньне выходят плохие сыновья, труссы. Они боятся принять мир таким, каков он есть, и занавешиваются от него своими шафрановыми плащами. И какую же пользу принесли Шанкарачарье сиддхи? Они помогли ему в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной — опорочили дело его жизни. А в этом и состоит разница между джнани и виджнани. Пусть это послужит тебе уроком: использование сиддхи без соблюдения строжайших мер предосторожности может иметь такие последствия, которые растянутся на сотни и даже тысячи лет.

Когда стало темнеть, в дверях появился Харшбхай, и на этом беседа прекратилась. Слушая, как этот «духовный ребёнок» излагал Вималананде планы замужества дочери, я невольно думал о

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

предостережёнии, сделанном мне Вималанандой. Свои сиддхи он использовал крайне осторожно и осмотрительно, мало-помалу высвобождая себя из рнанубандхан с такими людьми, как Харшбхай. Стараясь, с одной стороны, не свернуть себе шею, а с другой — не создавать новых карм по мере избавления от старых, Вималананда жил с той непринуждённостью и с той *joie de vie*¹, которые странным образом соседствуют с никогда не угасающей мыслью о неизбежности рокового конца. Любовь к нему Беспредельного была той благодатной почвой, на которой процветала его любовь к нам, обречённым и ограниченным, и чем настойчивее я пытался измерить глубину этой любви, тем меньше оставалось у меня надежды когда-нибудь достичь дна.

¹ *Joie de vie* (фр) — радость жизни. (Прим. пер.)

РЕПЕЙ

Самым волнующим событием весны 1979 года дня нас было появление на арене бомбейского ипподрома первенца нашей Стони — статного жеребца по кличке Редстоун. А самое неожиданное событие произошло уже в самом разгаре сезона, когда Вималананда почувствовал необходимость ещё раз воспользоваться своими сиддхи в связи с приездом мужа Шерназ и отца Арзу, которого звали Бехрам. Безо всякого предупреждения он явился в Пуну из Ирана как раз ко времени Навроза — древнего персидского праздника Нового года, который многие индийские зороастрийцы отмечают и по сей день.

Вималананда прибыл в Пуну через несколько дней после приезда Бехрама и по телефону вызвал меня в дом Шерназ. Когда я вошёл, Вималананда курил и обращался к Шерназ с увещательными речами. Увидев меня, он улыбнулся несколько циничной улыбкой и произнёс:

— И что за жизнь у меня! Я что — обязан отвечать за злые кармы всего человечества? Если бы ты знал историю этого семейства, ты бы понял, против чего я восстаю. Бехрам, этот пропойца и бабник, привык тратить на одного себя всё, что есть в доме, а если жена заикалась о деньгах, он пускал в ход кулаки. Когда дело дошло до того, что он решительно готов был бросить её и ребёнка в голоде и нищете, моё терпение лопнуло. Дождавшись, когда его не было дома, я пришёл к Шерназ и попросил её дать мне две спички. Я соединил их при помощи мантры, а ей сказал: «Возьми их себе. Если Бехрам бросит тебя, пока ты будешь хранить эти спички, я пережему собственное горло». Это случилось более двадцати лет назад, и, как видишь, они до сих пор вместе — так же, как и эти спички.

Шерназ с гордостью показала их мне.

— Времена тогда были тяжёлые, поэтому я сказал Шерназ ещё кое-что: «Каждый день в углу для молитв ты будешь находить десять рупий. Это деньги на еду для тебя и детей. Ты будешь получать их день за днём на протяжении всей своей жизни при одном условии: ты не будешь их тратить ни на что другое. День, когда ты вздумаешь использовать эти деньги на свои прихоти, будет последним». Шли годы, и десять рупий неизменно появлялись в положенном месте. Это помогало справляться с нищетой. Однако, как ни печально признать — и я говорю ей это прямо в лицо, — разум Шерназ в конце концов не устоял перед соблазном...

— Да нет же! Всё было совсем не так! Я...

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— А я говорю, что так. Не устоял. — Вималананда твёрдо пресекал попытки самооправданий. — Я знаю, что говорю, и не надо спорить со мной. Отвечай: начала ты или не начала тратить эти деньги на спиртное, на мясо, на походы в кино и тому подобную ерунду?

— Но всё это ради детей... Он снова резко перебил её:

— Тебе же сказано было, что эти деньги — на еду, так или не так?

Но она продолжала оправдываться. Вималананда, видя её упрямство, чуть повысил голос и продолжал:

— И вот однажды деньги не появились. Она пришла ко мне с жалобами, но я сказал: «Я же предупреждал тебя. Если ты сплеховала, я ничем помочь не могу. Отныне будь добра справляться самостоятельно».

— А твоя *мааси* (тетя по материнской линии), — обратился он к Шерназ. В голосе его чувствовалось раздражение. — Ты не забыла того пса, которого я подарил ей? Когда для неё и её мужа, — он снова обращался ко мне, и досада сменилась обычным повествовательным тоном, — наступили тяжёлые времена, я подарил им собаку. Всё время, пока она жила с ними, удача улыбалась им. — Затем он снова повернулся к Шерназ. — А помнишь тот день, когда твоя тетушка порезала себе вены? Что её спасло? То, что собака начала выть и на вой собрались люди.

Обращаясь ко мне, он продолжил:

— К сожалению, она или её муж однажды совершили ошибку, и собака исчезла. Она убежала от них, и никто её больше никогда не видел. Тогда они попросили у меня другую собаку. Но я на это сказал: «Было бы слишком хорошо, если бы мы получали сладенькое всякий раз, когда захотим. У вас был шанс, но вам не суждено было им воспользоваться, так что теперь выбросьте это из головы. Как бы то ни было, дело ваше сделано: преуспевание, к которому вы так стремились, достигнуто. Вот за него и держитесь».

— После того как я соединил спички и отдал их Шерназ, Бехрам получил постоянную, хотя и низкооплачиваемую работу и начал регулярно отправлять деньги семье. Затем он переехал на Средний Восток, где начал зарабатывать уже по крупному. И вот теперь, едва приземлившись здесь, он заявил, что больше ни о какой работе не может быть и речи. Он решил, что пора отдохнуть и расслабиться и вволю пожить на деньги своих детей. И он не успокоится, пока не промотает всё без остатка.

— Однако семью это не устраивает. Спроси Шерназ, Арзу, Сохраба, и

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

они хором ответят: «Шёл бы он туда, откуда пришёл!» Так что же мне теперь делать? Если я не вмешаюсь, он будет жить здесь со всеми удобствами, а их жизнь превратится в ад. Не могу же я смотреть, как страдают мои «дети»! С другой стороны, если я вмешаюсь, возникнут новые кармы. Ладно, проживём — увидим.

После этого мы вновь заговорили о скачках и лошадях. Позже вернулся домой Бехрам, и мы провели вечер за бутылкой его шотландского виски. На следующий день угощал Вималананда. Он пришёл с бутылкой виски, которую нарочно привёз из Бомбея, чтобы торжественно отметить возвращение Бехрама в Индию. После нескольких рюмок язык Бехрама развязался и он начал откровенно делиться с нами планами своей дальнейшей жизни.

— Сохраб работает, Арзу кончит школу и тоже пойдёт на работу, и на эти денежки мы заживём припеваючи...

Он вошёл во вкус и расписывал свою новую жизнь в Индии в самом радужном свете, как вдруг произошло нечто совершенно невероятное. В тело Вималананды вошёл Анджанея и послал Бехраму столь уничижительный, испепеляющий взгляд, что тот остановился на полуслове и замер с выражением бесконтрольного страха и полнейшей растерянности на лице. Спустя несколько секунд пришёл в себя и заговорил:

— Нет-нет, пусть дети мои живут по-прежнему. А я уеду и буду следить за тем, чтобы они ни в чём не нуждались. Я горжусь тем, что могу позаботиться о них.

Все мы, наблюдавшие эту сцену, были и поражены и обрадованы, но приложили максимум усилий, чтобы не показать своих чувств. Мы старательно поддерживали атмосферу естественности и непринуждённости, в которой несчастному Бехраму труднее было бы передумать и ещё раз изменить своё решение. На следующий день Вималананда уехал в Бомбей и вновь появился в Пуне только через две недели после отъезда Бехрама. Тогда мы впервые осмелились заговорить о событиях той памятной ночи.

Казалось, сам Вималананда был ошеломлён не меньше нашего:

— Какой неожиданный переворот в уме! Прямо на середине фразы! Удивительные вещи может вытворять Анджанея!

— А ты ничего не подмешал ему в питье? — подозрительно спросил я.
— Это было до того неожиданно... Говорил одно, и вдруг — всё наоборот.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Робби, ты спятил! Ты сам пил из той же бутылки, вот и скажи, было там что-нибудь или нет.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Никаких физических добавок в виски не было, а было кое-что другое. Главное, что Бехрам считает, будто передумал по собственной воле. Это лестно для его эго, и поэтому у нас больше гарантий, что он не передумает снова, по крайней мере в ближайшее время. Он из той породы людей, которые не любят отступать от принятого решения, даже если оно ошибочно. Таковы люди тамаса.

Теперь настала очередь Шерназ излить свои благодарности Вималананде. Однако он не дал ей зайти слишком далеко:

— Дело сделал Анджанея, не так ли? Значит, и благодарить нужно его, а не меня. Однако теперь, когда всё позади, можно и повеселиться. Давайте праздновать! Если бы ты пошла за помощью к какому-нибудь садху или факиру, он взял бы с тебя денег, заставил бы кланяться себе в ноги, а потом бы велел убираться. Но я не факир и не садху. И вряд ли тебе когда-нибудь встретится такой факир или садху, который позволит забавляться с собой как с игрушкой.

— Неужели же ты игрушка? — с удивлением спросил я.

— Для тех, кто меня любит, да. Всяк в этом мире несчастен — в силу созданных карм. Так почему бы не дать людям повод немножко повеселиться?

По примеру Вималананды мы наполнили бокалы, а затем помогли ему соорудить превосходный обед, который ко всеобщему удовольствию превратился в то, что он называл «весёлой пирушкой».

В Пуне у Вималананды было больше времени для отдыха и развлечений, так как посетители беспокоили его гораздо реже, чем в Бомбее. Соответственно, у него было больше возможностей порадовать и повеселить близких его сердцу людей. Он часами рассказывал сказки, смешил и шутил, никогда не выходя за рамки приличий, даже если анекдоты его касались вещей весьма сомнительных. Многие он заимствовал из классики: «Санскрит есть не что иное, как *самскар*ик *бхаша* (язык, доведённый до чистоты), — любил говорить он. — Даже грубоватые шуточки здесь звучат изысканно. Вот вам одна из них. Один юноша захотел сделаться придворным поэтом. В наше время поэтический труд не ценится так, как раньше, когда поэты занимали достойное место при дворе. Подойдя к воротам царского дворца, юноша понял, что ему не удастся привлечь к себе внимание царя, который всегда находился в окружении вельможных пандитов, не желавших

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

конкуренции и потому постоянно занимавших царя самыми разными вопросами. После нескольких неудачных попыток юноша совершенно расстроился и в отчаянии написал у ворот дворца несколько стихов на санскрите. В переводе это звучит так: «Царская дверь подобна вульве, а пандиты подобны пенису. Они ходят туда и сюда, снова и снова, и блаженство их велико, тогда как я, подобно мошонке, болтаюсь снаружи, то и дело сдавливаемый обеими сторонами». Обратите внимание на скрытый смысл. Сравнивая царские врата с вагиной, он хотел сказать, что честолюбивые пандиты наё...вают царя, а сравнивая пандитов с пенисом, он намекал на то, что мудрости в их головах не больше, чем в головке члена.

На следующий день, выйдя из дворца, царь обнаружил эти вирши, подивился их странной образности и спросил, кто их сочинил. Юноша выступил вперёд. Царь поздравил его с успехом, похвалил его проницательность и пригласил к себе во дворец на правах полноправного поэта».

Другой излюбленный анекдот Вималананды, который до сих пор рассказывают в Бенаресе, касался такого важного вопроса, как величина мужского достоинства великого поэта Калидасы. «Как можем мы судить о признаке его мужской силы?» Ответ таков: однажды полураздетый Калидаса бродил вдоль берегов реки Кшипры и заметил красавицу, купающуюся в реке. Увидев мужчину, девушка застеснялась и одной рукой прикрыла груди, а другой — промежность. В порыве страсти и вдохновения Калидаса разразился стихами: «О счастливая дева, что двумя руками может скрыть всю свою наготу! О несчастный Калидаса, который, даже зажав себя в два кулака, видит то, что ещё на два пальца остаётся непокрытым!» Поражённая видом его мужского достоинства, девушка воскликнула: «Что я вижу!» Это её свидетельство и служит подтверждением того, что Калидаса был поистине выдающимся мужчиной своего времени.

Дразнил Вималананда тоже весьма изящно, особенно если пускал в ход своё тонкое чувство языка и бесподобное умение играть словами. «Однажды я жил по соседству с женщиной — звали её Дхани, — которая сплетничала дни напролет. Я прозвал её Миссис Болтливый Язык. В конце концов она мне так надоела, что я решил проучить её. Вы ведь знаете, как я люблю петь. И тогда я сочинил новую песню: «*Дхани гапиа маре, са ни гапиа маре?*» («Дхани сплетничает, а зачем она сплетничает?»). И я стал громко распевать эту песню.

Услышав моё пение, Дхани рассердилась. Она пришла ко мне с вопросом, что это я делаю. Я отвечал ей с видимым простодушием: «Это

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

всего лишь упражнения для развития голоса. Вы же знаете индийскую гамму. Если не знаете, то вот она: *са, ре, га, ма, па, дхи, ни, са*. Я просто пою эти ноты». И я снова запел ещё громче и отчётливее, чем прежде: *дха ни га па ма ре, са ни га па ма ре? Дха ни га па ма ре*, и так далее. И я пел до тех пор, пока ей не сделалось ясно, чего я от неё хочу. После этого она никогда больше не донимала меня своими сплетнями.

Вималананда утверждал, что даже обычная речь, если её использовать правильно, может творить чудеса. «Однажды доктор Мартанда, Арзу и я проезжали мимо роскошных виноградников в окрестностях Пуны. Нам захотелось винограда. Заметив тучного мужчину, работавшего в винограднике, мы остановились около него, и доктор Мартанда решил выказать свои медицинские познания, чтобы расположить человека к себе. Видимо, он хотел дать ему полезный совет, но начал с указания на нездоровый внешний вид, на что фермер отреагировал мгновенно: «Убирайся к чёрту! Ничего я тебе продовать не буду!»

Тогда я попросил Арзу обратиться в фермеру как к *пахалвану* («борцу») и быть с ним помягче и полюбезнее. Она так и сделала. «Вот твой виноград, моя дорогая, — сказал он в ответ. — Бери бесплатно. Только этому не давай, — он указал на доктора Мартанда, — и так слишком здоровый!»

Вималананда очень помог мне своим умением общаться с людьми летом 1979 года, когда моя мать приехала навестить меня. Она проделала долгий путь в Индию, чтобы своими глазами увидеть, как я живу и какие люди меня окружают. Вималананда, постоянно напоминавший мне о моей рнанубандхане с родителями и о необходимости точного её выполнения, безусловно сыграл роль гостеприимного хозяина. Со всей силой своего красноречия он убеждал её в важности моей учёбы. Он первым заметил то празднично-приподнятое настроение, с которым она прибыла в Бомбей, и с помощью своих друзей из различных частей Индии организовал для нас чудесное путешествие по стране, которое продолжалось пять недель и закончилось возвращением в Бомбей и прощальной встречей у Вималананды. Она уехала с твёрдой уверенностью, что оставила меня в надёжных руках, и я снова мог вплотную заняться скачками.

Это лето было самым тяжёлым в жизни Репея. Лишившись своих гениталий, он должен был и дальше зарабатывать на жизнь. Он опустился в класс V-B в тот период, когда регулярно употреблял свою сперму, однако теперь, не озабоченный более сексуальными проблемами, он мог целиком посвятить себя скачкам, и проявлял к этому недюжинный интерес. К августу 1979 года он уже неплохо шёл галопом, и мы с

Вималанандой специально отправились в Пуну, чтобы на него посмотреть. Мы договорились с Техмулом, чтобы он вывел коня перед рассветом, так как не желали выдавать своего секрета любопытствующей публике. Репей был в отличном состоянии. Каждое утро начиналось с галопа. Мы приезжали на ипподром, вызывали Техмула и осматривали коня, пока он готовил его к работе, затем пускали коня в галоп, засекая каждый фарлонг (201,17 метра) по секундомеру. Он мчался к трибунам, а на обратном пути к стойлам мы следили за его дыханием и работой ног. Когда трибуны пустуют и единственная лошадь, играя мускулами и наслаждаясь собственным бегом, несётся по беговой дорожке, чуткое ухо может различить неслышные при других обстоятельствах характерные звуки: звук рассекаемого воздуха при галопе, стук копыт, а иногда даже её прерывистое дыхание, которые многое могут поведать о состоянии лошади. По всем этим признакам было видно и слышно, в какой превосходной форме находился Репей. И никто кроме нас, по-видимому, об этом не знал. Шансы на успех росли прямо на глазах.

Взволнованные блестящей перспективой, мы не спешили обратно в гостиницу, а оставались завтракать в клубе, после чего вновь возвращались на ипподром. В одно такое чудесное утро, когда после ранней работы с Репеем и завтрака хотелось мирно насладиться покоем, мы сидели во дворе Техмула с доктором Лобо — дружелюбно настроенным человеком, который был одним из официальных ветеринаров клуба. Разговор коснулся йоги, и доктор Лобо, до которого долетали кое-какие слухи о жизни Вималананды, высказал сомнение в правдивости историй, рассказываемых о йогах. Вималананда взглянул на меня. Я сдвинул брови и промолчал. Тогда Вималананда предложил доктору эксперимент. Он попросил ветеринара нащупать свой пульс, и пока тот держал его за руку, Вималананда продолжал весело болтать о «многих необычных вещах, которые до сих пор случаются в Индии». Доктор принадлежал к типу темнокожих индийцев. Вдруг его лицо начало быстро бледнеть и сереть, что могло означать только одно: Вималананда остановил своё сердце. Поскольку это сопряжено с огромным стрессом для организма, я не выдержал и стал делать знаки Вималананде, чтобы он прекратил эксперимент. Он сжалился надо мной и подчинился. Продолжая непринуждённую болтовню, он восстановил свой пульс, и краска бросилась в лицо доктора Лобо.

В срочном порядке ветеринар воспользовался каким-то предлогом, чтобы уйти, а Вималананда победоносно рассмеялся. Я не разделял его восторга и угрюмо пробормотал:

— Стоила ли эта показуха таких трудов? На что последовал ответ:

— Он вёл себя восхитительно! Надо было видеть, как он перетрусил! Будет знать, как болтать о том, что могут и чего не могут йоги!

Скачки в Пуне проходят в гораздо более непринуждённой обстановке, чем в Бомбее, хотя бы потому, что ипподром не выглядит здесь островком зелени среди фабрик и небоскрёбов. В Пуне к ипподрому ведут широкие, обсаженные деревьями аллеи, а к востоку открывается вид на пышные и зелёные Императорские Сады. Другим приятным отличием было то, что в Пуне Вималананду знали значительно меньше, чем в Бомбее, и местная публика не донимала его своим вниманием и болтовней. В число немногих его знакомых входил дантист китаец доктор Ван, который каждую неделю появлялся на скачках со своей женой. Время от времени мы обращались к нему за врачебной помощью, которой всегда оставались довольны, и, в свою очередь, делились с ним информацией о скачках, если он желал узнать, какой лошади мы отдаём предпочтение.

Однако на трибуне мы и супруги Ван сидели в разных местах, поскольку ипподром в Пуне имеет только два яруса: первый ярус, который объединён с ярусом для членов клуба, и второй. Пока нашим тренером был Лафанж, мы сидели в первом ярусе на скамейках, которые, несмотря на придававшиеся к ним подушечки для сиденья, всё же оставались скамьями. С переходом к Техмалу наше положение улучшилось, поскольку у Техмала был друг, чья ложа почти всегда пустовала. Таким образом, мы оказались в самой гуще местной аристократии. Справа внизу была ложа индийского джентльмена, который женился на своей няньке-европейке. Чуть дальше вниз занимал место гвалиорский махарадж. Несколько впереди нас сидела распутница Бапси, изменявшая своему мужу-импотенту со всеми подряд. Ложу слева от нас обычно украшали лицо и сигара махараджа Мудхола, который из всей благородной публики больше всего пришёлся нам по душе и с которым мы провели немало приятных вечеров за накрытым столом после наполненного событиями и переживаниями дня, проведённого на ипподроме.

Пожалуй, из всех наших новых соседей наименее всего отвечали нашему эстетическому чувству ожиревшие господин и госпожа Кумар вкупе с ожиревшей дочерью. Считая нас за «простой народ», они относились к нам с нескрываемым презрением, и я без колебаний прозвал их про себя «три поросенка». Господин Кумар имел обыкновение непрерывно мять во рту конец огромной сигары, которая удивительно соответствовала всей его свиноподобной внешности. Само собой возникало сравнение с откормленным поросенком, которому в рот засунули яблоко, чтобы вместе с этим яблоком запечь. Даже

Вималананда вынужден был признать, что из всех виденных им людей эти трое как нельзя лучше соответствовали типу человека-свиньи. Ходили слухи, что своим состоянием они обязаны главным образом «кожаной валюте», что иносказательно обозначает торговлю тушами забитых животных. И это было весьма похоже на правду. Искривлённый жестокостью рот госпожи Кумар невольно наводил на мысль о ненасытной свиноматке, пожирающей собственных только что родившихся поросят.

Мы вдоволь издевались над «тремя поросятами», но мир устроен справедливо, и вскоре нам стало ясно, что господин Кумар положил на Репея свои поросячьи глазки. Кумар бы неглуп и вполне мог заметить, что Техмул и Вималананда готовят масалу: первую победу Репея в его скаковой карьере. Кумар располагал деньгами, с помощью которых он мог сбить ставку, не считаясь с нашими желаниями, так что нам оставалось выбирать, что лучше: иметь в палатке свинью, которая мочится наружу, или иметь снаружи свинью, которая мочится в палатку. И мы вынуждены были пойти на соглашение с Кумаром — он сделал ставку на Репея. Репей считался аутсайдером с шансами на победу, равными 7 к 1. Когда в сентябре он блестяще выиграл скачку, я молча наблюдал, как пришедший после победы на конюшню Кумар отсчитал нам нашу долю выигрыша (примерно десять тысяч долларов) и отправился дальше по делам других «капиталовложений» — а может быть, чтобы засунуть свиное рыло в своё обеденное корыто. Его выигрыш по меньшей мере в десять раз превышал наш.

Я смог заговорить, только когда он вышел.

— Репей поработал на славу, отдавая свой долг, не правда ли?

— А почему, ты думаешь, я назвал его Репеем?¹ — удовлетворённо откликнулся мой учитель. — Я знал, что такова его рнанубандхана со мной, что он сумеет расплатиться со мной сполна, чтобы освободиться от долга. Опасаться тут нечего. Я только не знал, когда точно это случится.

— И тебя не огорчило то, что в дело вмешался Кумар?

— Зачем огорчаться? Всегда надо стремиться к тому, чтобы распределять свои кармы, запомни это. Делясь своим везением с другими, ты делаешь их своими «товарищами по карме». В результате тяжесть карм распределяется на многих и твоё личное бремя заметно облегчается. Конечно, лучше делить свой выигрыш с хорошими людьми, но если таковых не находится, тогда довольствуйся тем, кого Бог пошлёт, — в разумных пределах, разумеется.

¹ Игра слов: англ. *repay* буквально означает *отплачивать*. (Прим. пер.)

Мысль об освобождении от кармического долга не оставляла его по дороге в отель.

— Мы то и дело бросаемся словами о «выплате долга», об искуплении, но понимаем ли мы, насколько в действительности это серьёзно? Кто знает, быть может, высшая милость, высший дар, который может быть дан человеку, это дар бесстрашия. Даруя бесстрашие, ты говоришь человеку: «Смотри! Вот твоя карма, и справиться с ней ты должен сам. Это невероятно трудно, но я даю тебе мужество, которое поможет тебе выстоять». Помню, в Гирнаре даже был один садху, который готов был одарить мужеством всякого, кто к нему пожалует. Звали его *Абхаянанда* («Блаженство бесстрашия»). Конечно, это продолжалось недолго. Да и как могло быть иначе? Такое поведение граничит с вмешательством в Божественное провидение.

— Бесстрашие — великий дар, но это ещё не освобождение. Освободить — это всё равно что сказать: «Я беру твою карму на себя». И выше этого уже ничего быть не может. Немногие способны на это, и немногие этого хотят. Рамакришна Парамахамса, поистине великий святой, только три раза за всю свою жизнь взял на себя чужую карму, только три раза. История человечества знает только одного Спасителя — Иисуса Христа! Но как же он дорого расплатился за все эти кармы — распятием на кресте.

— Несколько лет тому назад в Бомбей приезжал папа римский. Людей собралось видимо-невидимо. Мы с матерью Рошни пошли посмотреть. А папа приехал на мерседесе, вышел из машины, поднял руки и произнёс: «Повторяйте за мной: то, что я должен был совершить, я не совершил; то, что я не должен был совершать, я совершил». Все хором повторили. И тогда он сказал: «Именем престола небесного я отпускаю вам все ваши грехи». На мать Рошни это представление произвело огромное впечатление. Но неужели папа действительно считает устранение чужих карм настолько пустяковым делом? Когда то же самое для евреев пытался проделать Иисус, он умер самой ужасной смертью своего времени. А это безболезненное отпущение грехов — сплошной обман, как и сама пресловутая непогрешимость папы. Римские папы снаряжали крестоносцев и поощряли инквизицию — какая уж тут безгрешность! Они приказывали кастрировать мальчиков только потому, что их церковному хору требовались сопрано. Тому ли учил Иисус? Я говорю: нет!

— Только Иисус мог сказать: «Придите ко мне. Придите, и страдания за ваши грехи я приму на себя. Забудьте о своих грехах и начните новую жизнь». Одного взгляда Его глаз достаточно, чтобы сердце твоё растаяло.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Весь раджас и тамас выходят из тебя прочь! Но эти христиане твердят только одно: грех, грех, грех, и своими бесконечными наставлениями о грехе они из этого греха воздвигают твердыню. Учение Иисуса забыто. А ведь он говорил: «Забудь о своих грехах. Отдай их мне, и совесть твоя будет чиста. Начни жить по-новому и к грешной жизни никогда более не возвращайся». И какие же муки он претерпел за все кармы, которые взял на себя! Он пошёл на это по своей воле и стерпел всё. Даже Кришна не сделал того, что сделал Иисус. Разве можно после этого не любить Иисуса? Поистине, Он и путь, и правда, и жизнь.

Раджас и тамас — это соответственно стремление к кипучей деятельности и нежелание действовать вообще. Если ум освободится от обеих этих склонностей, то в нём не останется ничего, кроме невозмутимой ясности и спокойствия. Эта ясность, наполняющая сознание, называется саттвой. Образ Иисуса возник перед моим мысленным взором, и слёзы навернулись мне на глаза. Какая ясность и чистота! Какая глубина этой ясности, не покидавшая Его в самые тяжёлые минуты!

— Но если Иисус умер на кресте, взяв на себя чужие кармы, то не хотел ли он тем самым сказать, что и мы должны следовать его примеру и брать на себя кармы других людей — настолько, насколько нам это по силам? Ведь в конечном счёте если ты любишь ближнего как самого себя и каждый из нас божественен по своей сути, то получается, что он — это ты, ты — это я, и так далее, и, стало быть, беря на себя чужую карму, я в действительности спасаю самого себя.

— Именно это проповедовали и этим прославились многие великие христианские святые, — подхватил Вималананда. — Они боготворили Иисуса и возвращали Ему дар, который Он преподнёс им — дар сострадания.

— Иисус стал создателем бесподобной игры, совершенно непредсказуемой лилы, а всё потому, что он был порождением некоторого риши. Все аватары Вишну, такие как Рама или Кришна, исходят от риши. Дело в том, что Кришна и Иисус были порождениями одного и того же риши. Но посмотри, какая между ними разница! Кришна был *Гопала*, «стерегущий коров». «Гопала» также значит «тот, кто ограничивает свои чувства», и именно этому Кришна учил своих почитателей. Иисус же — это Пастырь добрый.

— То есть если Кришна стерёг коров, то Иисус спасал¹ овец? Гопала

¹ Русское слово *пастырь* происходит от глагола *спасать*, то есть *отводить опасность*. В англ. языке слово пастырь (*shepherd*) связано с выпасом овец

Кришна и Мешапала Иисус?

— Да, что-то вроде этого.

Он засмеялся и не сразу нашёлся с ответом. Редкая удача! Не так часто мои *bons mots*¹ попадали в цель.

— Почему овцы? — вновь заговорил он. — Из-за овечьей психологии большинства людей. Людям, как овцам, очень легко заблудиться в пестроте окружающего мира, вот почему им нужна защита. Иисус пришёл в мир, чтобы спасти этих заблудших овец, искать их до тех пор, пока они не отыщутся, и затем отвести их домой. Его религия не нуждается в глубоких умственных изысканиях, вся она построена на чистой любви и проникнута ею. Рациональное мышление может затормозить продвижение в садхане, посвящённой Иисусу. Нужно просто следовать за Иисусом, куда бы Он ни вёл, с совершенной верой в то, что, Пока ты с Ним, ты никогда не собьёшься с дороги.

— Но беда в том, что у людей нет веры. Иисус постоянно жаловался на это. Чем животные несомненно превосходят людей, так это тем, что у них нет чувства сознательного эгоизма: они не вспоминают о своём прошлом и не планируют будущее. А люди забыли, что Боги так всё делает для нас, так что нет никакой нужды что-то организовывать и специально готовить. Мы печалимся и тревожимся, но если бы мы только уgomонили свои волнения, забыли о своём беспокойстве, счастьем нашему не было бы предела, ибо мы получали бы лишь то, что уготовано нам самим Богом, знатоком наших карм. Однако тяжесть карм накладывает отпечаток на наше счастье. Мы берёмся планировать и предусматривать, а в результате чувствуем тревогу и беспокойство. Вот и мы с тобой хлопотали и нервничали из-за Репея, вместо того чтобы просто расслабиться и дать Богу сделать Его дело. Вот почему только святые могут быть по-настоящему счастливы. Настоящий святой никогда ни о чём не беспокоится.

— Вот тебе вопрос: миллионы людей ежедневно купаются в Ганге. Авторитетные же свидетельства — священные писания, святые люди — все как один утверждают, что омовение в Ганге смывает все дурные кармы. Если это правда, то почему всякий, кто окунается в Ганг, сразу не становится просветлённым? Смывание карм — это ведь и есть просветление.

— Интересный вопрос. Я не знаю, как на него ответить.

,(sheep herd — овчье стадо). (Прим. пер.)

¹ *Bons mots* (фр) — остроты (Прим. пер.)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— А давай предположим, что ты искупался в Ганге и вышел из него совершенно отмытый от своих карм. Но лишь только выйдя на берег, ты тут же начинаешь создавать новые кармы. От закона кармы нет спасения, до тех пор пока ты не изменишь своего сознания. Хотя люди и мнят себя хозяевами своей судьбы, дело тут гораздо сложнее, чем они себе представляют.

Он поудобнее устроился в кресле и подлил себе виски. Из проигрывателя с шипением и потрескиванием доносились звуки *ghazals* в исполнении известного певца Бегума Ахтара.

— Даже риши бывают озадачены судьбой, — вновь заговорил он. — Возьми, к примеру, историю с риши Парашарой, большим знатоком джотиша, что в действительности является знанием игры девяти планет. Однажды он проходил через рыбацкий посёлок над рекой Ямуной и вдруг совершенно явственно осознал, что если сегодня в этом месте зачать ребёнка, то он достигнет величайшей мудрости и станет одним из составителей Вед. Эта внезапная мысль поразила его как удар молнии. Риши по природе своей таковы, что им достаточно стереть пот со лба, чтобы тысячи новых тварей появились на свет. Но ум Парашары не устоял перед искушением судьбы. Ему захотелось самому заняться любовью с какой-нибудь девушкой и через обычное зачатие стать отцом удивительного ребёнка. То, что он потеряет при этом плоды своей многовековой аскезы, прошло мимо его сознания.

— Судьба распорядилась так, что поблизости оказалась прекрасная молодая рыбачка по имени *Матсьягандха* («Рыбий запах»). Это была не простая девушка: отцом её был царь, а матерью — небесная танцовщица, которая в результате проклятия превратилась в рыбу. Её звали Матсьягандха потому, что тело её пахло рыбой.

— Чем же ему ещё пахнуть, если мать её была рыбой? Однако я читал, что на самом деле её звали Сатьявати.

— Может быть, и так, но я буду называть её Матсьягандхой. Парашара подошёл к ней и без тени смущения изложил ей свой план. В те времена люди были гораздо раскованнее в подобных делах, чем сейчас. Девушка с готовностью согласилась. «Родить ребёнка от риши, — подумала она, — это редкая удача!» Вслух же она сказала: «Заниматься сексом здесь, посреди деревни, не очень хорошо. Пойдём к воде». Они спустились к реке, сели в лодку и выплыли на середину. Посреди реки Парашара сотворил остров для любовных забав и хотел уже обнять девушку, но она возразила: «Солнце смотрит на нас. Скажи ему, чтобы оно отвернулось». Их окутала тьма в тот самый момент, когда они приступили к зачатию.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Покончив наконец с этим важным делом, удовлетворённый Парашара наградил Матсьягандху стойким благоуханием, которое отныне стало исходить от её тела. С тех пор её прозвали Йоджана-гандха («Та, чьё благоухание чувствуется за восемь миль»), А ребёнок, родившийся в тот же самый день, в который он был зачат, стал известен под именем Кришна (то есть «темнолицый» — из-за тьмы в момент зачатия) Двайпаяна (то есть «рождённый на острове») Вьяса («составитель»), или сокращённо Веда Вьяса («составитель вед»). Помимо обработки вед, Вьяса сочинил ряд литературных шедевров, в том числе великий эпос «Махабхарата», содержащий более 100.000 стихов, и повесть о Господе Кришне под названием «Шримад Бхагавата». Если бы рождение Вьясы не состоялось, ни одно из этих произведений не появилось бы на свет. Но не выглядит ли всё это несколько странным?

Я счёл за лучшее промолчать.

— Я имею в виду: с какой стати он решил, что всё это нужно записывать? Разве риши пользуются письменной речью? Никогда в жизни. Они всегда предпочитают пара вани — телепатическое общение. Дело тут в том, что матерью Вьясы была женщина-шудра, а сознание шудр всегда тяготеет к земному. И это естественно: им приходится много и тяжело работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь, и ум их сосредоточен на этом труде. Мысль представить знание в физической форме пришла ему на ум исключительно из-за этого земного уклона в его сознании. Рождение Вьясы было обусловлено желанием Природы донести священные сказания до нас, до людей Кали-юги, чтобы мы могли извлечь для себя пользу из этого драгоценного материала. Разум Парашары помутился именно из-за того, что для составления вед, создания «Махабхараты» и «Шримад Бхагаваты» Природе нужен был человек, рождённый от брахмана и шудры. Ну разве это не чудо Природы?

— Это ещё одна причина того, почему кастовая система утратила свой изначальный вид. Сегодня ни один ортодоксальный брахман не допустит в свою семью человека, отцом которого был бы брахман, а матерью — шудра. Вьяса же был сыном именно таких родителей. И то, что он сделал, не смог бы сделать ни один брахман. Стал ли он от этого лучше или хуже, чем какой-нибудь ортодоксальный брахман? Ничуть. Он остался самим собой — великим и бессмертным.

— Однажды его попросили стать отцом детей от двух царевен. Он согласился и, подобно своему отцу, решил воспользоваться обычной сексуальной близостью, а не каким-либо другим методом зачатия. Почему он предпочёл обычный секс? Потому что сознание его, пусть и в

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

минимальной степени, находилось под влиянием того факта, что сам он был рождён в результате полового акта. Заметь, какой глубокой и долго действующей может быть сексуальная карма. К несчастью, склонность к сексу сама по себе явилась для Вясы причиной создания некоторых новых карм. Первая принцесса была так напугана самоуверенными манерами Вясы, что сильно побледнела, как только он обнял её. Поэтому её сын Панду родился бледным. Вторая принцесса не выдержала сияния его ауры и зажмурила глаза, и сын её Дхритараштра родился слепым.

— Неужели всё так просто?

— Всё очень просто, когда имеешь дело с риши. В момент семяизвержения женщина вбирает в себя мужскую шакти и питает её своей собственной шакти. В результате появляется ребёнок. Когда шакти мужчины и женщины примерно равны, что, как правило, бывает в том случае, когда они оба обычные люди, то эти шакти оказывают примерно равное воздействие на развитие ребёнка. Однако риши — это не обычный человек. Это гигант, обладающий колоссальной шакти, и только сравнимая с ним великанша могла бы составить ему подходящую пару и быть с ним на равных. Всякая земная женщина, которая пытается претендовать на него, превращается просто в форму, в которую он заливает свою шакти. Если женщина не раскроется полностью перед ним, его шакти поступит в неё неравномерно, залить форму как следует не удастся, и незаполненные шакти места скажутся на ребёнке как его физические недостатки.

— Понятно.

— После первой неудачной попытки одну из принцесс уговорили вновь прийти к риши, чтобы на этот раз родить здорового наследника престола. Но в душе она была против, и в последнюю минуту послала вместо себя служанку. Та оказалась на редкость раскрепощённой девицей и, обрадовавшись случаю позаниматься любовью с риши, полностью предоставила себя в его распоряжение. Благодаря этой самоотдаче часть сверхъестественных способностей Вясы передалась ребёнку. Так у неё родился сын Видура, ясновидящий с детства.

— Позволь мне кое-что уточнить, — перебил я. — «Махабхарата» была войной между пятью сыновьями Панду и ста сыновьями Дхритараштры, а это означает, что в действительности драма разыгралась между внуками Вясы, которые пошли от двух его разных жён.

— Именно так.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Семейная вражда, превратившаяся в гражданскую войну! Неудивительно, что «Махабхарату» писал Вьяса, — ведь это его семейная хроника.

— Верно, но это ещё не всё. Одним из пяти сыновей Панду был Юдхиштира. Другим был Арджуна — великий воин и друг Кришны. У Арджуны от сестры Кришны Субхадры родился сын Абхиманью, но он погиб на войне, потому что Арджуна добыл Субхадру кражей. Но незадолго до смерти Абхиманью и его жена Уттара зачали сына. Имя ему было Парикшит. И именно благодаря ему, царю Парикшиту, у нас есть теперь «Шримад Бхагавата». Мы получили её от Суты, который лично слышал её от великого риши Шукрадевы, а тот, в свою очередь, — от своего отца Вьясы.

— Шукрадева... Ещё один сын Вьясы?

— И самый замечательный из всех его сыновей, ибо он вышел не из утробы. Он избежал земного зачатия и всех тянущихся за ним последствий. Он родился, выскочив как искорка при трении *арани* — специальных палочек, с помощью которых добывают огонь для ведических жертвоприношений. Поэтому его другое имя — Аранипутра («Сын Арани»). Поскольку его рождение не имело ничего общего с сексом, он не делал никакого различия между полами. Когда он, совершенно обнажённый, бродил в джунглях, небесные красавицы толпой стекались к нему. В его обществе они чувствовали себя превосходно, ибо он никогда не проявлял ни малейшего интереса к их полу. Но если к ним приближался Вьяса, девушки моментально прятались. Они чувствовали, что он смотрит на них совсем по-другому.

— Несмотря на чистоту его ума?

— Да. Он хоть и не глядел на них со сладострастием, но сознание его всегда было слегка сексуально окрашено. Такую печать наложило на него рождение. Девушкам этого было достаточно, чтобы почувствовать разницу.

— Вьяса написал «Шримад Бхагавату» ради собственного удовольствия и ради удовольствия своего сына Шукрадевы. Он бы никогда не сделал её достоянием мира, если бы не пожелал, чтобы царь Парикшит получил освобождение (*мокишу*), слушая её. Кто-то из риши наложил на Парикшита проклятие, и он должен был умереть от укуса змеи. Слушая в течение семи дней, как Шукрадева читал «Шримад Бхагавату», Парикшит постепенно избавился от мирских привязанностей, и когда пришло время умирать, он приветствовал свою смерть.

— А почему Вьяса захотел, чтобы Парикшит получил мокшу?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— А почему бы и нет? Он хотел очистить от карм эту ветвь своего семейства, а освобождение праправнука лучше всего для этого подходит.

— А что выигрывает семья?

— Какой ты невнимательный! Выполняя Питри тарпану для своих предков, ты способствуешь своему освобождению, а освободившись сам, ты ещё больше помогаешь своим предкам. Это ведь одно и то же.

— Ты говоришь, что Вьяса обнаружил «Шримад Бхагавату» только для того, чтобы спасти своего праправнука и улучшить семейную карму?

— Такова была его ближайшая цель, но он позаботился и о том, чтобы повесть благополучно дошла до потомков.

— И как он это сделал?

— Шукадева читал «Шримад Бхагавату» Парикшиту в присутствии Суты, который затем пересказал её мудрецам, собравшимся в Наймишаранье. Эти мудрецы и их ученики ответственны за распространение «Шримад Бхагаваты» в мире. Читать или слушать «Шримад Бхагавату» можно только тогда, когда человек готов отказаться, временно или навсегда, от прелестей внешнего мира, как те мудрецы, покинувшие мир и собравшиеся в Наймишаранье.

Так называется лес в Северной Индии. Некоторые авторы предлагают читать это название как «лес» (*аранья*) «слепоты» (*наймита*), проводя аналогию с внутренним миром человека. Собрание в Наймишаранье означало бы тогда поворот вовнутрь обычно внешне ориентированных чувств, растущее осознание внутренних пространств.

— И мы по примеру Парикшита, — продолжил Вималананда, — должны отдавать предпочтение внутреннему миру, если хотим проникнуть в скрытый, астральный смысл «Шримад Бхагаваты». Что означает имя *Парикшит*?

— «Испытанный».

Вообще говоря, «парикшит» означает «обступающий, распространяющийся» — подобно тому как земля и небо обступают и окружают нас, но я чувствовал, что слово «парикшит» требовалось Вималананде именно в значении «испытанный».

— Точно. Только когда ученик полностью прошёл испытание, он может приступить к учёбе. Само имя царя Парикшита говорит о том, что он прошёл через самые суровые испытания. Таким образом он всесторонне подготовил себя для получения знания. Всякий, кто хочет выжать сок истины из «Шримад Бхагаваты», должен уметь отождествить себя с Парикшитом, слушающим рассказ. Нужно на время чтения стать

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

самим Парикшитом, а это возможно только тогда, когда пройдено не одно болезненное испытание.

— Итак, через Суту знание было передано людям. А я думал, что *суша* просто означает «сын».

— Такое значение есть, но также это слово означает ртуть, роженицу, возникшего и много чего другого. Поскольку это санскрит, то все эти значения должны находиться между собой в определённой связи. Ты учишь санскрит, вот и скажи мне, что у всех этих слов общего?

Я пробормотал что-то невразумительное. Загадка была не из легких.

— Всё это носители. Они переносят сущности туда, где те могут проявиться. Подумай об этом хорошенько.

— Доставляют вещи по назначению? Что же это — космическая курьерская служба?

— Да, доставляют вещи куда следует. Отец Суты Ромахаршана был возникшим и был убит лично Кришной — не по ошибке, как думали все, а с целью благословения.

— То есть как?

— Ты когда-нибудь слышал, что «отец продолжает жить в своих сыновьях?»

— Слышал.

— Ребёнок есть носитель сути своих родителей — их генов и хромосом. Ромахаршана не был достаточно чист, чтобы служить передатчиком «Шримад Бхагаваты», но Кришна, убив, очистил его. И сын у него родился чистым — в достаточной мере, чтобы передать «Шримад Бхагавату» людям. Разумеется, Ромахаршана был весьма неординарной личностью, иначе бы он не удостоился смерти от руки самого Кришны. Но всё же ему не хватало чистоты. Что означает его имя на санскрите?

— Волосы дыбом, гусиная кожа...

— ...что происходит либо от холода, либо от страха, либо от другого сильного переживания, в том числе духовного. Ромахаршана имел возвышенную душу, но не настолько, чтобы справиться с этой особой шакти.

— Убив его, Кришна выполнил своего рода питри тарпану для его семейства?

— Если угодно, то да.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Смерть Ромахаршаны положила начало передаче «Шримад Бхагаваты», а это принесло огромную пользу миллионам людей. И эти люди должны быть благодарны не только авторам, но и тем, кто доставил писание в мир. Правильно? Своего рода астральный авторский гонорар с отчислениями за доставку.

— Все, кто способствовал появлению «Шримад Бхагаваты» на свет, выиграла, и выиграла крупно. Тоже касается и их предков. Но больше всех выиграл Парашара, который рождением Вьясы заложил фундамент всему. Таким образом он несколько сгладил карму, которую он навёл на себя плотской любовью с Матсьягандхой. Каким бы большим событием для мира ни было рождение Вьясы, для Парашары сексуальные забавы с шудрой ничем хорошим обернуться не могли. Она вовлекла его в игру своих карм, которые весьма отличались по природе от его собственных. Из-за этих карм Пара-шара вновь был вынужден родиться в мире, чтобы принять на себя последствия своего поступка. Всякое пятнышко, особенно связанное с совокуплением, должно быть отмыто.

— Неужели совокупление — такой тяжёлый проступок?

— А помнишь, что ты спросил у меня однажды по поводу одного ведического жертвоприношения, во время которого варится пиво?

Это было несколько месяцев назад, но он не забыл.

— Да, жертвоприношение саутрамани. Я спрашивал тебя, почему священные тексты уточняют, что ячмень для приготовления пива нужно брать у скопца.

— Ответ таков: установившие это жертвоприношение риши имели в виду, что ячмень нужно брать у человека, который является скопцом от рождения, а не у кастрата. Евнух с рождения никогда даже не подвергался воздействию сексуальной энергии, и опыта совокупления у него нет. Такой человек имеет все шансы стать живым воплощением *ниракара таттвы* («бесформенной сущности»), ибо что есть секс, как не создание новых форм?

— Но всё же это только шансы, которые надо ещё реализовать. Или риши рассчитывают, что совершающий жертву сумеет найти именно реализовавшего принцип бесформенности евнуха, а не просто какую-нибудь старую развалину с мешком ячменя за плечами?

— Совершенно верно, обыкновенный евнух им не нужен. Важна сущность, а не внешний вид.

— Не о том ли говорил Иисус, когда упоминал скопцов, которые сами сделали себя скопцами ради Царствия Небесного? — На ум мне пришло

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Евангелие от Матфея, 12-й стих 19-й главы.

— Именно о том. И обрати внимание, что с этими словами он обращался не ко всем, а лишь к тем, кто способен был правильно понять смысл сказанного.

— К «имеющим уши»?

— И к «имеющим глаза».

— Значит, совокупление настолько запятнало Парашару, что он был вынужден родиться вновь?

— Да. И к несчастью, его новая личность оказалась не такой уж просветлённой. Отец хотел его многому научить, но у него ничего не вышло. В отчаянии он спросил сына: «Почему ты ничего не можешь понять, ничему не можешь научиться? Почему все мои труды зря?» Мальчик ответил: «Не знаю, отец. Наверное, из-за моих плохих прошлых карм». Услышав такой ответ от своего бестолкового сына, отец сильно разозлился и закричал: «Убирайся отсюда! Ступай в лес и выполняй Гаятри, и, может быть, тебе полегчает!» И мальчик ушёл в лес.

— Разум отца помутился. Что, если мальчик действительно страдал от своих плохих прошлых карм? Какой отец не жалится над собственным сыном, над его ошибками в прошлом? Родители должны прощать, а не проклинать и издеваться. Однако если бы не этот жестокий приказ отца, мальчик не пришёл бы к просветлению столь быстро. Отец его, по всей видимости, не знал, что мальчику было крайне важно выполнить солнечную садхану. Почему? Потому что Парашара умышленно отвернул солнце в тот роковой день, когда от него забеременела Матсьягандха.

— И это тоже было кармой?!

— Ещё какой! Планеты требуют самого почтительного обращения. Итак, мальчишка отправился в лес, нашёл подходящее место, соорудил гамак, сплетя двенадцать прочных лиан в продольном направлении с тремя в поперечном, повесил гамак меж двух деревьев, внизу развел костер и устроился в гамаке, повторяя Гаятри-мантру. Каждый год он отрезал по одной лиане, так что через одиннадцать лет под ним остался только один высохший канат.

— Когда двенадцатый год подходил к концу, он сказал себе: «Если я не добьюсь успеха в овладении мантрой и если я не увижу бога солнца к исходу этих двенадцати лет, мне не останется ничего другого, как покончить с собой».

— Однако божества не жестоки, а очень даже добры. В последний день садханы он увидел приближающегося к нему садху, от которого

исходило неземное, лучезарное свечение, и понял, что само солнце — *Сурья Нараяна* — пришло к нему в человеческом облике. Он низко поклонился, и Сурья заговорил с ним: «Так что же ты хочешь, сынок?» И мальчик сказал, что хотел бы стать великим астрологом. Почему он просил именно об этом? Во-первых, потому что Парашара — его предыдущее воплощение — прекрасно разбирался в астрологии, и это дало себя знать, а во-вторых, кто может лучше обучить астрологии, как не само солнце?

— Сурья благословил его, сказав: «До тех пор, пока солнце и луна пребудут на небе, ты будешь величайшим среди астрологов, бывших и будущих». С этими словами он исчез, а мальчик простился с местом своей аскезы и отправился домой. Отец узнал его и мучимый угрызениями совести со слезами бросился к нему навстречу: «Удачлив ты или нет — какая разница! Приди ко мне и обними меня!» Сын отвечал прекрасными стихами на санскрите, и отец понял, что всё это время он действительно посвятил Гаятри, ибо Гаятри является матерью санскрита. Через некоторое время мальчик, получивший имя *Михирачарья* в честь своей садханы (Михира — это одно из имён солнца), стал украшением царского двора.

— Когда у царя родился сын, придворные астрологи собрались для предсказания его судьбы. Все за исключением Михиры утверждали, что ему предстоит долгая жизнь мудрого и справедливого правителя. Михира сказал: «Мальчик умрёт в возрасте трёх лет от роду, в такой-то день и в такой-то час, и забодает его насмерть дикий кабан (*варана*)». Царь на это ответил: «Прошу тебя, уважаемый Михира, измени своё предсказание. Скажи что-нибудь хорошее, как все остальные». Но Михира сказал: «Увы, ваше величество, всё будет именно так, как я говорю. Это судьба».

— Царь выстроил семиэтажную башню и поселил сына на самом верху, окружил его вооружённой охраной, чтобы ни один кабан не сумел до него добраться. И вот в предсказанный день царь и завистливые придворные ожидали посрамления Михиры и наказания, которое должно было неминуемо за этим последовать. Каково же было их удивление, когда в точно назначенный час на седьмом этаже башни сломался флагшток и упал прямо на ребёнка, игравшего под ним. Верхушку флага украшала царская эмблема: голова дикого кабана, отлитая из чистого золота и весившая не менее восьмидесяти фунтов. Клык кабана вонзился в грудь ребёнка, и мальчик сразу умер.

— Царь был в ужасе. «О повелитель, — обратился к нему Михира, — ребёнка убил кабан, как я и предсказал». Потрясённый царь ответил: «Ты наумудрейший из моих астрологов. В память об этом блестящем

предсказания я буду звать тебя *Варана Михира*». Варана Михира написал много известных астрологических трактатов. Впрочем, в этой науке он следовал системе Парашары, внося в неё лишь незначительные изменения.

— Так и должно быть: ведь ещё недавно он сам был Парашарой.

— Но даже Варана Михира, говоря о судьбе, не понимал вполне смысл своих слов. Судьба — это великая сила, абсолютно невероятные события свершаются, если это им назначено судьбой. Но ещё сильнее судьбы Бог. На хинди есть поговорка: «*Кхуда мехербан то гадда бхи пахалван*», что значит: «По милости Божьей и осел может стать борцом».

— И Дженду Кумар?

— Хватит дразнить меня! Да, и Дженду Кумар тоже, но в том и только в том случае, если Богу понравятся его выкрутасы. А в этом я сильно сомневаюсь, поэтому давай оставим этот разговор.

— По крайней мере Бог был милостив к тебе и позволил Репею вернуть тебе долг.

— Природа очень добра ко мне, Робби. Это всё, что я могу тебе сказать: Природа очень добра ко мне. Бог может абсолютно всё — сколько раз я убеждался в этом собственными глазами! Вот почему я день и ночь молюсь о том, чтобы Бог ниспослал мне большую бхакти. Я уверен, что если я буду до конца искренним в своём служении Богу, то он даст мне всё — в чём бы я ни нуждался.

* * *

Осенью 1979 года после изматывающей сессии в колледже я переехал в Бомбей и стал свидетелем того, как Репей одерживал одну победу за другой. Примерно тогда же Вималананда приобрёл у Бомана Хансотья уверенно выступавшую лошадь первого класса по кличке Онслот («Прорыв»). Перейдя в руки Вималананды, Онслот стал часто побеждать на скачках, хотя при прежнем владельце такого с ним не случалось. Казалось, все наши лошади были в превосходной форме, даже Баджаранги, купленный ещё тогда, когда тренером был Лафанж. Именно Лафанж правдами и неправдами уговорил Вималананду купить эту лошадь, и Вималананда согласился, о чём впоследствии не переставал жалеть. «Взять хотя бы то, что он гнедой, — говорил Вималананда. — Любой дурак знает, что у гнедых вечные проблемы со здоровьем». В случае с Баджаранги это оказалось правдой. Жокеи жаловались, что он всегда норовил убрать из-под них спину, начинал ёрзать, когда на него садились, как будто это причиняло ему боль. Никто не мог понять, в чём дело. Никакой болезни обнаружить не удавалось, равно как и облегчить

его состояние. Не помог и доктор Сингх — чудаковатый ветеринар, который искал случая показать своё мастерство в лошадином массаже и размахивал перед нами «Турага самхитой», древним санскритским трактатом об искусстве обращения с лошадьми.

Тем временем я продолжал заниматься изучением трав в аюрведическом колледже и однажды утром пришёл к Вималананде с предложением дать Баджаранги *бхаллатаку* (*Semecarpus anacardium*) местного приготовления — плоды крайне ядовитого растения, которые при соответствующей обработке часто давали хорошие результаты при лечении таких непохожих заболеваний, как зоб, паралич и бесплодие. Вконец озадаченный странным поведением Баджаранги, Вималананда согласился, и как истинные экспериментаторы мы решили, соблюдая меры предосторожности, испытать препарат и на себе — просто ради того, чтобы посмотреть, что будет. Мы дали лошади две столовые ложки, а сами приняли по половине чайной.

Как выяснилось, снадобье было приготовлено с отклонениями от рецептуры, что вызвало у лошади острейшие боли в животе, а у экспериментаторов — обильные кожные сыпи. Но всё-таки лечение не прошло даром. Техмул сообщил, что интерес Баджаранги к скачкам заметно возрос, хотя он и не перестал ёрзать в момент седлания. Мы с Вималанандой тоже заметили его усилившееся рвение и прилив новых сил.

Кожа Вималананды была темнее моей, и, применив соответствующее противоядие, он за три дня совершенно избавился от сыпи. На белых бхаллатака всегда действует сильнее, и, несмотря на все мои старания, мне понадобилось целых две недели, чтобы из ярко-розового вновь постепенно превратиться в человека с нормальным цветом кожи. В колледже все решили, что я страшно обгорел на солнце, но на самом деле таково было действие урушиола — яда, который также содержится в ядоносном сумахе, кожуре манго, шелухе кешью и некоторых других растениях. У меня сыпь была та же, что бывает при употреблении ядовитого сумаха, с той лишь разницей, что сильнейший зуд чувствовался не на коже, а под ней примерно на глубине дюйма. Я видел, что противоядие постепенно оказывает действие и покраснение спадает, и всё-таки пару бессонных ночей я провёл в тщетных попытках унять зуд, расчёсывая и раздирая свои раны. «Благодари Бога, что мы знали состав этой дряни, — сказал Вималананда, когда стало ясно, что всё обошлось благополучно. — Однажды я лечил женщину, которой тайком давали бхаллатаку. Ни одно обычное средство не помогало, потому что никто не подозревал, в чём дело. Так она страдала два года перед тем, как обратилась ко мне. Я дал ей особое противоядие, и она поправилась».

Баджаранги оставался нашей главной заботой на протяжении всего 1979 года, и к весне 1980-го мы уже готовы были махнуть на него рукой. Но по счастливой случайности как-то после полудня к нам на конюшню заехал изобретательный доктор Мартанда. Переходя от стойла к стойлу, мы знакомили его с «четвероногими детьми» Вималананды, и дойдя до Баджаранги, дали полную волю своему раздражению. «Что я слышу? — удивился доктор. — Такой пустяк, и никто не может с ним справиться? Это же типичный случай костномозговой недостаточности, особенно что касается костей спины. А костный мозг является основанием Шукры. Отсюда — слабое семяизвержение и общее понижение жизненного тонуса». Великолепно, подумал я. Репей не знал, куда девать свою сперму, а Баджаранги не знает, где бы её раздобыть. «Я вылечу его в два прихода, — сказал доктор Мартанда. — От вас требуется только то, чтобы после приёма лекарства выдавали ему суп, сваренный из двенадцати бедренных козлиных костей. Если не ошибётесь, всё будет в порядке».

«Сахиб, — мягко проговорил Вималананда, — у лошадей нет желчного пузыря, и такая жирная пища, как костный бульон, ведёт к несварению и мучительной смерти».

«Ни капельки не беспокойся, — доктор Мартанда расплылся в широкой улыбке. — Я ручаюсь, что ничего страшного с ним не случится».

Мы с Вималанандой в растерянности посмотрели друг на друга. Пауза затягивалась, и наконец он произнёс так, чтобы только я слышал: «А что мы теряем?». Техмул был категорически против подобного метода лечения, и согласился лишь тогда, когда понял, что получит страховую компенсацию в случае неудачного исхода. Конюх пошёл на рынок закупить нужных костей. На следующее утро доктор Мартанда прибыл на конюшню сразу после утренней тренировки, чтобы ввести первую дозу лекарства. Техмул стоял рядом, ожидая несчастья каждую минуту. Но осложнений не последовало ни в тот день, ни на следующий, и жокей, седлавший Баджаранги, сообщил, что его бесконечные «танцы» кончились. Видимо, костный мозг из козлиных костей перешёл в его кости: с каждым днём он работал всё лучше и лучше. День, когда он участвовал в скачках, стал для нас едва ли не самым запоминающимся событием сезона. Вималананда не сделал на него ставку, но мы и так были счастливы видеть коня, доставившего нам столько неприятностей в прошлом, скачущим на равных с другими лошадьми под взволнованный рев трибун.

Однако после первых скачек стало ясно, что Баджаранги для победы

явно не хватало честолубия, и мы решили проститься с ним. После этого Вималананда задался вопросом, насколько мудрым было его решение назвать коня, испытывающего проблемы с семенем, именем Баджаранги — одним из санскритских имён Анджанеи в переводе на хинди. Он рассчитывал при помощи имени стимулировать жизненные силы коня и его волю к победе. Теперь же Вималананда рассуждал о том, что это решение могло привести к обратному эффекту.

— Выбирая ребёнку имя, лучше всего назвать его в честь бога. Если ты помнишь, то именно это спасло в своё время Аджамилу. Когда за ним пришла смерть, он позвал своего сына Нараяну, но случилось так, что на это имя откликнулся Сам Нараяна, Великий Вишну. Я не собирался делать бизнес на имени Анджаней, когда назвал коня таким именем, но вполне возможно, что с точки зрения закона кармы всё представляется именно так, ибо скачки — это прежде всего деньги. В действительности это имя могло затормозить его развитие. До чего же трудно постичь все тонкости закона кармы!

— И охватить его целиком.

— Совершенно невозможно, даже для риши. Тогда эта идея показалась мне вполне приемлемой, потому что Анджанея не однажды помогал мне в прошлом. Когда зелёным юнцом я готовил себя в борцы, я держался только благодаря поддержке Анджанеи. Разве смог бы я выстоять самостоятельно? Смешно сказать!

Анджанея — покровитель борцовского искусства — продолжал поддерживать Вималананду и в пору моего знакомства с ним. Будучи пожилым человеком шестидесяти с лишним лет с большим сердцем в придачу, он с неизменным успехом побеждал молодых махараштрийских борцов, которые приходили получить его благословение перед состязаниями, предлагая им помериться силой рук. Прижимая к столу их переливающиеся мускулами руки, он утешал посрамлённых соперников словами: «Не беспокойся, малыш. Кто из людей может соперничать с Анджанеей? Помни об этом, и не забудь у себя в деревне воздать должное храму Анджанеи».

Весной и летом 1980 года в соответствии с программой подготовки врачей-аюрведистов я был занят на стажировке в благотворительной аюрведической клинике имени Тарачанда Рамнатха. В редкие выходные дни мне удавалось съездить в Бомбей, чтобы повидаться с Вималанандой. Иногда он сам приезжал в Пуну, чтобы навестить своих «четвероногих детей». Он останавливался в гостинице, и некоторые из моих научных руководителей регулярно навещали его, надеясь воспользоваться на практике теми загадочными методами, которые в

своих разговорах время от времени упоминал Вималананда. Их подкупало его знание минералов и трав, а также умение ставить диагноз по своему пульсу. Он же в глубине души надеялся пошатнуть естественнонаучную точку зрения кого-нибудь из них, но за исключением доктора Васанта Лада он не ощущал в людях должной отдачи.

Вималананда высоко ценил преданность доктора Лада своему гуру Хамбиру и своему личному божеству Ганеше и помогал ему и его семье различными путями. Коллеги Лада, ставившие себя выше его, начали завидовать и требовали от Вималананды содействия в своих делах, которого они, по их мнению, вполне заслуживали. Однако поскольку Вималананда не находил в них глубокого интереса к аюрведе, джотишу, тантре или другим направлениям классического индийского знания, он старался избегать контактов с ними. Делал он это весьма изобретательно. Например, когда доктор Потдукхе привёл однажды к нему своего отца, страдавшего хронической слабостью кишечника, Вималананда заявил: «Спору нет — вылечить можно. За это я вам ручаюсь. Но на это уйдут все ваши деньги. Так что выбирайте, что вам больше нравится: здоровые кишки — худые кошельки, или наоборот?» Они обещали подумать, а после их ухода Вималананда сказал мне, что они больше никогда не явятся сюда вновь, и его прогноз оказался верен.

Невежество врачей сильно печалило Вималананду. Ему казалось, что всякий, кто с благословения Господа прикасается к сокровищнице древних санскритских учений, должен проявлять ту же ши -роту ума, проницательность и жажду знаний, которые с такой видимой лёгкостью достались ему. Отсутствие искусства, грации и культуры в интеллигентных — в других отношениях — людях всегда неприятно поражало его. В 1980 году он следующими словами откликнулся на приглашение руководства моего колледжа к участию в совместной работе:

«Нет ничего удивительного в том, что в наши дни никто не хочет изучать аюрведу. Причину я вижу в том, что истинных учителей аюрведы сейчас нет. Если вы хотите, чтобы ваши студенты действительно поняли дух аюрведы, то первое, чему вы должны научить их, это четыре пункта, из которых состоит вся медицина: *духкха, духкха на карана, карана как упайя, аур упайя как анта* (то есть «несчастье, причина несчастья, средство избавления от причины и конец применения средства»). Как врачи-аюрведисты, мы хотим освободить наших больных прежде всего от физических страданий. А это значит, что мы должны двигаться против естественного хода развития болезни: от *дхату* (тканей) *кмала* (отходы). Объясните студентам, почему диагностика обычно производится по

отходам. Отходы суть продукты метаболизма, в процессе которого формируются ткани, а это значит, что, зная малу, мы можем судить о дхату.

Но к сожалению, люди крайне невнимательны к своим мала. Взять, например, перхоть. Исследование перхоти может дать массу полезной информации, в особенности о состоянии костей, учитывая тот факт, что волос есть *упадхату* (вторичная ткань) кости. В определённом смысле кости являются мостом между астральным телом, или умом, и физическим телом. Кости подчиняются Вайю (элементу воздуха), которому в организме соответствует прана. Управление праной есть управление умом, и наоборот. Кроме того, будучи особым рода тканью, кость есть основа костного мозга, который есть основа Шукры, которая есть основа оджаса, который есть основа здоровья. Изучите досконально перхоть, и здоровье пациента перестанет быть для вас тайной.

Хорошее здоровье зависит от хорошего питания тканей, а это значит, что нужно удовлетворять вкусы в теле. Отсутствие или недостаток вкуса говорит о нарушении метаболизма. Больной человек не проявляет интереса к еде — он лишён вкуса. Отсутствие внутреннего вкуса в организме больного желтухой ведёт к отсутствию аппетита. Расстройство внутренних вкусовых процессов приводит к тому, что при лихорадке теряется аппетит. Аюрведа — это единственная школа медицины, которая предписывает восстановление вкусов в организме. Пусть ваши студенты узнают об этом!

Все вкусы заключены внутри, но люди ищут их снаружи, в пище. Наша задача как врачей состоит в том, чтобы создать здоровый вкус в организме больного человека, так чтобы полноценное питание поступало в ткани и возрастал естественный иммунитет в форме оджаса. Вот почему мы используем лекарства. Не для того чтобы подавить болезнь, как делают аллопаты, но чтобы восстановить в организме естественное равновесие. Великий знаток аюрведы Чарака изучал лекарственные растения, просто наблюдая за тем, что едят больные животные. Так и надо учить студентов. Нужно научить их разговаривать с растениями, чтобы растение само поведало им: «Вот мои свойства, мои вкусы, мои полезные части, и я помогаю от такой-то болезни». Настоящий знаток аюрведы знает, что каждое растение предлагает тысячи разнообразных способов использования.

Объясните студентам, почему мы предпочитаем изготавливать препараты из растений. Растения и животные изумительно дополняют друг друга. Растения вдыхают углекислый газ и выдыхают кислород, а животные дышат кислородом и выдыхают углекислоту. Объясните им

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

все тонкости сбора лекарственных трав. Объясните, почему мы не собираем травы ночью. По ночам растения дышат, и брать их ночью — всё равно что душиТЬ. Но если вы задушите растение, разве оно будет заинтересовано помочь вам в лечении вашего пациента? Объясните своим ученикам, как одно растение обезвреживает другое. Расскажите им о таинственных свойствах апамарги (*Achyranthes aspera*), тулси (*Ocimum sanctum*) и вилвы (*Aegle marmelos*) — растений, которые могут дать ясновидение и яснослышание. Расскажите им о том, чем ограничено использование трав, и почему мы также используем лекарства, изготовленные из минералов. Но прежде всего раскройте перед ними подлинное значение *Расаяны* (омоложения; буквально «Путь расы»), ибо только через *расу* (вкус, сок, чувство) и возможно омоложение».

Учёные мужи важно покивали головами и вежливо поблагодарили его за ценные советы, но когда мы снова остались одни, Вималананда в тоске покачал головой и произнёс:

— Ну разве стоит удивляться, что аюрведа нынче в таком безнадёжном положении? Эти профессора — хорошие люди, и я против них ничего не имею, но ведь они ничего не знают об аюрведе. Как же они собираются тебя учить? Они не понимают простейших вещей, например — как следует обращаться со своим организмом. Какой толк в знании аюрведы, если ты даже не знаешь, как надо обращаться со своим организмом, как его развивать и поддерживать?

В нём говорил борец.

— А как лучше всего развивать организм? — спросил я.

— Всё зависит от человека, — ответил он. — Для многих хорошо подходит *бханг*. Борцы в Бенаресе разработали целую науку, как включить *бханг* в тренировочный режим. После утренней разминки они купаются в Ганге, затем два часа массаж, затем снова водные процедуры, плотная еда и сон. Отдохнув, они идут испражняться, облегчая кишечник и ум, затем новое омовение, массаж и только тогда — *бханг*. Они садятся есть, когда опьянение *бхангом* достигает высшей точки. Можешь попробовать. Тело у тебя будет замечательное.

— Но ведь такое использование *бханга* не помогает им снять ограничения с Кундалини.

— Конечно, не помогает. Наоборот, ахамкара ещё прочнее привязывается к телу. Но ты сам должен решить, что ты хочешь делать со своей жизнью, и после этого звать на помощь аюрведу. Если ты хочешь с помощью *бханга* пробудить Кундалини, то применять его нужно иначе, и я сомневаюсь, что твои учёные профессора знают как.

Имеют ли они хоть какое-то представление о настоящем омоложении? Слышали ли они, что травы способны продлевать жизнь до 400-500 лет, а при верном использовании ртути жизнь можно сделать практически бесконечной? Умеют ли они извлекать медь из павлиньих перьев и ртуть из листьев вилвы? Известно ли им, что показатели алхимического золота отличаются от показателей ископаемого при замерах на масс-спектрометре? Они учат вас химии, но знают ли они что-нибудь вообще о настоящей «*Раса Шастре*» (алхимии)? Слышали ли они — я даже не спрашиваю, видели ли, — сколько есть способов приведения ртути в твёрдое состояние? А ведь ещё есть несколько способов, как сделать ртуть *агнистхайи* («жаропрочной»), так что она не плавится в огне. Настоящую алхимию, мой мальчик, не так-то легко постичь. Овладеть ею на практике — ещё труднее. Даже удивительно, что так много ваших учёных интересуется ею.

— В чём я отличен от большинства врачей, так это в том, что очень многие из них — не все, но очень многие — рассматривают лечение человека как способ заработать деньги. Я же смотрю на больных глазами Смашан Тары как на своих детей. У меня такое чувство, когда я лечу человека, как будто я помогаю сыну или дочери. Я люблю лечить людей, но я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, как я это делаю. К чему людям это знать? Больному важен результат лечения, а не процесс. Но если они врачи, то мне очень *не хочется*, чтобы они узнали, как я лечу. Потому что если они узнают, они сейчас же бросятся продавать это знание на каждом углу. Они начнут отбирать деньги у больных и набивать ими свои карманы. И вдобавок они ничего не знают о том, сколько дней и ночей кропотливого труда я положил, чтобы узнать то, что я знаю. Вот почему я всегда стараюсь действовать по-новому: чтобы никто не мог точно скопировать то, что я делаю.

— Было время, когда всех своих пациентов я потчевал касторкой. Давал каждому по унции, кто бы ко мне ни приходил. И всё было нормально, ни у кого не было ни осложнений, ни поноса. Наоборот, каждый чувствовал облегчение от своей болезни. И вот одна дама, видя, каким образом я лечу больных, решила взять это на вооружение. Она делала в точности, что и я, но ни один пациенту её не поправился. Более того, всем становилось хуже. Тогда она пришла ко мне и потребовала объяснений. Но я ответил вопросом: «Кто вас просил этим заниматься?»

— И что она сказала?

— Ничего. Что она могла сказать?

— Разумеется, — сказал я. — Дело было не в касторке, а кое в чём другом.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Разумеется, — эхом откликнулся он. — Это было нечто эфирное, пользовавшееся касторкой как проводником для оказания эффекта. Касторка сама по себе хорошее средство, но этот эфирный доброжелатель в принципе мог выбрать в посредники что угодно. Как-то моего друга Фарам одолели приступы кишечной колики. Я открыл его домашнюю аптечку и из первой попавшейся склянки высыпал две таблетки и дал ему. Боль прошла. А несколько недель спустя, когда меня не было в Бомбее, боли начались снова. Тогда Фарам достал ту же склянку, чтобы самостоятельно принять необходимую дозу. На этот раз он посмотрел на этикетку и обнаружил, что это был гормональный препарат, которым пользовалась его жена для нормализации менструального цикла. Он пришёл в такую ярость, что вышвырнул флакон со всем содержимым в окно!

— Видимо, он не преминул сказать тебе пару ласковых, когда ты вернулся.

— Он никогда со мной не церемонился, и я отвечал ему тем же. Вот такие мы были друзья.

Вималананда улыбнулся и продолжал:

— Жена Фарам долгие годы страдала от избыточного менструального кровотечения. Двадцать дней в месяц из неё текла кровь. Она безрезультатно перепробовала всё что могла. Вконец измученная, она пришла ко мне и сказала: «Всё, с меня довольно. Я больше не могу. Я сделаю гистеректомию». Я спросил её: «Тебе нужно просто остановить кровь? Тогда не беспокойся. Выпей воды», — и я протянул ей полный стакан воды. Она выпила, и с тех пор её цикл стал совершенно нормальным.

— В каждой женщине я вижу Ма, и я не могу допустить, чтобы Ма страдала. Однажды, гостя у своего приятеля, я услышал стоны из соседней комнаты. Я спросил его, в чём дело, и он ответил: «Ох, это моя сестра. Весь день у неё схватки, а родов никак нет. Боюсь, что придётся делать кесарево сечение». — «Дай мне блестящий металлический поднос, — попросил я его, — что-нибудь из того германского серебра, которое ты так обожаешь». На подносе я пальцем начертил *янтру*. Видеть её он не мог, озадаченный моими действиями, спросил, что это я делаю. Я не стал отвечать и прошёл в комнату, где лежала его сестра. Я показал поднос ей. Она тоже не видела *янтру*, но через несколько минут ребёнок благополучно появился на свет.

— Теперь я понимаю, почему все твои приятели так докучают тебе просьбами о лечении их самих, их родных и знакомых. Они знают, на что ты способен.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Убедившись в некоторых моих способностях, люди стараются использовать их с выгодой для себя. Их корыстные намерения очевидны. Некоторые даже советовали мне всерьёз заняться широкой врачебной практикой. Но не считая того, что известность в корне разрушила бы мою личную жизнь, как быть с рнанубандханой? Я ведь должен всегда иметь соответствующую рнанубандхану с тем, кого я лечу.

— И это справедливо для любого врача?

— Да, и для любого астролога, и вообще для всех тех, кто своим умением хочет помочь людям. Но рнанубандханы связывают меня с таким огромным числом людей, что если бы я захотел вылечить всех их сразу, я бы быстро лишился всей своей шакти. Я не Иисус и я никогда не называл себя бхагаваном.

— Иногда моя собственная карма становится трудно выносимой, так что приходится стараться, чтобы спасти самого себя. Не скажу, что эти самоисцеления мне особенно по душе. Я считаю, что лучше пострадать сейчас и снять с себя тяжесть своих карм, чем прятаться от них. Всё равно они когда-нибудь тебя достанут. Но если ситуация критическая, надо действовать не рассуждая.

— Несколько лет назад в Бомбее жил доктор Дурандар. Когда погиб его сын, он чуть не сошёл с ума. А через некоторое время он начал обращаться со мной как со своим сыном. Он не давал мне прохода, лез в мои дела, беспокоился о моём здоровье. Он доставал мне лекарства, когда надо, а иногда и когда не надо. В качестве антибиотика он обычно колол мне пенициллин, но однажды пенициллина под рукой не оказалось, и он сделал мне укол стрептомицина. До этого я никогда не имел дела со стрептомицином, и он подействовал на меня ужасно: температура, озноб, запор. Я подумал, что мне конец. Я позвал друзей, и они сели вокруг меня с плачем, думая, что я умираю. Повторяю, что я и сам так думал. Фарам по обыкновению ругался на меня. Обычно, если я не слышал его ругани несколько дней, я спрашивал: «Дитя моё, с тобой всё в порядке? Что-то я давненько не слышал твоего ангельского голосочка». Он заводился опять, кляня на чём свет меня и всю мою родню. А мне нравилось: ведь таким образом он выражал свою любовь.

Как раз когда Фарам поносил последними словами Дурандара за его укол, Дурандар неожиданно вошёл, чтобы проведать своего пациента. Я не мог допустить, чтобы он застал меня в этом плачевном положении — во мне он видел своего сына, и моё предсмертное состояние было бы таким повторным шоком для него, которого он бы уже не перенёс. И жар как-то исчез, и я почувствовал себя совершенно нормально. Я вежливо поблагодарил за лечение, чем страшно осчастливил его. Но как только он

вышел, меня охватил новый приступ жара, и Фарам снова начал издеваться надо мной.

— Я потерял терпение. Я попросил Рошни принести мне её одеяло. Это было изумительное одеяло из коричневого сатина, которое отец привёз ей из Бирмы, она накрывалась им каждую ночь и никому его не давала. Как только она услышала мою просьбу, она без колебаний вручила мне одеяло. Я попросил накрыть меня и минут через пять почувствовал, что жар из меня перешёл в одеяло. Я сбросил его, и оно лежало на полу и буквально дрожало! Фараму я сказал: «Будь осторожнее! Кто накроется этим одеялом, у того будет жар!» Тогда Фарам, громко выругав всех и выкрикнув на персидский манер «Только не в моём доме!», заставил Рошни выбросить одеяло из окна.

— И что?

— И всё. Я выздоровел. И не спрашивай как.

— Но если жар ты как-то переправил в одеяло, то куда ты переправил свои кармы? Должно быть, они тоже как-то вошли в одеяло.

— Ну, что-то в этом роде.

Я немного попереживал за того бедолагу, который подобрал, должно быть, одеяло на улице, а потом сказал:

— Мораль сей басни такова: никогда ничего не подбирай на улице!

Особенно в Индии! — засмеялся он.

РЕДСТОУН

Бывали времена, когда интерес Вималананды к делам «духовных детей» заметно падал. Это происходило из-за того, что они выказывали не больше почтения и желания учиться, чем «сыновья» Шанкарачарьи. Так случилось и в то утро, когда жена Доши зашла навестить его. Они с мужем приехали в Пуну на выходные, чтобы выполнить хому где-нибудь в окрестностях, и остановились в той же гостинице, что и Вималананда, в соседнем номере. Эта пара почему-то решила, что Вималананде пришла пора поделиться с ними сексуальными секретами тантры. Должно быть, их подстрекали другие ученики Вималананды. Полуодетая госпожа Доши, — сари едва скрывало от взоров её грудь, — постучалась в дверь Вималананды, и стала умолять его показать ей ваджроли или научить совокуплению в позе лата мудра. Невозможно было представить, чтобы такая развратная особа, как госпожа Доши, могла преуспеть в лата мудре — совершенно особой практике, в которой возлюбленные призывают в свои тела Господа Шиву и его супругу Парвати перед тем, как начать любовную игру. И кто надоумил её спрашивать о ваджроли — ещё более недоступной для неё практике, состоящей в том, чтобы с помощью гениталий всосать в себя выделения половых органов партнёра.

Помню, Вималананда часто повторял совет: «Не спеши и расслабься, и всё само собой пойдёт к лучшему, особенно в любовных делах». Видимо, не менее справедливо было и обратное: «Напрягайся и торопись, если хочешь испортить всё дело, особенно в любви». Я ломал голову в поисках приемлемого выхода из столь щекотливой ситуации, в которой оказался мой раздосадованный наставник, как вдруг услышал его в сердцах брошенные слова:

— Да кто она такая?! Неужели она думает, что, показав мне свои голые сиськи, сведёт меня с ума?! Я видал и получше, подо сих пор владею собой!

Я стал успокаивать его всякими нежными словами, а затем решил сознательно плеснуть масла в огонь, чтобы таким образом окончательно разрядить Вималананду от негодования по поводу нашей нетерпеливой гостьи:

— Быть может, она решила, что стала уже какой-нибудь великой бхайрави, — сказал я. Бхайрави — это женская роль в практике лата мудры.

Вималананда отреагировал мгновенно:

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Бхайрави, за ногу меня дери?! Да какая она бхайрави, если нияма у неё на нуле! В любой садхане, прежде чем преуспеть, нужно научиться говорить нет всему, что стоит на твоём пути. Рошни кое-чего добилась в своей садхане только потому, что вызубрила три ступени этого «нет».

— Три ступени?

— Первая — это просто «нет», которое ты говоришь своему соблазну. Если это не помогает, ты говоришь: «Уходи! Исчезни!» Это вторая ступень. Обычно этого бывает достаточно, но если нет, то ты берёшь третье, самое сильное «нет» и орёшь во всё горло: «Проваливай к чертовой матери, так тебя перетак!» Не бойся переборщить. Третья ступень творит чудеса.

Этот инцидент заставил Вималананду вновь вспомнить о моей недавней полуромантической связи с одной студенткой нашего колледжа. Он сильно расстраивался из-за того, что я посвящаю девушке время, которое мог употребить на медитацию или учёбу. Он боялся, что мои недоброжелатели в колледже смогут воспользоваться какой-нибудь нашей неосторожностью и обрушиться на меня. Он опасался, что девушка может потерять своё честное имя, особенно если дело дойдёт до физической близости (что и она и я считали крайне неразумным). Собственно девушка его интересовала мало.

Вот в такой подпорченной атмосфере, вскоре после памятного разговора о Балам Бхате, Фараме и Шанкарачарье он пригласил меня сесть и сказал:

— Пришла пора твоей *саде сати*.

Меня встревожила интонация, с которой это было произнесено, хотя слова сами по себе не были страшными: *саде сати* на хинди означает «семь с половиной». Я постарался придать бодрость своему голосу:

— «Семье половиной»?

— Да. Это семь с половиной лет, в течение которых Сатурн оказывает отрицательное влияние на Луну в твоём гороскопе.

Здесь было о чём задуматься.

— Солнце в джотише считается планетой света, но его действие мягким не назовёшь — солнечные лучи «сжигают» тебя. Лунный свет охлаждает и питает, поэтому Луна в джотише считается самой значительной планетой после Сатурна. Когда Сатурн — планета, несущая иссушение, ограничения и разочарования, — встречается с Луной, он отнимает у неё жизненный сок и усиливает пустоту и одиночество.

Эта перспектива не показалась мне слишком привлекательной.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Каким образом Сатурн, — медленно заговорил я, чтобы унять скачущие мысли, — будет воздействовать на меня?

— Точно так же, как действуют на тебя все остальные планеты — через тонкую гравитацию. Видимые на небе планеты — это массивные физические тела, которые почти никак не влияют на нас. Но по своей природе они суть отражения планет тонкого плана, которые своим тяготением сильно влияют на нас. Тонкая гравитация Сатурна не щадит никого: ни другие планеты, ни дэвов, ни даже его собственного отца — Солнце. Даже риши вынуждены считаться с Сатурном. Риши питают Солнце и, таким образом, заставляют Солнце распространять его влияние на самих себя и на весь мир в целом. Этим путём они приобретают некоторую власть над Сатурном. Конечно, не всю, ибо сами они иногда попадают под чары Сатурна. Пока длится их земное существование, они постоянно должны помнить о Сатурне. Парашара был великим знатоком астрологии, но даже он не избежал влияния Сатурна.

— Прекрасно. Значит, моя песенка наверняка спета. Что же мне теперь делать? Писать завещание?

— Писать завещание, возможно, придётся мне. Знаешь, что обычно случается во время саде сати? *Чатра бханга*.

— Ломается зонтик?..

— Именно. Зонтик — очень полезная вещь, не правда ли? Он спасает от дождя и солнца, он защищает от пяти элементов, он ограждает от внешнего мира. Зонтиком ребёнка являются его родители и родители родителей. Саде сати часто «ломает» этих родственников, уводя их так или иначе со сцены.

— Например, в могилу?

— Да, или в тюрьму. Бывает, что ребёнка крадут или он убегает из дома. У тебя и у Рошни саде сати начинается в одно и то же время, потому что Луна в её гороскопе занимает такое же положение, как и в твоём. Вы оба относитесь ко мне как к отцу, а потому влияние саде сати на меня вряд ли будет благоприятным. Возможно, что и твои родители, и мать Рошни пострадают.

Эти слова оказались пророческими. Вималананда умер во второй половине саде сати, моя мать едва не умерла несколько месяцев спустя, а ещё через несколько месяцев умерла мать Рошни.

— Неужели во всё саде сати нет ничего хорошего?

— Ну зачем же? Лучшее время для садханы — это когда Сатурн «берётся» за тебя, когда его влияние наиболее сильно в твоём гороскопе.

Если ты наладишь добрые отношения с Сатурном, он может довести тебя до величайших духовных высот. Сатурна надо уважать, но ни в коем случае нельзя его бояться. Обычные же люди боятся Сатурна, считают его чуть ли не воплощением дьявола. Но если человек чист, зачем ему беспокоиться о Сатурне?

— Что я должен делать?

— Один способ состоит в том, чтобы носить драгоценные камни и выполнять обряды, направленные на умиротворение соответствующих планет. Другой подход — полностью довериться своему божеству и просить его, чтобы оно само позаботилось обо всём. Я предпочитаю первый путь, за исключением тех случаев, когда сам Сатурн решает, что мне необходимо полностью довериться моему божеству, если я хочу защититься. Но любое колебание в вере создаёт брешь, через которую продолжается влияние Сатурна. Можно уменьшить это влияние — заметить, я говорю об уменьшении, так как полностью искоренить его в этом случае невозможно, — либо с помощью поклонения самому Сатурну, либо с помощью поклонения Шиве, особенно в его воплощении в качестве Анджанеи Взгляни на это изображение Анджанеи на стене. Видишь жезл у него на плече?

— Да, — ответил я с удивившим меня самого раздражением.

— Я уже говорил тебе, что жезлу Анджанеи подчиняются все планеты, кроме Сатурна, который подчиняется его хвосту. Но что это значит? Есть мудра, называемая «Жезл Ханумана», специальное положение руки, которое является частью *ньясы*. Ньяса — это особый метод приглашения божества и размещения его в тонком теле, с тем чтобы оно могло овладеть всем твоим телом. С помощью ньясы садхака освящает свой внутренний храм, так чтобы для божества он выглядел привлекательным и оно не замедлило в него войти. Правильно выполняя «Жезл Ханумана» и пользуясь соответствующей мантрой, можно впустить в себя самого Анджанею. Тогда он изнутри тебя будет следить за поведением планет. Но пока ты не почувствуешь в себе Ханумана, мудра едва ли принесёт тебе какую-нибудь существенную выгоду. Только когда Анджанея сам выполняет мудру через тебя, планеты начинают слушаться беспрекословно.

— Я ещё не почувствовал в себе Анджанею, — с подлинным раскаянием сказал я. — Я и дальше буду поклоняться ему, но всё равно меня ждёт только частичный успех, ограниченные результаты. Могу ли я дополнительно что-нибудь предпринять?

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Можешь. Тебе нужно читать «Величие Сатурна»¹. Это тебе сильно поможет.

Вдохновлённый необычайной серьёзностью Вималананды, я сейчас же пошёл и купил «Величие Сатурна» и приступил к чтению. И словно в подтверждение правильности моих действий — Природа обожает такие штучки! — при следующем походе на ипподром Сатурн буквально вырос у меня на дороге.

— Видишь того старика в махараштрийской одежде? — спросил Вималананда, указывая куда-то вниз между рядами. — Его зовут Дешпанде, и он живёт в Пуне. Однажды он купил жеребца, у которого было что-то не в порядке с нёбом. Ветеринары дружно заявили, что для полного излечения нужна очень сложная операция. Однако все кругом, включая меня самого, считали, что Дешпанде сделает большой промах, если согласится на операцию. И действительно, хорошо разбираясь в аюрведе, он поистине сотворил чудо с этой лошадей, говорю тебе — чудо! Он назвал её Ахлакх, и она не раз приносила ему удачу на скачках.

— Ахлакх! — громко повторил я. — Но ведь это имя лошади из «Величия Сатурна»! Той самой, которая примчала царя Викрамадитью на небеса, когда он оседлал её!

— Отлично! — похвалил Вималананда. — Однако почему он назвал свою лошадь Ахлакхом — это выше моего понимания. Может быть, он думал, что с этим именем конь будет лететь вдоль беговой дорожки, опережая всю скачущую братию.

— Может быть, он надеялся умиловить Сатурна.

— Может быть. Если бы только это было так просто — умиловить Сатурна.

Сатурн по-прежнему не выходил у меня из головы, пока я по велению Вималананды готовился к поездке в Соединённые Штаты, чтобы прочесть цикл лекций по аюрведе. Повинуясь прямому давлению с его стороны, я уже написал одну небольшую книжку, которую за свой счёт издал доктор Мартанда. Кроме того, он организовал обед в Пуне, на который пригласил журналистов различных газет, чтобы представить им меня и мою работу. Журналисты от души поели и погуляли в обмен на лстивые статейки, восхваляющие мою гениальность. Я очень не хотел покидать Вималананду ради приработков на Западе, но он постоянно напоминал мне о моих рна с родителями и родиной и говорил, что эти рна настолько сильны, что лучше не откладывать расплату по ним на

¹ «Величие Сатурна», англ перевод санскритского текста «Шани Махатмьи».

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

потом. «И кроме того, — добавлял он, — представь, как будут счастливы твои родители, увидев, что ты на верном пути! Думаешь, они не волнуются за тебя каждый день своей жизни? Разве ты не хочешь освободить их умы от постоянной тревоги за твою судьбу?»

Однажды, когда он затянул эту песенку снова, я перебил его:

— Но я еду в страну, кишашую асурами, там вся пища заражена микробами корысти! Я же не святой! Мне придётся на каждом шагу думать, как спасти себя от гибели!

— Успокойся, сынок. — В голосе его звучало сострадание. — Я всегда буду с тобой. При любых трудностях вспоминай Анджанею. Он не даст тебе утонуть ни в каком болоте, ни в каких зыбучих песках.

Он немного помолчал, а потом в задумчивости добавил:

— Если бы только эти обезьяны в Америке умели поклоняться Анджанею, они бы смогли вытащить себя из тупика, в котором застряли.

Он и раньше сравнивал людей на Западе с обезьянами, но на этот раз его замечание сильно задело меня и я решил испытать его выдержку:

— А что, индийцы — не обезьяны?

— Я знаю, что говорю, — с ангельским спокойствием ответил он. — А теперь пойми, почему я так сказал. Хотя Рамачандра, седьмая аватара Вишну, давно покинул землю, его преданный почитатель, бессмертный Анджанея, остаётся здесь. Поэтому благословляй Анджанею, как делал это Рама, когда был на земле. Последствия этих благословений проявляются и по сей день. Я обращаюсь умом ко временам Двапара-юги, а это было, может быть, миллион лет назад, когда Рама дал три обещания. Первое — орлу Джатайю, который хотел спасти Ситу от Раваны, даже не зная, кто она такая. Рама пообещал Джатайю, что когда наступит Кали-юга, люди будут поклоняться ему как человеку, хотя он и останется птицей. Орлы по своей природе хищники, а значит — убийцы, но Рама дал Джатайю силу сочувствия и сострадания, чтобы всякий желающий мог найти под его крыльями прибежище и покой. Когда орёл умер, Рама даже положил его голову к себе на колени, чего он не сделал даже тогда, когда умер его отец Дашаратха.

— Кто выбрал своим символом орла? Америка. Америка всегда первой спешит на помощь, если где-нибудь в мире случается голод, наводнение или ещё какая-нибудь катастрофа. Американцы щедры по натуре и любят делиться с другими, когда видят кого-то в нужде. Они действуют так не из корыстных побуждений, а просто потому, что им нравится так поступать, не ради выгоды, но для выполнения того, что

должно быть исполнено. Именно так Джатайю отнёсся к Сите. Некоторые люди утверждают, что в Кали-югу поднесение даров есть высшая форма религиозного служения. Жертвуй по крупному, американцы накопили немалый духовный потенциал. Конечно, они тоже ошибались — взять хотя бы Вьетнам, но всё-таки они до сих пор делают столько добра, сколько не делает никто другой. Так что Америка — это благословение Господа Рама нашей Земле, совершённое через орла Джатайю.

— Второе обещание Рама дал обезьянам, построившим мост на Ланку. Он благословил их на то, чтобы в Кали-юге они стали великими изобретателями и носителями всяческой новизны. Более того, он благословил их на мировое правление. И это также относится к Америке. Американцы завладели миром и своими бесчисленными изобретениями коренным образом преобразовали мир. Если я называю твоих соотечественников обезьянами, то это потому, что они произошли от обезьян. Самое удивительное, что они и сами в это верят! Правда, сейчас они забыли своих предков и используют их при проведении экспериментов. Проклятия, которые на них обрушивает их обезьянья родня, быстро подтачивают данное Рамой благословение.

— Третье обещание он дал Сите. Смысл его в том, что в Кали-юге роль женщин должна сильно возрасти. И именно в Америке дело идёт к тому, что женщины обретут абсолютное равенство с мужчинами. Вот почему я говорю, что Америка — трижды благословенная страна. Я люблю Америку за данную ей благодать, а вовсе не за её богатство и мощь, которые не могут длиться вечно. Скажу больше: Америка с такой скоростью растрчивает свою мощь и богатство, что их осталось не так уж надолго. И всё-таки пока у американцев есть три благословения Рама, а также благословения Рамакришны Парамахамсы и свами Вивекананды, они будут процветать и дальше — некоторое время.

— Благословил ли Рама кого-нибудь ещё? Благословил. Например, Россию. Иначе она не смогла бы стать сверхдержавой. Символ России — медведь. Медведь Джамбавант помогал Раме в поисках Ситы, но помощь его не была столь существенной, как помощь обезьян. А это значит, что Россия никогда не возьмёт верх над Америкой. И слава Богу, я ненавижу коммунизм!

— Силу Америки подтверждает нумерология. Сколько в Америке штатов? Пятьдесят: $5+0=5$. Запомни мои слова: если Америка присоединит ещё один штат, она столкнётся с проблемами. Пятиконечные звёзды украшают их флаги, военную технику и прочее. Пять — это число Гуру, или Брихаспати — планеты Юпитер, который

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

является защитником мира. Кроме того, число пять связано с магией и тайнами. Древние греки, когда шли в бой, на своих щитах писали слово «пять». Далее, у американского флага тринадцать полос: $1+3=4$. Четвёрка символизирует основу, так что у Америки прочная основа. Я часто говорю: если основа прочна, здание простоит долго; если же нет, оно неизбежно развалится.

— А я думал, что шестиконечная звезда тебе нравится больше пятиконечной.

Шестиконечная звезда служила ему янтрой, он рисовал её на дне кострища, когда выполнял хому.

— Обе они хороши, но по-разному. Евреи называют шестиконечную звезду Звездой Давида, а Давид кое-что смыслил в символах. В этом одна из причин, почему израильская армия всё время побеждает. Ты замечал, что на большой государственной печати Соединённых Штатов тоже можно найти шестиконечную звезду, составленную из тринадцати отдельных звёзд?

— Значит, у Америки крепкое основание.

— В принципе да. Но некоторые их кармы ужасны. Не забывай, что американцы покорили Америку обманом. Точнее, вооружённым разбоем — они применили огнестрельное оружие. Разве вооружённый разбой не превратился сейчас в обычное явление их повседневной жизни? А поскольку они прикарманили целую страну с помощью элемента огня, не должно ли им теперь пострадать от этого элемента? Мы видим это уже сейчас: грядёт глобальное потепление, повсюду бушуют лесные пожары и наступают засухи, и если случится ядерная война, большая часть Земли будет выжжена дотла.

— А как быть с выкачиванием нефти из земли? Американцы научили весь мир лучшим способам нефтедобычи. Но нефть — это кровь земли, не должны ли они в ответ поплатиться собственной кровью? Должны, и посмотри, что делает с ними их медицина — она высасывает из них кровь. Каждый американец, отправляясь к врачу, обязательно должен сдать кровь на анализ, хотя бы один раз. Ясно одно: когда их кармы достигнут их, Америке придёт конец. Вопрос в том, когда это случится. Пока американцы будут верны своим принципам и не превратятся в скряг, их процветание будет продолжаться. Сумеют ли они удержаться, зависит от того, насколько они смогут улучшить свою внутреннюю природу, свою коллективную свабхаву. Важно и то, сохранят ли они свои положительные качества, столкнувшись с искажениями и диспропорциями, которые проистекают из тяжести их дурных карм. Благословение Рамы оставляет им некоторую надежду.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

После небольшой паузы Вималананда продолжил:

— Сказать по правде, Робби, мало что остаётся от кармы за вычетом проклятий и благословений. Открой «Рамааяну», открой «Махабхарату» — буквально каждая страница пестрит клятвами и благословениями. И в Библии у вас то же самое. О Притхвирадже и Акбаре я тебе уже рассказывал. Послушай теперь, чем обернулось благословение для знаменитого западного владыки.

— Жил давным-давно риши, и был он *Курма гуру*. Глядя на него, люди видели, что он сидел молчаливо и неподвижно, как черепаха (*курма*), словно бы в полном бездействии. Однако на самом деле он внимательно следил за своими учениками и поддерживал их, невзирая на разделявшее их расстояние. В том же ашраме жила Шабари — старуха из варны шудр, целыми днями она драила полы и утварь, следила за чистой и порядком. Однажды любимый ученик риши проходил мимо неё и сжалился над ней. «Мать, — сказал он, — выполняешь ли ты какую-нибудь садхану?» Она ответила: «Сынок, я бедная необразованная женщина, я ничего не понимаю в санскрите». Тогда юноша сказал: «Мать, даже если ты не умеешь произносить Веды, ты всё равно можешь обращаться к Богу. Просто повторяй: «Мастер, Мастер, когда ты придёшь? Мастер, Мастер, когда ты придёшь? Я вычищу всё, к Твоему приходу всё будет чисто». Повторяй всё время эти слова, и дома, и за работой, и увидишь, что будет». Он дал ей эти слова как мантру, причём мантру на её родном языке, так что ей было легко их произносить. Вообще, всё, что велит произносить риши, есть мантра, не важно на каком языке. Он может дать грамматически неправильную фразу, но это тоже не имеет значения. Такова сила риши.

— Каждый день с утра до вечера Шабари повторяла свою мантру. Она делала это так долго и так старательно, что Рама, который в то время пребывал на земле в своём воплощённом виде, проходя мимо, остановился и захотел познакомиться с ней. Он даже принял от неё плоды ююбы, которые она преподнесла ему. Как видишь, в ашраме настоящего риши все работают по способностям и получают по заслугам. Да и должно ли быть иначе? Риши никогда не оттолкнёт человека, если тот чистосердечен и искренен.

— Рама так напугал Шабари своим появлением, что она постаралась всё довести до совершенства ради него. Она сама пробовала фрукты, перед тем как дать ему, чтобы убедиться в их сладости. Поэтому она слегка надкусила каждый ююб. А как ты знаешь, в Индии не принято предлагать кому-то пищу, которую ты уже попробовал. Никогда не угощай таким образом своих гостей, а особенно — богов и царей. Это

сильнейшее оскорбление!

— Неужели Шабари этого не знала?!

— Как же она могла не знать? Окружавшие её люди из высших каст постоянно напоминали ей об этом. Но её радость видеть Господа была столь велика, что она забыла обо всём, и хотела только одного — сделать всё возможное, чтобы услужить ему. Прочитав её мысли и оценив глубину её искренности и преданности, Рама с удовольствием съел предложенные плоды, а затем благословил её на то, чтобы в следующей жизни она сделалась королевой. Здесь опять в силу закон кармы: сначала трудности и лишения, затем награда. Несколько сотен лет ей пришлось ждать подходящего случая, но наконец он представился, и Шабари родилась английской королевой Викторией. Хотя качества её аскезы не хватило на то, чтобы стать индийской императрицей, ей всё же посчастливилось стать владычицей в стране асуров. Подлинная причина того, почему Англия, которую, если на то пошло, мы считаем страной *млекчей* (варваров) и шудр, сумела завладеть Индией, состояла в том, чтобы Шабари смогла управлять Индией. Родившись Викторией, Шабари имела весьма смутное представление о своей прошлой жизни, но некоторые её прежние черты всё же просвечивали сами собой. Например, она всегда отличалась религиозной терпимостью. Люди любили её, и в Индии она оставила о себе хорошую память. В Калькутте даже построили мемориал в её честь.

— И вокзал Виктории здесь, в Бомбее!

— Совершенно верно. Далее, после смерти ей суждено было получить более низкое рождение. Это было неизбежно, так как она не занималась более аскезой, которая вознесла её столь высоко. И разве не были печальны её последние дни? Это тоже закон кармы: выполнив аскезу, ты наслаждаешься жизнью, но за наслаждениями ты забываешь про аскезу и в результате скатываешься вниз. *Тапешвари се раджешвари, аур раджешвари се наракешвари*: от аскезы к богатству, от богатства к гибели.

— Кто-нибудь должен был ей помочь. Где был её гуру, ученик риши?

— Он вовсе не хотел родиться на Западе, так что ей пришлось отправиться туда одной, однако он не мог совсем оставить её, он должен был находиться где-то поблизости, присматривая за ней, подобно тому как старый добрый Курма присматривал за своими учениками. Риши никогда не бросают своих «детей», даже после того, как «дети» и они сами покинут свои тела. Любовь не ограничена ни пространством, ни временем, ни причинностью.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Если бы королеве Виктории действительно посчастливилось, она бы сумела распространить вокруг себя то благотворное влияние, какое распространялось вокруг Акбара, когда он сделался императором. Вопреки влиянию своих кровожадных предков, он сумел преодолеть врождённую свабхаву — отчасти из-за обилия благословений, полученных им от святых, отчасти в силу хороших самскар, унаследованных от Притхвираджа, его предыдущего воплощения. Акбару действительно выпала большая удача: все, кто его окружал, были людьми выдающимися, замечательными людьми.

— Чего не скажешь о его отпрысках.

— Да нет же! — резко возразил Вималананда. — Если сын его Салим и оказался главным разочарованием его жизни, то дочь его Тадж принесла ему величайшее счастье. Он ласково называл её Диларам. Внешне она вела себя очень просто, но внутренний её мир был чрезвычайно богат. Как-то Акбар спросил её: «Почему ты никогда не наряжаешься в дорогие одежды, чтобы произвести впечатление на придворных?» — «Но на мне и так надето двенадцать одежек», — ответила она и в подтверждение своих слов стала снимать их одну за другой. Сняв с себя всё, она стояла перед ним, прикрывая обеими руками груди и не думая о том, чтобы хоть как-то прикрыть промежность. «Бесстыжая девчонка! — гневно проговорил Акбар. — Как ты смеешь в таком виде стоять передо мной? Где твоё целомудрие?» Она ответила: «Отец, много раз ты видел меня раздетой, когда я была маленькой. С тех пор у меня выросло вот это, — она указала на свои груди, — а это, — она провела рукой между ног, — осталось таким, как было. Вот я и прячу от тебя то, что ты ещё не видел». Что мог сказать на это Акбар? Она была права. В другой раз она помогла ему выиграть очень важную партию в шахматы. Акбар был великолепным шахматистом, порой он мог продумывать игру на сотню ходов вперёд. Таких мастеров называют *шатаранги*. Забавы ради он разыгрывал партии на специально вымощенном дворе, используя своих придворных в качестве шахматных фигур. Ты и сейчас можешь видеть, как это было, в Фатехпур Сикри.

— Но в тот раз он зашёл слишком далеко. Соперником его был один очень знатный вельможа. Акбар был настолько уверен в своём мастерстве, что поставил на кон всё своё царство и дочь в придачу. Но игра сложилась неудачно, и после очередного хода соперника Акбар глубоко задумался. Он понял, что если ему в голову не придёт какое-нибудь гениальное решение, то следующим ходом он получит мат — со всеми вытекающими последствиями.

— И тогда Диларам подсказала ему, как победить в игре. Она подошла

и пропела: «Пойди ладьей сюда, и он ответит вот так, другого выхода нет. Потом передвинь пешку на два поля вперёд, и поставишь мат. Так ты не потеряешь свою Диларам». Акбар сделал так, как она сказала, и выиграл. Он предлагал ей множество разных вещей в награду за помощь, но она на всё отвечала отказом. Она не вышла замуж, а когда умер Акбар, она оставила всё и ушла в Гокул, где жил Кришна, будучи ребёнком. Она очень любила Кришну. Добравшись до Гокула, она сказала: «Я пришла к тебе, милый Кришна». И Кришна взял её к себе.

— Мусульманка, обожавшая Кришну?..

— А что тут такого? Раса Хан, создатель величайших гимнов в честь Кришны, и Хан-и-Ханан Рахим, сын Баирама Хана, воспитателя Акбара, тоже были мусульманами. Рахим был удивительный человек. Когда он служил губернатором в провинции Авадх, он раздавал дары, поднимая руку вверх и опуская глаза, чтобы подчеркнуть, что подлинным дарителем был Бог, а не он. Рахим был женат на Арам Бану Бегум, дочери Акбара.

— При дворе было хорошо известно, что мусульманин Рахим стал поклонником Кришны. Поэтому фанатически настроенные мусульмане постоянно замыслили против него что-нибудь недоброе, всячески желая его унижения. Однажды они решили устроить поэтический конкурс. Суть состязания заключалась в том, что участникам давалась первая строчка двустишия и к ней нужно было сочинить вторую. Победителем считался тот, чья вторая строка окажется наилучшей, то есть будет лучше всего соответствовать первой. Это состязание, известное в Индии с древнейших времён, также использовалось, если человек после длительного отсутствия возвращался в родные места, где уже никто не узнавал его и не мог подтвердить его личность. В этом случае предлагавшаяся строка была частью куплета, известного только тому, за кого себя выдавал претендент.

— Итак, первая строка, предлагавшаяся всеобщему вниманию, была такой: *каффирхе во джо кхьял нахи ислам ка*, что в переводе означало примерно следующее: «Всякий, кто не верит в ислам, — неверный». Фанатики были уверены, что на этот раз Рахим от них не уйдёт. Если во второй строке он скажет что-нибудь благожелательное о Кришне, то это будет прямым оскорблением исламу, и его можно будет уличить в богохульстве. Если же во второй строке он благожелательно отзовется об исламе, то все увидят, как нестойко он был в своём почитании Кришны и как легко поступает принципами. Приспособленчество или страх опозорят его в глазах всех. Рахиму очень не нравилась вся эта затея. Но Акбар решил настоять, и Рахиму не оставалось ничего другого, как

подчиниться императорской воле.

— Фанатики с нетерпением ждали минуты посрамления Рахима, и вскоре месяц, отпущенный по условиям конкурса, истёк. Поэты, собравшиеся во дворце, торжественно прославляли ислам и проклинали неверных. Рахиму было назначено выступать последним. Это было на руку его врагам, которые за счёт контраста рассчитывали ещё больше опозорить его. Но когда пришла его очередь, все онемели от удивления: заданная строка в его двестишии вместо того, чтобы быть первой, стала второй, и весь куплет звучал так:

Кхьял хе во лам, гесу мере пьаре гханшьям ка.

Каффир хе во джо кхьял нахи ислам ка.

(«Верую в тот «лам», что своими локонами создал любимый мой Гханшьям. Еретик тот, кто не верует в этот лучший из-лам».)

— Рахим сочинил хвалебные стихи Кришне (Гханшьям), тонко играя арабскими словами. На хинди арабское «ислам» звучит как «ис лам» (этот лам). Арабский слог «лам» обозначается штрихом, который действительно напоминает силуэт прически. Таким образом, Рахим мог с полным основанием взять слово «ислам» в значении «прическа», а затем указать, что только неверный отказывается почитать волосы Кришны, то есть самого Кришну.

— Такой неожиданный поворот событий обескуражил завистников, но что они могли сделать? Он разгромил их честно и справедливо. Император был счастлив, что Рахим сумел защитить себя с таким блеском. Но на его поздравления Рахим ответил: «Ваше величество, вы стали императором благодаря моему отцу, а моё поклонение Кришне вносит, смею надеяться, некоторый вклад в процветание вашей империи. Я никогда не давал вам повода в чём-либо упрекнуть меня, и всё же по вашей воле было устроено это состязание. И вот теперь я хочу попрощаться с вами. Я ухожу, потому что придворная служба потеряла для меня всякий смысл». Несмотря на уговоры Акбара, он ушёл, и вскоре у Акбара возникли настоящие проблемы.

— Это не было прямым проклятием?

— Нет, Рахим никогда не опускался до проклятий. Тем более он не мог проклясть Акбара, человека, чьим гостеприимством он так долго пользовался. Нет, он просто перестал возносить молитвы о защите и процветании, что делал регулярно, пока находился на службе у Акбара.

Без этих молитв карма Акбара стала сильнее воздействовать на него. Но он продержался ещё некоторое время за счёт благословений, полученных им от святых. Династию моголов однажды благословил даже кто-то из сикхских гуру. Но когда позже моголы стали пытаться сикхских гуру, они потеряли это благословение. А это привело к тому, что они уступили Индию англичанам.

— А как ты думаешь, почему англичане лишились Индии? Они бы до сих пор правили нами, если бы не три проклятия, наложенные на них тремя царями, которых англичане свергли обманным путём и отправили в заточение. Одним из них был царь Бирмы, Тибо, который был таким усердным садхакой, что мог выполнять ваджроли, хотя, конечно, до совершенства ему было далеко. Другим был правитель Авадхи, Ваджид Али Шах, настолько преуспевший в садхане, что сам Кришна являлся танцевать перед ним. Третьим был последний из Великих Моголов Бахадур Шах Зафар, настоящий поэт. Последнее, что он написал, был плач по его судьбе: «Плохая звезда ведёт тебя, Зафар, если на любимой земле ты не можешь найти двух ярдов для своей могилы». Он имел в виду Индию. Когда-то вся Индия была его, и вот теперь он лишился её. И виноваты во всём были англичане. Можешь себе представить его смертные муки и муки двух других царей, оскорблённых англичанами? Этим мук хватило на то, чтобы развалить Британскую империю. Такова сила подлинного проклятия. Пока правила Виктория, благословение риши оберегало её в роли владычицы Индии. Но как только она умерла, проклятия начали проявляться в полную силу, поскольку никто из её преемников не располагал таким благословением, какое защищало её. Проклятия и благословения: вот и весь закон кармы. Не забывай об этом, сынок, когда вернёшься на родину.

* * *

Мой отъезд в Соединённые Штаты в конце августа 1980 года практически совпадал с началом моего саде сати. Во время моего отсутствия Вималананда продолжал заниматься лошадьми. Он начал с того, что выкупил у Эраха Гхасвалы принадлежавшую тому половину прав на Редстоуна. Затем на пару с Техмулом он приобрёл очень симпатичную кобылку, которую назвал Мехерунисса в честь снохи императора Акбара.

Камал выскользнул из рук Вималананды в начале 1981 года. Поскольку и при Лафанже, и при Техмуле он участвовал в скачках и ни разу не победил, мы решили послать его к Лаллу Далалу. Этот тренер, друг Техмула, обещал сделать из него победителя, и мы не видели причин отказываться. Лаллу тренировал лошадей Наваба Сахиба,

утончённого аристократа-мусульманина, который продавал драгоценности, чтобы содержать своих лошадей; их беговые попоны напоминали расцветкой наряды лордов. Одна из дочерей Сахиба была очень дружна с Лаллу, их всюду видели вместе. Ходили слухи, что они были любовниками. Злые языки утверждали, что всё это неспроста, и хитрая девчонка неплохо устроилась, чтобы быть в курсе всех планов Лаллу относительно лошадей своего папаши.

Вопреки обещанию Далала, было похоже, что Камал ничего не задолжал Вималананде, так как он продолжал проигрывать одну скачку за другой. Но когда Вималананда попросил Лаллу вернуть Камала Техмулу, тот отказался это сделать, пока не будут выплачены все долги. Он потребовал немедленной оплаты счетов и возмещения дополнительных издержек. Вималананда переживал большие трудности с деньгами, и ему не оставалось ничего другого, как оставить Камала у Лаллу в счёт погашения этих «издержек», которые были явно завышены. Сразу же после этого Лаллу повёз лошадей на восток, в Хайдерабад, где Камал легко одержал победу. Эта победа заставила всех нас серьёзно задуматься. Объяснение самого Лаллу отличалось невинностью младенца: «Просто он решил, что пора выигрывать. Мои усилия наконец оправдались. Я хочу, чтобы он и дальше продолжал в том же духе, пока хозяином его является вы». Хотя нас одолевали сомнения в искренности его слов, проверить их мы не могли, поскольку лошади устроены куда сложнее, чем машины.

Незадолго до моего возвращения в Индию в октябре 1981 года у Вималананды умерла его любимая собака Лизу, умерла просто от старости. Вималананда ценил любовь превыше всего на свете и очень сокрушался по поводу утраты этого существа, любившего его бескорыстно и самозабвенно. Чтобы облегчить этот удар, я пригласил его в кругосветное путешествие, которое мы и совершили в декабре-январе. Блестящая победа Мехеруниссы 26 декабря 1981 года, в то время как мы гостили у моих родителей в Нью-Мехико, подняла его настроение едва ли не до уровня прежнего оптимизма. Он так развеселился, что сумел уговорить моих трезвенников выпить по глоточку шампанского в честь победы Мехеруниссы.

Вималананда вернулся в Индию в январе 1982 года и сразу отправился в Бангалор, чтобы окончательно решить вопрос относительно второго жеребёнка Стони. Его сопровождала беспокойная мисс Бамбхани, заявлявшая повсюду, что собирается сама заняться лошадьми. Приехав в Бангалор, Вималананда обнаружил, что Гхасвала понял соглашение таким образом, что равное совладение распространяется только на первого жеребёнка, но не на второго. Более того, за второго жеребёнка он

хотел получить гораздо больше, чем Вималананда мог уплатить. В качестве замены Гхасвала предложил ему взять другую, более дешёвую кобылу, на что Вималананда согласился очень неохотно. Во-первых, он мечтал о жеребёнке Стони, а кроме того, он заметил некоторые особенности сложения ног новой кобылы, которые могли быть признаком нездоровья. Гхасвала уверял, что она в полном порядке. Вималананда назвал её Рамагда («игрушка») за её резвый, игривый нрав. Мы полюбили её и она любила нас, но как она ни старалась на скачках, дефект ног давал себя знать. Всё это не улучшило нашего отношения к Гхасвале.

В феврале 1982 года Вималананда наконец осмелился познакомить меня со своим младшим Гуру Махараджем. Он не решался на это раньше, так как хорошо знал, что может сделать со мной Гуру Махарадж, если будет не в духе. Помню, как он внезапно отослал меня домой в США в мае 1977 года под явно надуманным предлогом свидания с родителями буквально за день до того, как Гуру Махарадж без предупреждения приехал в Бомбей, чего не делал с 1959 года. Тогда Вималананда отказывался впустить его в дом, до тех пор пока Гуру Махарадж не пообещал, что не тронет его собаку Лизу, сколь бы долго ни пробыл в доме. Дело в том, что Лизу стала собакой в силу проклятия Гуру Махараджа, и он хотел свести с ней кармические счёты, чтобы освободиться от этой рнанубандханы. Вималананда, со своей стороны, очень дорожил своей собакой и хотел всячески оттянуть момент расставания с ней, и кроме того, он хотел иметь возможность напоминать Гуру Махараджу о последствиях его проклятия.

В тот раз Гуру Махарадж уехал к себе раньше, чем я вернулся из Соединённых Штатов. После такой вылазки его следующего появления в миру стоило ожидать не иначе как лет через двадцать. Поэтому у меня не было другой возможности встретиться с ним, как только отправиться к нему в горы. Вималананда поехал со мной, чтобы в случае необходимости защитить меня, как защитил Лизу, а также чтобы уговорить Гуру Махараджа повлиять на беговые достижения Редстоуна, как десять лет назад он сделал это для Стони. Взамен Вималананда предполагал сделать для Гуру Махараджа кое-какую работу, в которой тот, по его расчётам, нуждался. Но Гуру Махарадж отказался принять нас, и мы вынуждены были уходить несолоно хлебавши.

Стоя у двери, Вималананда в последний раз обратился к гуру:

— Ну сделайте же что-нибудь для моего мальчика! *Ракта Шуддхи* (очищение крови) или ещё что-нибудь!

В ответ Гуру Махарадж, чья любовь была поистине безмерна, выпучил

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

на меня глаза, сильно дёрнул за волосы и вдруг начал сильно шлёпать меня по всему телу.

— Что, Ракта Шуддхи захотелось, а? — вопил он и, прекратив наконец свой странный обряд, сказал: — Вот тебе Ракта Шуддхи!

Сияющий Вималананда обнял меня за плечи и повел к машине.

— Что всё это значит? — спросил я, не скрывая своего удивления.

— Ракта Шуддхи — это прекрасно! Он устранил уйму карм, которые отягощали твой ум. Это поможет тебе, независимо от твоего желания.

В тот день я решил, что Вималананда просто передал меня Гуру Махараджу, словно говоря: «Не знаю, что мне с ним делать, махарадж. Попробуй ты». Позже я убедился в правильности этой догадки. Сам Гуру Махарадж говорил мне потом, что он пообещал Вималананде, что не убьёт меня своим воздействием. Однако в те годы Гуру Махарадж причинял мне много беспокойства, придираясь то к моему питанию, то к моей тогдашней подруге, и довёл меня почти до истерики, устроив невообразимую путаницу вокруг посоха агхори Бабы. Но это уже совсем другая история.

В тот день Вималананда и Гуру Махарадж последний раз встретились во плоти. Когда мы ехали домой, мы увидели у дороги двух совокупающихся свиней. Это забавное зрелище привело Вималананду в полный восторг.

— Нет, Гуру Махарадж по-прежнему любит меня! — смеялся он. — Скоро, скоро Редстоун будет собирать поздравления, вот увидишь!

Так и случилось.

Спустя некоторое время после первой победы Редстоуна мы сидели дома у Вималананды, как вдруг позвонил Гхасвала и сообщил печальную новость — Стони и её новорождённый жеребёнок скончались. Я боялся, что от горя Вималананда потеряет рассудок, но, к моему удивлению, он выглядел совершенно счастливым.

— Теперь она свободна, — сказал он. — Её ждёт лучшее перерождение, и она укрепится на своём духовном пути. Разве это не радость для меня, если я действительно люблю её? А её сын Редстоун — со мной, так что кармическая цепь продолжается. Кроме того, Эрах вовсе её не заслуживал. Он взял её к себе не из любви, а из чисто корыстных соображений. Он надеялся разбогатеть на её детях. Разведение животных с целью продажи — большая карма, даже если ты не шлёшь их на скотобойню. Вот почему я никогда не хотел щенков от моей Лизу. Держать их у себя я бы не мог, а отдавая их чужим людям, я ничего не

знал бы об их судьбе, о том, как с ними обращаются и что с ними происходит. Если бы новый хозяин стал мучить щенка, то огромная доля вины лежала бы на мне: во-первых, потому что по моей воле щенок появился на свет, и во-вторых, потому что я отдал его в эти руки. Отношения с животными влекут не меньшую ответственность, чем отношения с людьми. А может быть, и большую, поскольку животные бессловесны и не могут постоять за себя.

Хотя мне было известно, что Вималананда приложил руку к неожиданной кончине лошади и её жеребёнка (я не раз видел Вималананду за работой, поэтому это не вызывало у меня никаких сомнений), он никогда открыто не признавал своего участия в этом деле.

Теперь, когда от Стоун Айс остался единственный жеребёнок, Вималананда уделял ему самое пристальное внимание, и, в то время как всех наших лошадей мы продолжали баловать яблоками и морковью, Редстоуну доставались ещё более изысканные яства. Радовал Вималананду и завиток на лбу у Редстоуна — хорошая примета, говорившая о том, что эта лошадь не относится к числу *асрударов*, «лошадей, из-за которых проливаются слёзы». В последнем случае завиток на лбу расположен слишком низко и постоянно попадает на глаза. Лошадь-асрудар может заставить вас прослезиться различными способами: расстроив ваше благополучие, или проиграв скачки в тот момент, когда вы поставили особенно крупный куш, или побеждая и принося прибыль тогда, когда это уже ничем не может вам помочь. Идеальная звёздочка на лбу Стоун Айс, прямо над линией бровей, была одной из примет, обещающих удачу. Вималананда всегда обращал моё внимание на такие приметы, выучившись им у одного махараштрийского аристократа, большого начальника в Джате. Одним из самых благоприятных сочетаний примет считалась *панчакальяна* («пять счастливых примет»): четыре белые носочка на ногах и яркая белая звёздочка во лбу.

Книга «Американское коневодство», которую я привёз для него из Америки, ещё сильнее подстегнула интерес Вималананды к Редстоуну. Он часами просиживал над изучением потомственных линий таких знаменитых производителей, как Пот-восемь-о, то есть Пот-ейт-о, или Картофель) и Вакси, или над выведением того факта, что 90% всех чистокровных лошадей произошли от одного-единственного жеребца по кличке Эклипс («Затмение»), который родился во время затмения и за всю жизнь не проиграл ни одной скачки. Вместе мы размышляли о такой наследственной черте, как масть — вороная, гнедая, игреневая, буланая, соловая, караковая, чалая и чубарая, также задавались вопросом, почему у лошади по кличке Герань потомство во

всех линиях почти поголовно отличалось светлыми глазами. Лошадиная, человеческая и божественная генеалогия стала излюбленной темой наших бесед, и я начал разбираться значительно лучше как в разведении лошадей, так и в распутывании сложного клубка индийских мифов.

Часто, заговорив об одном, мы постепенно снова переходили к наследственности. Так случилось и в тот вечер, когда мы обсуждали с нашим ветеринаром, отчего у некоторых лошадей иногда начинают крошиться копыта. Когда доктор ушёл, Вималананда пустился в рассуждение о природе трёх гун: саттвы (равновесия), раджаса (деятельности) и тамаса (инерции). Саттвичное сознание характерно для дэвов, тамастичное — для асуров, а раджас в первую очередь относится к людям. Продвигаясь по духовному пути, человек замещает тамас и раджас саттвой, а затем обращает саттву против самой себя и выходит за пределы трёх гун. Хорошая карма помогает освобождению от рнанубандхан и уз раджаса и тамаса, плохая карма действует в обратном направлении. Конечное просветление лежит за пределами влияния всех трёх гун.

После такого общеобразовательного вступления Вималананда ощутил вдруг вдохновение рассказчика и приступил к следующей истории:

— Во времена халифа Гаруна-аль-Рашида сидели на главном базаре Багдада трое, курили марихуану и спорили о том, кто из них более велик. Спорили и так расшумелись, что их вызвал к себе халиф и спросил, кто они такие.

— А кто они были? На самом деле?

— На самом деле это были Саттва, Раджас, и Тамас. Но ты слушай. Первый сказал: «Я знаток лошадей: я знаю все родословные». Второй сказал: «А я могу всё рассказать о человеке по его лицу». Тогда халиф обернулся к третьему, но тот сказал: «Боюсь, ваше величество, что мне лучше не говорить, кто я такой, ибо если я скажу, вы велите отрезать мне голову». Такой наглый ответ привёл халифа в ярость, и он приказал всех троих заточить в темницу, до тех пор пока у него не появится возможность проверить их способности. Первых двух посадили вместе и хорошо кормили с придворной кухни, а третьего, который не переставал улыбаться, посадили отдельно и ничего не давали есть.

— Вот однажды, находясь в неопределённом состоянии духа, халиф вызвал троицу к себе и сказал, что настало время их испытать. Он вывел коня и спросил первого, чистокровный ли это конь. Внимательно осмотрев коня, тот воскликнул: «Ни в коем случае!» Халиф рассердился и спросил: «Эту лошадь прислал мне в подарок иранский шах. Как же она может не быть чистокровной? Говори, почему ты так решил, или

умрёшь на этом самом месте». Человек ответил: «Всё очень просто, достаточно взглянуть на трещины в копытах. У всех лесных животных растрескавшиеся копыта. Скорее всего этот конь происходит от лесных лошадей. В том лесу, должно быть, каменистая почва, она-то и калечит копыта». Халиф был так потрясён, что не мог произнести ни слова. Придя в себя, он обратился ко второму испытуемому: «Говори мне: я царских кровей или нет? Какова моя родословная?» Он рассчитывал услышать о своём происхождении от Хазрата Имам Хуссейна по линии его дочери. Представь же себе его удивление, когда в ответ он услышал: «Пообещай мне сначала, что ты не накажешь меня за откровенность». Заручившись обещанием, человек сказал: «Ты сын повара». Снова, как и в первом испытании, халиф выхватил меч и произнёс: «Если ты не докажешь своё безумное утверждение, ты умрёшь, как собака». Человек спокойно ответил: «Пойди и спроси свою мать». Халиф немедленно отправился в гарем, нашёл свою мать и, угрожая ей мечом и сверкая глазами, потребовал: «Говори, кто был мой отец? Повар или царь?!» Мать понимающе посмотрела на него и сказала: «Сын мой, отец твой был очень стар, когда мы поженились. У него уже не могло быть детей, а меня очень волновало то, что трон останется без наследника. Случайно я заметила на кухне молодого повара, сильного и красивого, на которого было приятно взглянуть. Он и стал твоим настоящим отцом». Потрясённый халиф вернулся к месту испытания и сказал второму прорицателю: «Ты абсолютно прав. Но откуда ты узнал?» — «О, это очень просто, — ответил тот. — Заперев нас во дворце, вы продолжали прекрасно кормить нас. Нам отмеряли пищу точными порциями. Настоящие цари не считают, кто сколько съел. Это удел поваров». Халиф буквально потерял дар речи, так что спрашивать третьего незнакомца — а он-то и был Саттвой — у него не осталось ни сил, ни желания. Третий покинул дворец вместе с первыми двумя, так и не показав то, на что он способен. Такое часто происходит с духовными людьми, они не выставляют свои способности напоказ. Халиф на всю жизнь запомнил этот урок. Весной 1982 года началась фолклендская война, и вопросы генеалогии отступили на второй план. Из-за этого конфликта, а также из-за неблагодарного поведения некоторых американских знакомых Вималананды, его дружественный настрой к Западу, укрепившийся было во время недавнего кругосветного путешествия, испарился бесследно и быстро, как ковш воды, выплеснутый на раскалённые угли. В армии ему приходилось командовать гурками¹, и теперь он гордился тем, как они вели себя во время вторжения. Однако ход военных действий в целом вызывал у него сильные подозрения.

¹ Гурки — солдаты-индейцы английских колониальных войск (*Прим. пер.*)

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Британии повезло в том, что за неё вступилась Америка, — с горечью признавал он. — Иначе аргентинские бомбардировщики потопили бы весь английский флот. Американцы поставили аргентинцам бомбы, но в бомбах были негодные взрыватели. Без нормального взрывателя ни одна бомба не сработает. Рискнули бы американцы подложить такую свинью кому-нибудь ещё? Нет, они сделали это только ради Тэтчер. Она — хитрый политик. Она тонко играет на предрассудках Рейгана, внушая ему, что весь англоязычный мир должен держаться вместе. И Рейган клюнул и попался на её удочку.

— Но Тэтчер — не Виктория, и если она думает, что эта война поможет ей сохранить осколки империи, то лучше ей подумать ещё раз. Закону кармы плевать на людей, места и события. Британии стоило бы понять, что её имперские деньки навсегда миновали, и лучше всего ей теперь подходит роль старого доброго хозяина, который отпустил своих слуг на волю. Если бы Британия решила конфликт с Аргентиной миром, благодарные аргентинцы благословили бы англичан, в чём те сейчас так остро нуждаются. Но вместо этого Тэтчер поставила себя и свою страну под удар ещё более злых проклятий, которые усугубят тяжесть кармических долгов. За эту войну обе стороны серьёзно поплатятся, и в кармическом смысле, и в денежном.

— А какая карма у аргентинцев? Чем они её заработали?

— Чем-то заработали, таков закон кармы. Их убитым солдатам суждено было пасть от руки англичанина или гурка, которые вторглись на их острова. Тут другого мнения быть не может. А что касается аргентинских генералов... Вспомни, какие горы злых карм они возложили на себя, когда невинные люди один за другим «исчезали» по их повелению. И эти кармы рано или поздно настигнут их.

— Значит, этот разгром — для генералов только начало?

— О да. У них же все руки в крови, им придётся порядком пострадать. Закон кармы о них позаботится, как позаботился он об одном иранском шахе.

— Ты имеешь в виду последнего иранского шаха? Того, который будто бы установил золотой унитаз в своём личном реактивном самолёте?

— Да, того самого. Ты помнишь, что он проходил коронацию в древнеперсидской столице Персеполисе?

— Ну да.

— Персеполис был необитаем несколько столетий и представлял

собой весьма печальное зрелище до тех пор, пока шаху не пришла в голову мысль возродить его. Он хотел показать всем, что он законный наследник великих персидских императоров прошлого: Кира, Дария, Ксеркса. Но он не подумал о том, как отнесутся великие монархи к тому, что какой-то недотепа посягает на их древний престол. Когда спящие мёртвым сном духи ушедших правителей были разбужены суетой шаха, они стали спрашивать друг друга: «Что это за балбес тужится тут изо всех сил, чтобы сравниться с нами?» Взглянув на него со своей высоты, они увидели, что никакой это не король, а ничем не примечательный офицерский сынок, совершивший дворцовый переворот и назвавший себя шахом. И речи его были сродни пустому и озлобленному собачьему лаю. Наглость этого «шаха», в котором не было ничего шахского (то есть «шахи» — царственного, величественного), привела в ярость покойных императоров, и они проклинали его. Эти клятвы и положили конец его правлению, точно также, как проклятия царей Тибо, Ваджид-али-Шаха и Бахадур Шах Зафара положили конец существованию Британской империи. Если бы шах оставался тем, кем он был, и не строил из себя того, кем он не был, он и по сей день мог бы править Ираном.

— А если бы он действительно был царского рода? Сыграло бы это какую-то роль? Если бы он действительно происходил из завоевателей...

— Может быть, и сыграло бы. На худой конец, он сумел бы понять, в какое тяжёлое и непривлекательное положение он себя ставит.

— Уж не Сатурн ли вдохновил его на идею этой коронации?

— А кто же ещё? Очевидно, что шах исчерпал свою добрую карму, и ему настала пора испытать на себе последствия мириадов своих злых карм. *Винаша кале випарита буддхи* — «когда приходит время твоей гибели, у тебя мутится разум».

— И мутит его именно Сатурн...

— Это его работа.

— Справляется он с ней хорошо.

— Вспоминай об этом всякий раз, как думаешь о Сатурне.

* * *

Когда весной 1982 года Редстоун в очередной раз одержал убедительную победу, Вималананда заподозрил, что его конь может «далеко пойти», иными словами, победить в индийских классических скачках. Наши лошади продолжали тренироваться для состязаний в Пуне, и как-то по пути туда Вималананда поделился со мной своими чувствами:

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Знаешь, Робби, я думал, что мне надоело жить — но нет! Пока нет. Твой старикашка ещё полон жизни! И знаешь кого я должен за это благодарить? Мамрабахен! Если бы не она, я никогда вновь не взялся бы за лошадей. Она завлекла меня. Разумеется, у неё были свои планы, но ей я обязан не только тревогами и неприятностями, но и, в не меньшей степени, радостями и удовольствиями, которых я лишился бы, не будь она столь настойчивой.

Он замолк, отдавшись своим мыслям, а затем неожиданно начал:

— Несколько лет назад жил в Гирнаре один садху. Однажды он решил на некоторое время удалиться в джунгли, чтобы предаться там медитации. Это был очень хороший садху, и дело его пошло так успешно, что Индра испугался и решил послать к нему апсарас, чтобы расшевелить его.

В мифологии пуран Индра всегда посылает какую-нибудь *апсарас*, чтобы помешать медитации того или иного садху, потому что трудяга садху при достаточно напряжённой аскезе может достичь такой силы, которая вознесёт его до состояния самого Индры. Разве Индре это понравится? Конечно, он старается принять меры, чтобы обезопасить своё положение.

— Апсарас слетела к садху, надеясь подразнить его и помучить, но он настолько глубоко ушёл в медитацию, что совершенно не замечал, что происходит вокруг. Тогда сделавшись при помощи сиддхи маленькой, как муха, она стала на нём танцевать. Но и это не помогало. Сначала она танцевала на его туловище, затем — на его лице, и наконец она прыгнула на его космы. Тут он почувствовал некоторое беспокойство, осознал происходящее и сильно разгневался. «Чтоб ты превратилась в обезьяну!» — воскликнул он, и сейчас же она стала обезьяной. От горя она начала плакать, но он велел ей затихнуть и не переживать. Он отнёс её в ашрам и приказал ученикам кормить её лучшей пищей и угощать сладостями, когда бы она ни попросила. Вскоре садху покинул тело, а обезьяна продолжала жить в ашраме. Когда она умерла, её с почётом кремировали и установили ей памятник рядом с памятником самого садху.

— А теперь посмотри, что произошло. Хотя садху и не поддался соблазнам апсарас, он всё-таки создал некоторую карму. Он поддался гневу, и из-за этого потерял часть своей шакти. Также и Мамрабахен стала причиной целой вереницы карм. Но теперь у нас по крайней мере есть надежда на то, что наши труды увенчаются успехом. Редстоун у нас молодец! А как добра к нам Природа!

Он замолчал. Мы подъезжали к Западным гатам, и он целиком сосредоточился на управлении автомобилем. У подножия главной горы

он велел мне бросить монету на счастье, как делали все водители. Конканская прибрежная полоса, на которой стоит Бомбей, соединяется с Деканским нагорьем, где расположена Пуна, дорогой, которая на протяжении пары миль взбирается на высоту двух тысяч футов. В описываемое время она представляла собой шоссе в две полосы, запруженное обычными для Индии средствами передвижения. Здесь были грузовики, автобусы, легковые машины, мотоциклы, телеги, велосипедисты, пеший люди просто животные. Путь наверх был исключительно опасен. Взбираясь всё выше и выше, нужно было следить за тем, чтобы избежать столкновений и не перегреть двигатель. Но я напрасно напрягал всё своё внимание на этом участке дороги, поскольку Вималананда с математической точностью соблюдал расстояние между нами и машинами, проносящимися в обратном направлении. Часто это расстояние сокращалось буквально до двух или даже до одного дюйма, но он продолжал рулить как ни в чём не бывало. «Глазомер, — смеясь, говорил он, — всё дело в глазомере. С хорошим глазомером можно двигаться безбоязненно». «Как по этой дороге, так и по жизни вообще», — додумывал я. Дорога больше не пугала меня своими подъёмами и поворотами, коль скоро я доверился глазомеру Вималананды и его водительскому мастерству. И всё-таки, когда судьбу решал тот последний дюйм, инстинкт самосохранения поднимал волну адреналина в крови, словно напоминая, что все мы смертны.

Однажды, возвращаясь из Пуны в Бомбей, Вималананда так увлёкся беседой с нашим гостем, владельцем лошадей по имени Вилли Д'Соуза, что не заметил, как на светофоре прямо перед нами загорелся красный свет. В изумлении Вилли и я смотрели на Вималананду, забывшего нажать на тормоз. Но ещё больше удивился человек, который переходил улицу в тот самый момент, как мы выскочили на перекрёсток. Недоумение и возмущение мигом скользнули по его лицу, когда он, разом оценив ситуацию, быстро отпрянул назад. Я не очень испугался за его жизнь (пешеходы в Бомбее на редкость проворны), но меня сильно задело то, что Вималананда отнёсся к этому случаю так спокойно. Глянув в глаза встревоженному Д'Соузе и продолжая рулить, он откликнулся словами:

— Теперь ты видишь, Робби, что кто-то охраняет меня и бережёт от беды, даже когда я даю маху. А этому типу ничего не грозило, у него была куча времени, чтоб удрать. Но его лицо! Да, на это стоило посмотреть!

— Была со мной история и похуже, прямо здесь, в Бомбее, когда у моей машины на ходу одновременно отвалились два передних колеса. Говорю тебе, я не верил своим глазам! Я сидел в машине посреди дороги,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

бессмысленно вцепившись в руль, и смотрел, как мои колёса катятся всё дальше. Одно благополучно добралось до обочины, а другое покатилося на другую сторону дороги и угодило в прохожего. Хорошо, что оно ударило его не слишком сильно, иначе бы его непременно пришлось везти в больницу...

Мы с Д'Соуза бессовестно хохотали, представив себе эту картину: опешивший Вималананда и катящиеся в разные стороны от него колёса.

— Безопасность жизни ничем не гарантирована, — продолжал он. — Стоишь себе спокойно, никого не трогаешь, строишь планы — и вдруг в тебя врежется и сбивает с ног невесть откуда взявшееся колесо! Чудеса!..

На следующий день, помогая готовить обед, я снова напомнил Вималананде его слова насчёт глазомера. Поставив еду на огонь, мы уселись в соседней комнате, и, закулив сигарету, Вималананда сказал:

— Поистине, нет предела тому, чему можно научиться. Ты знаешь, как люблю я готовить, и многие с удовольствием едят то, что я предлагаю. Думаю, ты не станешь спорить.

— Я сам с удовольствием ем твою пишу.

— И ты знаешь, что у меня есть преимущество перед западным кулинаром — за счёт благословения Аннапурны, богини еды. Я тебе рассказывал, как жена Фарам пережарила мясо?

— Нет. По-моему, нет.

— Она сожгла мясо до черноты, оно обуглилось. Фарам, как обычно, вышел из себя и стал на неё орать. Чтобы сохранить мир в семье, я велел ему заткнуться, а ей сказал: «Ма, будь добра, помой это мясо в воде с мылом». Она не удержалась от смеха и сказала: «Ты что, не понимаешь, во что оно превратится?» Я ответил: «Но оно ведь всё равно испорчено, правда? Так что пойд и помой его, и не спорь со мной, ради Бога». Она помыла мясо, я его приготовил, и получилось замечательно, без малейшего привкуса горелого.

В его способности творить чудеса на кухне я убедился уже давно, непосредственно наблюдая их своими глазами, поэтому мне нетрудно было поверить этому рассказу.

— И кстати, Робби, что-то у нас кипит слишком сильно. Уменьши огонь, но только чуть-чуть.

Всякий раз, когда я брался под присмотром Вималананды готовить, я мог без страха оставлять кастрюли и котелки на огне — в абсолютной уверенности, что если что-то пойдёт не так, он мне сейчас же об этом скажет. Такова была точность его расчёта.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Некоторые пытаются поразить меня своим умением готовить. — Он усмехнулся. — Я не люблю показуху, поэтому не могу удержаться от маленькой шалости. Как только они отвлекутся от готовки, я кричу: «Скорее! Снимайте с огня! Горит!», и не успеют они подбежать и схватить, как вся еда уже подгорела!

Я тоже посмеялся и хотел намекнуть на его собственную любовь к демонстрациям, но он неожиданно опередил меня.

— Пусть кто хочет, тот и занимается показухой, если умеет. Что ему мешает? Но я не люблю мошенничества, когда человек выдаёт себя за того, кем не является. Если он такой специалист, он должен уметь выключать огонь, не сходя со своего места, — с той же лёгкостью, с какой я, не сходя с места, его включаю.

Вималананда терпеть не мог самозванцев, в особенности мнимых «свами», и не однажды открывал мне их истинное лицо.

— После пары фокусов они думают, что все от них в восторге, — говорил он перед тем, как поставить на место очередного пророка. — Я знаю одного, который утверждает, что запросто беседует с Парашурамой. А Парашурама — это настоящий бхагаван, божественное воплощение, один из десяти аватар. Всякий, кто видит Парашураму, начисто теряет интерес к земным делам и всё оставшееся время проводит в уединении. На все обращённые к нему вопросы Парашурама отвечает только одно: «Уйдите от меня. Оставьте меня в покое». Почему? Потому что такова его природа. Парашурама известен также под именем Бхаргава (любящий пребывать в одиночестве). Он существует почти исключительно в астральном плане и более тонких. Он постоянно передвигается с места на место, нигде не задерживаясь подолгу, а это значит, что его последователи тоже не должны сидеть на месте. Но если один из них строит ашрам, требует денег и всего прочего, можно ли заключить, что он проводит время в беседах с Парашурамой? Или я не прав?

— А ты сам никогда не выдавал себя за другого? — как-то спросил я после одного такого обличения.

— Разумеется, выдавал, — откликнулся он, засмеявшись своим воспоминаниям. — Однажды я гостил у своего друга в придорожной гостинице. Обычно там останавливаются важные правительственные чиновники, так как в этом городке нет комфортабельного отеля.

— Пришёл парикмахер, чтобы побрить меня, и когда он намылил мне лицо, он посмотрел на меня и сказал: «Между прочим, сэр, вы очень похожи на Чандрамохана». Чандрамохан был кинозвездой своего времени. При случае, Робби, обязательно посмотрите фильм «Пукар».

Чандрамохан там превосходно сыграл роль императора Джехангира.

— Не знаю, что на меня нашло, но как только он это сказал, я улыбнулся, кивнул и указал на себя пальцем, словно говоря: «Да, я и есть Чандрамохан». Разумеется, я не произносил этих слов, что было бы уже слишком, но я ведь и не поправил его. Мысль о том, что он брёт великого Чандрамохана, так вдохновила его, что он сделал своё дело поистине великолепно. Он ушёл, а я решил, что на этом всё кончилось, и лёг вздремнуть.

— Я не учёл, однако, что городок-то был очень маленький. Парикмахеры в таких городках обычно являются главным каналом новостей. Когда мой приятель разбудил меня и я выглянул в окно, то обнаружил, что весь бунгало окружён взволнованными поклонниками, мечтающими увидеть или прикоснуться к живому Чандрамохану. Пришлось потрудиться изо всех сил, чтобы выбраться из этой ситуации, можешь мне поверить! С тех пор я предпочитаю хорошо подумать, прежде чем взять на себя чью-то роль. Но даже в случае с Чандрамоханом я копировал артиста, а никак не святого. Копировать святого, значит нажить себе огромные неприятности. Всегда помни, что случилось с теми садху в Гирнаре!

— А что с ними случилось?

— Несколько лет назад одному из навабов Джунагадха (княжества у подножия горы Гирнар) так надоели все эти мнимые святые и садху, пасущиеся на Гирнаре, что он велел солдатам оцепить гору и затем обратился к ним: «Эй вы, бессовестные лентяи! Как вам не стыдно валяться целыми днями и делать вид, что вы медитируете?! Я знаю, сколько среди вас бандитов и прочей швали! Если вы настоящие садху, извольте это доказать! Сотворите чудо! А я позабочусь о том, чтобы всякий, кто не совершит чуда, сегодня же начал работать и зарабатывать себе на хлеб!» И ни один не совершил чуда, ни один не оказался святым. Наваб приказал своим солдатам отвести их на тюремную мельницу и им пришлось вручную толкать жернова целый день, чтобы намолоть себе из зерен муки.

— Эти святоши с ума сходили от злобы и отвращения к работе, но спастись притворной набожностью было уже поздно. Но тут с горы спустился один настоящий садху, которого не смогли поймать солдаты наваба, и, видя, какое унижение испытывают его мнимые собратья, он сжалился над ними и решил обратиться к навабу.

— А что это был за садху?

— Не знаю, — ответил он, но я чувствовал, что это не так. — Садху

сказал князь: «Допустим, они обманщики, но ведь и вы не святой. Лучше отпустите их». Навабу очень не понравилось, что какой-то садху пытается им командовать, и он ответил: «Раз тебе так жалко этих дармоедов, почему бы тебе самому не посидеть с ними в тюрьме!» Садху пожал плечами и в сопровождении полицейского зашагал в тюрьму. К своим сотоварищам, мнимым садху, он обратился со словами: «Когда я смотрю на вас, мне стыдно за мою *гирву* (жёлтая роба отшельника). Она запачкана вашим лицемерием. Что вы за святые? Когда наваб приказал сделать чудо, ни один не смог выполнить приказ! Отойдите!» С этими словами он закричал: *Чакки чало! Дхана писол* («Вращайтесь, жернова! Мелись, зерно!»). И сейчас же жернова стали вращаться сами по себе. Озадаченные надзиратели побежали к навабу и доложили ему о происходящем. Тот не скрывал своего восхищения. «Да, — сказал он, — ты настоящий садху. Ты свободен». Садху ответил: «Нет, наваб Сахиб, я не могу уйти, оставив здесь этих несчастных. Все они должны идти со мной». Хоть и не хотелось навабу отпускать на свободу мошенников, он не стал спорить с садху. За порогом тюрьмы садху сказал святошам: «А теперь принимайтесь за аскезу и выполняйте её как следует. Иначе в следующий раз вас просто вышвырнут из Гирнара».

— Получив урок, лентяи исправилась?

— Исправилась. На какое-то время.

— Пока их врождённая свабхава не заработала вновь?

— Трудно изменить свою природу, даже посвятив жизнь садхане. К счастью, всегда найдётся кто-нибудь, кто проверит, действительно ли ты овладел своей природой, как утверждаешь.

Вималананда обожал устраивать испытания святым, и однажды с этой целью мы заехали к одному бабе (святому человеку). Это случилось, когда мы испытывали на ходу подержанный автомобиль, который Вималананда собирался купить. Мы вынуждены были целый час дожидаться выхода светила, что ничуть не улучшило настроения Вималананды. И всё же, увидев наконец святого, Вималананда низко поклонился, выражая своё смирение. Бабе это очень понравилось. Он спросил Вималананду о роде его занятий, и Вималананда ответил: «Я занимаюсь машинами». — «О. — ответил баба, — кто занимается машинами — очень хорошо занимается». Он разжал руку и просыпал немного пепла в наши подставленные ладони, ибо он был из числа тех, кто занимается сотворением пепла из воздуха. Я завернул обе горстки пепла в бумагу и положил их в аптечку автомобиля, после того как мы вежливо раскланялись с хозяином. Я забыл забрать их с собой, когда мы возвращали машину владельцу. В течение недели эта машина дважды

попала в аварию и была сильно покорёжена и спереди, и сзади. Вскоре после этого у бабы случился инфаркт, за которым последовали другие осложнения. Вималананда уверял, что не имеет ко всему этому ни малейшего отношения, ссылаясь на совпадения. Если это и было совпадением, то поистине роковым. Этот случай долго не выходил у меня из головы.

— Для начала я потрогал его ступни, — отвечал Вималананда, когда я завёл разговор на эту тему. — В Индии, встречая святого, надо всегда потрогать его ступни. Во-первых, это жест смирения, а во-вторых, что более важно, таким образом можно почувствовать и даже присвоить долю его энергии. Обычно энергия поступает в тело через голову и выходит через ступни. Истинный святой есть воплощение его божества, и исходящая от него энергия есть энергия этого божества. Касаясь ступней святого, можно приобщиться к этой энергии, которая очищает и совершенствует сознание. Оно становится более тонким и более восприимчивым. Святой при этом теряет частичку своей уравновешенности, что отрицательно сказывается на нём. Многие святые срываются в этот момент. Сперва они достигают силы, часто за счёт суровой аскезы в полном одиночестве, а потом возвращаются в мир и сталкиваются со страстями и привязанностями своих учеников, что вовлекает их в мирские заботы. Толковый святой никогда никому не позволит коснуться своих ступней за исключением особых случаев, как например в день Гуру Пурнима.

— Чувствительный человек по одному прикосновению к ногам святого может многое узнать о его внутренних качествах. Итак, первое, что я сделал, это коснулся его ступней. Мне хотелось узнать, насколько он проницателен и велика ли его сила. К сожалению, и то, и другое оказалось на нуле. Потом он заговорил о моём «занятии». Будь у него действительно какая-то сила, он сам бы догадался, что я занимаюсь вовсе не машинами, а лошадьми. Но кроме пепла ему нечего было показать, а этим меня не удивишь. Есть много способов сделать пепел и всякую дрянь, казалось бы, из ничего. Мне очень жаль, что старик слег, но ему нужно было учиться, а не заниматься дешёвыми представлениями. И машине не повезло: из-за этого пепла она превратилась в груды металлолома. Видишь, как прилипчива карма!

— А тебе не кажется, что ты был слишком жесток к нему?

— Жесток? Я был жесток к Тат Махараджу. «Тат» означает «джутовый мешок», и такой мешок он всегда таскал с собой. Приятель завлёк меня к нему своими рассказами о том, будто Тат Махарадж может часами пребывать в самадхи, в то время как вокруг его ученики

распевают гимны. Я не поверил и решил получить его *даршан* (созерцание святого или божества). Я сразу заметил, что он просто закрывает глаза и дурачит этим всех. А я должен был кланяться ему в виде благодарности! Пока я ждал и осматривался в помещении, в голове у меня созрел план. Я вернулся домой и отточил тонкий железный прут, так что он стал острым, как игла. Через несколько дней я снова пришёл к Тат Махараджу и встал в очередь, чтобы прикоснуться к его лотосоподобным ступням. Когда подошла моя очередь, я нагнулся, занёс прут над головой и со всего размаха вонзил его в ступню Тат Махараджа. Как завыл этот проходимец! Дикий рев заглушил трели его певцов!

— Кто не завоет, если в ногу ему воткнут гвоздь! Хоть и в самадхи...

— Если это истинное самадхи, то не завоет. Человек в самадхи не отдаёт себе никакого отчёта о том, что происходит в окружающем его мире, — ровно до тех пор, пока он остаётся в самадхи. Если бы Тат Махарадж действительно был в самадхи, он не почувствовал бы абсолютно ничего — никакого гвоздя, никакого прикосновения. Но он только делал вид, поэтому он всё почувствовал. Все были настолько ошеломлены, что я успел выскочить в дверь, где меня ждала машина, и мы умчались прочь. Мне страшно подумать, что бы они сделали со мной, если бы им удалось меня поймать!

— Эта выходка повлекла какую-нибудь карму?

— Всё влечёт карму, всякая деятельность, но эта карма стоила того. Я должен *был* сорвать маску с этого самозванца. У меня есть некоторое преимущество в этом деле: я знаю свои кармы и рнанубандханы, так что этот тип получил по заслугам. Однако не зная своих рнанубандхан и не умея уравновешивать карму, лучше не братья за подобные фокусы!

Видимо, не что иное, как знание рнанубандхан и умение обращаться с кармой толкнуло Вималананду ещё на один поступок. Один из докторов моего колледжа не переставал петь хвалы некоему Дада Махараджу, которого в Пуне некоторые считали настоящим святым.

— Мы должны получить его даршан, — радостно заволновался Вималананда, услышав такую новость.

— Эх, — испустил я саркастический вздох, — кончилось его время...

— Робби, — укоризненно произнёс Вималананда, — ну неужели я такой злодей? Неужели из-за нескольких странных совпадений ты теперь всегда будешь издеваться надо мной, когда я захочу встретиться с каким-нибудь «святым»? А что ты скажешь о Мадхавбабе?

К этому святому Вималананда питал самое глубокое уважение, и мы

всегда отправлялись навестить его, когда Мадхавбаба Патил приезжал в Пуну. Он жил в местечке Нарсобавади к северу от Пуны, часах в двух езды. Его погружение в садхану было настолько глубоким, что большую часть времени он проводил в иных мирах, предаваясь созерцанию своего Божества. Вималананда знал его давно и всегда подчёркивал своё уважение, а Мадхавбаба, со своей стороны, который, казалось, не различал лиц и благословлял всех подряд с одинаковым выражением, всегда помнил и узнавал Вималананду.

Но это был особый случай, а насчёт Дада Махараджа я действительно оказался прав. При первой встрече он мельком взглянул на нас и отговорился тем, что у него совершенно нет времени. Видимо, мы не показались ему достаточно важными персонами. Впрочем, на следующий день он сам позвал нас к себе и встретил очень гостеприимно. Он объяснил, что во сне ему было указано на невнимательное отношение к нам, и теперь он хотел исправить свою вину. Он начал рисовать перед нами картины своих духовных переживаний в Ришикеше, где он видел сияющих ангелов, спускающихся и поднимающихся по божественным лестницам, а затем стал описывать другие видения, казалось, ради того, чтобы ещё и ещё потрясти воображение своих восторженных слушателей. Мы сидели тихо, но по глазам Вималананды я видел, что без некоторой исправительной работы здесь не обойдётся. Интерес его к Дада Махараджу исчез так же быстро, как и возник, а несколько месяцев спустя старец скончался.

В сезон муссонов 1982 года Вималананда проводил больше времени, чем обычно, в Пуне, сосредоточивая всё внимание на успехах Редстоуна. В период муссонов сосредоточиться на чём-либо гораздо проще в Пуне, нежели в Бомбее, где потоки дождевой воды с неумолимостью молота Тора обрушиваются на головы и хлещут по спинам незадачливых прохожих, застигнутых ливнем врасплох. Раз или два в год там выпадает 18 дюймов осадков или даже более, и это за один день. А когда утихает шторм, улицы превращаются в бурные реки, поскольку дренажная система может справиться только с дюймами осадков. Мутные воды несутся в водохранилище, чтобы в последующие девять месяцев постепенно возвращаться к тем самым жителям, которые теперь разбегаются по домам, покрытым слоями грязи и плесени. В Пуне муссон ведёт себя намного лучше. Днём обычно только моросит, а главные потоки извергаются вечером или ночью. Сильным здесь считается дождь, приносящий 7 или 8 дюймов осадков, но такое случается редко. Сезон дождей в Пуне напоминает тёплое английское лето — умеренное, зелёное и располагающее к работе. Это чудесное время, и его украшением служат скачки.

Редстоун был неудержим. После его победы в скачках для молодых лошадей Вималананда решил сделать первую «примерку» перед участием в классике. Это был Кубок имени полковника Пратапа Сингха из Джодхпура. Вималананда любил эти скачки не в последнюю очередь из-за уважения к полковнику Пратапу Сингху, которого иногда называют «Индийским Баярдом». Он был одним из адъютантов королевы Виктории и сыграл важную роль в руководстве индийской армией во Франции во время первой мировой войны. Единственной проблемой, как сказал мне Вималананда, была скверная репутация этих скачек. Она происходила оттого, что ни один победитель Кубка полковника ещё ни разу не выигрывал классику. Впрочем, абсолютной уверенности в этом у него не было.

— Скверная репутация? — Я задумался. — Не хочешь ли ты сказать, что скачки тоже можно проклясть?

— Проклясть можно всё что угодно, — ответил он. — Дома, машины, одежду. Ты помнишь историю с бриллиантом Надежда? Я отказался бы от него, даже если бы мне предлагали даром. Началось с того, что кто-то выковырял его из статуи бога, стоявшей в одном северо-индийском храме, и я очень сомневаюсь, что богу это понравилось. И что же дальше? Несчастья, одно за другим, подстерегали каждого нового владельца камня. Несчастье само по себе верный признак проклятия. Кто мешаает проклясть скачки?

— И ты думаешь, что Кубок полковника — проклятое состязание?

— Думаю я или не думаю, я уже решил заявить Редстоуна. Если он не победит, то это будет значить только то, что для классики он не годится. Чего бояться? Надо пойти и попробовать!

Так мы и сделали. Чем меньше времени оставалось до старта, тем придирчивее мы оценивали его результаты на тренировках, готовность, волю и аппетит и постоянно в знак удачи держали пальцы крестом. В свободное время мы бродили по окрестностям, навещая те эфирные и человеческие существа, с которыми нас связывали благоприятные рнанубандханы. Однажды вечером мы поехали в синдхское поселение в Аундхе, где жили родственники кого-то из «духовных детей» Вималананды. Жили они плохо, постоянно ссорились между собой и болели не переставая. Вималананда сразу заметил источник зла — огромный баньян, росший неподалёку. Спать под ним ночью не решался никто, потому что у дерева была «дурная слава». После приезда Вималананды всё переменилось, как случилось со многими деревьями в разных районах Индии, которые становились его друзьями. Главу семейства он попросил раз в неделю совершать подношение

благовониями ради умиротворения древесного духа. Хозяин же, посчитав себя умным человеком, стал делать подношения каждый день, пока наконец сам дух не вышел к нему и не спросил, чего ему надо. Только тогда перепуганный семьянин начал точно выполнять указания Вималананды.

— Теперь у них всё в порядке, — подвел итог Вималананда. — Члены семьи помогают друг другу, и у них всегда есть кое-что про запас. Сколько бы они ни брали из своих кладовых, там всегда будет что-нибудь оставаться. И они, и их соседи, и другие люди теперь возьмут на заметку это дерево, будут совершать подношения и тоже улучшат свои дела. Семья мной довольна, дерево мной довольно, и вместе они благословляют меня, улучшая мой кармический счёт, пока Редстоун готовится к скачкам.

Массу времени мы потратили впустую на тантриста из Гуджарата по имени Дас Бапа, он утверждал, что с его помощью Редстоун наверняка одержит победу. Вималананда всегда искал кого-то, кто мог бы снабдить его достоверной информацией относительно исхода скачек, чтобы на этом можно было заработать и в то же время избежать кармы, связанной с гаданием. Он действовал по известной поговорке на маратхи: *павньяча сота не вичу маар*. «Убей скорпиона палкой своего гостя». Зачем марать свой собственный посох ядом скорпионьей кармы, если можно взять чей-то ещё? (Замена «палки» на «пенис» даёт похабный вариант этой поговорки, поскольку слово «сота» имеет и другое значение.) С кем только ни говорил Вималананда: с астрологами, медиумами и даже с мальчиком, гадавшим по стеклу. Однако ни один не выдержал испытания. Какими бы знатоками своего дела ни слыли они в других обстоятельствах, у Вималананды их неизменно ожидал крах. Быть может, это было совпадением, а может быть, этот путь к победе для Вималананды был закрыт. Но что более вероятно, дело было в самом Вималананде, который любил преподавать своим собеседникам хороший урок.

С Дас Бапой нас познакомил господин Бундалдас — полу-аристократ, считавший себя очень влиятельной персоной. Бапу сразу заявил, что уверенно предсказывает результаты воловьих скачек, а также может эфирными средствами менять содержимое ящиков с поданными бюллетенями. Поначалу Вималананда даже проникся доверием к этому человеку, лично испытал кое-какие из его способностей. Но он не питал никаких иллюзий относительно источника его силы:

— Я нисколько не сомневаюсь, что он хорошо потрудился над авишкаррой. Может быть, в него входил сам Анджанея, может быть —

Махакала. Что-то подобное было. Но ты помнишь, что случилось в пещере? Он утверждал, что выполнит авишкару с духом великого гуру Горакха Натха. Но Горакхнат пробыл там совсем недолго, а всё остальное время это была игра обычных мелких духов. Но можно ли ожидать большего? Трудно представить, что бессмертный Горакхнат не нашёл ничего лучшего, чем общаться с заурядным смертным Дас-Бапой. Который, заметь, весь покрыл себя кармой. Ради достижения своих целей Дас Бапа и его гуру истерзали великое множество *дакини* (духи женщин, умерших во время беременности или родов), не пощадив даже духов малюток. Ты представить себе не можешь, какой ужасной ценой придётся расплачиваться за злоупотребление такими обрядами.

— А как его карма отзовётся на нас, если он сделает то, что мы просим?

— Во-первых, он сам предложил свои услуги. Он рассчитывает в конечном итоге чем-нибудь поживиться от нас, это очевидно. Он решил нам помочь не потому, что он любит нас. Но это не важно. Важно, что я не просил его работать на нас. Вот в чём огромная разница, с точки зрения кармы. А кроме того, нужно ещё посмотреть, разрешит ли ему Природа сделать хоть что-нибудь для нас, прежде чем волноваться о распределении кармических плюсов и минусов. Сейчас Дас Бапа играет на том, что в его распоряжении находится дух по имени Бхима Бапа. Мы можем пресечь эту связь, и тогда посмотрим, что он за птица.

— Выкапывание из земли мёртвых младенцев и беременных — это некая примитивная разновидность нара бали?

— Это могло бы быть нара бали, если бы Дас Бапа предлагал эти души Ма. Но он так не делает. Он превращает их в рабов и использует для своих целей. Конечно, с определённой точки зрения, всё является жертвой: и поклонение, и йога, и даже магия. Но жертва Дас Бапы очень эгоистична, карма за неё липнет к нему, как клей. Потому-то лучшая жертва, лучшая нара бали — это жертвование собственным «я». Отдай себя, отдай всё, чем обладаешь, включая самое дорогое — жизнь, отдай всё это Ма, и Она спасёт тебя. А вот Дас Бапу она не спасёт. Подожди немного, и ты увидишь, как эти духи отомстят за себя. Тогда ты поймёшь, как далёк был Дас Бапа от настоящего нара бали.

В течение следующих десяти дней Дас Бапа был далеко от Пуны, на расстоянии примерно часа езды, в спокойном местечке Фрутвала Дхарамсала в Аланди. Он отрабатывал свои методы предсказаний. Каждый день, невзирая на моё недовольство, Вималананда снаряжал меня на мотоцикле Арзу в Аланди узнать о здоровье Дас Бапы, спросить, не нужно ли прислать ему что-нибудь из Пуны, и напомнить ему моим

присутствием, что мы ждём результатов. Я считал это пустой тратой времени, поскольку убеждался всё больше и больше, что Вималананда не успокоится, пока не получит голову этого пророка на блюде.

Дас Бапа и его верный Пятница объявились в Пуне как раз ко времени его первого серьёзного испытания, которое выпало на воскресенье, непосредственно предшествующее Кубку полковника. Мы рассчитывали, что он приедет с готовым списком лошадей-победителей, но вместо этого он попросил нас отвести его к лошадям, чтобы он мог лично «пообщаться» со скакунами. Появление его на конюшне могло вызвать протесты и подозрения, что было крайне нежелательно. Ещё огорчительнее было слушать его «советы». Хотя он действительно угадал одного или двух победителей, ничто не говорило о том, что его выбор исходил из более глубоких соображений, нежели здоровый вид лошади и её хорошая спортивная форма. Пока он и его группа поддержки в количестве одного человека громко восхваляли этот успех, всем остальным стало ясно, что пинок под зад и учтивая просьба не попадаться более на глаза — самое большее, что он заслужил. Однако эта задача осложнилась его настойчивыми уверениями, что если он познакомится со стадионом, то в следующий раз даст более точные предсказания. Не теряя времени, мы усадили его в машину и отправили обратно в Аланди «совершенствовать» технику.

Мои бестолковые поездки в Аланди наконец прекратились. Теперь Вималананда посылал меня в храм Шивы в Бхулешваре, прощупать шансы Редстоуна на победу. Впервые Вималананда оказался в Бхулешваре вместе с доктором Ладом. Они искали какой-то другой храм, но, перепутав направления, заехали в Бхулешвар. Когда мы с Вималанандой поехали туда во второй раз, мы снова сбились с дороги, взбираясь на холм с неправильной, как выяснилось, стороны. Асфальтовое покрытие кончилось и началась грунтовка, которая затем превратилась в две грязные колеи. Но мы не сдавались до тех пор, пока дорога не исчезла совсем и мы не оказались на горном лугу посреди стада мирно пасущихся козлов. Навстречу нам вышел молоденький улыбающийся пастух и объяснил Вималананде дорогу. Мы спустились с холма, выехали на грунтовку, затем на шоссе и наконец добрались до храма.

В третий раз мы быстро отыскивали нужный холм, но в сгущающихся сумерках прозевали развилку у его подножия. Мы оказались на старой ведущей наверх грунтовке. Решив, что это судьба, мы продолжали путь. Когда дорога внезапно превратилась в круто поднимающееся вверх неровное каменистое поле без всяких признаков какой-либо колеи, поворачивать назад было уже слишком поздно. Камни под колёсами

были величиной с кулак. Только запас добрых карм, внушительный вес «Остин Кембриджа» и водительский талант, мужество и решительность Вималананды вывели нас наконец на вершину холма. Но взобравшись наверх, мы получили истинное наслаждение от даршана. Почувствовав на своём опыте, каким испытаниям подвергает нас Шива (или кто-то другой), мы в дальнейшем стали совершать регулярные выезды к этому священному месту и более не сбивались с пути.

Архитектура Бхулешвара уникальна для этой части западной Индии. По-видимому, он был построен как укреплённый монастырь тантристов, хотя что это были за тантристы и долго ли они продержались в монастыре, до сих пор остаётся загадкой. Кем бы ни были обитатели монастыря, известно, что в конце XVIII века они отказались повиноваться приказам первого человека государства — тогдашнего владыки Индии могольского императора Аурангзеба, и он повелел своему родственнику Шайстха Хану сломить их сопротивление. Шайстха Хан, согласно преданию, осадил монастырь. Осада была недолгой, так как единственным источником воды в монастыре было крохотное озерцо в загаженной летучими мышами пещере. И вот в один роковой день обитатели монастыря отважились на вылазку — и были перебиты все до единого. Окрестности монастыря до сих пор проникнуты тяжёлым духом насильственной смерти. Многие местные жители видели духов, так и не нашедших успокоения, и никто из местных не остаётся ночевать в Бхулешваре, если крайние обстоятельства не вынуждают их к этому. Я сам отчётливо слышал слабые звуки сражения, доносившиеся до меня снизу, и явственно ощущал близкое присутствие эфирных бойцов, когда в течение десяти дней медитировал в караульной башне монастыря. А в один памятный вечер дух в полном воинском облачении проявился настолько, что я увидел, как он, шатаясь, проходит по моей комнате. Он не обратил на меня никакого внимания и быстро прошагал мимо, поглощённый древней, невидимой борьбой, погруженный в свои воспоминания об убийцах и об убитых.

Посетители Бхулешвара сначала проходят к озерцу и моют в нём ступни и ладони. Пить его воду можно, только процедив её через ткань, обезопасив себя таким образом от личинок свиного цепня. От озера к храму ведёт тропинка, по сторонам которой выставлены каменные головы и торсы, сбитые воинами Хана с монастырских стен. От эротических скульптур, некогда украшавших внешнюю отделку храма, ныне остались лишь следы. Внутренняя отделка сохранилась внутри: прекрасные скульптурные композиции из «Рамаяны» и «Махабхараты», статуя гигантского быка, Ганеша в женском облике, но и эти фигуры стали жертвами жестокости нападавших, и большинству из них не

хватает рук или ног.

В самом святилище стоит каменный *иливалингам* (фаллический символ Шивы). Он необычен не своими размерами или формой, но тем, что его можно перемещать с его основания. Обычно такие лингамы считаются бесполезными, но в Бхулешваре в маленьком углублении под лингамом всегда собирается немного воды, сочащейся из какой-то невидимой щели. *Пуджари* (жрец, исполняющий обряд) отодвигает лингам, берёт немного воды и предлагает её участникам богослужения в качестве благословения Шивы. Затем он кладёт в углубление маленькое металлическое блюдо с кусочками молочных конфет и бананов, приготовленных для жертвоприношения, и накрывает углубление лингамом. После этого все терпеливо ждут особого скребущего звука. Иногда ожидание длится несколько минут. Наконец звук раздаётся, затем стихает, лингам отодвигают опять, и — *voilà!* — некоторые подношения исчезли.

Поначалу мы думали, что в ямку забирается какой-то грызун и поедает пищу. Более внимательный осмотр показал, что в отверстие внутри ямки может пролезть только самая крошечная мышь. Более того, когда мы предложили ему листья священного дерева вилвы, таинственный зверек не отказался и от них. Но какое же уважающее себя мелкое животное предпочтёт горькие листья сладкому угощению? Это была тайна, и с ней у нас развернулся длительный диалог.

Однажды мы поняли, куда девается пища. В тот день мы обнаружили, что количество взятых кусочков может служить ответом на вопрос. Исчезновение всех предложенных кусочков означало безоговорочное «да», когда один или два кусочка оставалось, это означало «да» с некоторыми ограничениями. Если исчезали только два или один кусочек, это означало, что шансы на успех сильно ограничены. А если все кусочки оставались на месте? Это означало безоговорочное «нет», полный провал. Таким способом можно было искать потерянные предметы, оценивать шансы при устройстве на работу и наводить множество других справок при условии, что все присутствующие сосредоточиваются на данной проблеме. Решив воспользоваться Бхулешваром в качестве оракула на скачках, Вималананда регулярно заставлял меня совершать утомительное паломничество в монастырь. И ни разу на протяжении многих месяцев моих консультаций с оракулом по поводу лошадей он не дал неверного результата: взято всё — «победа»; несколько оставшихся кусочков — «денежный приз за второе, третье или четвёртое место»; взят один кусочек, два или не взято ничего — «лошадь придёт в основной группе».

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

На этот раз всё шло гладко: автобус прибыл вовремя, облака набежали на небо во время подъёма и спуска с холма, роскошное дерево позади храма всем своим видом выказывало хорошее настроение и все кусочки моего приношения исчезли с блюда. Я пришёл в прекрасное расположение духа, которое передалось Вималананде, когда я рассказал ему подробности моего путешествия. Это состояние оборвалось лишь на следующий день, когда, выходя с конюшни, мы в дверях столкнулись с одним из распорядителей клуба. Этот важный господин смерил нас пренебрежительным взглядом, презрительно усмехнулся и сказал Вималананде, что он очень мужественный человек, если решается выставлять свою «миленькую лошадку» на такие «большие скачки». Я видел, какой яростью сверкнули глаза Вималананды, но он овладел собой и ответил какой-то незначительной фразой, вроде: «За нами дело не станет, Бог милостив».

Вернувшись в отель, он холодно произнёс:

— Когда всё это кончится, я от души посмеюсь над всеми теми, кто считает меня болваном за то, что я выставил мою «миленькую лошадку» на такие «большие скачки». Это удовольствие сродни тому, которое получил Бирбал от унижения мулы До Пьязы.

— Как ты сказал?

— Разве я не рассказывал тебе эту историю? Мулла До Пьяза был лекарем (*хакимом*) при дворе Акбара.

— «До пьяза» означает «две луковицы». О каких луковицах идёт речь? Не о тех ли, что он хранил в мошонке?

— Возможно. Как и большинство придворных, До Пьяза страстно ненавидел Бирбала и всегда искал случая разделаться с ним. Однажды его осенило. Он подкупил одну из наложниц Акбара обещаниями, что если она согласится действовать с ним заодно, император будет к ней более внимателен и ласков.

— В назначенное утро до слуха Акбара донёсся душераздирающий крик. В поднявшемся переполохе двое слуг доставили к императору наложницу, которая упала «замертво». «Ваше величество, её укусила змея! — кричали они. — Она умирает! Что делать?!» Убедившись, что на её руке действительно виднелись два пятнышка, очень похожие на следы змеиного укуса, Акбар проникся состраданием к ней. «Кто-нибудь может помочь ей?!» — закричал он. Тут как тут появился До Пьяза: «Не бойтесь, ваше величество, я здесь!» Он схватил руку наложницы и принялся высасывать «яд» из «укуса», делая для пущего эффекта театральные жесты и паузы. Наконец, он сказал Акбару: «Теперь, я

думаю, она вне опасности, мой господин». — «Благодарю, тысячу раз благодарю тебя, мулла! — с облегчением воскликнул император. — Ты получишь щедрую награду за свою достойную службу». Затем он обернулся к Бирбалу: «Благодарение Господу, что мулла оказался здесь. От тебя же не было никакой пользы».

— Но провести Бирбала было не так-то просто. Он уже сообразил, в чём дело. Брошенный Акбаром упрёк ожесточил его сердце против муллы. Он тщательно обдумывал свою месть и терпеливо ждал подходящего момента. И вот однажды император отправился на охоту. После жарких погонь, облав и стрельбы, Бирбал сделал Акбару знак, что ему необходимо сходить по нужде. Он спешился, отошёл в кусты и вдруг закричал диким голосом: «Ой, умираю! Ой, гибель моя!» «В чём дело?!» — крикнул ему Акбар. «Ваше величество, — запричитал Бирбал, корча гримасы боли, — пока я мочился, змея укусила меня в самый член! Теперь мне конец!» Акбар огляделся, заметил муллу и сказал: «Мулла До Пьяза, ты спас жизнь моей наложницы, высосав яд из её руки. Теперь ты должен точно так же спасти Бирбала. Он мой надёжный помощник. Я без него не могу». Как ни пытался отвертеться мулла, император был непреклонен. Мулла понял, что другого выхода нет, и признал превосходство Бирбала. Он слез с коня, подошёл к Бирбалу, склонился перед ним и приступил к лечению. Когда губы его коснулись пениса, Бирбал шепнул ему на ухо: «Надеюсь, что второе действие спектакля понравится тебе не меньше, чем первое, которое ты разыграл во дворце».

Мы смеялись как сумасшедшие. Успокоившись, я спросил:

— Ты настолько уверен в своём четвероногом «чаде», что готов поручиться за успех?

— Уверен, но не вполне. Посмотрим, что покажет завтрашний спурт.

Редстоун отлично проскакал спурт — три фарлонга в половину и 3/4 полного галопа. Такой бег необходим лошади за три дня до скачек, для того чтобы у неё «открылось дыхание». Редстоун был настроен, как хорошая скрипка в руках опытного скрипача. Хотя Вималананда всё ещё отказывался определённо говорить о победе, было видно, что он постепенно расслабляется, словно скачки уже позади и его «мальчик» поработал на славу.

Кубок Пратапа Сингха — состязание без гандикапа, все лошади ставятся в одинаковое положение, и неудачник может пенять только на себя. Вечером накануне скачек мы сидели на конюшне и наблюдали, как Находаджи, вечно улыбающийся кузнец-раджастани, подковывал тех скакунов, кому назавтра предстояло серьёзное дело, тогда как остальные бродили кругами по конюшне и косились на его работу. Немногие

лошади выходили на старт со стальными подковами, которые они носили в обычные дни. Большинству лошадей кузнец набивал специальные алюминиевые пластины, которые были намного тоньше и легче обычных стальных подков. Скачки заканчивались, и кузнец снова по установленному порядку менял алюминиевые подковы на железные.

Работу молотком Находаджи перемежал с остроумиями в адрес Техмула и Кулкарни, которые за чашкой чая делали героические усилия, чтобы заговорить о чём-нибудь другом, помимо исхода предстоящих скачек. Только трёх серьёзных соперников насчитал доктор Кулкарни — «Все остальные испугаются шума!», и мы принялись гадать, повышает или понижает такой расклад шансы нашего «мальчика» на успех. Когда подошёл жокей Чираг, чтобы формально обсудить стратегию завтрашней скачки, он получил строгий наказ держаться вторым и не выходить вперёд до самого финиша. Если темп скачки окажется слишком медленным для Редстоуна, Чираг должен был вывести его вперёд, но не намного, а только так, чтобы чисто пройти поворот. Чираг согласно кивал, а затем ушёл поговорить с другими тренерами. Мы отправились домой только тогда, когда не осталось никого, с кем можно было бы поговорить. Дома мы ещё раз пересмотрели отчёты по четырём скакунам, стараясь определить, кто бы промчал быстрее всех 57-килограммового жокея на девяти фарлонгах Кубка полковника. Мы рано легли спать, а наутро, набравшись смелости, двинулись на ипподром. Глаза наши искали знамений повсюду.

Впервые я встретился с Вималанандой в тот день, когда его кобыла Элан принесла ему первую удачу на скачках. С тех пор Вималананда круто переменял мою жизнь. Ту первую победу я воспринял как особенно добрый знак. Интерес к предзнаменованиям, который появился у меня после того, как обезьяна разбила зеркало в комнате Арзу, неожиданно возрос накануне одной скачки, в которой участвовала лошадь Вималананды, в 1979 или 1980 году. Мы мирно сидели у конюшен Техмула на бомбейском стадионе и обсуждали завтрашний старт, как вдруг наши взгляды приковала к себе стоящая ворон, совершавшая зловещие круги над каким-то предметом, лежащим на земле метрах в пятнадцати или двадцати от нас. Вдруг Вималананда привстал на стуле и скомандовал: «А ну-ка, Робби, разгони ворон! Быстро!»

Он любил ворон и всегда оставлял им кое-что на окне своей кухни в Бомбее. Одна ворона с горбатым клювом так подружилась с нами, что брала пищу прямо из рук, и мы с Вималанандой всегда кормили её с удовольствием. Поэтому я очень насторожился, когда Вималананда — это было так непохоже на него! — велел мне распугать ворон. Я побежал к тому месту, над которым они кружились, и нашёл умирающую

ящерицу. Подошедший Вималананда впился в ящерицу глазами, и когда естественное чувство сострадания к умирающему существу немного утихло, он обернулся ко мне и мрачно сказал: «Видишь, сынок, наша лошадка не оставит нас завтра с пустыми руками. Что-то мы выиграем. Но первой она не будет. Если бы мы заметили ворон раньше и успели спасти ящерицу, победа была бы нам обеспечена». Как он и предсказал, наша лошадь заняла на следующий день одно из призовых мест.

Попадись нам на глаза что-нибудь подобное теперь, мы не сомневались бы в победе Редстоуна. Но всё было как обычно. Мы приехали на ипподром и поднялись на трибуну. Начались скачки. Первые несколько стартов не принесли ничего неожиданного. С нами рядом сидел Дас Бапа, приехавший собственной персоной на стадион, чтобы ещё раз попытать удачу с нами. Никакого желания разговаривать с ним у нас не было. Он молча передал свой список, ценность которого, как и следовало ожидать, была весьма сомнительна. Я не очень удивился, что ни одна из отмеченных им лошадей не пришла первой. Тем временем я заметил, что в числе победителей отмечен и Редстоун — Дас Бапа прекрасно понимал, что, поступая иначе, он сам себе подписывал смертный приговор.

Вималананда поднялся и пошёл в загон к лошадям. Я стоял у края загона и смотрел, как вводили четырёх лошадей. Пока охрана не стала слишком строга, я мог, блеснув своим значком, пройти на задний двор, где тренеры вершили обряд седлания и делали последние штрихи, расправляя чубы и челки своим любимцам, в последний раз критически оглядывая их. Скакуны бродили вокруг своих хозяев и тренеров, одетых в деловые костюмы и дающих последние наставления жокеям в белых шёлковых брюках. Вималананда научил меня, как разбираться в готовности лошадей к скачкам по виду их мускулов, и я видел, что по этому показателю равных нашему Редстоуну нет. Он выглядел стройным и подтянутым и явно был в своей лучшей форме. Жокеи вскочили в седла и двинулись к стартовым воротам. Различные критерии успеха приходили мне в голову, пока я пытался поточнее прикинуть наши шансы. Я давно заметил, что если у лошади случается опорожнение кишечника в загоне или при подходе к стартовым воротам, её шансы на провал равняются 70-80 процентам. Редстоун не оплошал, и одним сомнением у меня стало меньше.

Пока лошади подходили к воротам, я размышлял о том, какие ещё могут случиться неприятности. Иногда лошадь сбрасывает седока и успеваает растратить половину своей энергии, пока её вновь поймают и оседлают. Иногда у ворот одна капризная лошадь лягает другую, иногда одна лошадь так долго примеривается к воротам, что ожиданием

заставляет нервничать всех остальных. Иногда одна и та же лошадь снова и снова бросается вперёд до сигнала, и серия фальстартов лишает уверенности других лошадей и отвлекает внимание наездников. Иногда лошадь внезапно и безо всякой видимой причины отказывается покидать ворота, и упрямство её столь велико, что никакими силами нельзя сдвинуть её с места.

Казалось, что прошла вечность, прежде чем все лошади заняли свои места в воротах. У меня сжимало горло от возбуждения, и с большим трудом я заставлял себя дышать ровнее. И тут, в самый последний момент, когда судья уже поднимал флажок и мы с Вималанандой приготовились стоя смотреть, как будут открываться ворота, откуда ни возьмись появился востроносый официант с двумя чашками горячего чая и ладонью, вечно распахнутой для принятия чаевых. Моё сердце повисло на волоске — и вдруг провалилось в пятки! Чай с молоком!.. Молоко! Дурной знак всякого прорицателя! Неужели это последний знак, который перечеркнёт все мои предсказания в Бхулешваре? «Что значит чай? То же, что молоко?» — зашептал я Вималананде. Но в этот момент флажок упал и лошади понеслись. Скачка началась! Я загнал свои сомнения в самый дальний уголок ума, быстро схватил бинокль и увидел, что Редстоун отличным прыжком вылетел из ворот. Это была суббота, 18 сентября 1982 года.

Начало скачки ни одного хозяина не оставляет равнодушным. Именно на старте вырываются наружу затаённые, долго лелеемые надежды. Разочарование, упрёки, разбирательства — всё это будет позднее, но на стартовой черте сердце хозяина бьётся в такт с сердцем лошади. Хотя я был всего лишь незначительным агентом, это чувство было знакомо и мне. Я и Вималананда затаили дыхание и почувствовали некоторое облегчение только тогда, когда после нескольких фарлонгов стало ясно, что Редстоун идёт уверенно. После недавних дождей поле ипподрома всё ещё оставалось мокрым, а впоследствии некоторые обозреватели отмечали, что воды было даже слишком много и в ней терялась разметка. Редстоун стартовал и держался вторым. Два фарлонга, четыре, шесть... Мы видели, что он прекрасно слушается жокея и при этом не теряет азарта.

Всё шло по плану, но на душе у меня было беспокойно. Что, если жокей вывалится из седла? Ради увеличения скорости жокеи не сидят в седле, а встают на стремянах и льнут к шее лошади, хотя это положение также увеличивает вероятность падения. Но падений не было. Лошади приближались к повороту, и грохот их копыт сливался с шумом трибун. Мы с Вималанандой орали вовсю, подбадривая жокея и Редстоуна.

Финишная прямая в Пуне очень коротка, и когда мы увидели, какой хороший поворот сделал Чираг и как он после этого стал набирать скорость, мы вдруг поверили твёрдо и окончательно, что сегодня ему суждено выиграть. Наш рев сливался с ревом толпы. Редстоун стрелой промчался мимо нас и пересёк финишную черту, опередив на добрых полкорпуса ближайшего преследователя. На два корпуса отстал третий призёр, а самая породистая лошадь пришла четвёртой. Чираг опустил ся в седле и Редстоун начал сбавлять ход, а мы затихли, поражённые одной мыслью: Редстоун, наша «миленькая лошадка», победила! Прибежал Кумар и стал рассыпаться в поздравлениях, напомнив своим присутствием обо всех неприятностях, которые мы из-за него пережили. Рядом ликовал мудхольский махарадж. Соседи поздравили нас, но большинство местных аристократов раздражённо поглядывали из лож, оставаясь при своём убеждении, что таким плебеем, как мы, ни к чему выигрывать большие скачки.

Мы не придали большого внимания неодобрению этой публики и по крутым ступеням спустились вниз, где нас поджидал сияющий Техмул. Когда побеждает лошадь, некоторые хозяева теряются, другие переполняются сознанием собственного величия, но Вималананда, отвечая на поздравления друзей, был образцом мягкости и самообладания. Наконец лошадей снова собрали в загоне, и мои крики радости, смешанные с восторгами толпы, в последний раз поднялись в воздух и растворились в голубом небе. Тренеры и хозяева, игроки и букмекеры — все, кто так или иначе рассчитывал на победу, смирились с судьбой и, вздохнув, принялись сочинять предлоги и объяснения постигшей их неудачи.

Я направился в загон, где Техмул в радостном возбуждении выполнял свои обязанности: проверял подпругу, осматривал ноги, любовно гладил по морде. Кубок полковника был только репетицией перед классическими скачками, а Техмул ещё ни разу в жизни не выигрывал классику, и эта победа для него тоже была хорошим предзнаменованием. Мы видели, как поднялся белый шар — свидетельство того, что скачки прошли без нарушения правил и результаты подтверждены. Зашёлкали фотоаппараты, и главный распорядитель преподнёс Кубок. Затем мы вернулись на свои места, чтобы досмотреть состязания, исход которых только в одном случае верно предсказал Дас Бапа, и убедиться, что лошадей, равных Редстоуну, в этот день не было.

Скачки закончились, и мы пойми на конюшню раздавать награды и чаевые и ещё раз приласкать героя дня. Затем мы вернулись в гостиницу и откупорили тщательно хранимую бутылку «Блэкдог». Поздравления сыпались со всех сторон, и нам не однажды пришлось пересказывать

Повесть о Великой победе Редстоуна. Через несколько дней мы достали видеозапись и в течение недели прокрутили её не менее десяти раз, оживляя в памяти волнующие события, наслаждаясь великолепным бегом Редстоуна, следя за умелыми действиями Чирага и стараясь угадать, как будет выглядеть наша «миленькая лошадка» в схватке с более сильными соперниками. Умники утверждали, что он выиграл случайно. Один еженедельник назвал Редстоуна лучшей лошадью дня, но тут же прибавил, что «без сомнения, его нельзя назвать лошадью экстра-класса», и пролил горькую слезу по поводу того, что второй год подряд Кубок Пратапа Сингха выигрывает аутсайдер.

Экстра-класс или нет, но победа осталась за нами. Мне же не давало покоя знамение. Хотя предшествовавшие скачкам приметы часто не согласовались и даже противоречили друг другу, появление чашки чая, который указал совсем не на то, на что указывало молоко, поразило моё воображение. Подобно Дону Хуану из книг Карлоса Кастанеды, Вималананда рассматривал знамения как своего рода «соглашения с миром», как ключ к пониманию того, одобряет или не одобряет Природа действия, которые собирается предпринять человек. Своими познаниями в этой области Вималананда щедро делился со мной. Некоторые приметы были просты: молоко, которое несли вам навстречу, означало несчастье, а вода или йогурт, также движущиеся в направлении к вам, означали удачу. Приближение садху предвещало упадок благосостояния, а бритоголовый джайнист или монашка-джайнистка были ещё более мощными предвестниками потерь. Если вам навстречу несли мясо, рыбу или человеческий труп, это было существенным предзнаменованием грядущих приобретений. Почти любое событие может выступать в качестве знамения, но как я вскоре обнаружил, событие становится предвестником будущего только тогда, когда всё внимание сосредоточено исключительно на каком-то одном вопросе, настойчиво требующем разрешения от Природы.

На следующей неделе мы часто брали такси из Пуны в Бомбей, и всё это время предвестия и знамения не выходили у меня из головы.

Мы обычно брали такси, когда Вималананда не хотел садиться за руль. Такси рассчитано на четверых, но чтобы чувствовать себя уютнее в долгом четырёхчасовом путешествии, мы часто брали машину на двоих и доплачивали водителю за два пустых места. В тот вечер, подойдя к стоянке и не найдя других желающих ехать, мы сели в машину, которая стояла во главе очереди, и приготовились к отъезду. В этот момент к машине подбежал явно спешащий человек с небольшим портфелем и попросил разрешения сесть на переднее сиденье. Мы не возражали, тем более что могли таким образом сэкономить немного денег.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Когда мы тронулись, водитель заявил самоуверенным тоном:

— Мы сделаем две остановки по пятнадцать минут каждая в Лонавале и Кхополи.

— Вы должны делать только одну получасовую остановку, — нервно запротестовал пассажир на переднем сиденье.

— Я знаю инструкцию, — грубо ответил водитель. — По инструкции я могу останавливаться в двух местах, что я и сделаю. Если вас не устраивает, поезжайте на следующей машине.

Человек на переднем сиденье замолк так же неожиданно, как и связался в спор. Мы с удивлением на него посмотрели. Это был совершенно заурядный тип со странной смесью тревоги, вечной занятости, подозрительности и собственной вины на лице, что придавало этому от природы не наделённому красотой лицу болезненный вид. Одно и то же подозрение пришло на ум мне и Вималананде, когда мы подумали о личности нашего попутчика и причинах, заставляющих его так прижимать к груди чемоданчик, словно внутри заключалось всё его счастливое будущее.

Водитель, как и обещал, остановился в Лонавале. Человечек с переднего сиденья выскочил из машины и моментально исчез. Он появился только через полчаса. Нам это не понравилось, но мы ничего не сказали. В Кхополи водитель с ударением произнёс: «Пятнадцать минут». Наш попутчик снова исчез, и когда прошло двадцать пять минут, а он всё не появлялся, водитель подошёл к нашему столику и сказал:

— Сколько можно ждать? Если он не подойдёт через пять минут, мы поедем дальше, а он пусть добирается до Бомбея на следующей машине. Вы можете на стоянке подтвердить, что он сам устроил эту бестолковщину, что я тут не виноват?

Мы с Вималанандой заверили водителя, что он совершенно прав, и странный пассажир заслуживает небольшого урока. Попросив людей в кафе передать ему, что мы уехали, мы сели в машину и поехали дальше. На переднем сиденье лежал дипломат отставшего пассажира. Никто из нас не прикоснулся к нему.

— Я сразу почувствовал, здесь что что-то не так, как только его увидел, — сказал водитель на прекрасном урду, выдававшем в нём уроженца Лакнау, города на севере Индии, славящегося своей утончённостью. — Я сначала не хотел даже брать его в машину. Если мне неприятно его лицо, зачем я буду сажать его к себе?

Я изучал физиогномику и прекрасно понял, что он имел в виду. Какая-

то очевидная неправильность была в этом человеке, что-то крайне неблагоприятное, неподобающее, что должно было сразу броситься нам в глаза и предупредить о неприятностях, связанных с этим человеком. И свой знак Природа каким-то образом проставила на его лице, так что сумей мы прочитать это послание, мы бы могли избавить себя от общества непривлекательного человека.

Однако в этом случае мы не услышали бы совершенно неподражаемый монолог водителя. Он рассказывал, шутил и забавлял нас всю дорогу, меняя темы и интонации. Приехав в Бомбей, он так расчувствовался, что угостил своих благодарных слушателей пачкой сигарет и пааном. И тут нам сказали, что когда наш невезучий попутчик увидел, что мы уехали с его чемоданом, он схватился за сердце, как будто оно готово было остановиться. Затем, немного придя в себя, он позвонил в Бомбей и дико закричал в трубку, чтобы немедленно задержали водителя с его чемоданом. Мы были уверены, что это дело пахнет какой-то незаконной махинацией, отчего, впрочем, оно не становилось яснее, так как было по-прежнему непонятно, зачем он оставил свой драгоценный чемодан без присмотра в такси, пока сам пропадал неизвестно где.

Это происшествие надолго врезалось мне в память. Оно показало, каким отточенным может быть механизм предзнаменований. Но время шло, и я видел столько знамений, которые ровным счётом ничего не означали, что Вималананда почувствовал своим долгом предупредить меня, чтобы я не погружался так глубоко в науку гадания по приметам. Предупреждение приняло форму рассказа:

— Однажды Акбар встал раньше обычного, и первым человеком, которого он увидел, был одноглазый *дхоби* (прачечник), полоскавший одежду в Ямуне. Пока он размышлял над смыслом этого знамения, *дхоби* посмотрел наверх и, увидев императора, склонился в почтительном поклоне. В течение этого дня Акбар споткнулся на лестнице и ушиб ногу, в саду его укусила пчела, заболела императрица, а на кухне случился небольшой пожар, из-за чего повар опоздал с обедом. «Какой несчастливый день, — поддакивали придворные подхалимы, — сплошное невезение. Что первое попалося вам на глаза сегодня утром, ваше величество?» — «Я видел одноглазого *дхоби*», — ответил Акбар. «Его лицо не предвещает ничего хорошего, — затараторили те. — Прикажите его казнить!» Акбар послал солдат, чтобы арестовать несчастного *дхоби*.

— Бирбал, бывший свидетелем этого разговора, отвёл *дхоби* в сторону и кое-что посоветовал ему, пока тот стоял и дрожал в ожидании

приговора императора. Акбар рассказал дхоби, каким несчастливым знамением оказалось его лицо, на что тот смиренно ответил: «Прошу прощения, повелитель, но я хочу знать ваше мнение: чьё лицо приносит больше несчастий — ваше или моё?» Это была неслыханная дерзость. Придворные начали роптать, но Акбар жестом приказал всем замолчать и спросил: «Что именно ты хочешь этим сказать?» — «Видите ли, мой повелитель, первое, что я увидел сегодня утром, было ваше лицо, и вот теперь я на краю гибели». Акбар не смог удержаться от смеха, хотя и старался сохранить важный вид. «Кто научил тебя таким словам?» — спросил он. «Бирбал, мой повелитель». — «Что ж, ступай, добрый человек, и помни, что Бирбал спас тебе жизнь». С этими словами он отпустил дхоби, дав ему награду за пережитое беспокойство.

— Неужели Акбар собирался на самом деле его казнить?

— Наверное, нет, но ведь их никогда толком не поймёшь — царей, йогов, огонь и воду.

Уяснив из этой истории, что заворуженность предзнаменованиями может легко перерасти в чреватый кармами предрассудок, я вновь обратился к скачкам, которые теперь переместились в Бомбей. Возвращение на ипподром Махалакшми осенью 1982 года стало для нас праздничным событием. Давние друзья во главе с Камой и семейством Годредж сердечно приветствовали нас и потребовали подробнейшего отчёта о знаменитой победе. Показался и Калубхай и принёс свои поздравления. Он снова стал ходить по вечерам к Вималананде и надоедать нам своими нумерологическими расчётами, которые неизменно проваливались. Может быть, он хотел оправдаться в собственных глазах за то, что в своё время не воспользовался советом Вималананды, а может быть, он просто решил доказать, что Вималананда был не прав.

Вималананда выглядел посвежевшим и поздоровевшим, а его вновь обрётённое жизнелюбие получило дополнительный мощный толчок, когда один меценат, в своё время бывший правителем несуществующего ныне княжества на полуострове Катхиявар в Гуджарате, наличном самолёте доставил нас в один из своих дворцов, чтобы там обсудить перспективы создания фильма. Для нас и предполагаемого режиссёра фильма придворные музыканты махараджи дали великолепный концерт, придворный поэт прочитал свои стихи, а два придворных повара, ездившие учиться в Париж, приготовили изумительный обед. Во время этого празднества я сплавал на лодке на островок, на котором предок Вималананды Сагал Шах жил пятнадцать поколений назад. Я увидел тот самый пестик и ступу, в которой жена Сагал Шаха истолкла мозги их

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

сына Челлаи, когда в образе агхори-людоеда к ним явился сам Шива, чтобы испытать их преданность. Вернувшись в Бомбей, Вималананда начал размышлять над некоторыми своими старыми проектами, чувствуя в себе теперь достаточно сил, чтобы приступить к их воплощению. Однако главный его проект отодвигался всё дальше в будущее, так как после стремительной победы Редстоун очень медленно набирал форму.

Если лошадь полностью отдаётся бегу, то одна гонка может выжать из неё всё. Мы не хотели рисковать здоровьем Редстоуна, заявляя его на скачки до полного восстановления сил. Всем было известно, что иногда на скачках случались страшные вещи, лошади падали прямо во время скачки — с тем чтобы больше уже не встать. Я до сих пор с ужасом вспоминаю одну лошадь, у которой лопнула кожа на ноге, но она скакала дальше, и у неё отломилось копыто и сустав над ним. Они держались только на коже и сухожилиях и бились об обнажённую кость, пока несчастное животное продолжало бег. У меня в ушах до сих пор стоит этот кошмарный костяной звук, с которым изуродованная нога лошади ударяла по дорожке. Потом она упала. Я испытывал настоящие страдания, глядя на неё. Казалось, прошли века, прежде чем клубный ветеринар подбежал к ней и выстрелом из пистолета освободил несчастную душу. Мы не могли допустить, чтобы нечто подобное произошло с лошадью, которую мы всем сердцем любили, и вычеркнули имя Редстоуна из списка участников первых в сезоне классических скачек — индийских Двух Тысяч Гиней.

Мы очень надеялись, что этот перерыв поможет ему восстановиться к началу индийских Дерби, ведь до окончательного утверждения состава участников этих престижных соревнований оставалось совсем немного времени, и решение нужно было принимать срочно. Лошадь может участвовать в Дерби только один раз, и у хозяина за всю его жизнь бывает лишь несколько лошадей, имеющих шансы добыть заветный трофей в классических скачках. Мы боялись упустить шанс, каким бы призрачным он ни казался. Но срок подачи заявок истекал, а Вималананда, казалось, всё более впадал в какое-то созерцательное, философское настроение. За день или два до решительной даты я слышал, как он распевал «*Аво нагаре море хари*» — хвалебный гимн, которым певец приглашает Кришну войти в своё тело. Допев до конца, он отложил фисгармонию и приступил к рассказу, который я слышал много раз до того:

— Судама был брахманом и *гурубхаем* Кришны (учился у того же учителя). Оба они были учениками риши Сандипани. Однажды учитель послал их за дровами для костра. Он собирался выполнить хому. Жена Сандипани собрала им в дорогу поесть и положила два свёртка: один для

Судамы, другой — для Кришны. Но Судама так проголодался, что съел обе порции, не оставив Кришне ничего. Кришна только посмеялся над этим. Он ведь был само Олицетворённое Совершенство (*Пурнатмака Пурушоттама*). Но нельзя обмануть воплощённого бога и надеяться, что всё сойдёт с рук. С того дня удача отвернулась от Судамы, и вскоре он впал в бедность.

— Худо-бедно прожил он долгие годы, и вот однажды его жена услышала о славном государстве Дварака, где царствовал Кришна. Она сейчас же поведала об этом мужу и сказала, что он должен пойти туда и попросить помощи у Кришны. Судама всё ещё стеснялся показываться Кришне на глаза, его по-прежнему мучили угрызения совести. Тем более ему было стыдно попрошайничать у того, кого он сам обокрал. Он отказывался идти, но жене его настолько осточертела бедность, что она не принимала никаких возражений. Она говорила: «Если Кришна такой всезнающий, как ты говоришь, Он сам увидит, в какой мы нужде. Тебе даже не придётся ничего спрашивать у Него, Он Сам предложит тебе то, что надо, и дела наши пойдут в гору». Видя, что деваться ему всё равно некуда, Судама сказал жене, что не может идти к своему старому другу с пустыми руками, как просто попрошайка. Нужен был какой-то подарок. В доме было совершенно пусто, и жена вышла на улицу и выпросила четыре пригоршни риса. Рис она зашила в одежду. С этим «подарком» Судама и отправился в Двараку. Тяжело было у него на сердце. Не знал он, с какими словами и с каким лицом предстать перед Кришной.

— Придя в Двараку, Судама назвал своё имя ещё одному ученику Сандипани, и его тут же пригласили во дворец к Кришне. Увидев его, Кришна радостно бросился к нему навстречу и горячо обнял его. Он усадил его на своё место, омыл ноги, сотворил службу в честь дорогого гостя и накормил его до отвала. Они вспоминали прошлое, и Кришна расспрашивал о том, что случилось с Судамой после их совместной учёбы у Сандипани.

— Всё это время Судама не проронил ни слова о своём бедственном положении. День подходил к концу, и, отчаявшись получить то, за чем он пришёл, Судама решил покинуть дворец. Они стали прощаться, и тут Кришна спросил: «А твоя жена не прислала Мне какого-нибудь подарка?» По сравнению с великолепием Кришны подарок Судамы был таким ничтожным, что Судама начисто забыл о нём. Но как только он достал свой мешочек, Кришна схватил его, высыпал горсть риса на ладонь и съел. Затем высыпал на ладонь вторую пригоршню и тоже съел. Съев две гости риса, Кришна взял на себя все злые кармы Судамы, созданные им в этой и предыдущих жизнях. Когда Он поднёс ко рту третью пригоршню, чтобы уничтожить злые кармы в будущих рождениях

Судамы, его жена Рукмини, воплощение Лакшми, богини достатка, удержала его руку. «Что ты делаешь, Господин мой? — спросила она. — Если ты съешь третью пригоршню, то я должна буду стать служанкой Судамы, а мне совсем не хочется расставаться с тобой». Кришна рассмеялся, опустил руку с рисом и сказал Судаме: «Ладно, теперь ты можешь идти». Судамы был так раздосадован, что Кришна принял его дар и ничего не предложил взамен, что в отчаянии воскликнул: «Крипана!» (Скряга!)

Я не хотел идти к тебе за деньгами, на этом настояла моя жена. Мог бы что-нибудь сделать хотя бы ради неё!» Он забыл, что сам был не прав, что вором был он, а не Кришна.

— Всю дорогу он выдумывал оправдания за то, что возвращается с пустыми руками, но когда он вошёл в свою деревню, он не поверил своим глазам! На месте его кособокой хижины возвышался величественный дворец. Он с трудом узнал жену, вышедшую навстречу, — так она похорошела. В новом платье она выглядела совершенно счастливой. Тогда он вспомнил последние слова, сказанные Кришне, тому самому Кришне, который дал ему всё это. «Крипана!» — вот что он сказал ему на прощание. Теперь, окружённый роскошью, Судамы потерял всякий интерес к земным удовольствиям. Он выстроил себе невдалеке маленький домик и почти не выходил оттуда, целиком посвятив себя Кришне.

— И это правда, Робби, — закончил Вималананда, — правда, что когда Кришна благословляет человека, он отбирает у него все: деньги, славу, удовольствия и прочие мирские радости. И когда человек теряет всё и все кругом отворачиваются от него, ему не остаётся ничего другого, как вспомнить о Кришне и утонуть в очаровании его глаз.

Было не слишком ясно, для чего он опять рассказал мне эту историю. Но когда я увидел, с каким чувством смотрел Вималананда на подсвеченное сзади небольшое изображение Гуру Махараджа, стоявшее на середине его стола, какое-то зловещее облако показалось на горизонте моего ума. Я знал, что Вималананда считал младшего Гуру Махараджа воплощённым Кришной. Я видел, как они надевали сари и танцевали вместе, выражая свою любовь к Кришне. Но знал я и то, что Гуру Махарадж не постесняется отнять у человека жизнь, если это необходимо для духовного роста. В тот момент какая-то неясная мысль мелькнула у меня в голове, какая-то неуловимая тревога, которую трудно было выразить в более определённых словах, чем «Гуру Махарадж что-то затевает».

СИДДХИ ПРАКРИТИ

Если бы я лучше знал младшего Гуру Махараджа, я догадался бы, какой ценой куплено торжество Редстоуна. Дав Вималананде своё благословение на эту победу, он лишил его одной из последних радостей в жизни, которая подходила к концу. Сам Вималананда сразу раскусил манёвр своего учителя и пытался намекнуть об этом мне. Вскоре после происшествия в такси мы снова отправились в Бхулешвар. Совершив богослужение, мы сели отдохнуть в передней галерее храма. Что-то очень необычное было во взгляде Вималананды, когда он посмотрел на меня и сказал:

— Я уже рассказывал тебе о Кришне и его сиддхи. Вспомни: *Картум*, *Акартум*, *Аньятхакартум*.

Я хорошо помнил эти слова. *Картум* — это то, что сделать трудно, но тем не менее возможно. Это могущество Кришны в проявленном мире. *Акартум* — это то, что невозможно для обычных людей, это могущество Кришны в духовном мире. *Аньятхакартум* — это то, что выходит за пределы как земного, так и духовного мира, нечто совершенно немислимое для людей. Аньятхакартум относится к астральному миру, к миру ума, субъективной реальности. Эти три сиддхи дают Кришне неограниченное могущество во всех трёх мирах: земном, духовном и астральном.

— Сиддхи пракрити находится в области Аньятхакартум, в сфере не только невозможного, но и непредставимого. Сиддхи пракрити — это способность менять внутреннюю природу любой части вселенской Пракрити, что означает способность изменять сознание любого существа во Вселенной. Говоря о судьбе, мы на самом деле говорим о СИДДХИ пракрити. Вопрос этот очень сложен и глубок, отнесись к нему со всем вниманием. Судьба — это эфирное существо, которое владеет наивысшей сиддхи: сиддхи пракрити. Таким путём она обретает своё могущество.

— Так вот как проявляется Сатурн...

— Да, Сатурн использует сиддхи пракрити против своих жертв.

— Ты имеешь в виду, что сиддхи пракрити является средством, при помощи которого Сатурн меняет внутреннюю «природу», индивидуальную пракрити, чтобы заставить человека отработать свои кармы, хорошие и плохие, хочет он этого или нет.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Совершенно верно.

— А Сатурн, представляющий собой силу наших карм, будет влиять на нас до тех пор, пока мы полностью не покорим собственную пракрити, то, что «приходит из естества».

— Да.

— Значит, если судьба исходит от карм, воздействие Сатурна исходит от судьбы, а сиддхи пракрити исходит от Сатурна, то всякий раз, когда мы создаём карму, мы фактически сами распоряжаемся сиддхи пракрити?!

— Не совсем так. Конечно, каждый человек сам выстраивает свою судьбу в соответствии с законом кармы, этим удивительным механизмом, созданным Природой для координации судеб всех существ. Но сиддхи пракрити идёт дальше. Сиддхи пракрити позволяет тебе стать автором судьбы, но — и это очень существенное «но» — для этого ты должен понимать, что такое пракрити. Только познав свою собственную пракрити, можно изменить её. Вот почему говорится, что настоящий герой тот, кто может покорить свою собственную свабхаву. Чтобы изменить пракрити другого человека, нужно познать её, узнать её отличия и индивидуальные особенности. А чтобы изменить сознание любого, произвольно взятого существа во Вселенной, нужно сначала познать Пракрити Вселенной, её внутреннюю природу.

— Чтобы овладеть сиддхи пракрити, даже в очень ограниченной степени, требуются годы напряжённой аскезы. Сначала ты учишься изменять пракрити одного человека, что гораздо легче, чем изменить пракрити города, народа или всего человечества. Настоящая сиддхи пракрити — это способность в мгновение ока менять существо всей Вселенной. Дойдя до этой ступени, ты становишься одним из тех, кто посылает в мир пророков и аватар.

— Сиддхи пракрити в том виде, в каком её практикуют риши, может в один миг изменить состояние целых народов и планет. Чтобы овладеть этой способностью, нужно подчинить себе Адья Шакти — первую Шакти, которая исходит от Абсолюта в самом начале творения. От неё произошла вся Вселенная. Поэтому овладевая Ею, ты овладеваешь всем. Почему только риши обладают сиддхи пракрити? Потому что для овладения Адья Шакти нужно выполнять аскезу на протяжении миллионов рождений. Только риши могут мечтать о совершении таких подвигов. Нуждаясь в сиддхи пракрити, судьба обращается к риши за «лицензией» на право пользования этой сиддхи, но даже с этой лицензией она может действовать только по их указанию. Сиддхи пракрити — это орудие, с помощью которого риши управляют

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

Вселенной. Судьба же действует только в соответствии с пожеланиями *риши мандала* (кругом мудрецов).

— Значит, риши мандала правит всем существующим...

— Да. Это настоящие Владыки, хозяйева всех вселенных. Но даже риши, если они заходят слишком далеко, могут пасть жертвой сиддхи пракрити. Почему, как ты думаешь, риши Ангирас проклял Анджани? Никакой необходимости в этом не было. А прокляв её, зачем он пообещал сделать её матерью бессмертного обезьяньего бога? Из-за воздействия сиддхи пракрити. Благословив Анджани, Ангирас понял, что ему не хватает шакти, чтобы самому претворить благословение в жизнь. Тогда он признал своё заблуждение и обратился к Природе за помощью.

— А вспомни риши Яджнавалкью. Однажды во время философского диспута он не сумел ответить на вопросы, которые задала ему обыкновенная девушка по имени Гарджи.

— А что она спросила?

— Ну, например: «Что превыше Абсолюта?» После нескольких таких вопросов у Яджнавалкьи голова пошла кругом и он сказал: «Женщина, ещё одно слово — и голова твоя слетит с плеч». Он потерял самообладание, и в тот же миг лишился плодов десятилетияшестидесятилетней аскезы. Когда он одумался, было уже поздно. Ему пришлось всё начать сначала. Он взял Гарджи себе в жёны за её блестящее умение вести спор. Но почему он вышел из себя? Потому что его пракрити была задета. Есть такая санскритская поговорка: *ати укче патанам*. «Слишком высокое падает». Яджнавалкья слишком возгордился своей аскезой и получил хороший урок. В этом прелесть Судьбы. Яджнавалкья пришёл на диспут с единственной мыслью: забрать всех коров, которые были обещаны победителю спора, и уйти. Но вместо этого он нашёл жену и потерял десять тысяч лет аскезы.

Я неопределённо хмыкнул.

— Риши Парашара вовсе не собирался жениться на Матсья-гандхе. Риши Васиштха назначил время коронации Рамачандры, упустив из виду, что в результате Рамачандре придётся четырнадцать лет провести в лесу. А почему риши Дурвасасу, обожавшему Лаллу (младенца Кришну), вздумалось оскорблять царя Амбаришу? Только из-за помутнения разума. Это результат работы сиддхи пракрити, в чистом виде, в качестве лекарства от чрезмерного высокомерия. До тех пор пока риши ведут обособленное существование, даже они подчиняются закону кармы. Если они ошибаются, Природа ставит их в ситуации, в которых они вынуждены признать свою неправоту, и, таким образом, эго их остаётся

под контролем.

— Так, значит, и риши — не самые главные из начальников?

— В центре Риши Мандалы сидит риши, который управляет всем. Он — главный риши и единственный, кто может полностью контролировать Адья Шакти и вселенскую Пракрити. Все остальные риши думают, что они существуют независимо от него, но на самом деле они всего лишь марионетки. Если исчезнет центр, что будет с кругом? Если какой-нибудь риши возомнит о себе слишком много и попытается перехватить у Первого бразды правления, Тот — назовём его Великим Старейшиной — при помощи сиддхи пракрити преподносит обидчику хороший урок. Великий Старейшина ведёт свою собственную игру, о которой никто ничего не знает. Как, впрочем, и о нём самом.

— Но разве это не горчайшее разочарование для риши? Они тысячелетиями выполняют аскезу — и всё ещё остаются во власти сиддхи пракрити.

— Это страшное разочарование. Если уж мы с тобой не любим признавать свои ошибки, то каково риши, которые *ненавидят*, когда находится кто-то умнее их. Но именно так и происходит.

— Хм-м, — промычал я. — Раньше, когда ты касался подобных вещей, ты приписывал их Сатурну. Теперь я, кажется, понимаю. Шукрачарья воспользовался сиддхи пракрити, чтобы поколебать умы Качи и Деваяни. Верно?

— Что-то на них нашло, так ведь? Тут даже боги не исключение. Сам Кришна не ожидал, что Вишвамित्रа проклянет весь свой род, и хотя Кришна сделал всё, чтобы предотвратить последствия, проклятие развернулось в полную силу. Даже океан поучаствовал в проклятии, несмотря на то что Кришна принадлежал лунной расе, которая ведёт своё происхождение от Луны — хозяйки морей. Сиддхи пракрити даже для Махакалы не делает исключения. Он и представить себе не мог, что родится Анджанеей.

— Махакала не мог себе представить, что родится Анджанеей?

— Не мог. Ты помнишь, что Шива благословил Равану, сказав, что он умрёт, когда украдёт чужую жену?

— *Парастри харанам, Равана маранам* (Равана умрёт, когда чужую жену украдёт).

— Точно. Если бы не Шива, ни о какой «Рамаяне» не было бы и речи, потому что без благословения Шивы Раване не пришлось бы похищать Ситу, чтобы заслужить смерть. Таким образом, Шива оказался причиной

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

всех событий, а это, в свою очередь, требовало его рождения в мире. Он должен был лично убедиться, что Рама убьёт Равану и что условия его благословения соблюдены.

— И кстати говоря, Шива никогда не благословил бы Равану, если бы Равана не решил умереть. А Равана никогда не подумал бы отказаться от своего бессмертия, если бы не велел Сатурну лечь лицом вверх. А это ему посоветовал Нарада, когда все девять планет лежали ничком на ступенях у подножия трона Раваны. Что-то нашло на него и он согласился на предложение Нарады. То, что нашло, и было сиддхи пракрити.

— Вот оно что! — Разрозненные мифы вдруг выстроились у меня в голове в единую прочную цепь.

— Шива тоже попал под влияние сиддхи пракрити, но уже в другой раз, когда он увидел Вишну в образе Мохини — роскошной молодой дикарки. Она сбросила свой наряд, и Шива, плененный её наготой, буквально потерял рассудок. Он бежал за ней, как возбуждённый слон бежит за слонихой, совершенно не стесняясь того, что его жена наблюдает этот спектакль. Только удовлетворив своё сладострастие, он начал мыслить яснее и понял, в какое затруднительное положение попал. С какой стати он преследовал Мохини? Когда даже семена похоти были выжжены в нём, превращены в пепел, как могли они прорасти вновь? Только сиддхи пракрити могла сделать это. Шива забыл себя, пусть на какое-то мгновение, но этого было достаточно, чтобы похоть овладела им вновь. И если эта сила способна склонить самого Шиву, который есть олицетворение непрекращающегося самадхи и который прошёл через самые чудовищные аскезы в течение неисчислимых эонов и юг, — тогда это действительно нечто неопишное. Это сиддхи пракрити в руках эксперта. А как ты думаешь, что случилось с царём Парикшитом?

— С тем Парикшитом, который был сыном Абхиманью, благодаря которому у нас есть «Шримад Бхагавата»?

— Да, с тем самым. Однажды на охоте он набрел на риши, погруженного в самадхи. Кроме риши в ашраме никого не было. Парикшит почувствовал сильную жажду и попросил воды. Риши не шевельнулся. Царь разгневался и, схватив дохлую змею, повесил её риши на шею и ускакал. А несколько минут спустя в ашрам вернулся сын риши и, увидев на шее отца змею, страшно рассвирепел и произнёс проклятие: «Через семь дней эта змея оживёт и укусит того мерзавца, который повесил её на шею моему отцу. И мерзавец умрёт». Риши почувствовал сильный тамас, исходящий от этого проклятия, и очнулся. Он сразу понял, в чём дело, и сказал: «Сын мой, что ты наделал? Тамас овладел

тобой. Ты должен пребывать в саттве». Юноша ответил: «Отец, ты меня не знаешь. Я давно уже превзошёл саттву и всё остальное. Я намеренно проклял царя, и моё проклятие обернётся благословением для него». Отец в удивлении вытаращил глаза. Он понял вдруг, что совсем не знает способностей своего сына. «Как это?» — спросил он его. Сын ответил: «Шукадева, молодой риши, познакомится с царём и передаст ему текст «Шримад Бхагаваты», который иначе не попал бы в руки людей. И Парикшит достигнет мокши, слушая священный текст.

— Так и случилось. Чтение продолжалось семь дней, и концу седьмого дня, когда змея приползла, чтобы укусить Парикшита, он приветствовал её словами: «Кусай же! Не думай, что я — тело, которое ты можешь испортить!» Сознание Парикшита слилось с Мировой Душой. Простой человек, Дундубхи, сидевший поблизости и слушавший, тоже получил освобождение. Итак, спасибо молодому риши, что у нас есть «Шримад Еэхагавага». Чудесная игра! Сперва он поколебал ум Парикшита, затем проклял его за это, а потом проклятие обратил в благословение.

— Откуда взялись ограничения в уме Парикшита, которыми воспользовался молодой риши, чтобы поколебать этот ум, если Парикшит был таким «испытанным и проверенным»?

— В этом нет ничего сложного. До тех пор, пока Кундалини отождествляется с телом, человек ограничен временем, пространством и причинностью. Это значит, что сознание его зависит от химического состава мозга, а изменить этот состав способен всякий, кто владеет сиддхи пракрити. Вот почему эта сиддхи может быть применена только к живым существам: в трупе происходят лишь процессы химического распада. Если девушка захочет возбудить пенис мёртвого мужчины, сумеет ли она это сделать? Нет, что бы она ни вытворяла. В трупе нет жизни, нет ахамкары. Конечно, можно при желании изменить пракрити мёртвого духа, но это изменение проявится лишь тогда, когда он получит новое рождение, — если только ты не сумеешь на время вернуть его к жизни.

— Однажды это проделал Экнатх махарадж, когда вызвал на Землю предков одной женщины, чтобы она смогла преподнести им угощение лично. Это кормление коренным образом изменило её пракрити. Именно поэтому я всегда настаиваю на важности питри тарпаны. Поверь мне, можно очень круто переменить жизнь, если научиться правильно выполнять питри тарпану. Разумеется, на исправление целого народа с помощью питри тарпаны ушло бы слишком много времени, поэтому риши пользуются другими методами. Но для отдельного человека это

очень существенно. Рошни у меня умница. Она говорит мне: «Если вы ничему не хотите меня учить, то научите хотя бы питри тарпане». Она знает, что если для неё будет как следует выполнена питри тарпана, её пракрити изменится неузнаваемо. Все её дурные привычки как рукой снимет.

— Но понимает ли она, какая нужна мощная шакти, чтобы очистить её карму от кармы семи поколений её предков? Для обычного человека практически невозможно устранить всё накопленное зло, всю тяжесть эгоизма предков. Здесь нужно прибегнуть к садхане и поставить барьер этому эгоизму, прежде чем он успеет проникнуть в твой ум и извратить его. Садхана хороша тем, что через неё боги и богини могут практиковать на тебе некий вид сиддхи пракрити. Конечно, это более ограниченный вид сиддхи пракрити, чем тот, которым владеют риши, но когда божество практикует сиддхи пракрити на человеке, результат говорит сам за себя. У человека меняются гены, меняются хромосомы, причём возврата в прежнее состояние никогда не происходит.

— Однажды Рани Расмани, хозяйка храма, в котором служил Рамакришна Парамахамса, вошла в храм, чтобы совершить поклонение Ма. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на богослужении, она думала о своих денежных делах. Заметив это, Рамакришна поднялся со своего места, подошёл к ней и дал ей пощечину. «Когда идёшь в храм, — сказал он, — ум должен быть пуст. А все земные заботы нужно оставлять у порога».

— Люди трактуют эту историю поверхностно. Они думают, что Рамакришна прочёл её мысли и дал ей пощечину в качестве средства шоковой терапии, чтобы она надолго запомнила урок. Но люди забывают, что в тот момент Рамакришна пребывал в *унмани* — состоянии, в котором он не осознавал своих действий. В настоящем унмани совершенно не существует осознания того, что происходит с телом. Если слишком долго ошупью пробираться к восприятию Абсолютной Реальности, можно сойти с ума. Это и есть божественное безумие унмани. Ограниченное телесное сознание полностью уничтожено, и телом, как игрушкой, играет кто-то другой. В случае с Рамакришной это была Божественная Мать в образе богини Бхаватарини. Именно Она играла с ним. Именно Она дала пощечину Рани Расмани, воспользовавшись как инструментом рукой Рамакришны. Эта пощечина была формой сиддхи пракрити: ум Рани Расмани с тех пор никогда больше не отвлекался от Бога.

— Любое проклятие или благословение, полученное от гуру или святого, на самом деле является определённым видом сиддхи пракрити.

Почему? Потому что, проклиная или благословляя тебя, они передают тебе долю энергии своего личного божества. Вот тебе ещё один пример. У Махараджа Экнатха был сын — фанатичный брахман. Он считал, что отец позорит семейство, общаясь с низкорождёнными и внекастовыми, и вместе со своей женой постоянно изводил Экнатха. И однажды Экнатх попросил сына и его жену прийти к нему в их свадебных нарядах. Он усадил их перед собой и сказал: «Какая же вы прекрасная пара! Почему же ваше сознание не столь прекрасно, как вы сами?» И в тот же миг сиддхи пракрити снизошла на них и навсегда изменила их жизнь. Вот такого учителя и надо искать. Настоящий гуру не даст твоему уму блуждать и отклоняться в стороны.

— В нашем мире сиддхи пракрити может проявиться двумя путями: сразу, как в случае с пощечиной, и постепенно, с течением времени. Быстрый путь гораздо лучше, так как он сразу кладёт конец всем нежелательным вещам. К сожалению, быстрый путь возможен только тогда, когда энергия божества пронизывает тебя в строго определённый момент. В остальных случаях приходится идти медленным путём, а это может растянуться надолго. Но даже идя медленным путём, можно сделать так, чтобы изменение шло непрерывно. Возьми недавний случай — беспробудный пьяница и развратник. Его выгоняли из дома, избивали в полиции, но никакие наказания не помогали. Но когда изменение коснулось его внутренней природы, он раскаялся и попросил прощения у отца, жены и детей и даже припал к их ногам в знак полного смирения. И всё это он проделал добровольно, по своей собственной инициативе. Он так и не понял, что с ним произошло, потому что внешне этот процесс никак не выражался. Он не мог и даже не пытался сопротивляться изменениям, так как все перемены, происходившие с его личностью, шли изнутри его самого. Чем более эгоцентричен человек, чем больше внимания он требует, тем меньше вероятность, что он не будет следовать тому, что идёт из его нутра. Такие люди верят, что всё, что они делают и говорят, — хорошо и правильно. Это их естественная манера поведения. Такой человек, чувствуя внутренние изменения, может даже поздравить самого себя с великой победой, полагая, что он сам задумал и осуществил перемены. Может ли какое-нибудь внешнее воздействие дать столь мощный результат? Нет.

— Конечно, это временный эффект. Но даже когда старые привычки вернуться — а они обязательно вернуться, так как слишком глубоко укоренены в уме, — им придётся соперничать с новыми привычками, сформированными благодаря сиддхи пракрити. Длительность эффекта зависит от качества материала, с которым приходится работать. Человеку в благоприятном окружении, каким является хорошая семья, хороший

учитель, гораздо труднее скатиться назад, чем, например, Бехраму.

— Так вот что произошло в тот вечер, когда Бехрам вдруг решил вернуться в Иран, а в тебя вошёл Анджанея! Анджанея ввел ему дозу сиддхи пракрити!

— Да, именно так. Я люблю улаживать семейные конфликты, подправлять заблудших, и сиддхи пракрити для этого очень хороша. Разве материальное положение семьи не улучшилось после того, как Бехрам улетел к себе?

— Улучшилось, разумеется.

— Хотя в семейных делах сиддхи пракрити почти всегда используется для укрепления внутрисемейных отношений, иногда её применяют и для разрушения семьи. Конечно, это скорее исключение, чем правило, поскольку гармоничные семьи сегодня очень редки. Но если в семье царит полная гармония, то такая семья будет вечно благоденствовать, а это недопустимо. Недостаточно возмутить разум одного из членов семьи, и вся она развалится. Я знаю, это звучит жестоко, и я понимаю, что трудно уяснить, зачем это нужно. Но иначе новые привычки не сформируются.

— Это то, что произошло с твоей собственной семьёй? Пятнадцать поколений процветали, а потом кто-то решил, что срок настал и помутил разум Путлибай. А она, в свою очередь, возмутила разум твоего дяди, что положило конец семейному счастью. Дружное семейство распалось.

— Что-то в этом роде.

Невдалеке от нас показался тощий бездомный пес с поджатым хвостом. Мы предложили ему конфету. Наученный горьким опытом, он подошёл не сразу. Но голод пересилил в нём страх получить пинок, и он взял конфету из рук и начал её медленно разжёвывать. Слушая Вималананду, я продолжал кормить пса.

— Но сиддхи пракрити используется не только для этого. Способы её применения бесчисленны. Когда я вёл жизнь нагого садху, Рана как-то пригласил меня в Непал. Он хотел испытать меня, и вдоль парадной лестницы дворца выстроил прекрасных молоденьких девушек, обнажённых по пояс. Груды их были прекрасны и соблазнительны, но я был так глубоко погружен в садхану, что мне они казались скелетами. Я думал про себя: «Неужели можно завязать роман со скелетом?» И добрая Природа изменила не мою пракрити, а их, и вместо того, чтобы видеть во мне объект сексуального желания, они смотрели на меня как на отца или брата. Согласись, что это лучше.

— Гораздо лучше.

— Но зачем далеко ходить за примерами? Я играл в такие игры с Чоту прямо здесь, в Бомбее. Когда у меня была ферма в Боривали, мы иногда садились на электричку и ехали на вокзал Черчгейт. Иногда, когда на меня находило настроение, я говорил ему: «Все едут до Черчгейта». И все люди, сидевшие рядом с нами, ехали до Черчгейта, независимо от того, на какой станции им надо было выходить. Они шли к выходу и тут спохватывались: «Ой, что же это? Я хотел выйти там-то и там-то, а доехал до Черчгейта. Наверное, проспал». Но это был не сон. Иногда я сажал в поезд всех людей на перроне, даже тех, кто ждал поезда в другом направлении. Они замечали это только потом. Мне нравилось забавляться такими вещами. Мои шутки никому не причиняли зла. Пересесть на другой поезд или вернуться на пару остановок назад — дело несложное, поездов много. А мне это давало возможность проверить свой уровень, знать который важно для любого сиддхи.

— Возьмём более общий пример. Вот Индия — бедная страна, у которой есть богатые враги. Но у нас есть сиддхи пракрити, и мы можем защититься. Америка может отрядить сколько угодно танков, лодок и самолётов Пакистану, а мы и бровью не поведём. Почему? Потому что корабли, самолёты, танки, пушки и прочая техника нуждаются в людях, и без людей она ничто. Всё, что нам нужно, это повлиять на разум пакистанских солдат. Представь, что они нападают на нас на самолётах. Что будет, если лётчики вдруг изменят курс, потеряют направление и высоту и поведут самолёты прямо под прицел наших зениток? Если они даже не подумают уходить от огня? Их сбьют. Ты только подумай: во время последней войны одна зенитная пушка сбила семнадцать реактивных «Сабров»! Одна — семнадцать! Ну разве такое возможно?! Только — с сиддхи пракрити.

— Или вспомни затопление подводной лодки «Гази» в гавани Вишахпатнама. Мы даже не подозревали, что она там, пока военная полиция случайно не поймала двух рыбаков, которые никак не могли поделить деньги, полученные от пакистанцев в награду за неразглашение их присутствия. Тогда патрульные катера стали наудачу бросать глубинные бомбы. Вслепую! Они понятия не имели, где залегла эта проклятая лодка, и всё-таки они затопили её! Разве не мог капитан вывести на время лодку из гавани? Мог, но он этого не сделал, потому что его пракрити помешала ему.

— Когда танковая часть пересекла нашу границу, что мы могли сделать? Во-первых, Природа оказалась очень милостива к нам: проливной дождь не прекращался двадцать четыре часа, что было

совершенно не по сезону. «Паттоны» ползли по тростниковым полям и увязали в грязи. Какой генерал поведёт свои войска в наступление, когда земля хлюпает под ногами? В таких условиях посылать танки вперёд значит обречь их на верную гибель. Но пакистанские генералы в самый решительный момент забыли всё, что когда-то учили, из-за того, что пракрити их изменилась. И тут кому-то из наших солдат пришла в голову блестящая мысль: воткнуть железный лом в гусеницу танка! Сломом между колёс танк не сдвинется с места. Понятно, что все танки были быстро обезврежены. Как видишь, Индии не по карману оружие с международных выставок, приходится действовать подручными средствами. Железный лом стоит несколько рупий, однако останавливает танк. Неплохо, да? Природа очень добра к Индии.

— Но тогда сиддхи пракрити можно применить в любой войне.

— А почему бы и нет? Вспомни Вторую мировую войну. Почему у немцев провалилась дюнкеркская операция? Почему Гитлер отказался от вторжения в Англию именно тогда, когда оно могло принести успех? Почему он вторгся в Россию с опозданием на две недели? Потому что в критические моменты ум изменял ему — совсем чуть-чуть, но всё же достаточно, чтобы срывать все его планы. Достаточно, чтобы Тысячелетний Рейх — мечта его жизни — рухнул за каких-то двенадцать лет.

— И кто же помутил его ум? Какой-нибудь риши?

— Может быть. А может быть, и нет. Какая разница? Главное, что с настоящими сиддхи, Робби, а особенно с наивысшей сиддхи — сиддхи пракрити, шутки плохи. Сиддхи нужно использовать для того, чтобы облегчить жизнь всем страдающим в этом безжалостном и неблагодарном мире. Смотри, какой чудесный дар ты преподносишь этому несчастному псу! Поверив, что мы его не обидим, он подошёл к нам, и вот ты кормишь его. Как и все мы, он родился, чтобы взвалить на себя свои кармы, и страдает, даже не зная за что. Мы накормили и полюбили его. Теперь мы должны отпустить его спать, чтобы он почувствовал себя счастливым хоть один день в своей беспросветной жизни.

Но пес не хотел спать. Он по-прежнему хотел есть. Однако перекармливать его мы не хотели. Вдруг он опустился на землю, как будто его толкнули, и морда его стала клониться вниз. Он сделал несколько безуспешных попыток очнуться, но его неудержимо клонило в сон. Вскоре он уже мирно спал, а с мы с Вималанандой обменялись улыбками над его головой.

— Любя Бога, — мягким голосом проговорил Вималананда, — ты

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

видишь Бога во всех Его тварях, и тебе тягостно видеть Его страдания. И тогда ты всё отдаёшь Ему, единым порывом сердца, даже если это всего лишь заплата, которую ты с помощью сиддхи ставишь на тело судьбы.

— Так что не стоит отчаиваться, — заключил он, подмигнув мне, — если и на тебя когда-нибудь обратится сиддхи пракрити. Риши и боги вынуждены считаться с ней, и тебе не надо быть исключением.

Вдруг совершенно неожиданно и безотчётно передо мной вспыхнуло видение: Вималананда и два его Гуру Махараджа, старший и младший, целили друг в друга сиддхи пракрити... Я стёр это наваждение, принесённое порывом ветра, прошумевшего над нашими головами.

28 ноября 1982 года посвящённый скачкам еженедельник назвал Редстоуна чемпионом среди пунских трёхлеток за победу в двух крупнейших состязаниях сезона в Пуне. Ему открывалось блестящее будущее, но поскольку он никак не мог набрать нужную форму, мы и в 1983 году были вынуждены отказаться от участия в Индийских Дерби. У нас не было причин подозревать какие-то серьёзные проблемы, равно как и волноваться по поводу предстоящего аукциона. Торговля чистокровными лошадьми привлекает море самой разнообразной публики. За неделю до начала торгов собственники жеребцов и кобыл выставляют своё богатство на всеобщее обозрение, и покупатели с каталогами в руках суетятся вокруг них, рассматривая и расспрашивая. Оценки, сопоставления и расчёты не прекращаются всю неделю. Чай льётся рекой, будучи неизменным посредником в бесконечных переговорах. Ветеринары процветают, заваленные заказами на осмотр и освидетельствование лошадей.

Примерно треть всех выставленных лошадей продаётся в частном порядке в течение этой недели. Не проданные таким образом лошади поступают на аукцион, под молоточек господина Б. К. Ф. Дамани — щеголеватого пожилого перса, известного спортивного обозревателя, которого все величали не иначе как его инициалами. Работа БКФД состояла в том, чтобы выжать как можно больше денег за те три дня, что продолжался аукцион, и он умело играл на искушениях публики, шутками, мольбами и лестью склоняя колеблющихся покупателей. Он возвышался под навесом на своём маленьком троне во дворе ипподрома, а места для публики были расставлены вокруг так, чтобы каждый мог хорошо слышать его голос: «Прошу прибавить, по такой цене отпустить не буду», «Кто больше? Никто? Продаётся...» или, когда стартовая цена не устраивала никого, «Остаётся в собственность...».

В феврале мы ничего не покупали и только наблюдали за ходом

спектакля. Шёл второй день аукциона. Глядя на лошадей, я думал о том, что, быть может, из каждых трёх двухлеток две могут быть выставлены на скачки. Из них половина, возможно, победит в скачке, но едва ли одну лошадь из десяти можно назвать действительно выдающейся. И в этом отношении Вималананде то ли исключительно везло, то ли он замечал то, чего не могли заметить другие. Ибо купленные им лошади далеко выходили за рамки этих расчётов. Наметанный глаз, пищевые добавки, жонглирование обстоятельствами или сиддхи пракрити? Что было его главным оружием? Или каждое средство вносило свою долю в общий успех?

Прозвучал последний удар молотка, и мы с Вималанандой отправились на другую площадку клуба, где должна была состояться самая торжественная часть всего мероприятия: ежегодный клубный обед, посвящённый закрытию аукциона. Клубные распорядители, видимо, до сих пор не могли прийти в себя от провала двухлетней давности, когда управляющий-перс заказал для всех блюда персидской кухни. Говорят, что мясные блюда пришлись гостям по вкусу, но вегетарианское меню оказалось практически несъедобным. Лично мне досталась тогда острая маринованная морковь и пшеничная лепёшка, которую лишённый остроты глаз и утративший половину ощущений язык мог легко перепутать со старой подошвой. Вегетарианцы клуба подняли мятеж. На следующий год угощение было куда лучше, а этот год принёс ещё более приятные результаты.

Мы сидели за столом за лакомствами и напитками, делились своими впечатлениями о покупках и о ценах с Техмулом и другими хозяевами, державшими у него лошадей, с доктором Кулкарни и господином Теджвани, человеком изысканных манер, который занимался строительством и имел около дюжины лошадей. За нашим столом сидел также весельчак Баркат Али Хан — Вималананда очень уважал его за знание лошадей и любовь к музыке. Баркату Али так надоела нечистоплотность тренеров, что в конце концов он был вынужден сам заняться тренерской практикой. Теперь они с сыном самостоятельно работали со своими лошадьми и даже могли кое-чем похвастать. Вималананда сам подумывал предпринять такой шаг, но сейчас это ему не позволяло слабое здоровье и никто из круга его знакомых не мог выступить в этой роли: я был иностранцем и не имел права тренировать лошадей, Рошни работала на полную ставку. Мамрабахен с великой радостью поставила бы на это место своего ненаглядного Дженду Кумара, но это было всё равно что доверить лисе курятник. Более негодного и неумелого человека, чем Дженду Кумар, было трудно себе представить.

Я молча жевал трёхцветные самосы и *пакоры* из шпината, наблюдая за тем, как развязный Субхашбхай перебрасывался шуточками с Вималанандой в тайной надежде склонить его к совместной покупке. Я был уверен, что Вималананда никогда не пойдёт на это: он не настолько наивен, чтобы связывать себя с таким человеком, как Субхашбхай, который, к чему бы ни прикоснулся, оставлял такой жирный след, что даже банановый слизень устыдился бы. Но я боялся, что Вималананда захочет выкинуть тот же фокус, какой он учинил много лет назад и о котором сегодня утром вспоминал. Это было ещё в те далёкие дни, когда Индией правили англичане. Вималананда решил свести счёты с адмиралом Эриком Шиптоном — не могу точно сказать по поводу чего. Они встретились на званом ужине у адмирала. Вималананда притворился пьяным и, извинившись, вышел в туалет. Там он расстегнул ширинку и вставил в неё тёмно-красную мясную сосиску. С сосиской наружу он снова вышел к столу, и смущённые гости начали вежливо покашливать, чтобы намекнуть на неисправность. Наконец сам адмирал Шиптон не выдержал, взял Вималананду под руку, отвёл в угол и указал на его оплошность. «Что-о-о?! — с бессмысленным видом протянул Вималананда. — А-а, эта чертова дрянь! Сейчас я ей покажу...» С этими словами он выхватил из кармана нож и отрубил торчащий отросток. Сам Вималананда говорил, что женщины, видевшие это, попадали в обморок. Адмирал, конечно, тоже был не в восторге.

На нашем клубном обеде сосисок на столе не было, но меня не оставляло чувство, что Вималананда готовит какой-то трюк. После еды Субхашбхай пригласил нас вместе послушать музыку. Вималананда с радостью принял это предложение и позвал с нами Барката Али, который, будучи верным мусульманином, не выпил ни капли спиртного. Поколебавшись, он отказался, и мы ушли. Я сел за руль. За весь обед я лишь пару раз пригубил виски. Я знал, что Вималананда может одинаково хорошо вести машину независимо от того, сколько он выпил, потому что спиртное действовало на него не так, как на обычных людей. Два года назад он благополучно довёз меня и Рошни до дому после такого же клубного обеда, за которым он выпил целую бутылку виски. Нет, я опасался, что за рулём он придёт в ещё большее возбуждение, как это случилось в тот раз. Он гнал как сумасшедший, виляя и никому не уступая дорогу, демонстрируя великолепное владение собой и машиной. Он сбавил скорость только тогда, когда Рошни мягко тронула его за плечо после того, как он раз или два наехал на центральную полосу разметки.

По плохо освещённым аллеям мы приехали в какое-то заведение, где Субхашбхай угостил нас пааном, в который, как мы позже узнали, были

подмешаны запрещённые стимуляторы. Вималананду всё больше соблазняла мысль спровоцировать Субхашбхая на какой-нибудь грандиозный скандал, в котором тот предстал бы в неприглядном виде. Стимулятор только прибавил ясности его уму. Двинувшись дальше и оглядевшись, мы поняли, что находимся в районе красных фонарей.

Две женщины, очевидно, проститутки, приняли нас в комнате с фисгармонией. Субхашбхай стал клевать носом, как только женщины заиграли серенады. Когда они закончили, Вималананда обратился к ним:

— Великолепно. А теперь я хотел бы научить вас кое-чему, что, я надеюсь, придётся больше по вкусу вашему шефу. Не могли бы вы привести сюда игрока на *табле*?

Минут через пять пришёл человек с таблой, и Вималананда приступил к обучению. Вскоре все не занятые с другими клиентами дамы собрались в нашей комнате. Концерт пришёлся по душе всем — всем, за исключением Субхашбхая, который вдруг поднялся и шатаясь вышел из комнаты. Когда через полчаса у Вималананды кончились сигареты и весёлые кокетки заметно опечалились, услышав наше «адье», мы обнаружили Субхашбхая на дне канавы возле машины. Он крепко спал под присмотром водителя. По пути домой Вималананда сказал:

— Развратник получил хороший урок. Он думал, что меня можно свести с ума наркотиками, женщинами, деньгами. Как бы не так!

С тех пор Субхашбхай стал обходить нас стороной. По негласному соглашению, мы не рассказали никому, кроме Техмула, о его недостойном поступке. Тревожило, однако, бесстыдство, с которым он попытался втянуть Вималананду в свои планы. Это наводило на мысль, что нежелательные влияния начали воздействовать на жизнь Вималананды. Возможно, это была его личная доля общепомбейского проклятия. Вскоре Бомбей ещё раз напомнил нам о своей скверной природе. Как-то перед началом скачек Вималананда указал мне на высокого взлохмаченного садху, стоявшего перед трибуной бомбейского ипподрома и оживлённо обсуждавшего с женщиной программу скачек.

— Вот он наш Шанкаргириджи... — проговорил Вималананда.

— Тот самый Шанкаргириджи? — удивился я.

— Тот самый, — ответил Вималананда.

Я внимательнее взгляделся в садху, столь же очарованный наружностью — говорили, что ему было не менее ста двадцати пяти лет, — сколь и разочарованный поведением этого человека в далёком 1949 году во время происшествия с Рану. Вималананда, скитаясь в джунглях

вместе с Шанкаргириджи, воспринял видение смерти своего девятилетнего сына по имени Рану. На это сообщение Шанкаргириджи наплевал самым недвусмысленным образом. Тем не менее Вималананда настоял на возвращении в Бомбей и приехал как раз вовремя, чтобы застать Рану в живых. Но спасти мальчика было уже невозможно.

— Теперь, кроме возбуждения своего азарта, он, кажется, ничем больше не занимается, — пробормотал Вималананда. — Когда его навещают ученики, он усаживает их за стол и заставляет играть в карты. Он вправе поступать как хочет, но мне не нравится, когда садху подаёт дурной пример тем, кто менее преуспел в садхане, чем он.

На этом разговор закончился, и я пошёл на «кольцо» делать ставки. А вечером Вималананда совершенно неожиданно для меня рассказал следующую историю:

— Жила-была женщина, которая в качестве личной садханы каждый день готовила для своего гуру роти (лепёшки из зерна). И случилось так, что гуру её был не кто иной, как риши Дурвасас. Каждый день она вброд переходила реку, отделявшую её дом от лачуги Дурвасаса. И вот однажды в сезон дождей вода в реке поднялась так высоко, что когда она принесла Дурвасасу обед, она не могла перейти реку обратно. Она стала причитать, что её муж останется без ужина. Она горько плакала, и Дурвасас сказал: «И что ты так расшумелась? Иди к реке и скажи ей: «Ма, если Дурвасас не съел ни одной из моих роти, дай мне пройти. Но если он съел хоть одну, прегради мне путь». Женщина хотела возразить — она много раз своими глазами видела, как он ел зерно. Но Дурвасас сказал: «Ступай!» Зная, что от него можно и проклятия дожидаться, она не стала перечить. Она спустилась к реке и произнесла слова, которым он научил её, и вода отступила настолько, что она смогла вернуться домой.

— Она была крайне озадачена. Вечером, готовя ужин для мужа, она не могла думать ни о чём другом, кроме как о происшествии с Дурвасасом. Готовя пищу, никогда не стоит отвлекаться на посторонние вещи. Поскольку она своими ограниченными мозгами пыталась всё время понять, что же произошло, она забыла посолить пищу. Когда она с отсутствующим видом накрыла мужу на стол и он попробовал пищу, он спросил, заметив её состояние: «Что с тобой, солнышко?» Она, насторожившись, ответила: «Ничего, всё в порядке». На что он мягко сказал: «Тогда почему же ты не посолила пищу? Раньше ты никогда этого не забывала». Она совсем смутилась и всё рассказала мужу, закончив свою повесть словами: «Как же он это сделал?» Муж сказал: «О, это сущий пустяк. Давай проведём эксперимент. Вода всё ещё высока, не так ли? Завтра, когда ты пойдёшь кормить своего риши, скажи

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

реке: «Ма, если мой муж никогда не занимался любовью со мной, дай мне пройти. Но если он хоть раз переспал со мной, прегради мне путь».

— Это для женщины было уже слишком. Она родила от мужа восьмерых детей! Как же он мог утверждать, что ни разу не переспал с ней? Но муж не желал слушать никаких отговорок. На следующее утро река разлилась ещё сильнее прежнего. Но когда она произнесла слова, которым научил её муж, вода спала и она перешла на другой берег.

— Она сидела и смотрела, как Дурвасас поедал зерно. Когда он закончил, она рассказала ему о том, что случилось утром. Услышав, каким словам научил её муж, Дурвасас сказал: «Больше ко мне не ходи. У твоего мужа светлая голова, он сам позаботится о тебе».

Вималананда замолк. Я читал похожую историю в сборнике индийских сказок и думал, что он просто повторяет мне её для лучшего усвоения. Но Рошни отозвала меня в сторону и сказала:

— Не знаю, как насчёт Дурвасаса, а с Вималанандой это произошло на самом деле, я видела это. Женщина с лепёшками — это его жена, река — это на самом деле бомбейская гавань, которую она переплывала на пароме, чтобы покормить своего гуру Шанкаргириджи, жившего тогда на том берегу, в Алибаге. Несколько раз казалось, что паром не доплывёт, но она произносила слова, океан стихал, и паром переправлялся на другой берег.

К тому времени я знал жену Вималананды уже несколько лет, и наши отношения складывались неплохо. В своё время она сама настояла на свадьбе, несмотря на смертельный страх, который вселило в неё совместное посещение смашана. На всём протяжении их супружества она не переставала считать Вималананду бездельником, неспособным вести нормальный образ жизни и хорошо зарабатывать. Из этой истории я понял, что даже слова собственного гуру не поколебали её убеждения. Насколько же глубоко проникает влияние рнанубандхан в нашу жизнь, и есть ли предел боли, которую это влияние способно нам причинить?

В октябре 1982 года Сатурн перешёл в Весы и соединился с Луной в моём гороскопе (а также в гороскопе Рошни). Влияние саде сати усилилось. События начали быстро разворачиваться после того, как Рошни уехала в Восточную Азию на стажировку. Сначала у Вималананды, которому в последние недели стало особенно тяжело дышать, установили закупорочную сердечную недостаточность. Я нянчился с ним, как с ребёнком, следя за тем, чтобы он вовремя принимал лекарства и не вставал с постели. Я позволял ему не больше одной сигареты в день. Но я видел, как угасал его интерес к собственному телу. Он почти не прибегал к чудо-средствам, к своим

необычным способностям, с помощью которых он на моих глазах легко исцелял себя в прошлом. Возможные последствия очень тревожили меня, но никакое решение не приходило в голову.

Как раз в это время после ряда трудовых конфликтов забастовали конюхи пунского ипподрома. Демонстрация переросла в насилие. Полиция открыла огонь, чтобы обуздать толпу, и три конюха были ранены, причём одного из них пуля буквально кастрировала. Участвовавший в этом офицер полиции оказался другом Техмула и живо описал нам сцены сражения, с точки зрения представителя правопорядка. Это был старательный молодой человек, немного важничавший своим положением, в его речи мелькали такие мужественные замечания, как: «Это очень опасно, сэр, очень страшно, когда толпа рабочих нападает на вас. Вы не знаете, что это такое, сэр, а я знаю, и говорю вам, что толпа рабочих — это настоящее испытание для мужчины».

Бомбейский ипподром тоже бастовал, и хотя здесь обошлось без кровопролития, из-за недостатка рабочих рук мне каждый день приходилось отправляться на конюшню и помогать Техмулу тренировать лошадей. Мне и раньше доводилось наблюдать работу с лошадьми наездников-любителей и ощущать при этом, что сам я справился бы с этой работой не хуже. К счастью для меня, старший конюх Фахруддин сжалился надо мной и поручил мне пожилого мерина Онслота. Я выводил его на прогулку вокруг конюшен и впервые в жизни на собственном опыте почувствовал, что значит управлять полутора тысячами фунтов живого веса нервной чистокровной лошади. Онслот почти не брыкался, но любил кусаться, и я держался подальше от его морды. Только однажды он встал на дыбы, просто так, чтобы показать мне, кто здесь начальник, но на помощь поспешили Фахруддин и кузнец Находаджи, и совместными усилиями мы поставили гордого скакуна на место.

— По крайней мере, — сказал Вималананда, когда я, присев на его кровать, докладывал о своих подвигах, — эту стачку устроили не коммунисты.

— А чем коммунисты хуже? — ухватился я.

— Коммунисты? О Боже ты мой! Однажды коммунисты у себя на собрании решили, что добьются своего во что бы то ни стало — даже если пострадают лошади. И они держали лошадей в заложниках до тех пор, пока их требования не удовлетворили. А что им сделали лошади? Наказывай хозяев, если тебе неймётся, но зачем лошадей? Но эти подонки знали, что скорее достигнут своего, если будут мучить лошадей, а не хозяев. И они взялись за лошадей. Такие люди не заслуживают того,

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

чтобы называться людьми! Уверяю тебя, сразу после смерти их ждёт премиленькое рождение! Природа их проучит как следует!

— Почему ты так ненавидишь коммунизм? Не лучше ли ненавидеть тех, с кем коммунисты борются, тех, кто эксплуатирует труд и платит людям жалкие гроши на пропитание?

— Одна из многих причин моей ненависти к коммунизму состоит в том, что коммунисты полагают, будто цель оправдывает средства. Они верят в это, потому что доведены до отчаяния и хотят своё отчаяние выместить на других, вместо того чтобы набраться мужества и совладать со своим несчастьем. Если ты несчастен, значит, ты до этого сотворил карму, которая делает тебя несчастным. Разве не нужно расплачиваться за эту карму? Добрый человек сжалится над тобой и покажет, как ту же карму можно отработать с минимальными издержками с твоей стороны. А если он воистину добрый человек, он даже может взять на себя часть твоих карм и отработать их за тебя. Но нельзя просто схватить кого-то и заставить отрабатывать твои кармы. Это только создаст новые кармы.

— А конечная цель когда-нибудь оправдывает средства?

— Как? Каким образом? Что есть конечная цель? Конечная цель в принципе не может оправдывать средства, потому что она и есть это средство. Средство определяет результат, результат есть конечная цель. Причина — это скрытое действие, а действие — это вскрытая причина. Только наивысшая из всех желаемых целей могла бы оправдать любое средство её достижения. Но любая запланированная цель по природе своей ложна, поскольку какой бы благородной она ни казалась, она есть ограничение, которое ты накладываешь на Реальность, неограниченную и неограничимую. Любое ограничение — это утраченное совершенство, и, следовательно, оно реально только в относительном, но никак не в абсолютном смысле. Нет такой абсолютной цели, которая оправдывала бы любые средства — за исключением, может быть, цели возвращения к Богу. Но без понимания закона кармы ты и здесь попадёшь впросак. Всегда нужно думать о всех возможных реакциях, которые вызываешь своими поступками.

— Одна из песен Нарси Мехты и заканчивается так: «За эти песни люди будут бить тебя ногами, но ты попадёшь в *Вайкунтху*» (небо Вишну). *Гандиджи* (Махатма Ганди) пел песни Нарси Мехты, но ногами его никто не бил. Наоборот, ему поклонялись. А почему? Во-первых, потому что он посвятил себя политике, а не Богу-А во-вторых, у него не было искренней веры в эти песни. Имей он веру, он бы не стал заниматься политикой. И в-третьих, что самое печальное, он использовал песни Нарси в политических целях, чтобы люди принимали его за

святого, *махатму*.

— Так он не был махатмой?

— Что значит махатма? Атма — это душа, которую ты познаешь после великого числа рождений. (*Маха + Атма = Махатма = «Великая Душа».*) Это нечто грандиозное, разве не так? Познал ли Ганди хотя бы свою душу, не говоря уже о Великой Душе? Нет, не познал. Почему я так говорю? Конечно, он доверялся интуиции и она руководила им. Многие святые так поступают. Но его интуиция была ложной, и к чему это вело? Он мог наворотить Гималаи ошибок, а затем покаяться у всех на глазах и начать всё сначала. И эта канитель продолжалась снова и снова.

— Но согласишься, что он добился-таки своей цели: вышвырнул англичан из страны...

— Да, Ганди преследовал хорошую цель. Но не нужно было кричать о ненасилии, когда на самом деле ненасилием здесь не пахло.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь...

— Он отвергал физическое насилие, но как быть с не-физическим? Вспомни, как он всё время уговаривал народ действовать так, как он считал нужным, угрожая в противном случае заморить себя голодом! Какое же тут ненасилие? И не забывай о законе кармы.

Смотри, что происходит теперь, после Ганди. У наших политиков — бесконечные голодовки, демонстрации и всеобщие стачки, и всё это, чтобы манипулировать населением. Им не важно, к какой касте или религии принадлежит кандидат, но они хотят, чтобы люди шли и голосовали — всей толпой и без лишних слов! Ганди использовал это средство с благородной целью, но сегодня само средство *превратилось* в цель. Нынешние политики думают только о своей карьере и готовы пойти на всё, лишь бы занять местечко повыше. С какой стати я буду голосовать за них, если они разжигают религиозную и национальную вражду? Думаешь, я хочу плодить фанатиков и изуверов? Нет, какой бы религией они ни прикрывались.

— Но к сожалению, человеческое общество — это баранье стадо. Я тоже был когда-то таким бараном. Но потом я сбежал, и вот теперь, удалившись от стада, с какой стати я пойду обратно? Ходить на выборы, слушать эту политическую дребедень...

— А что, участие в демократическом процессе вновь затянет тебя в стадо?

— Какой ещё демократический процесс?! Если бы наши избиратели знали, за что голосуют, можно было бы говорить о демократии. Но они в

большинстве своём безграмотны и голосуют — впрочем, как и во всех демократических странах — за того, кто больше наобещает. Мы купили свою независимость слишком дешёвой ценой. Если бы нам пришлось за неё сражаться, как, например, вьетнамцам, думаю, мы бы ценили её больше.

— Не хочешь ли ты сказать, что было бы лучше, если бы Природа перестала помогать Индии крушить ломами вражеские танки, вслепую топить субмарины и из винтовок сбивать самолёты? Может быть, тогда твои соотечественники прониклись бы большим уважением к свободе?

— Нет, совсем нет. Наши brave пехотинцы, лётчики, моряки вполне заслуживают помощи Природы. Нет, лучше бы пострадать политикам. Кто идёт в политику, должен запереть свою совесть в чулан. Ты ведь знаешь, я не хожу на выборы. Какой смысл выбирать лучшего из бессовестных?

— Конечно, я стараюсь поддерживать честных политиков, но честный политик никогда не продвинется слишком высоко, потому что ради своего продвижения он никогда не пойдёт на то, чтобы исподтишка вонзить нож в спину собственной бабушке. Да и много ли честных политиков, особенно сегодня? Посмотри, какой урожай политиков мы пожинаем теперь. Всё, что они умеют, — это вымогать у других деньги, напрашиваясь на арест! А откуда они взяли эту тактику? У Ганди! Бросаясь лозунгами наподобие «Наполним тюрьмы!», он натолкнул честолюбцев на мысль, что достаточно просто посидеть в тюрьме — и необходимый политический капитал обеспечен.

— То, что для Ганди было в принципе оправданным средством, теперь сделалось неоправданной политической целью, — вслух размышлял я. — Как хорошо это согласуется с твоей идеей!..

— Это два пробных камня — Рамакришна и Гандиджи. Всякий, кто соприкасался с Рамакришной, становился духовным, и всякий, кто соприкасался с Ганди, становился материальным, жадным до славы или денег. А люди до сих пор почитают его за святого! Просто удивительно! Знал я одного старого мусульманина, который любил повторять: *«Ганди тери аанди дунья ко пайе мал, магар тери бхут пуджаеги»*.

— Я не успеваю за тобой.

Он произносил очень выразительно, чтобы мне было понятно, но меня интересовал кармический подтекст сказанного.

— «Ганди, твой шторм опустошит мир, но твоим статуям будут поклоняться». Так оно и есть. Ни в одной другой стране не творятся такие престранные вещи. Только в Индии.

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Но ты ведь по крайней мере не откажешь Ганди в смелости.

— Только чтобы сделать тебе приятное. Он выступил против англичан, не сдавался и добился своего. Но, честно говоря, ему повезло, потому что это были англичане, у которых уже прослеживались черты упадка. Если бы Индией правили немцы или японцы, долго бы он продержался? Думаю, что не очень. Стоило ему выступить против них и произнести пару своих речей, они бы тут же его расстреляли.

— Значит, индийцы своей независимостью отчасти обязаны самим англичанам?

— Подумай вот о чём. Допустим, умы некоторых высокопоставленных англичан заколебались, и они решили, что лучше всего дать Индии независимость без особой борьбы. Тогда Ганди выглядит уже не как герой-освободитель, вдохновитель и организатор победы, но скорее как инструмент, посредством которого кто-то другой совершил всё дело.

— Хм-м, — промычал я.

— Скажу тебе больше: это именно то, что произойдёт с коммунизмом. Когда-нибудь — и гораздо скорее, чем ты думаешь, — коммунистическая верхушка начнёт мыслить по-другому. И тогда безо всякой посторонней помощи они сами разрушат всё, что возвели их славные комиссары на фундаменте из миллионов загубленных жизней. Когда это случится, я буду очень счастлив.

Я счёл это безумием, но, конечно, это было предвидением. Через несколько лет после смерти Вималананды гибель коммунизма стала зримой и неизбежной.

Вималананда помолчал, притушил окурок и затем продолжил:

— Как бы ни были чисты твои намерения, тебе всегда могут подпалить задницу, даже если ты очень осторожен.

«Подпалить задницу» на хинди буквально означает изнасилование в задний проход. На бомбейском жаргоне то же выражение означает «устроить кому-то тяжёлую жизнь».

— Ты знаешь, что Чоту проводил много времени с садху по имени Чайтаньянанда. Тот хорошо знал аюрведу и вообще был неплохим человеком. К нему постоянно приходили люди, и он вылечивал их от многих серьёзных болезней, в том числе от начальной стадии рака. Всех входящих к нему он оставлял у себя на месяц. В первый день он обращался с человеком очень заботливо, чтобы внушить ему чувство безопасности. Затем он уходил в джунгли и искал нужное растение. Он

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

извлекал из этого растения сок, который он называл *Рам-расам* («Сок Рамы»), и давал сок больному. Всех, кто принимал Рам-расам, слабило и рвало. Боже мой, как же их слабило и рвало! Это было прочищение внутренностей. Затем Чайтаньянанда давал пациенту *кичади* (бобы маш и рис, сваренные вместе), куда добавлял немного *басмы* (аюрведическое лекарство из минералов). В зависимости от болезни Чайтаньянанда менял состав басмы. Пациент сидел на этой диете две недели, месяц, а то и больше, и выходил совершенно здоровым.

— Значит, он и впрямь подпаливал им задницы, в буквальном смысле, правда?..

— Нуда. Для их же пользы. Они приходили настолько больными, что только такое жёсткое лечение и спасало их. И дисциплина. Чайтаньянанда был очень дисциплинированным человеком. Каждое утро он вставал и осматривал своих пациентов. Затем он усаживался в позу лотоса и погружался в самадхи. Он просиживал совершенно неподвижно целый день, пребывая в самадхи. Впрочем, это не самый полезный вид самадхи. Ты словно превращаешься в мертвеца. Твой ум так сосредоточен на одном предмете, что не может от него оторваться и отправиться куда-либо ещё.

— Чайтаньянанда прожил славную жизнь, но когда пришло время умирать, смерть сказала ему: «Ты прочистил многих, а теперь я прочищу тебя также!» Долгие дни длилось это прочищение, прежде чем пришло освобождение. А почему? Таков закон кармы. Хотя он и вылечил множество людей, его метод лечения порождал карму, поскольку он отождествлял себя с ним.

— И самадхи не спасло его от карм...

— Никоим образом! Некоторые люди, выслушав эту историю, говорили, что это нечестно. Цель, которую преследовал Чайтаньянанда, говорили они, излечение больных, должна была оправдать средства, к которым он прибегал для её достижения. Но я ещё раз подчёркиваю, что нет такой цели, которая уберегла бы тебя от последствий карм, создаваемых ради достижения этой цели. Я сам лучшее подтверждение тому. Долгие годы я выполняю *басту* с горячей водой.

Басту, то есть клизма, в аюрведе и хатха-йоге выполняется по-разному. Вималананда пользовался йогическим методом, всасывая воду с помощью брюшных мускулов в ободочную кишку и прогоняя её по толстой кишке движениями живота.

— Я хочу, чтобы внутри у меня было чисто. Это внутреннее омовение помогает поддерживать чистоту сознания. Есть и другая причина. Басту

препятствует тому, чтобы пища превращалась в секрет простаты и сперму. Басти с горячей водой направляет питательные соки на образование оджаса. Мозг — это поистине чудо природы, это озеро, студенистое озеро, наполненное до краев оджасом. Мозг — это твоё личное озеро Манасаровар, каждая клеточка мозга — сама по себе озеро амриты. А внутри неё — гора Кайлаш, гора знаний.

— Это так, — сказал я. Сочетая басти с другими духовными практиками, он получал максимум оджаса из минимума семени. Точно так же, как во внешнем мире Шива живёт на горе Кайлаш, что стоит в Тибете на самом берегу озера Манасаровар, во внутреннем мире наш личный Шива — сознание — живёт на горе знания у озера мозговых соков.

— Я выполнил басти бесчисленное множество раз, — продолжал Вималананда, — держал внутренности в чистоте и следил за правильным питанием мозга. И каков результат? Горячая вода выжгла поверхность моего кишечника, так что нарушилось нормальное усвоение пищи. И вот теперь, когда мне особенно необходимо хорошее усвоение, чтобы поправиться, я обнаруживаю, что мои собственные очистительные процедуры спалили мне весь зад!

Я не удержался от смеха. Хороший каламбур всегда заслуживает поощрения, даже если безжалостно разит в цель. Впрочем, мне стоило бы помолчать, потому что следующая задница, от которой запахло паленым, была моей собственной. Случилось это из-за интервью, которое я дал индийскому телевидению. Интервью состоялось вскоре после бомбейской конференции Международной ассоциации по изучению традиционной восточной медицины. Я должен был говорить на *маратхи* — языке, который я хорошо понимал на слух, но говорить на нём мне было трудно. Я заранее написал текст ответов по-английски, перевёл их на литературный маратхи и выучил наизусть. Этот текст я и изложил перед камерой — живо и выразительно, со вполне приличным акцентом. Результат превзошёл мои ожидания. Люди до сих пор останавливают меня на улице и на маратхи спрашивают, не меня ли они видели по телевизору. Когда оказывается, что меня, они переходят на быстрый разговорный язык, справедливо полагая, что с момента интервью моё знание языка не могло серьёзно ухудшиться... Закон кармы — никуда не денешься.

В первый раз мы смотрели интервью вместе с Вималанандой и несколькими его «детьми». После вступительного обмена любезностями мне был задан вопрос, какие люди оказали наибольшее влияние на мои занятия аюрведой. Я назвал К. Нараяна Бабу из Хайдерабада, который

помог мне поступить в колледж, доктора Васанта Лада, который помог мне удержаться в колледже, и Б. П. Нанала, старейшего аюрведиста Пуны. Не услышав своего имени, Вималананда резко спросил:

— Ты что — забыл меня?

— Нет. — Я густо покраснел. — Я не хочу, чтобы ещё больше людей приходили к тебе и навязывали свои проблемы, когда ты и так не очень хорошо себя чувствуешь.

— Подумаешь! Признательность нужно выражать всем. Не стоит смотреть дальше.

Экран погас неожиданно и без всякого предупреждения. Сначала я думал, что он испортил только наш телевизор, но на следующий день «Тайме оф Индия» сообщила, что по непонятным, необъяснимым причинам в то самое время, когда Вималананда произносил свои слова, прекратилось энергоснабжение бомбейской телевещательной станции, и остаток вечера весь Бомбей провёл у погашенных экранов. Прочитав эту заметку, Вималананда с ликующим видом протянул газету мне и велел читать вслух.

— Видишь теперь, — издевался он, — что бывает, когда забудешь поблагодарить учителя!

— Я только хотел оградить тебя от излишнего беспокойства! — задыхаясь заговорил я. — Теперь я всегда буду упоминать тебя, если тебе этого так хочется, и пусть твоё сознание будет спокойно! Но с этим интервью я уже ничего не могу поделать. Оно отснято и записано на плёнку, и я не знаю, как мне объяснить режиссёру, что если он не вставит туда ещё одно выражение благодарности, то мой учитель и дальше будет пускать передачу не в эфир, а в мою эфирную задницу, чтобы никто, нигде, никогда никакого интервью не увидел!

Вималананда смеялся до слёз.

— Ну ладно, ладно, сынок, — наконец проговорил он сквозь смех, — больше вмешиваться не буду. Но ты в следующий раз не забудь...

Через месяц мы просмотрели интервью целиком. С того дня я не забываю воздавать Вималананде по заслугам. Заслуг и подвигов у него хватало.

Я продолжал исполнять обязанности конюха на ипподроме, и это занятие, надо сказать, не вызывало у меня особого оптимизма. Однажды я шёл к океану и думал, как это, должно быть, печально — умереть под копытом лошади. Как раз в это время Парам Сингх проезжал мимо и остановился, чтобы предложить подвезти меня. Я думал, что у него есть

какая-то задняя мысль, но он только хотел поболтать и справиться о здоровье Вималананды. В нескольких словах я описал ему физическое состояние Вималананды. Как я мог объяснить Параму Сингху или кому-нибудь ещё, что Вималананда заметно отстраняется от жизни и кажется всё более отчуждённым отчасти из-за влияния двух саде сати, отчасти из-за вероломства учеников, а отчасти из-за непредсказуемых прихотей младшего гуру?

Мамрабахен тоже старалась изо всех сил, чтобы превратить жизнь Вималананды в сущий ад, и это начинало давать свои результаты.

— Мамрабахен подталкивает меня к тому, чтобы я прикончил её, — говорил он, — но я этого не сделаю. Она может меня убить, если ей вздумается, или стать причиной моей смерти, но я больше не хочу тащить за собой это проклятие.

Мамрабахен и мне порядком отравляла жизнь. Но когда однажды я заикнулся об этом, ответ Вималананды последовал незамедлительно:

— А ты думал, тебя это проклятие не касается? Как бы не так! Откуда же ещё у неё такая ненависть к тебе? Она возненавидела тебя с первого взгляда.

— Вот я и спрашиваю тебя, что же мне делать, но ты никогда не говоришь.

— Что делать? Сохранять спокойствие. Если у тебя хватит терпения, то со временем твоя доля этого проклятия уменьшится. А может быть, тебе даже удастся обратить его в благословение.

— Что?!

— А кто сказал, что невозможно обратить проклятие в благо? И то, и другое — форма шакти. Наоборот, почти каждое проклятие можно превратить в благословение. Вопрос только, как это сделать.

— Ну и?..

— Есть разные методы, можно выбрать один из них. Но если ты не знаешь ни одного, то самое лучшее — это найти человека, который проклял тебя, ты терпеливо ему служить. Служить так же, как ты служишь своему божеству. И не допускать мысли о том, как долго это может продолжаться. Просто решить для себя, что будешь служить столько, сколько потребуется. И обязательно настанет момент, когда сердце твоего ненавистника дрогнет и растает от любви к тебе. Это и есть тот момент, когда все перемены возможны.

— А как мне узнать, кто меня проклял?

— Надо будет — узнаешь.

В мае 1983 года Вималананда поправился настолько, что поехал в Пуну навестить своих лошадей. Давний друг Вималананды Кавас Билимория составил нам компанию. Проведя на конюшне пару дней, Вималананда, я, Арзу и Кавас выехали из Пуны, чтобы нанести визит Чаббу Ранбуке — бывшему протезе Вималананды на поприще профессиональной борьбы. Чаббу встретил Вималананду как родного и напоил нас манговым соком, лучше которого я не пробовал и по сей день. После обеда мы поехали в соседний городок, где жил один престарелый отшельник-мусульманин, чья кожа стала до того тонкой, что сквозь неё можно было видеть, как кровь течёт по кровеносным сосудам. Хотя беседа Вималананды и почтенного старца не содержала ничего примечательного, необъяснимая тревога всё сильнее овладевала мной, когда мы тронулись в обратный путь. Мы миновали без остановки великолепную усыпальницу Ганеши. В ответ на моё предложение ненадолго остановиться Вималананда осадил меня очень резко и порекомендовал держать свои мнения при себе.

Это было совсем на него не похоже, и моё беспокойство усилилось. По мере приближения к дому моё растревоженное внимание всё больше привлекал к себе сидевший за рулём юноша, точнее, его манера вести машину. Звали его Фарох. Это был шестнадцатилетний сын Песи и Фанни Содаботтливала. Сидя за рулём, он то и дело оборачивался назад, чтобы поговорить с Вималанандой. Опускались сумерки. До Пуны оставалось сорок два километра. Я напомнил Фароху, что большинство автомобильных аварий случается именно в сумерки, а минут через пять после этого он врезался сзади в припаркованный грузовик. В первое мгновение я так опешил, что не мог произнести ни слова. Затем, собравшись, я посмотрел назад, где на заднем сиденье сидели Арзу и Вималананда. Я увидел гримасу боли, искажившую лицо Вималананды. Вдруг Кавас, сидевший рядом со мной на переднем сиденье, вылез из машины и лёг на землю. Вокруг него собралась любопытствующая толпа, из которой стали доноситься крики: «Он умер! Умер!»

— А ну-ка иди проверь! — скомандовал Вималананда сзади. — Я обещал его родителям, что как следует присмотрю за ним. С каким лицом я покажусь им на глаза, если надо будет сказать, что он умер из-за того, что безмозглый молокосос не смотрел на дорогу, по которой ехал.

Я бы без промедления поспешил к Кавасу, но меня самого крепко зажало между сиденьем и панелью управления. Медленно высвобождаясь, я к ужасу своему увидел, что колени мои разбиты, так что я мог передвигаться лишь с большим трудом. К тому времени как я

всё-таки выкарабкался, Кавас был уже на ногах и тащился к машине, чтобы посмотреть, что стряслось с остальными. Все были живы — потрясённые и побитые. Хуже всех пришлось Вималананде: несколько переломов и острая боль в сердце, которое, как он говорил, «готово было разорваться». Мы остановили проезжающие машины и с их помощью добрались до Пуны, где рухнули на постель в полном изнеможении.

Через несколько дней, когда мы остались наедине, Вималананда сказал:

— Мне очень не хотелось ехать в то утро, было ощущение, что что-то не так. А когда я увидел, как Фарох ведёт машину, я понял, что наша общая карма набрала такие обороты, что её трудно будет остановить. Что было делать? Я решил, что лучше всего предаться в руки судьбы, которая уготовила нам эту дорогу. Помнишь ли ты, Робби, что я всегда говорю о моём отношении к судьбе?

— Ты часто говоришь, что если бы знал, что тебе судьбою уготовано в один прекрасный день провалиться в яму и сломать ногу, то ты не стал бы дожидаться этого прекрасного дня, а пошёл бы к этой яме и прыгнул бы в неё, чтобы раз и навсегда рассчитаться с этой кармой. Ты намекаешь, что в данном случае действовал именно так, но только вместо прыжка в яму ты врезался в грузовик?

— Сначала, встретив Чаббу, я подумал, что удастся избежать неприятностей. Но когда мы пришли к этому старцу, я понял, что случится что-то скверное. Я чувствовал в нём шакти и чувствовал, что он не прочь подкорректировать наши планы.

— Он проклял нас? Ты это имеешь в виду? Или что его слова и мысли имели силу проклятия, хотя сам он, может быть, этого и не хотел?

Вималананда пожал плечами:

— Что, если так? Если он сделал это умышленно, он рано или поздно поплатится. Но чем это нам поможет сейчас?

Внезапная вспышка раздражения молнией сверкнула в моём мозгу:

— Он поступил так, потому что ты чем-то спровоцировал его, не так ли? Ты ведь всегда так делаешь. Зачем это было нужно?

Я почти не мог говорить от волнения.

— А что я, по-твоему, должен был делать? Расстелиться перед ним, как тряпка, и попросить, чтобы он потоптал меня ножками?

— Не надо было его злить! — Я замолчал и глубоко вздохнул. — Ладно... Но я вот чего не понимаю: почему ты отказался остановиться у

храма Ганеши?

— Потому что к тому времени я уже понял, что авария неизбежна, и не хотел, чтобы в этом винули Ганешу. Не забывай, что Арзу, Кавас и Фарох персы. То, что они сами верят в наших индийских богов, прекрасно. А как насчёт их родственников? Немногие могут соперничать в бешенстве с разъярённым фанатиком-персом. Если бы авария произошла сразу после остановки у храма, кто-нибудь из этих юродствующих наверняка устроил бы скандал и начал позорить индийских богов. Он стал бы кричать, что наши боги не смогли защитить нас, даже когда мы их об этом просили.

— В чём же смысл всего этого спектакля? Небольшое смягчение кармы каждого из нас?

— Я буду с тобой предельно откровенным: Фароху суждено было погибнуть от несчастного случая как раз в это время. Но его родители сделали мне столько добра, что я хотел как-то отблагодарить их. Ты представляешь себе, что значит потерять сына? Я знаю, что это, потому что я сам потерял сына. Шесть месяцев после смерти моего Рану я сходил с ума от горя. Фарох должен был умереть, но я не мог с этим смириться. Сначала я хотел постепенно свести его карму на нет, чтобы вообще избежать аварии. Но его карма оказалась слишком сильна. И она влекла его дальше. И тогда я решил положиться на судьбу. Сидя рядом, я мог как-то воздействовать на его кармы, а отчасти — и на твои, и на кармы Каваса и Арзу. Получилось так, что старец-отшельник захотел действовать в качестве орудия судьбы. Отлично, я ничего не имею против. Если он хочет поработать с нашими кармами — пусть. Почему бы и нет? Главное, что мы должны были угодить в аварию (и мы в неё угодили), но все остались живы. Разве это не счастье для каждого из нас? Для Фароха опасность миновала, и теперь он так напуган, что будет ездить на машине по-человечески. Старые привычки вернуться к нему не скоро.

— Но чёрт возьми! Ты же чуть не угробил самого себя!

— Тут я ничего поделать не мог. Какая мать не жертвует собой ради ребёнка?

На следующий день дочь Вималананды позвонила по телефону и сообщила, что вскоре выходит замуж. Повесив трубку, Вималананда повернулся ко мне и сказал:

— Я уже несколько месяцев чувствовал, что это вот-вот случится. Я знаю её гороскоп. Сейчас именно такой момент, когда астрологические влияния толкают её на то, чтобы влюбиться и выскочить замуж. Вот тебе

и судьба: она познакомилась со своим парнем всего неделю назад — и уже невеста. Помешать им я не могу. Но брак этот не будет долгим.

Мы вернулись в Бомбей как раз ко времени её следующего звонка. Она сообщила Вималананде, что свадьбу решили провести в тесном кругу, только для членов семьи, и меня среди приглашённых нет. Я был рад никуда не ехать, но Вималананда чувствовал себя так плохо, что я не мог отпустить его одного на такси за двадцать километров в северную часть Бомбея, где должна была состояться торжественная церемония. Он позвонил дочери и попросил, чтобы либо за ним прислали машину, либо позволили взять сопровождающего. Это была в высшей степени резонная просьба, но дочь просто бросила трубку. Она не появлялась до самого дня свадьбы, и только вечером после совершенного бракосочетания она и её жених приехали, чтобы получить формальное благословение отца. После их ухода я подозрительно посмотрел на Вималананду.

— Уж не задумал ли ты эту аварию специально, чтобы под веским предлогом не являться на свадьбу?

Он немного помолчал, а потом ответил:

— В общем, нет, но оправдание получилось хорошее.

— В общем, нет! — передразнил я. — Да ты сума сошёл! Стоило ли из-за таких пустяков ломать себе кости?! Только чтобы не ходить на свадьбу...

— Я уже сказал тебе, что чувствовал неизбежность этой свадьбы. Только что перед нами был жених. Я видел его впервые, так же как и ты. Разве он не выглядел достойным?

Я вынужден был признать, что жених вёл себя благородно и имел хорошие манеры.

— Но мне известно очень давно, — продолжал Вималананда, — что моя дочь обречена выйти замуж за человека, который будет оскорблять её. И я всегда старался отвлечь её от брака, как только у неё появлялась такая мысль. На свадьбу я всегда беру кокос и даю его жениху и невесте, чтобы они вместе держали его в руках, пока я читаю мантру. После этого разъединить супругов уже невозможно, сколько бы сил ни прикладывать. Но что бы я был за отец, если б сделал это для своей дочери, приговорив её к пожизненным оскорблениям? Ты бы хотел, чтобы я это устроил?

Разумеется, нет. Я вспомнил, как прочно эта мантра связала Шерназ и Бехрама. Сразу после свадьбы молодые переехали в дом жениха, а ещё через восемь месяцев — и через месяц после смерти Вималананды — его дочь вернулась домой, где и остаётся по сегодняшний день. Её муж, при

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

всей своей поверхностной добротой и воспитанности, начал бить её едва ли не в конце медового месяца и не прекращал бить всё короткое время их совместной жизни.

Физические травмы, полученные при аварии, вкупе с душевными травмами, вызванными несчастьями дочери, так подорвали здоровье Вималананды, что в июне 1983 года его на месяц пришлось положить в больницу, чтобы в принудительном порядке обеспечить ему покой. За этот месяц он так сдружился с врачами и пациентами больницы, что всем было жалко расставаться с ним, когда вернувшаяся из-за границы Рошни приехала за ним и забрала его домой.

К августу он снова поправился настолько, что стал совершать короткие наезды в Пуну. В сентябре 1983 года, ярким солнечным днём стоя у северных ворот пунского ипподрома, Вималананда сказал, что непременно умрёт ещё до Нового года. Обратясь лицом на юг в сторону храма Рамы на соседнем холме Рамтекди, он говорил спокойно и уверенно, и в голосе его не было слышно ни страха, ни сожаления:

— Великие перемены грядут в мире. Много из того, что мы привыкли получать даром, исчезнет, и многое из того, чего бы я не желал видеть, встанет на нашем пути. Вот, например, новый бич появился в мире — СПИД. Понимаешь ли ты, что распространение СПИДа — это виша канья в мировом масштабе? Всякий носитель СПИДа — это виша канья. Одно нечаянное удовольствие без должной защиты — и человек обречён. Весьма странная судьба, как тебе кажется? Раньше были только единичные случаи виша канья, а теперь весь мир буквально кишит ими.

— И это только начало. Не удивительно ли, что все религии имеют определённый срок жизни, и по крайней мере для трёх религий этот срок приближается именно сейчас. Валлабхачарья сказал, что его секта, секта поклонников Лаллу, младенца Кришны, просуществует четыреста лет. Исламу предписано существовать только четырнадцать столетий, которые почти прошли. И, наконец, если верить пророчествам Нострадамуса, христианство продлится две тысячи лет. Буддизм и джайнизм тоже не избегнут своей судьбы.

— Ты действительно так серьёзно относишься к этим пророчествам?

— Нет, и тебе не советую. Но будь с ними осторожен, потому что повторяя их, ты придаёшь им силу, а это тоже карма. Я только хочу сказать, что пророки сходятся в одном: мир движется к упадку. Те, кто переживает из-за конца света, на самом деле приближают этот конец своими переживаниями! Они принесли бы гораздо большую пользу себе и миру, если бы вместо этого вспоминали о Боге. А для этого нет ничего лучше, как сосредоточиться на неизбежном конце собственного мира —

на своей смерти.

— Всему положен естественный временной предел, и люди не исключение. Человек соткан из рнанубандхан: они создают наши жизни и они же подводят нас к концу. Я хочу знать точный срок своей жизни, ибо если я переживу свои рнанубандханы, я начну создавать новые кармы, которые приведут меня к гибели. Если я переживу рнанубандханы, то куда мне девать это тело, которое грозит развалиться на части? Я мог бы заняться омоложением, но к чему? Что я здесь забыл? Раньше меня удерживала здесь любимая собака, но теперь и её нет.

Должно быть,»я выглядел очень неважно, и он добавил:

— Я знаю, что ты искренне любишь меня. Ты, и Рошни, и кое-кто ещё. Но никто не любил меня так, как мои животные. Боюсь, что моим двуногим друзьям трудно сравниться в любви и преданности с четвероногими. Поэтому я говорю, что ничто более не удерживает меня здесь. А ведь меня ждут другие места! Случилось так, что у меня уже сейчас есть другое физическое тело, на этой самой планете. Мои учителя очень не хотели, чтобы оно у меня было. Но я всё равно нашёл его и я знаю, что как только я покину это тело, я моментально перенесусь в то. Вот так-то. Я вдоволь насмотрелся этой жизни и теперь, когда запас карм, с которыми мне пришлось иметь дело в этом рождении, близок к концу, мне пора умирать. Не думаю, что я доживу до 1984 года.

— Я хочу напомнить тебе одну важную, крайне важную вещь, Робби: всякий раз, когда ты пытаешься навязать свою волю Вселенной, ты рискуешь навлечь на себя новую карму, которая будет преследовать тебя долгие годы, а может быть, и всю жизнь. Если ты отворачиваешься от реальности, реальность сама поворачивается к тебе. Я вернулся в скачки только по прихоти Мамрабахен, и постепенно втянулся в это. Когда у меня появился Редстоун, я думал, что мы возьмём классику. Я сделал для этого всё, что мог, но ты видишь, что получилось. Мой ум помутился дважды, когда я просил о смерти моего Рану и когда я просил о победе Редстоуна.

Он замолчал. Вималананда рассказывал, что когда его сын Рану умирал в Бомбее от полиомиелита, он в самом деле молился о его смерти, ибо не хотел, чтобы его спортивный, жизнерадостный сын влачил жизнь беспомощного калеки. Но о том, что Вималананда «помог» Редстоуну выиграть большие скачки, я слышал впервые. Я был так озадачен, что просто не знал, что сказать. Когда молчание стало гнетущим, я выдавил из себя:

— Не зря этот кубок пользуется дурной славой. Может быть...

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

— Может быть,— откликнулся Вималананда.— В том-то и дело. Мой ум помрачился, и я решил, что победа в таких скачках — самое лучшее, что можно придумать для моего коня. И я попросил — не хочу от тебя больше скрывать — о пустяке, о еле заметном эфирном толчке, только ради того, чтобы уже не сомневаться в победе. И всё пошло вкривь и вкось, ибо Редстоун выплатил мне долг до того срока, когда должен был это сделать. Я мог бы это предвидеть, с моими буйволами такое случалось не раз. Но какая-то крошечная капелька желания просочилась наружу — и вот тебе результат. Пусть это и для тебя послужит уроком: никогда не указывай Природе, что тебе от Нее нужно. Пусть Она сама даст тебе лучшее — из необъятной сокровищницы Её беспредельной любви.

— Я запомню это на всю жизнь. Но мне хотелось бы знать: твой ум помутился сам по себе или тебе кто-то помог?

— Гуру Махарадж не хотел, чтобы я занимался скачками. Это всё, что я могу сказать. Он хочет, чтобы я интересовался только духовностью, что вполне естественно, ведь он мой учитель. Но он не понимает, что без дополнительного стимула мне нет никакой нужды оставаться в этом теле. Меня манят другие миры, и я отправлюсь туда. Но поверь мне, когда я уйду, Гуру Махарадж пожалеет. Он поймёт, какую славную игрушку он потерял. Запомни мои слова: я заставлю его плакать.

12 декабря 1983 года плакали мы все.

ЭПИЛОГ

Припоминать обстоятельства смерти Вималананды столь же легко, сколь было мучительно трудно в своё время их пережить. Каким-то образом мне удалось организовать кремление на бомбейском смашане Банганга — в точности так, как он и предсказал восемь лет и три месяца назад. Ни жены, ни детей не было. Их эго не могли простить ему отсутствия на свадьбе удочери. Над погребальным костром скорбно и торжественно раздавались звуки «Возьми меня за руку, Повелитель Бесценный» в исполнении Джима Ривза. Мелодия смешивалась с дымом и уносилась в небо. Я прокручивал запись снова и снова, пока наконец не оборвалась плёнка, и тогда я решил, что вполне удовлетворил последнюю просьбу Вималананды. Я сидел молча и, глядя на угасавшее пламя, предавался тяжёлым мыслям о том, что с последней искоркой костра я навсегда отпускаю руку Вималананды.

Решая преподнести кому-то урок, Вималананда всегда готов был пострадать сам ради того, чтобы замысел его достиг цели. Смерть и всё с ней связанное стала его последним уроком. Вся его горечь выплеснулась наружу. Хотя Гуру Махарадж отнёсся внешне спокойно к смерти своего ученика, я знал, что удар Вималананды пришёлся в точку. Впоследствии я навещал Гуру Махараджа не реже раза в год и замечал в нём постоянное падение интереса к суете окружающего мира. Вопреки усилиям своих верных последователей он наконец пресытился материальным существованием и 6 июня 1993 года оставил своё тело.

Его уход из мира опечалил, но не особенно удивил меня, так как общение с Вималанандой было одним из мотивов, побуждавших его продолжать жизнь. Смерть Гуру Махараджа не застала меня врасплох, как смерть Вималананды. Хотя я видел, как месяц за месяцем угасал Вималананда, я всё же надеялся, что ему удастся избежать смерти, как удавалось множество раз до этого, чему я сам был свидетелем. Несколько часов после смерти я всё ещё ждал воскресения — это была моя самая последняя надежда. Но он не воскрес, и последующие несколько месяцев я провёл в состоянии абсолютного отупения и полного разобщения с жизнью.

Но жизнь продолжалась. Какой бы тяжёлой ни была утрата, мне нужно было привыкать к новому порядку вещей. Вскоре меня осенило, что смерть Вималананды вовсе не была *его* смертью. Он так торопился уйти, что в качестве необходимого балласта взял на себя кармы некоего 99-летнего перса по имени Райтер, который мечтал дожить до столетнего возраста. Этот господин Райтер приходился дядей Фанни

Содаботтливала, которая и попросила Вималананду помочь дяде осуществить его мечту. Песи и Фанни, казалось, без счёта тратили деньги на Вималананду и на меня безо всякого намека, что эти суммы следует рассматривать как заём, а не как дар. Но не прошло и недели после кремации, как Фанни явилась ко мне и со слезами на глазах стала рассказывать о том, как много они потратили на Вималананду. Песи, подсчитывавший, по-видимому, каждую рупию, вздыхал о том, что его дело не продвигается так быстро, как обещал Вималананда. Хотя несколько месяцев спустя после смерти Вималананды господин Райтер отметил свой юбилей и вскоре скончался, супруги Содаботтливала не выразили в адрес Вималананды ни малейшей благодарности ни по поводу дяди, ни по поводу сына Фароха — за ту щедрость, которая стоила Вималананде жизни.

Мисс Бамбхани тоже заявила, что затраченные на Вималананду деньги не соответствуют тем выгодам, которые она от него получила. Тем временем Башермал, самый «старший» из духовных «детей» Вималананды, которого Вималананда называл «моё доброе, выдержанное вино», не без гордости заключил, что теперь, после смерти учителя, место лидера по праву переходит к нему. Он решил, что мыс Рошни должны теперь подчиняться ему так же, как мы подчинялись Вималананде, и пытался произвести на нас впечатление жалкими подражаниями вечерним беседам Вималананды. Эти тягостные вечера были невыносимы, и мы чрезвычайно обрадовались, когда, разозлившись на пару наших невинных вопросов, он навсегда выставил нас за дверь, посчитав никуда не годными учениками. В качестве прощального благословения он надоумил своего ученика Мундромала — юриста, оформлявшего завещание Вималананды, — так провести этот документ, что единственной официальной наследнице Рошни не досталось ровным счётом ничего.

Калубхай, Доши, Харшбхай и некоторые другие продолжали некоторое время крутиться возле дома Рошни, выражая почтение фотографии Вималананды, пока сын Мундромала не начал утверждать, что вступил в контакт с духом Вималананды. В одной из своих комнат он воспроизвёл обстановку комнаты Вималананды и установил кресло, очень похожее на то, на котором любил сидеть Вималананда. Стой поры большинство «духовных детей» переключилось на новый канал. Меня и Рошни приглашали тоже, но мы были твёрдо убеждены, что Вималананда никогда бы не выбрал в качестве посредника тело такой посредственной личности. Мы ещё больше уверились в своей правоте, когда узнали, что сынок Мундромала даже завёл собаку, похожую на Лизу, для более успешного приёма сообщений. Но Лизу была пекинес, а этот пес был

шпицем. Вималананда никогда не опустился бы так низко, чтобы держать шпица. Мне даже чудится его возмущённый голос: «Шпиц! Что прикажете делать с такой негодной породой?!»

Редстоун, главная надежда Вималананды, умер в 1984 году от конского гриппа. Рошни продала оставшихся лошадей, оставив только родившуюся у Мехеруниссы Малику. Она хотела, чтобы цвета Вималананды по-прежнему развевались над ипподромом Бомбея, и была полна решимости участвовать в скачках до последней возможности. Рамагду отправили на завод, где она сразу произвела двух жеребят, которых немедленно продали. А уже сравнительно недавно, после нескольких одержанных побед на завод продали и Малику — последнюю лошадь, защищавшую цвета Вималананды.

Мамрабахен и Дженду Кумар по-прежнему полны интереса к скачкам. Я как «официальный представитель покойного господина Вималананды» одно время ходил на скачки вместе с Рошни в те дни, когда выступала Малика. Но после одного случая я полностью потерял интерес к скачкам. Я пробирался сквозь толпу к «кольцу», чтобы сделать ставки, и вдруг почувствовал у себя между ног горячую руку — и встретился взглядом с развратными глазами Бапси. Хотя Вималананда и заявил однажды, что его пенис никогда не станет твёрдым, даже если она будет скакать на нём верхом, мне она раньше казалась привлекательной, хотя и в самом вульгарном смысле. Сейчас я прекрасно понял, что имел в виду Вималананда, ибо, взглядевшись в неё, я увидел такое жгучее желание, такую неприкрытую похоть, какую видел только однажды — в опьяненных сладострастием глазах молодого негра в Марокко. Это была навязчивая страсть, с запахом плохо проветриваемой комнаты, в которой часто совокупаются. Призыв Бапси я счёл дурным предзнаменованием для себя, если не прекращу посещать ипподром. Больше я к конному бизнесу не прикасался.

Впрочем, некоторое время я ещё захаживал на бомбейские конюшни, чтобы повидать своих старых друзей. Как только меня встречал кто-либо из знакомых, разговор тут же заходил о тех временах, когда ипподром был вторым домом для меня и моего «старика». Но эти посещения прекратились после грандиозного скандала, который потряс клуб до основания и закрыл доступ к стойлам случайным посетителям. Это было самое время, чтобы уйти. Сегодня скачки в Индии становятся делом всё более опасным для жизни и здоровья. В 1996 году одному знаменитому жокею угрожали смертью, если он не придержит победителя, а у другого выкрали дочь после того, как он не смог прийти первым на престижных скачках. В 1997 году вооружённые люди двумя выстрелами изуродовали ухо ирландского наездника Марка Гэллахера недалеко от ворот

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

бангалорского клуба верховой езды. Пятнадцать швов пришлось наложить хирургам на ухо жокея.

Подобно всякому человеку, я создал свой собственный мир среди множества других миров, сосуществующих на земном шаре. Подобно каждому, я стремлюсь к тому жизненному окружению, которого требует от меня моя карма. Почти десять лет скачки были существенной частью моей вселенной, но когда поддерживавшие их кармы подошли к концу, я оставил ипподром, чтобы создать себе новый космос. Важнейшим звеном этой новой вселенной остаётся Вималананда и будет таковым всегда. Младший Гуру Махарадж и великий Шива также вечно пребудут на своих местах. Таковы мои три неизменных спутника в долгой дороге жизни.

Одна из ежедневных практик, которую Вималананда рекомендовал мне, содержится в стихах из «*Шива манаса пуджи*» («Умственного поклонения Шиве»). Живя в одиночестве на священной горе Гирнар, Вималананда каждое утро повторял эти стихи. Вот их перевод:

Ты — душа, о Повелитель Урождённой горой.
Праны тела — твои слуги, тело — твой дом.
Череда наслаждений объектами чувств —
Твоё поклонение, а сон — твоё самадхи.
Любое моё движение — это твоё круговращение,
Любые хвалы — твои гимны,
Любые свои действия, о Источник Блаженства,
Я жертвую тебе как моё поклонение.

Парвати, «Урождённая горой», — это Кундалини Шакти, находящаяся в горном хребте, то есть в позвоночнике. Её повелитель — это Шива, непреходящая душа. Духовное развитие происходит тогда, когда Кундалини отворачивается от ограниченного индивидуального «я» и обращается лицом к своему повелителю. Её влечёт уже не желание мелких личных выгод, но величие и слава Того, Кто воистину реален. Только этот путь ведёт к блаженству и совершенному счастью. И пока я всеми силами стремлюсь направить мою Кундалини к этой вечной душе, я знаю, что есть кто-то, кто исправит любую мою ошибку, вытащит меня из любой ямы, в которую я упаду, и снова укажет мне верный путь. Таково было прощальное благословение моего друга, философа и

Роберт Э. Свобода: АГХОРА Ш. ЗАКОН КАРМЫ

наставника, знак любви агхори, счастливое напутствие, которое было ему по силам из-за его безграничной преданности и величайшей самоотдачи своему «я». Так пусть же благословения Шивы и Шакти снизойдут на каждого, кто искренне захочет воплотить в своей жизни слова этих стихов, как делал это Вималананда во все дни своей удивительной жизни.